

Комитет по образованию и науке Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Фольклорно-диалектологический альманах

СЛОВО

Материалы научных экспедиций

Выпуск 2

РЕЧЕВЫЕ ПОРТРЕТЫ И ЖАНРЫ

СЛОВАРЬ

ЯЗЫК ФОЛЬКЛОРА

Благовещенск
2005

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 2. Речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Е.А.Оглезневой, Н.Г.Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. 184 с.

Выпуск содержит диалектные и фольклорные материалы, собранные студентами и преподавателями кафедры русской филологии в сёлах Амурской области во время фольклорно-диалектологических экспедиций 2000 – 2003 гг. В альманахе представлены разделы «Современные исследования амурских говоров», «Речевые портреты», «Речевые жанры», «Словарь», «Язык фольклора» и др. Предлагаемые материалы обладают не только лингвистической, но и историко-культурной и этнографической значимостью, представляя значительный интерес как для филологов, так и для историков, культурологов, этнографов, краеведов. К альманаху прилагается компакт-диск, включающий образцы диалектной речи и фольклора старожилов амурских сел.

Редакционная коллегия: Н.Г.Архипова, Д.Н.Галимова, Е.А.Оглезнева, Н.А.Сосина, А.В.Туякова

Рецензенты:

Отдел диалектологии и лингвогеографии ИРЯ им. В.В.Виноградова РАН (зав. отделом д-р филол. наук, профессор Л.Л.Касаткин)

З.И.Резанова, д-р филол. наук, профессор, зав.кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии (Томский госуниверситет)

Ю.А.Эмер, канд. филол. наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии (Томский госуниверситет)

Н.П.Шенкевец, канд.филол.наук, доцент (Московская академия предпринимательства, г.Благовещенск)

Авторы-составители альманаха выражают признательность рецензентам за искреннее внимание к работе, её высокую оценку и справедливую критику, позволившую улучшить рукопись. Особая благодарность – вдохновителю наших исследований профессору Леониду Леонидовичу касаткину и старшему научному сотруднику отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ им. В.В.Виноградова РАН Ольге Геннадьевне Ровновой. Сердечно благодарим ректора АмГУ Андрея Долиевича Плутенко за понимание и поддержку.

В оформлении обложки использована работа Елены Сидоровой.

© Амурский государственный университет, 2005
© Кафедра русской филологии, 2005
© Лаборатория региональной лингвистики, 2005
© Оглезнева Е.А., фото

Научные публикации

В данном разделе авторы альманаха представляют ряд статей, которые отразили основные направления исследования амурских говоров, проводимые в Амурском государственном университете.

Русские говоры Приамурья в АмГУ интенсивно изучаются с 1996 года. С 2000 года изучение ведётся преимущественно на материале, собранном в полевых условиях в сёлах Амурской области. Именно с этого времени диалектологи университета организуют экспедиции с целью записать сохранившуюся в амурской глубинке диалектную речь. Активными участниками экспедиций являются студенты, которые не только выступают в роли собирателей диалектной лексики, но и исследователей амурских говоров при работе над курсовыми и дипломными сочинениями. За эти годы написаны десятки статей, которые опубликованы в различных научных сборниках Благовещенска, Москвы, Томска, Красноярска, Тюмени, Новосибирска, Саратова, Кемерово, Омска. Часто эти издания малодоступны для исследователей. Поэтому у авторов альманаха возникла мысль представить на страницах второго выпуска основные публикации диалектологов Амурского госуниверситета с целью показать те аспекты анализа русских говоров Приамурья, которые осуществляются на кафедре русской филологии и в лаборатории региональной лингвистики АмГУ. В публикациях затронуты вопросы формирования русских говоров в Приамурье, их идентификация по совокупности диалектных черт (статья Архиповой Н.Г., Оглезневой Е.А., Старыгиной Г.М.). Предметом научного описания становились лексическая и грамматическая системы амурских говоров (статьи Архиповой Н.Г., Оглезневой Е.А., Лагута Н.В., Галимовой Д.Н.). Особенности географического положения Приамурья неизбежно привели к рассмотрению межъязыкового взаимодействия на лексическом уровне и описанию возникших в говоре лексически гетерогенных микросистем (статьи Ивановой Н.В., Галимовой Д.Н.). Объединяющим началом всех публикуемых работ является стремление не только дать научное описание фактов диалектной речи, но и объяснить их существование причинами как лингвистического, так и экстралингвистического характера. Стремление показать особенности и своеобразие народной культуры, языковым выражением которой выступает говор, - доминанта всех наших публикаций.

В данный раздел мы также посчитали нужным включить библиографический список работ, выполненных на материале амурских говоров преподавателями и студентами кафедры русской филологии Амурского государственного университета, начиная с 1994 г.

СОВРЕМЕННЫЕ РУССКИЕ ГОВОРЫ ПРИАМУРЬЯ И ФОЛЬКЛОР: ИЗ ОПЫТА ПОЛЕВЫХ НАБЛЮДЕНИЙ

Русские говоры Приамурья как говоры переходного типа, сформировавшиеся в условиях межъязыкового и междиалектного контактирования, представляют собой интереснейший объект для лингвистического исследования. В прошлом веке начало сбору и изучению амурской диалектной лексики было положено такими исследователями, как К.Д.Логиновский, А.Б.Карпов, М.К.Азадовский, А.П.Георгиевский, Г.С.Новиков-Даурский [1, с.92-101]. Важным событием для русской диалектологии стал выход в свет «Словаря русских говоров Приамурья» (М.: Наука, 1983), над которым в течение ряда лет работали коллективы двух педагогических вузов: Благовещенского и Хабаровского государственных пединститутов. Нужно отдать должное собирательскому таланту, подвижничеству, энтузиазму Ф.П.Ивановой, Л.В.Кирпиковой, Л.Ф.Путятиной, Н.П.Шенкевец, О.Ю.Галуза, З.И.Слыховой. В результате их совместной научной деятельности появилось удивительное издание, выходящее далеко за рамки сугубо лингвистического. Для лингвиста Словарь русских говоров Приамурья – богатейший источник изучения диалектологии, но, кроме того, словарь является великолепным историческим, этнографическим источником, фиксирующим факты народного опыта и культуры, мироустройства и миропонимания.

В последние десятилетия в связи с возросшим интересом к человеческому фактору в языке активизировалось изучение различных языковых форм в их обусловленности теми культурными стратами, которые они представляют. Русские говоры репрезентируют традиционную культуру – народную культуру. В современной ситуации этот тип культуры можно определить как уходящий, и стремление зафиксировать следы уходящей культуры в говорах и фольклоре является важнейшим стимулом для их

изучения. Современные амурские говоры и фольклор на протяжении ряда лет находятся в центре исследовательского внимания преподавателей кафедры русской филологии Амурского государственного университета, которые в своих научных изысканиях опираются на опыт Томской диалектологической школы и опыт своих старших коллег из Благовещенского педуниверситета.

К 2000 году в изучении русских говоров Приамурья возникли новые вопросы, вызванные временем: можно ли говорить о наличии диалекта как одной из форм существования современного языка? В каком виде сохранились говоры переходного типа, к которым принадлежат и амурские говоры, при доминировании литературного языка и в условиях отхода от традиционного крестьянского уклада жизни? Можно ли идентифицировать основу амурских говоров по современным диалектным данным? Какие участки системы говора оказываются наиболее устойчивыми, а какие в большей степени подвержены нивелирующему влиянию литературного языка? Теоретическому изучению любого лингвистического объекта предшествует его практическое – в нашем случае полевое – освоение. Фольклорно-диалектологические экспедиции 2000 – 2003 гг. в села Амурской области должны были дать ответ на поставленные вопросы. Одной из целей диалектологических экспедиций было определение состояния современных амурских говоров, выявление диалектной специфики и идентификация основы говоров по преимуществу диалектных черт.

Местом наблюдения над диалектной речью стали села Черновка, Чембары, Разливное, Юхта Свободненского района (2000,2001), Ураловка, Кухтерин Луг, Чагоян Шимановского района (2002) и Иннокентьевка, Красный Луч, Грибовка, Могилевка, Касаткино, Сагибово Архаринского района (2003) Амурской области. Говоры большинства из них (10 из 13) не исследовались ранее. Перечисленные села Свободненского и Шимановского районов являются говорами позднего заселения: так, с. Чембары основано в 1909 г., с. Черновка и Разливное – в 1911 г. Первыми жителями этих сел были переселенцы из Украины и Белоруссии. С. Кухтерин Луг образовалось в 1909 г., с. Чагоян – в 1910 г., а с. Ураловка – в 1912 г. С начала XX в. в эти села переселялись

крестьяне из южных губерний России, а также из Украины и Белоруссии. Села Грибовка и Могилевка Архаринского района основаны в 1898 и 1899 гг. соответственно переселенцами из Могилевской губернии, Красный Луч – в 1926 г. брянскими переселенцами. Наиболее старыми из названных сел являются с.Иннокентьевка (осн. в 1857 г.), Касаткино (осн. в 1857 г.) и Сагибово (осн. в 1858 г.). Их основали забайкальские казаки в середине XIX века. С конца XIX-начала XX веков в эти села также активно переселялись крестьяне из южных губерний России, а также из Украины и Белоруссии. «Это население, - писали Ю.В.Аргудяева и Т.А.Тюнис, - сложилось исторически, в результате заселения региона с середины XIX века русскими, украинцами и белорусами. Каждый из этих народов не был един по своим региональным корням и конфессиональной принадлежности. Особенно сложен был состав русских переселенцев. Они представлены казаками и крестьянами – выходцами из различных губерний Европейской России, Урала, Сибири и Забайкалья» [3, с.58].

Нашими информантами являлись главным образом рожденные в Приамурье потомки крестьян, переселившихся в начале XX века из Украины, Белоруссии и южных регионов России.

Крестьяне-переселенцы, по архивным данным, в начале XX века составляли основную массу населения Приамурья, при этом численный состав украинцев и белорусов был очень высок: до 80%. Можно утверждать, что на этнической карте региона наметились два крупных пласта, представлявших северный и южный типы восточнославянской культуры. Севернорусские традиции с «сибирской» окраской прослеживались у потомков забайкальских казаков, а также у части старообрядцев, отступавших в глубь тайги по мере увеличения численности последователей официального православия. Южный тип объединял выходцев из южнорусских, украинских и белорусских губерний, сохранивших традиционную земледельческую направленность хозяйственного уклада и тесно связанную с ним систему бытовой обрядности.

Основным принципом жизнедеятельности первопоселенцев было обращение к опыту предков и стремление воссоздать на новом месте прежнюю среду обитания. Общее пространство бытовой культуры формировалось под воздействием традиций компактно проживающих групп, чей вклад в основание края был наиболее существенным. Среди них выделялись потомки уроженцев Киевской, Полтавской, Харьковской, Рязанской, Брянской, Курской, Винницкой губерний. Благодаря им в приамурской культуре отчетливо прослеживаются украинский и южнорусский компоненты. Однако и на своей исторической родине восточнославянское население не было этнически однородным. Так, бывшая Брянская губерния хотя и входила в состав России, была заселена не только русскими, но и украинцами и белорусами, которые внесли свою лепту в формирование культурного облика нашего края. Украинские народные традиции в конце XX в. без труда прослеживаются в населенных пунктах Свободненского, Архаринского, Михайловского, Константиновского районов Амурской области.

В Приамурье конца XIX – начала XXв. происходило активное формирование языкового сообщества, обусловленное сходством фонологических и грамматических структур взаимодействующих восточнославянских языков. Русские, украинцы и белорусы без труда понимали друг друга, хотя каждый говорил на своем родном языке (диалекте), почти не приспособившись к говору собеседника. Как отмечал Э.Сепир, «потребности общения заставляют говорящих на одном языке вступать в непосредственный или опосредованный контакт с говорящими на соседних и культурно доминирующих языках» [4, с.173].

Каковы особенности современной диалектной речи в Приамурье? Черты какого материнского говора являются доминирующими и почему?

Потомков забайкальских казаков, чьи предки поселились на амурских берегах более полутора веков назад, нам удалось отыскать в селах Касаткино и Сагибово Архаринского района. Говоры забайкальских казаков в традиционном представлении являются говорами севернорусского типа: «Общие черты в

области ударного вокализма, консонантизма, грамматики и лексики дают основание называть говоры русского старожилого населения Приамурья группой амурских говоров, сложившихся на севернорусской основе» [2, с.6]. Однако с течением времени диалектные различия севернорусского характера (оканье, цоканье, наличие стяженных форм и др.) стираются. Речь потомков забайкальских казаков значительно отличается от речи переселенцев из западных регионов России, а также из Украины и Белоруссии. На уровне фонетики и грамматики она в большей степени приближена к разговорному литературному языку, чем речь диалектоносителей южнорусского, малорусского и белорусского происхождения.

Старожилы обследованных сел Свободненского, Шимановского и Архаринского районов в большинстве своем – дети первопоселенцев, которые были выходцами из южных районов России, Украины или Белоруссии и говорили на одном из русских, малоросских или белорусских диалектов. Говоры же, сложившиеся в Приамурье, определяем как русские. Полагаем, что на территории активного междиалектного взаимодействия, какой является Амурская область, произошла нивелировка материнских говоров. В результате сформировались говоры переходного типа, сохранившие некоторые общие для материнских говоров черты и в основном утратившие черты, различающие эти говоры. Мощным фактором нивелировки материнских говоров выступал русский литературный язык, сфера влияния которого закономерно расширялась.

Весьма значимы с точки зрения современности исследования, рассматривающие культурное наследие как существенный адаптационный фактор в судьбах первопоселенцев. Конвергирующее развитие, охватывающее язык людей, живущих на одной территории, и определенное социолингвистическими и индивидуально-речевыми факторами – господствующий лингвокультурологический закон [5, с.94]. Результат конвергенции – диалектное взаимодействие в речи потомков переселенцев.

Так, на лексическом уровне в говорах обследованных сел мы фиксируем высокую вариативность единиц говора, причем варьирование имеет как междиалектную, так и межъязыковую обусловленность. Многообразны, например, конкурирующие в амурских говорах русские диалектные лексемы, называющие лихорадку: *лихоманка, трясуха, трясучка, трясовица, комуха, кумуха* (всего около 20). Вариативность названий жилища, зафиксированная еще в начале прошлого века путешественником А.А.Кауфманом (6) на территории нынешнего Архаринского района и имеющая место в настоящее время на обследованных территориях Свободненского и Шимановского районов, также является следствием междиалектного контактирования: *изба (общерус.), мазанка (южн.), хата (южн.), клуня, баз (южн.)*. В речи потомков белорусов и украинцев, современных старожилов амурских сел, варьируются как дублиеты лексемы из разных восточнославянских языков, русского и украинского, русского и белорусского («*Когда бульба, когда картошка – какая разница*», М.В.Хлыстов, с.Черновка, 2001 г). Особенно ярко в речи амурчан на обследованной территории представлены вкрапления из украинского языка: *було́, бачить, який, парубки, хлопец и др.*

На фонетическом и грамматических уровнях, как известно, диалектная система претерпевает наименьшие изменения. «Устойчивость современных диалектов в их фонетике и морфологии представляется как бесспорный факт при изучении речевого поведения сельского населения» [7, с.121]. Так, в говорах всех обследованных нами сел оказываются сохраненными следующие фонетические и морфологические черты, и это черты южнорусского происхождения:

1) аканье, т.е. неразличение гласных о и а в безударных слогах: *п/а/дберезовики, б/а/р/а/викй, г/а/лубица* и др.;

2) произношение г-фрикативного (γ) на месте общерусского г-взрывного: */γ/рузди, тай/γ/а, /γ/олубица, помо/γ/ают;*

3) произношение в-билабиального (w) и у-неслогового (ў) на месте общерусского в: */ў/колхозе, /ў/кухне, /ў/зиму, разго/w/ор, /ў/се, /ў/дочки;*

4) замена согласных ф – ф' в заимствованной лексике на хв – хв': /хв/абрики, шо/хв'/ёр, /хв'/ерма;

5) употребление мягкого т' в окончаниях глаголов 3 л. ед. и мн.ч.: гниёт'/, покупаю/т'/, привозю/т'/;

6) неразличение окончаний 3 л. мн.ч. глаголов 1 и 2 спр.: привоз/ут'/, воз/ут'/.

Все указанные черты присутствуют в речи людей старшего поколения, но есть и такие произносительные черты, которые распространяются на речь всех жителей села. Так, произношение г-фрикативного присуще не только старожилам, но и людям среднего и молодого возраста, в том числе школьникам. Более того, произношение г-фрикативного наблюдается и в речи учителей, хорошо знающих нормы литературного языка и тем не менее упорно употребляющих в речи, особенно непринужденной, неконтролируемой, диалектный произносительный вариант.

На фонетическом уровне в речи жителей сел, образованных переселенцами из Украины и Белоруссии, были также отмечены особенности, генетически связанные с украинским и белорусским языками: 1) произношение сочетания «ры», «лы» на месте русского «ро», «ло» ((рус.) крошить – (укр.) кришити)), 2) долгие мягкие согласные с j на месте русских мягких зубных и шипящих ((рус.) платье – (укр.) плаття), 3) сохранение в речи г-фарингального, 4) произношение р-твердого в соответствии с р-мягким ((рус.) три, двери – (белорус.) тры, дверы). В речи отмечается отсутствие редуцирования в предударных слогах и ассимиляции по звонкости-глухости ((рус.) [с^тЛбóй] – (укр.) [з^тобóйу]), сохранение сигнификативного ударения, различающего русский и украинский варианты ((рус.) [jivó] – (укр.) [jóho]; (рус.) тóполя (р.п., м.р.) – (укр.) топóля (им.п., ж.р.)). Хотя русский язык и поддерживается общеобязательной литературной нормой, но и в этих условиях отмечается факт «фонетического сопротивления» украинского (белорусского) языка русскому. Носитель диалекта, понимая ненормативность употребляемых вариантов, в официальной речи старается соблюдать орфоэпический закон, «говорить

правильно, по-русски», однако при порождении спонтанного высказывания переходит на диалектную форму с украинской (белорусской) основой.

Формирование особой языковой ситуации в регионе не имело бы места, если бы не существовало коллективной склонности к такому развитию. Можно предположить, что язык воспринимает факты иной структуры только тогда, когда это соответствует либо генетическому родству, либо определенным тенденциям его развития. Оказывается, что проще отказаться от фонологического различия, нежели ввести дополнительное различие там, где его нет: так, в русском языке нет фонологического противопоставления г-фарингального, г-фрикативного, г-взрывного.

В речи диалектоносителей отмечаются факты параллельного употребления фонологически разнородных явлений. Житель села, говор которого сложился на южнорусской основе, сам — выходец из севернорусских «окающих» говоров, сохраняет в спонтанном высказывании слабое ассимилятивное «оканье», но склонен употреблять «акающие» варианты в деловой беседе, т.е. в своем речевом поведении он приспосабливается к языковой традиции людей, в среде которых он проживает.

Высокая вариативность межъязыкового свойства обнаружена нами и в фольклоре обследованных сел, который по преимуществу является украинским. Отметим, что произведения фольклора возникают на основе поэтики, сложившейся в определенном языковом коллективе. В среде говоров переходного типа, с одной стороны, свободное функционирование фольклорного текста, использование его по усмотрению исполнителя обуславливает определенную вариативность. Причем варианты могут быть различными — от несущественных лексико-стилистических изменений до кардинально переработанных на уровне идеи текстов. С другой стороны, на территории амурских сел во взаимодействие вступают произведения устного народного творчества разных регионов России. Это обуславливает существование многообразных лексико-фонетических вариантов. Также в селах Амурской области чрезвычайно популярны украинские и белорусские

лирические песни: любовные, семейные, трудовые, военные и др. Совместное бытование русских, украинских и белорусских фольклорных произведений привело к их конкуренции, следствием которой явились факты языковой конвергенции, а именно:

1) функционирование в речевой практике потомков переселенцев (носителей русского языка) украинских и белорусских фольклорных произведений;

2) вытеснение из произведений одного языка отдельных слов (форм слов, фонематических вариантов) и замена их словами (формами слов, фонематическими вариантами) другого языка:

– изменение наиболее актуальных, составляющих ядерную тематическую зону, лексических единиц из украинских (белорусских) текстов русскими вариантами с той же семантикой (например, чоловік (укр.) – муж // мужик (рус.); жінка, дружина (укр.) – жена, жонка (рус.);

– замена неядерных украинских текстовых лексем, не имеющих однокорневых синонимов в русском языке, русскими вариантами (стрибати (укр.) – прыгать (рус.), журитися (укр.) – печалиться (рус.), хустка, хусточка (укр.) – платок (рус.), доба (укр.) – сутки (рус.), сорочка, кошуля (укр.) – рубашка (рус.), набредла (укр.) – надоела (рус.), інший (укр.) – другой (рус.), відкрию (укр.) – открою (рус.) и др.);

– замена доминанты синонимического ряда менее употребительным синонимом или диалектным вариантом в текстах на украинском языке при совпадении корневого звучания в русском языке (гілка, галузка – вітка (рус. ветка); приємно, мило, зручно – любо (рус. любо);

– вытеснение грамматических форм украинского языка русскими вариантами (мені (укр.) – мне (рус.); до своєї (укр.) – к своей (рус.); ось (укр.) – вот (рус.); віддав (укр.) – отдал (рус.) и др.);

– грамматическое варьирование форм рода: так, существительные *боль, мозоль, медаль, надпись, полынь, пыль, роспись, собака, боль, шинель* употребляются то в формах женского, то в формах мужского рода (ср.,

белорусские *мазоль, мэдаць, надпіс, палын, пыл, росьніс, сабака, шынэль*, имеющие форму мужского рода);

– замена украинских слов русскими фонематическими вариантами (його [joɦo] (укр.) – его [jivo] (рус.); драстуй [drastui] (укр.) – здравствуй [zdrastvui] (рус.) и др.);

– вытеснение устойчивых выражений украинского (белорусского) языка русскими свободными сочетаниями слов близкой, но не тождественной семантики (жалю завдавати (укр.) – не хочу сердца прижимать (рус.)).

3) равноправное существование в пределах одного произведения в речи жителей одного села единиц русского и украинского (русского и белорусского) языков:

Давай розійдемся з тобою,

Щоб було легше врагам.

Не хочу, Ваня, *того* я *слухать*,

Не хочу сердца прижимать.

(Прямым шрифтом выделены русские элементы в украинском тексте).

4) доминирование единиц одного языка (главным образом, русского или украинского) над другим.

Жители русских сел не считают чужеродным украинский и белорусский фольклор и относятся ко всем произведениям с равной степенью приемлемости.

Добавим, что варьирование текстов разных языков иногда наблюдается в пределах даже одной строки. (*Выйняв* платочек *з рукава*). По наблюдениям над фольклорными текстами, наибольшей устойчивостью обладают заговоры, частушки, загадки, обрядовая поэзия. Текстовой подвижностью отличаются лирические песни, анекдоты, устные рассказы.

Изменения в хозяйственной сфере привели к усилению значимости основополагающих явлений духовной культуры, в том числе фольклора. Культурное наследие связывало переселенцев с прежней родиной и одновременно помогало упорядочению жизни на новом месте. Однако уже для

второго и третьего поколений приамурцев этнически маркированные явления культуры перестали играть важную роль, что особенно заметно при обращении к фольклорному наследию. В общий репертуар включаются жанры позднего происхождения, не связанные с архаическими структурами: необрядовые лирические песни, частушки. Продуктивные жанры расширяют свои этнические границы. Особенно активной оказалась украинская необрядовая лирическая песня и русская частушка. Их можно расценивать как общее достояние народно-бытовой культуры Приамурья.

Таким образом, можно говорить об интегративности традиционной славянской духовной и языковой культуры, о содержательном единстве всех ее жанров и форм, представленных в говорах и фольклоре. Языковая вариативность заслуживает пристального внимания ученых главным образом потому, что она напрямую связана с историей заселения края и представляет неоспоримые факты формирования диалектной системы переходного типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирпикова Л.В. Первые исследователи говоров Приамурья // Записки Амурского областного краеведческого музея и общества краеведов. Вып. 7. Благовещенск, 1992.
2. Словарь русских говоров Приамурья. М.: Наука, 1983.
3. Аргудяева Ю.В., Тюнис Т.А. Отражение этнокультурных процессов в одежде и пище старообрядцев Дальнего Востока // Этнокультурные процессы и общественное сознание у народов Дальнего Востока (XVII-XX века). Владивосток: Дальнаука, 1998.
4. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. Пер. с англ. М., 1993.
5. Якобсон Р. О теории фонологических союзов между языками // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985.
6. Кауфман А.А. По новым местам: Очерки и путевые заметки. 1901-1903. Санкт-Петербург, 1905.
7. Калнынь Л.Э. Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // Вопросы языкознания. 1997. № 3.

Опубликовано: Народная речь в Приамурье.
Благовещенск: БГПУ, 2004.

**ЧЕЛОВЕК В ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЕ МИРА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВОДНЫХ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
РУССКИХ ГОВОРОВ ПРИАМУРЬЯ)**

«Картина мира – это не зеркальное отражение мира, а всегда есть некоторая интерпретация» [1, с.29]. Языковая интерпретация картины мира именуется языковой картиной мира, которая реализуется языком на разных уровнях его системы с помощью различных средств. В сфере мутационного словообразования особый интерес представляет отражение фрагмента языковой картины мира в производных наименованиях лица.

Лицо – это одушевленный предмет, являющийся объектом различных характеристик в зависимости от аспекта рассмотрения: «Лица всегда включаются одновременно во многие крупные и мелкие социальные, родственные и характерологические объединения, каждое из которых выделяется по одному или нескольким признакам» [2, с.209]. Способность имен лица не столько называть лицо, сколько характеризовать его по какому-либо признаку, и является основанием относить их к именам предикатного типа [2, с.209]. На бифункциональность имен лица, т.е. возможность служить как целям идентификации, так и предикации, указывали также Шатуновский И.Б. [3, с.163], Белоусова А.С. [4, с.84]. Это относится как к производным, так и к непроизводным наименованиям лица. Преобладание той или иной функции у производных существительных проявляется в высказывании (см. примеры И.Б.Шатуновского: Отец вернулся поздно и Этот человек – отец Пети). «В семантике имени лица осуществляется в первую очередь не отражение, но интерпретация предмета, представление предмета, во внеязыковой онтологии существующего как качественное единство признаков, носителем одного свойства, признака» [5, с.180].

В производных именах лица, в отличие от непроизводных, первичной является, на наш взгляд, предикатная функция, т.к. производное имя лица есть

не что иное как «застывшая» характеристика лица по одному из его признаков (напр., закупатель – тот, кто закупает пушнину, в котором признак «закупать» формально выражен; лесовщик – тот, кто работает в лесу, в форме которого представлено место деятельности субъекта; любопытник – любопытный человек, указывающее на характерное свойство лица). Имя лица с выраженным в нем признаком этого лица впоследствии выступает в качестве маркера группы людей, объединенных по этому признаку.

Характеристики, возможные по отношению к лицу, либо указывают на его функционально значимую деятельность, либо связаны с внутренними или внешними свойствами лица (ср. пряльщик – тот, кто делает прялки, нахальница – нахальная женщина). Это разграничение характеристик лица соответствует двум аспектам номинации, известным как функциональный и характеризующий.

Функциональные наименования лица в русских говорах Приамурья отражают ситуацию целенаправленной деятельности одушевленного субъекта – лица – над одушевленным или неодушевленным объектом. Как известно, «в основе мотивационных словообразовательных отношений лежат пропозициональные структуры, отражающие связи предметов именования в типовых внеязыковых ситуациях» [5, с.165]. При номинации в функциональном аспекте в производном «классически» реализуется пропозиция отношения «X имеет отношение к Y», которая отражает объективные свойства лица, и эта пропозиция не осложняется модальной рамкой с входящим в нее оценочным предикатом (например, жач – тот, кто жнет хлеб; пахарица – та, которая пашет землю; сплавник – тот, кто сплавляет лес по реке; овчарка – та, которая ухаживает за овцами; гармонщик – тот, кто играет на гармонии и др.).

Среди характеризующих наименований лица в амурских говорах выделились социально характеризующие, которые указывают «на социальные признаки лица или на его место в социально организованном коллективе, так или иначе его характеризующем» [6, с.13], и собственно характеризующие – указывающие на свойства и функции лица, безотносительные к его

производственной деятельности. Социально характеризующие наименования именуют лицо по месту его рождения или проживания (городьба – тот, кто переселился из города; тамбоши – те, кто переселились из Тамбова; западник – переселенец из западной части России), либо указывают на его социальное положение (средняк – тот, кто имел средний достаток), либо на характеристику общественного процесса, участником которого оно оказалось (тотальщик – тот, кто подвергся тотальной мобилизации), либо на родственные и т.п. отношения (большак – старший брат, молодуха – молодая замужняя женщина, последышек – последний ребенок в семье). Имена лица этого типа являются результатом свертывания пропозиции отношения «X имеет отношение к Y» или пропозиции характеристики «X обладает свойством A» и, как и функциональные имена лица, выступают без сопровождения модальной рамки.

Характеризующие наименования складываются на основе выделения какой-либо качественной стороны называемого субъекта, проявляющейся «непосредственно в предмете» [6, с.14]. Часто качественная сторона выделяется и кладется в основу номинации с целью дать оценку именуемому субъекту. Специфика собственно характеризующих наименований лица (далее – характеризующие) состоит в том, что они являются оценочными наименованиями. Оценочные наименования, как указывает Н.А.Лукьянова, выполняют несколько функций: 1) они называют лицо; 2) характеризуют его по данному признаку; 3) выражают интеллектуально-функциональную оценку или отношение говорящего к предмету речи [8, с.69].

Наличие оценки в производном слове позволяет говорить о проявлении субъективной модальности, «отражающей различные аспекты отношения говорящего к содержанию высказывания» [9, с.124], на словообразовательном уровне, а конкретно – в сфере мутационного словообразования. (В сфере модификационного словообразования проявление оценочности естественно и закрепляется с помощью определенных суффиксов).

Пропозициональный подход позволяет обосновать выделение модальных смыслов в мутационном словообразовании. Н.Д.Арутюнова писала: «Связь

языка со структурой мышления проявляется в формировании предложений (пропозиции), связь с жизнью и психологией человека проявляется в формировании пропозициональных установок» [10, с.4]. Таким образом, в оценочных наименованиях лица оказывается выраженной не только пропозиция, но и пропозициональная установка, под которой мы понимаем отношение субъекта оценки к именуемому лицу (иными словами – объекту оценки).

Оценочные производные наименования лица в говоре можно объединить в две группы: 1) наименования с оценочным предикатом «хорошо»/«плохо» или предикатом, близким по смыслу к предикату «хорошо»/«плохо». Иначе эти предикаты можно назвать нормативными, т.к. они выражают оценку лица в соответствии с общепринятыми в социуме представлениями о норме; 2) наименования с оценочным диспозициональным предикатом «любить» («быть склонным»).

Производные характеризующие наименования лица с оценочными нормативными предикатами, как правило, являются результатом свертывания двух пропозиций, одна из которых отражает объективные свойства именуемого лица, а другая является результатом оценки этих свойств неким субъектом оценки, коллективным или индивидуальным. Пропозициональная установка, которую можно конкретизировать как модус полагания, объединяет эти пропозиции. Пропозициональную структуру производного оценочного наименования лица на примере слова никудашка – никудашный, ни к чему не приспособленный человек – можно представить так:

S	P	= пропозиция,
Он		Отражающая
никудашный		объективные свойства лица
(никудашка)		

Некто полагает, что *это плохо*
(субъект оценки)

= пропозициональная установка,
или модус полагания

= пропозиция с оценочным
предикатом

Оценочный нормативный предикат выражает оценку лица с точки зрения народных представлений о должном. Нормативные представления в социуме влекут за собой оценивание тех или иных предметов и явлений и отражение этого оценивания в акте их номинаций. «В основе номинации лежит, как известно, познавательная-классификационная деятельность людей, которая несет в себе черты «избирательной заинтересованности», что выражается в определенном отношении и переживании этого отношения, в определенной оценке человеком окружающего мира и самого себя», – указывала Э.С.Азнаурова [11, с.10-11]. Она писала о наличии социально закреплённых норм оценки всех жизненных явлений, которые являются «непременным условием существования общества и которые с необходимостью отражаются в языковой системе», в т.ч. и в сфере мутационного словообразования. Не выражаемые формально нормативные оценочные предикаты в сочетании с выражаемыми в поверхностной структуре производного характеристиками лица представляют на словообразовательном уровне фрагмент ценностной картины мира, в нашем анализе – систему народных представлений, сложившуюся у носителей амурских говоров и отразившуюся в производной лексике говоров.

В оценочных наименованиях лица в большинстве случаев мы наблюдаем проявление отрицательной оценочности. О «сдвинутости» нормы в системе собственно оценки в сторону «плюс» от нейтральной точки писала Е.М.Вольф: «... в социальной картине мира оценка «хорошо» может совпадать с нормой или быть близкой к ней» [9, с.120].

К производным именам лица с оценочным нормативным предикатом относится большая группа отглагольных и отадективных наименований. Например: хлестушка – та, которая хлещется (распутничает) («Кака хлещется – это уж побегушка, ветер, хлестушка говорели» [I]); хлопуша – тот, кто нахлопал (налгал) («Хлопуша – котора наврала, нахлопала» [II]); жмило – тот, кто жметя (скупится); пропивашка – тот, кто пропивает имущество; алкоголик; вольник – вольный (непослушный) ребенок; любопытки – любопытные дети и др. Производящая основа имен этого типа указывает на черту поведения именуемого лица, ставшую его постоянной характеристикой. Оценочность, как правило, отрицательная присутствует в этих наименованиях благодаря производящей семантике. Л.В.Сахарный подобные наименования лица называл словами-характеристиками и к числу их особенностей относил то, что они не образуют новых понятий, а являются логическими эквивалентами уже выраженных понятий, трансформирующихся в другие части речи (существительные). Л.В.Сахарный появление таких слов объясняет чисто психологической причиной: «субстантивация подчеркивает, усиливает характер экспрессии, придает признаку, характеризующему человека, оттенок постоянности, закреплённости» [12, с.93].

Характеризующие имена лица с оценочным диспозициональным предикатом «любить» («быть склонным») являются названиями лиц, обнаруживших склонность к определенному виду деятельности. При этом в основу имени кладется указание на вид деятельности, которой, по мнению номинатора, отдает предпочтение именуемое лицо, или «объект любви». Например, певуха – та, которая любит петь («Я певухой была когда-то, ох и любила петь» [III]); песельник – тот, кто любит петь песни; чайник – тот, кто любит пить крепкий чай; плясуха; игрун и игруха – те, кто любят играть (петь) песни («Дяди, тети были игруны, а я такая игруха. Ездили на поля, играли песни» [IV]); говоруха; читальщик; выпиваха; матюжница – та, которая любит матюжниться (сквернословить) и др. Наименования этого типа формируются несколькими пропозициями. См., например, пропозициональную структуру

имени читальщик – тот, кто любит читать, одна из пропозиций которой отражает объективные свойства именуемого лица (он читает), а другие – мнение номинатора, также основанное на объективных свойствах лица (это больше нормы, – он любит читать). Мнение номинатора (он же – субъект оценки) сводится к фиксации склонности именуемого лица к определенному занятию: любит чем-либо заниматься, занимается этим больше нормы. Предикат «любить» относят к диспозициональным, т.е. характеризующим поведение объекта в последующих событиях. Они обозначают только склонности и предпочтения, но не действия или процессы [10, с.90]. Указание на склонность лица к какому-либо действию, иными словами – указание на проявление какого-либо действия сверх нормы тем самым и есть оценка лица, которая может зависеть от положения вида деятельности, положенного в основу номинации, на шкале ценностей данного социума. Любить читать (читальщик), по всей вероятности, хорошо, а любить сквернословить (матюжница) – плохо. Однако часто вид деятельности, положенный в основу номинации, не является непосредственной оценочной характеристикой, указывая на нейтральную в оценочном отношении деятельность (ни «хорошо», ни «плохо», как, например, в слове говорушка, или «хорошо, но при определенных обстоятельствах», как в словах плясуха, игруха, песельник).

Таким образом, мы выявили, что в оценочных производных наименованиях лица амурских говоров зафиксирована оценка некоторых свойств лица неким субъектом оценки, коллективным или индивидуальным, в соответствии с представлениями о должном, о норме. Лицо в говоре оценивается по своим моральным и интеллектуальным качествам (напр., подлизник – тот, кто льстит, подлизывается, любопытник – любопытный, любознательный человек), по бытовому поведению (никудышка – никудышный, ни к чему не приспособленный человек), по имущественному положению (босяки – те, кто ходят босыми из-за бедности), по внешнему виду

(косыга – человек с косыми глазами), по своему внутреннему состоянию (бесщастница – несчастная женщина).

Несоответствие лица по какой-либо своей характеристике норме является основанием для собственно оценивания его по признакам «хорошо», «плохо», «странно», «необычно», которые и являют собой класс модальностей, создающих ценностную картину мира.

Чаще всего, как выяснилось, оценивается то, что «плохо». Большинство оценочных производных наименований лица в амурских говорах в своей семантике имеют модусный смысл «и это плохо». Оценка «плохо» присутствует в наименованиях лица, характеризующих его по моральным качествам (на эти качества обращают внимание чаще всего, когда они не на высоте!). А что плохо в представлении носителей говора и что становится самостоятельной характеристикой лица в качестве производного наименования, какой «недостойный» признак? Плохо вести себя бесстыдно, непристойно, т.е. хлестаться (распутничать), сухарить (распутничать) – хлестушка, сухарник. Плохо родить вне брака (покрытка), плохо лгать (хлопуша), плохо льстить (подсевала, подлизник), плохо лицемерить (близирик) и др.).

Оценка «плохо» присутствует в производных наименованиях лица, характеризующих его по имущественному положению, бытовому поведению, внешнему виду и внутреннему состоянию. Плохо быть неприспособленным к быту, нерасторопным, ленивым, неряшливым (никудашка, копуха, неряшка), плохо иметь физический недостаток (косыга, немтырь), плохо быть несчастным (бесщастница).

Оценке «хорошо» в амурских говорах подлежат интеллектуальные характеристики лица, положенные в основу его номинации. Быть умным, смышленным, любознательным расценивается носителями говора положительно. Модусный смысл «и это хорошо» присутствует в семантике производных оценочных имен лица по интеллектуальному признаку – (сумышленник, любопытник, головарь).

Как положительные расцениваются носителями говора некоторые бытовые характеристики лица. Хорошо быть аккуратной, любить наводить уют, обиходить все вокруг (чистоплотка, аккуратистка, обиходница).

Оценке «странно», «необычно» в амурском говоре оказываются подвержены лица, которые, в представлении диалектоносителей, «не как все» по какому-либо признаку. Модальность странности имеет место в нескольких наименованиях лица, представляющих собой его внешнюю характеристику (рыжуха) или характеристику через указание на необычный атрибут жизнедеятельности именуемого лица (галушник – переселенец из западных областей, который употребляет в пищу галушки).

В говорах наблюдается дифференциация оценок по различным критериям в зависимости от референта оценки – мужчины, женщины или ребенка. Интеллектуальной оценке подвержены мужчины, о чем свидетельствует оформление производного имени суффиксами мужского рода и нулевой флексией (головарь, сумышленник, любопытник). Оценке по бытовому поведению в большей степени подвержены женщины, о чем свидетельствуют суффиксы женского рода и флексии (необиходница, обиходница, аккуратистка, неряшка, чистотка).

Ребенок в разговоре часто оценивается по такому своему качеству, как послушание/непослушание взрослым (см. оценочные наименования ребенка, поведение которого не соответствует требованиям взрослых: вольник, отстудник, прихвостник).

Часто свойства лица, не соответствующие норме, подлежат эмоциональной оценке, которая в виде эмотивного модуса в семантике производного фиксирует эмоции субъекта оценки (номинатора) по поводу именуемого лица, а именно неодобрение, пренебрежение, иронию, экспрессию и, возможно, некоторые другие. См., напр., развернутые суждения наименований вольник, болтомоха, лаптёжник, где присутствуют эмотивные модусы: вольник (Ребенок вольный. Некто полагает, что Это плохо. Это не одобряется); болтомоха (Он болтает. Некто полагает, что Он болтает «больше

нормы», что Он любит болтать, что Это плохо, Это не одобряется); лаптёжник (Он носит лапти, т.к. Он бедный. Некто полагает, что Это плохо, Это вызывает пренебрежение).

«Модусы эмоциональной оценки предполагают положение вещей, которое может, согласно фоновым знаниям, служить источником эмоций, причем характер этих эмоций также определен ценностной картиной мира, – эмоция, как правило, включает оценочный знак «плюс» или «минус», – отмечает Е.М.Вольф [8, с.139].

Фрагмент ценностной картины мира, имеющей место в сознании носителей амурских говоров и отраженной в оценочных производных наименованиях лица этого говора, оказалось возможным представить следующей таблицей.

«Плохо»

вести себя бесстыдно, непристойно: **хлестушка, распутница, сухарник**

родить вне брака: **покрытка, заугольник**

льстить: **подсевала, подлизник**

лицемерить: **близирить**

ненавидеть людей: **ненавистник**

не уважать людей: **издеватель, шаульник, нахальница, надгальник**

быть жадным: **жмилло**

быть бедным: **лаптёжник, олочник, босяки**

лгать: **хлопуша**

сплетничать: **язычница, плёшник 1**

сквернословить: **матюжница**

быть болтливым: **болтомоха**

гримасничать, кривляться: **дергучка**

капризничать, сердиться: **капризница, хлюздя, урос**

красоваться, франтить: **прищеголье** (о женщине)

быть ленивым, ничего не уметь: **плёшник 2, никудышка**

быть пьяницей: **пропивашка, выпиваха, пьянот**

любить выпить за чужой счет: **каплюжник**

быть нерасторопным: **копуха**

быть несчастной: **бессчастница**

быть непослушным (о ребенке): **вольник, отстудник, прихвостник**

«Хорошо»

быть умным: **головарь**

быть любопытным, любознательным:

любопытник, любопытки (о детях)

быть смышленным: **сумышленник**

быть аккуратной, любить уют: **чистоплотка, аккуратистка, обиходница**

«Странно, необычно»

употреблять в пищу галушки: **галушник**

быть рыжей: **рыжуха**

иметь косые глаза: **косыга**

быть немым (немой): **немтырь, немтуха**

Подведем некоторые итоги.

Нами было проанализировано 319 имен лица русских говоров Приамурья. Ни один из других предметов мира не удастаивается такого количества характеристик, как лицо. Это свидетельствует о естественном центризме человека в мире вещей.

В производных личных именах воплощаются релевантные для человека связи и отношения. Так, функциональные имена лица в совокупности представляют все возможное поле деятельности носителей говора, все многообразие производственной жизни селянина, а социально характеризующие имена фиксируют отношения с другими людьми по

происхождению, возрасту, положению в семье, участию в тех или иных общественно значимых событиях. Собственно характеризующие имена, обладающие оценочностью семантики, помещают нас в мир ценностных представлений о человеке, существующих в говоре, в мир понятий об этическом и эстетическом. Таким образом, личные производные имена представляют тот фрагмент языковой картины мира, который касается многообразной деятельности человека и его многоликой сущности.

ЛИТЕРАТУРА

Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.

Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980.

Шатуновский И.Б. Денотативное и сигнификативное значения имен лица и отношения мотивации // Актуальные проблемы русского словообразования. Ч. II. Ташкент, 1980.

Белоусова А.С. Русские имена существительные со значением лица // Вопросы языкознания. 1981. № 3.

Резанова З.И. Словообразующие возможности имени существительного // Семантические вопросы словообразования: значение производящего слова. Томск, 1991.

Янценецкая М.Н., Лебедева Н.Б., Резанова З.И. Лексическое значение слова и его словообразующие возможности // Семантические вопросы словообразования: значение производящего слова. Томск, 1991.

Янценецкая М.Н. Словообразовательное значение и его виды. Основные понятия. Томск, 1987.

Лукьянова Н.А. О семантике эмоционально-оценочных слов русского языка (неодушевленные существительные) // Семантическая структура слова. Кемерово, 1984.

Вольф Е.М. Субъективная модальность и семантика пропозиции // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Азнаурова Э.С. Принципы анализа стилистически маркированных производных как единиц сложной номинации // Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М. Горького. - Вып. 164. - Вопросы словообразования и фразеобразования в германских языках. М., 1980.

Сахарный Л.В. Словообразование личных имен существительных в русских говорах Среднего Урала // Вопросы истории и диалектологии русского языка. Свердловск, 1963.

Место записи.

I - с. Пашково Облученовского района Хабаровского края

II - с. Екатерино-Никольское Октябрьского района Хабаровского края

III - с. Константиновка Константиновского района Амурской области

IV - с. Лермонтовка Бикинского района Хабаровского края

Опубликовано: Вестник Амурского государственного университета. Вып. 12.
Благовещенск: АмГУ, 2001. С. 75-79.

КОНЦЕПТ «БОЛЕЗНЬ» В НАИВНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА НОСИТЕЛЯ ДИАЛЕКТА

В последнее время научный интерес прикован к изучению человека как детерминированного прежде всего культурой и историей, а не природой. Построением концептуальных картин мира заняты философы, культурологи, этнографы и, конечно, лингвисты. Для многих исследователей объединяющим началом в понимании концепта является то, «что он воспринимается как комплексное, многомерное социопсихическое и культурнозначимое образование, которое соотносится как с коллективным, так и с индивидуальным сознанием, сферой науки и искусства, бытовой сферой и личностной средой обитания языкового субъекта»; как образование, имеющее языковое выражение и отмеченное этнокультурной спецификой [1, с.70-71].

Язык есть средство построения концептуальной системы социума, средство ее символического представления. «Наивная картина мира» как фрагмент обыденного сознания воспроизводится пофрагментарно в лексических единицах языка, однако сам язык непосредственно этот мир не отражает, он отражает лишь способ представления (концептуализации) этого мира национальной языковой личностью [2, с.434]. Если же говорить о «наивной картине мира», представленной в языковом сознании носителя диалекта, то она практически не изучена, хотя именно в народном говоре до сих пор сохраняется когнитивная память слова – смысловые характеристики языкового знака, связанные с его исконным предназначением и системой духовных ценностей носителя языка [3, 4, 5].

Концепт «Болезнь» сформирован лексемами, значения которых составляют содержание национального языкового сознания человека и формируют «наивную картину мира» носителя языка; их семантика отмечена лингвокультурной спецификой и характеризует носителя данной – восточнославянской – этнокультуры. (Чтобы говорить о более ранних

культурах – индоевропейской, общеславянской – требуется сравнительный анализ родственных языков). Считаем возможным утверждать наличие языческих архетипов в структуре концепта «Болезнь», т.к. по данным как устойчивых, так и свободных текстов в сознании носителя диалекта прочно закрепились дохристианские представления о болезни (инвокации, образы, метафоры, аллегории), возникшие до времени образования национальных восточнославянских культур. Например, в заговоре от сухоручья можно отметить признаки языческих верований – «Выйду я на волю, поклонюсь чистому полю, солнцу красному, месяцу ясному, всякому жуку и скотинке, зверю лесному, человеку живому, на всякую птаху, мертвому праху, четырем сторонам, четырем ветрам. Гой, вы, братья мои, четыре ветра, отнесите на все четыре стороны мой ветреной наговор».

Концепт «Болезнь» исследуется на материале семантического поля «Болезни и болезненные состояния» по данным Словаря русских говоров Приамурья [6], диалектной картотеке кафедры русской филологии АмГУ, картотеке архива Г.С.Новикова-Даурского. Эти источники достаточно объективны и позволяют моделировать языковую картину мира русских жителей Приамурья на довольно долгом временном отрезке. Уровень номинативного анализа представляет возможным определить этиологию болезни по народным представлениям, а также основные признаки номинации. Функционирование же концепта, его структуру и этнокультурное значение можно выявить только в условиях устойчивого текста, в котором пласт глубинной семантики соотнесен с планом конкретного выражения. В связи с этим для анализа концепта «Болезнь» привлекались заговоры от недугов, зафиксированные в ходе экспедиций Г.С.Новикова-Даурского. Семантический и формальный уровни характеристики концепта в заговоре неотделимы друг от друга, так как невозможно определить мотивы, сюжеты, мифологемы, архетипы без изучения языкового выражения соответствующей идеи. В центре прагматической направленности любого заговора вера в принципиальную

возможность бесконтактного воздействия на человека или силы природы при помощи слова, при этом сам текст заговора анонимен, узнаваем, а не сочиняем.

Поле «Болезни и болезненные состояния» в народном говоре практически не исследовано. Есть отдельные работы Л.В.Кирпиковой [7], Н.Г.Архиповой [8], посвященные историко-этимологическому анализу, вариантности лексем, проблемам возникновения поля в результате междиалектного взаимодействия.

Это поле очень компактно и доступно для наблюдения. Так, Словарь фиксирует около 120 лексем – наименований человеческих недугов. Входящие в это поле единицы характеризуются рядом особенностей. Во-первых, поле очень самобытно. В большинстве случаев единица нозологической классификации представлена рядом лексических и словообразовательных синонимов. Главным образом, это касается наименований детских болезней, психических расстройств, кожных и инфекционных заболеваний. К примеру синонимический ряд со значением «лихорадка» включает около 20 лексем: *лихоманка, трясуха, трясучка, трясовица, комуха, кумуха* и т.д. Объяснить это можно, с одной стороны, тем, что амурские говоры сложились в результате взаимодействия говоров разных территорий России, Украины, Белоруссии и лексический уровень сохранил все многообразие конкурирующих единиц, а с другой стороны, тем, что поле глубоко архаично. Его составляющие хранят память архетипического сознания носителя диалекта, характеризующегося синтезом языческого и христианского. Так, количество лихорадок в народных повериях может варьироваться от 3 до 99. В заговорах лихорадки ассоциируются с проклятыми «дщерями Иродовыми» (падчерицами Ирода, правителя Галилеи), считаются губительницами Иоана Предтечи. По другим поверьям, они дочери Сатаны, проклятые Богом и обреченные до конца мира холить по земле и мучить грешников. Также считается, что лихорадка посылается на людей Сатаной, имеющей в своем распоряжении 12 лихорадок - дочерей царя Ирода. Реже лихорадку считали дочерью Каина или одной из 12 дочерей царя Соломона. В представлении забайкальцев лихорадки – женщины,

проклятые своими родителями, шатающиеся по миру и мучающие людей. Иногда они названы русалками [9, с.310-312].

Заговоры от лихорадки в разных селах Амурской области, различаются лишь на фонетическом, фонематическом и словообразовательном уровнях в наименованиях недуга: *комуха-кумуха, трясуха-трясучка-трясовица-трясовка* и др.).

Во-вторых, структура поля «Болезни» очень устойчива. Это проявляется в том, что проникновение медицинской терминологии в речь носителя диалекта наблюдается лишь в последнее время, причем освоение происходит двояко: либо путем полной адаптации термина (*язва, киста*), либо его приспособлением к диалектной системе (*инсул*). Можно отметить, что при ответе на вопрос: как возникает болезнь, почему люди болеют? – информанты в большинстве случаев называли вполне научно обоснованные причины: нарушение работы систем организма вследствие алкоголизма, врожденных пороков развития, заражения вирусами и микробами и др. В спонтанном же тексте актуализировалась совершенно иная этиология. Так, в народной культуре Приамурья болезнь воспринимается, с одной стороны, как результат действия демонов болезней, нечистой силы, людей с «дурным глазом», ведьм, колдунов (*Да чо я заболела, Сидориха сглазила: у ей глаз дурной; Порчу ктой-то нагнал, хвораю*); а с другой – как гнев Божий (*В 33-м мор был. Господь спаситель на нехристей погневался*). Также болезнь может возникать по объективным причинам: из-за неблагоприятных условий жизни, например, охлаждения (*околеть, остыть, перезнобиться, призамерзнуть*); ранения, укуса ядовитых насекомых и змей, бешеных животных, отравления, переутомления; в результате вредоносного действия хтонического животного или птицы (*жаба – болезнь горла (дифтерия, тяжелая ангина). Почему жабой зовут? Дак давить горло, як жаба душитъ; червь, червец, вьюн*). Болезнь может подчиняться Богу и святым угодникам, Сатане; может быть самостоятельно действующим существом, она посылается ведьмой; восприятие болезни колеблется между

понятиями о неотвратимой Божьей каре и случайном стечении обстоятельств: инфекции, неудовлетворительное состоянии жилища и др.

Можно отметить внешнюю схожесть между заговором от болезней и христианской молитвой об исцелении. В обоих случаях мы имеем дело с канонической формой, схожей композицией, тематикой, системой инвокаций. Однако заговор и молитва имеют принципиальные идейные различия. Цель православной молитвы – очищение души через покаяние. Освобождаясь от греха, человек побеждает свое естество. Гордыня, высокомерие, презрение других, крайний эгоизм ведут к болезням душевным, а от них к физическим. Шанс излечиться предоставлен только через покаяние и смирение. Главное в молитве не слово, а содержание текста – прошение к божеству, которое может быть либо исполнено, либо нет. Заговор же имеет принудительную силу, которая принадлежит слову, сочетанию слов, т.е. заговор несет ярко выраженную прагматическую направленность – стремление добиться получения желаемого. Таким образом, христианское лишь форма укрепления структуры заговора. Каноническая ортодоксальная молитва, с одной стороны, повышает «авторитетность» слова в заговоре путем инвокаций к высшему Богу и святым, а, с другой, облачает заговор в устойчивую воспроизводимую форму, имеющую ясную композицию. В целом же заговор остается произведением устного народного творчества, обращенным к различным силам и явлениям природы, как к живым существам.

Если говорить о времени возникновения заговоров от болезней, то здесь, по крайней мере, можно выделить два периода: дохристианский и после принятия христианства. Это отражается, например, в обращениях к высшей силе. Так, в заговорах, возникших до принятия христианства, в качестве инвокаций выступают *заря-заряница, дремота, зевота, покой, домовик банный, муравьи, ветер, кость, хлеб-соль, вода банная, пес, кошка, бабка-грызунья, змей горючий, гад ползучий* и др. После принятия христианства в заговорах, с одной стороны, обращаются к Иисусу Христу, Матушке-заступнице Деве Марии, Святому Воскресенью, Святым Савве, Петру, Павлу, Луке, короне

Христа Спасителя, а с другой, – к двенадцати чертям-братьям, Сатане. При этом нет разделения на заговоры «белой» и «черной» магии, все они трактуются как спасительные, направленные на исцеление. Часто в пределах одного заговора переплетаются обращения и к языческому, и к христианскому персонажу: *Христос – камень дома – вода, снег мартовский – снег апреля – снег с Покрова* (причем в этом заговоре от худобы ключевой является фраза: «Снегу – снегово, телу – телово», которую можно соотнести с «Воздадите кесарева кесареви и Божию Богови» (Матф. 22; 21), *Лука Святой и тринадцать кошек* и др. В этот период многие заговоры становятся похожими на канонические молитвы. Напр., *«Владыко, Вседержителю, Святой Царю, наказуй и не умерщвляй, утверждая ниспадающия и возводя низверженныя, телесныя человеков скорби исправляй... посети милостию Твоею, прости ему всякое согрешение, вольное и невольное... укроти страсть и всякую немочь таящую, буди врач раба Твоего..., воздвигни его от одра болезненного и от ложа озлобления цела и всесовершенна...»* И далее в этом же заговоре идет такой текст: *«Идут три монаха, несут три схимки. На тебе посох. На тебе пояс. На тебе, на пояс повесь. Мне здоровье, черту болезнь. Три монаха, три схимки. Три монастыря. Три Библии. Три Тропаря. Господи, исцели меня. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь».*

Можно проследить синтез языческого и христианского в структуре концепта «Болезнь» в заговорах от лихорадки. Под лихорадкой по народным воззрениям понималось и собственно состояние, сопровождающееся резким изменением температуры тела, но и разнообразные опасные заболевания, сопровождаемые тяжкими лихорадочными состояниями. Это проявляется в разнообразных наименованиях лихорадки: *кашля, душля, бронхья, сонля, пухля, секея*. Народ с лихорадкой связывает более широкие понятия, чем научная медицина: *«Заря-заряница, красная девица, возьми с раба Божьего... Иродовы косточки: колотья, молотья, жиглянку гнойную, кровавую, смертнобольную, синюшную, зловонную, резаную, колоную, – на болота зыбучие, кусты колючие, где живое не живет, птица не поет, кровь не*

течет». Лихорадка часто персонифицируется в различные болезненные симптомы: *«Иди, трясовка, седьмая чертовка, на сер дымок, на банный потолок, на матицу сырую, трясовицу трясовую; коли, ахи, охи, вздохи, слезы, маета, боли живота»*.

В некоторых заговорах текст идет от лица самой лихорадки, где она описывает себя так: *«Имя мне есть Скорбея: человеку разные немощи, недуги, хворобы, убожества, вреды, скорби и болезни всякие творю внутрь и наружи»; «Имя мне есть Переходная: перехожу у человека по разным местам с места на место, ломлю кости, спину, поясницу, главу, руки, ноги; ною, сверблю, мощу, ложусь у человека под ребром, под сердцем; сушу, кручу, тоску, скуку, печаль творю»*.

Центром образной системы заговоров от болезней является сам недуг. Местом его обитания может быть река, озеро, ручей, лес, болото. Болезнь приходит *«по змеиным тропам, по мышинным норам, по свиному крику, по медвежьему рыку»*. В зависимости от вида недуга может быть поражен как весь организм, так и любой его орган: *«Прошу тебя, выговариваю с темя, со лба, с шеи, с глаз, с ушей, с языка, с подъязыка, позвоночника, из легких, из печени, почек, груди, с подгрудки, с сердца, с желудка, из рук, из ног, из 77 суставов. Тут тебе не стоять, синих жил не иметь, желтой кости не лопать, красной крови не бушевать»*. Отсыл болезни связан с лесом, болотом, животным и растительным миром: *«Иди, сыпь, на болотную зыбь, там твое место, там твой престол; с живота бела на волка сера; на болота зыбучие, кусты колючие; на свинью лесную, собаку злую, слизня полевого; пойдди, худоба, в темные леса, на зыбучие болота, на горючие камни, на крутые берега, на быстрые реки, на желтые пески»*. Природный контекст становясь обрядовым, попадает в текст заговора. Концепт болезни связан со смертью, с отсутствием живого в месте отсыла: *«в бездны преисподние; где живое не живет, птица не поет, кровь не течет; сойди на мертвую ниву, на серый мох, на сухой пень, черту на язык»*. Иногда болезнь кладут внутрь сосуда, ларя, сундука: *«забрал рожу, положил в ларец, ларец в рогожу»*. Избавиться от болезни можно,

задабривая ее, моря голодом, уговаривая, смывая «банною водой, серою золой», можно выгрызать, «силу огня забирать, в тело свое запирает на 12 замков, 12 ключей», в огонь бросать, чертям дарить: «чертушки-братушки, скорые ребятушки, скорейше идите, подарок мой заберите».

Конкретные названия болезней можно распределить по нескольким номинативным признакам.

1. По симптомам болезни:

цветовое проявление: *желтуха, бледнуха, синяя*;

«температурное» проявление: *жар, огонь, ледиха*;

способ двигательной активности: *трясовица, повертуха, выкататься, щекотуха, трясенье*;

место проявления симптома: *горлодав, горлянка, ногтоедка*.

2. По именам демонов – источников болезни: *полуношница, лихой, комуха, гнетуха, лихоманка, трясуха, китюха, бешиха*.

3. По способам насылания: *сглаз, прикосы, порча*.

4. По названиям животных: *червь, жаба, змеевец*.

Издравле, противопоставляя понятия «добро-зло», «плохо-хорошо», человек ввел в эту систему координат понятия «болезнь-здоровье», где болезнь – это всегда зло, это всегда плохо. Однако можно наблюдать тот факт, что очень широко в амурских говорах представлены названия болезней в виде эвфемизмов, которые можно разделить на группы:

задабривающие: *добруха, благая*;

уменьшительно-ласкательные: *остица, смертушка, болечка, хворобушка*;

почтительно-возвеличивающие: *госпожа, князь*;

отражающие социально-родственные связи: *матушка, кумуха (от кума), тетка, повитуха, родимец, подруга, гостья, сеструха, матка*.

Встречаются названия с отрицательно коннотацией: *дряница, мачеха, сатаниха, девка-верхогрызка, поганка*.

Часты в наименованиях болезней местоименные замены: *она, своя, моя*; безличные глаголы: *повеяло, напало, вырвало, тошило*; описательно-

определяющие обороты: *не тебе будет говорено, след себе видеть, докатываться до бурмин, не прикладно будет сказано*. Думается, это можно объяснить древними представлениями о том, что болезнь можно отвести, назвав ее не по имени, т.к. услышав свое имя, она может покарать человека за беспокойство. Так, например, возникли диалектные названия лихорадки – *безымянная, невея*.

На ряд названий заболеваний и медицинских состояний накладывалось табу по причине неодобрительной социальной оценки. Нами не отмечено названий венерических заболеваний, искусственного прерывания беременности и др.

Таким образом, болезнь в наивной языковой картине мира персонифицирована, подобна живому существу. В заговорах это существо просят изгнать, унести, разрушить, т.е. нейтрализовать действие внешнего объекта. Болезнь связана как с реальным, так и с потусторонним миром – ее можно отослать как в объективно существующее, так и в абстрактное пространство. На уровне образной системы это пространство представлено, с одной стороны, водой, болотом, лесом, с другой, – царством тьмы. Этиология болезней в представлении амурчанина обусловлена субъективными и объективными факторами, а основными номинативными признаками наименований болезней являются характеристика по проявлению, существу, воздействию на человека, способу насылания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки, 2001, № 1, С. 70-71.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языка. – М., 1999, С. 434.
3. Яковлева Е.С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы языкознания, 1998, № 3.
4. Апресян Ю.Д. Избранные труды. В 2 т. Т. 2. М., 1995, С. 170.
5. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурный аспекты. М., 1996, С. 230.
6. Словарь русских говоров Приамурья / Под ред. Ф.П.Ивановой, Л.В.Кирпиковой, и др. М., 1983.

7. Кирпикова Л.В. Взаимодействие разнородных лексических единиц в условиях современного говора // Исследование лексики и фразеологии говоров Сибири. Сборник научных трудов. Красноярск, 1984.

8. Архипова Н.Г. Лексические особенности наименований недугов в русских говорах Приамурья как результат междиалектного взаимодействия // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск, 2001.

9. Власова М.Л. Русские суеверия. М., 1998. С. 312-316.

Опубликовано: Вестник Амурского государственного университета. Вып. 16.

Благовещенск: АмГУ, 2002. С.78-81.

Е.А.Оглезнева

ДИАЛЕКТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ С КЛЮЧЕВЫМИ СЛОВАМИ

«РАНЬШЕ» И «СЕЙЧАС»:

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

*Может быть, я идеализирую уходящую жизнь?
Может быть. Человек склонен возвышать то,
что он любит. Идеализируя уходящий образ
жизни, возможно, мы сами того не сознавая,
предъявляем счет будущему. Мы ему как бы
говорим: вот что мы теряем, а что ты нам
дашь взамен?*

Фазиль Искандер

Человек существует, осмысливая свою жизнь и сравнивая ее нынешнюю с той, какой она была в другие отрезки времени, с жизнью окружающих. Прошлое и настоящее – одна из наиболее частотных тем, возникающих в разговорах с сельскими старожилками. Наши информанты – люди пожилого возраста (60-80 лет), проживающие в селах Амурской области. Они из поколения с трудной судьбой, помнящие голодное детство, лихую военную годину, тяготы послевоенных лет и относительно благополучные последующие годы, скороспело «перестроенные» на новый лад в 90-х гг. скороспелыми демократами. Словом, жизнь как жизнь, в которой от смены исторического сюжета добра не ждут.

Материалом нашего анализа стали тексты рассказов-воспоминаний, записанные во время диалектологических экспедиций 2001г. в сёла Черновка и

Чембары Свободненского района. Нами были рассмотрены записи рассказов различной протяженности от 22 информантов, общий объем которых составил 52 страницы печатного текста.

Основную цель работы мы видим в выявлении фрагмента языковой (диалектной) картины мира, отражающей осмысление прошлого и восприятие настоящего, а также их оценку в диалектных рассказах-воспоминаниях. Для достижения этой цели необходимо как минимум указать на критерии, релевантные для сравнения прошлого и настоящего в рассказах диалектоносителей, и определить модальную рамку диалектных высказываний, сопоставляющих прошлое и настоящее.

Выявление и описание фрагмента диалектной картины мира народа весьма значимо в культурологическом отношении, поскольку она репрезентирует одну из национальных культурных стратов – традиционную народную культуру [Толстой Н.И., цит. по 1, с.14].

Антиномия «раньше – сейчас» неизбежно возникает в рассказах-воспоминаниях о былом, которые относятся к монологическому жанру нарративного типа [1, с.40]. При текстовой реализации этого жанра в коммуникативном акте роль одного из партнеров общения – рассказчика – является ведущей. Тем не менее роль слушающего не является пассивной, поскольку своими репликами согласия/несогласия и оценки, мимикой, жестами он реагирует на речь рассказчика и, более того, своими вопросами может направлять ход беседы. Чаще всего рассказы-воспоминания о былом были инициированы собирателями диалектной речи, которые затем в ситуации коммуникативного акта выступали как активные слушатели.

Рассказы-воспоминания представляют сферу фатического общения, которое происходит главным образом не для передачи информации как таковой, а ради эмоционального и духовного общения собеседников. В речевом жанре «Воспоминание» вербализуется прошлый опыт рассказчика, и тем самым сохраняется и передается «наиболее значимая в когнитивном, культурном, эстетическом, социальном отношении информация» [2, с.101]. К числу важных

условий реализации этого жанра относится неспешность, неторопливость обстановки общения, в противном случае его осуществление невозможно.

Как и любой другой речевой жанр, рассказ-воспоминание обладает своими собственными жанрообразующими признаками. Таковыми принято считать общность содержательно-тематической структуры, композиционную упорядоченность, а также специфический набор языковых средств и характер их использования [1, с.24; 3, с.75].

К числу специфических языковых средств, неизменно и частотно присутствующих в рассказах-воспоминаниях, относится наличие лексем «раньше» и «сейчас» в структуре высказывания, соответствующего синтаксической конструкции с сопоставительным союзом А. Например: *«Раньше воздух чище был / а щас пылишиа / грязишиа//»* [4]. Лексемы «раньше» и «сейчас» выполняют роль ключевых слов в высказываниях указанного типа, поскольку в значительной мере определяют их содержание и форму. Именно такие высказывания выступают в качестве объекта анализа в настоящей статье.

Высказывания этого типа двукомпонентны, их первый компонент содержит лексему «раньше», а второй – лексему «сейчас» после сопоставительного союза А. Оба компонента высказывания предикативны. Схематично структуру высказывания можно представить так: «Раньше Х, а сейчас У», где Х и У составляют референционное содержание высказывания. Союз А в таких конструкциях передает сопоставительное значение, соединяя части высказывания, в которых сообщается о предметах, признаках и действиях, сопоставимых в каком-либо отношении.

Предикативные компоненты высказывания могут занимать различное положение по отношению друг к другу. Чаще в препозиции находится компонент «Раньше Х», а компонент «а сейчас У», как правило, постпозитивен. В случае препозиции компонента с лексемой «сейчас» высказывание соответствует схеме «Сейчас У, (а) раньше Х». Например: *«Щас вообще воруют страшно // Раньше мазуриков меньше было / чем щас//»*.

Один из компонентов может быть невыраженным в структуре высказывания, но подразумеваемым, прогнозируемым. Например: *«Раньше молодежь не фулиганила//»* (подразумевается: «а сейчас молодежь хулиганит»). Опушен может быть и союз А, в этом случае его значение также оказывается формально не выраженным, но выводимым из общего смысла высказывания благодаря наличию в нем противопоставленных предикативных компонентов с лексемами «раньше» и «сейчас» (например: *«Раньше ручки красивые вышивали// Сейчас таких нет//»; «Раньше у нас в деревне клуб огромный/ щас разбомбили//»*). Кроме того, форма наречия «раньше» генетически происходит из формы сравнительной степени, что предопределяет наличие предмета сравнения (сопоставления).

Лексемы «раньше» и «сейчас» в рассматриваемых высказываниях реализуют одно из своих основных значений (раньше – в прежнее время, прежде; сейчас – в настоящее время, теперь), характеризуя содержание высказывания с точки зрения его временной отнесенности. В качестве их эквивалентов в структуре высказывания могут выступать синонимичные им слова и сочетания «теперь», «в наше время» (= сейчас), «тады», «при Сталину» (= раньше). Лексема «раньше» и ее эквиваленты указывают на отнесенность содержания соответствующего компонента высказывания во временной план прошлого, и это поддерживается грамматически формами глаголов прошедшего времени при этих лексемах, а лексема «сейчас» и ее эквиваленты определяют отнесенность содержания другого компонента высказывания во временной план настоящего, что также поддерживается грамматическими формами настоящего времени у глагола. Хотя не исключено и переносное употребление форм времени.

Высказывания со словами «раньше» и «сейчас» в указанных значениях выполняют различные функции в пределах жанра «рассказ-воспоминание». Это функции собственно коммуникативная и коммуникативно-оценочная.

Собственно коммуникативную функцию выполняют высказывания, в которых сообщается о фактах реальной жизни, имевших место в прошлом и

архаичных для настоящего времени или имеющих место в настоящем, но отсутствовавшие в прошлом. Например:

Сейчас на машинах ездят/ а раньше на конях извозом занимались//

Раньше холишу носили// Кто был побогаче/ тот тонкий холст носил//

Бабки раньше лечили// Вот я однажды живот подорвала/ меня бабка вылечила//

Раньше все в тимах ходили/ и тепло было// У нас пимокатня собственная была/ мы сами валенки делали//

А щас на Амуре уже научились из тыквы варенье варить/ из дынь варят//

Горшки/ кувшины// Вы видели сёдня там делают что? Раньше кирпич делали/ а сейчас...

Сейчас эта Чечня// Оне правду ведь не говорят//

Вот недавно самолет разбился/ так соболезнования говорили// Сейчас аварии/ тарракции всякие//

Коммуникативно-оценочные высказывания, кроме референционной части, соотносящей содержание высказывания с действительностью, включают в себя модальную часть, выражающую отношение автора к сообщаемому. Именно через эти высказывания оказывается представленной система ценностей и оценок, характерная для традиционной народной культуры

Если выразить общую оценку того, что было «раньше» и что происходит «сейчас», представленную в диалектных высказываниях, то она будет выглядеть так: «Раньше было лучше...» (Плотникова А.П., 1926 г.р. и др). Что же при этом подлежит сравнению и какие стороны жизни, по представлениям диалектоносителей, позволяют делать сравнения не в пользу настоящего? Проиллюстрируем значимые для сравнения прошлого и настоящего характеристики действительности тематически организованными высказываниями из диалектных текстов.

Труд, отношение к труду

Раньше луч(ш)е было// Все работали// Я всю жисть топором пропахал//

А щас все пьют/ бичуют// Щас все алюминь(ий) воруют/ молодежь не работает/ только воровством занимаеца//

А кто работал? Кто нужду мает/ тот и работает// А сейчас молодёжь работать не хочет//

Сейчас молодёжь бездельничает/ работать некогда// А работу можно найти/ они просто не хотят работать//

Сейчас молодёжь не работает// У меня племянница не работает/ живёт в грязи/ в собачнике//

Мораль, нравственность

Раньше люди добрее были/ а теперь злоба какая-то//

Раньше работали с удовольствием/ жили радостно// А над вами издеваются/ жизнь у вас нерадостная//

Раньше трудились/ ночью не боялся никто/ а сейчас голову оторвут//

Мы раньше ничё не боялись/ а сейчас все всего боятся// Парни обижают/ матерки говорят// Мы весело гуляли// Раньше было луч(ш)е// Сейчас люди злые пошли//

Раньше /.../ парни украдкой девушек целовали// А щас у всех на виду парень девушку обнимает/ щупает// Прямо поганно смотреть// Раньше лучше было//

На Пасху все христосовались/ никто не брезговал// А щас все брезгают// Потому что все распущенные/ всякие болезни ходят//

Щас вообще воруют страшно// Раньше мазуриков меньше было/ чем щас// Соседка моя одна в поезде одеяло своровала/ дак позору было на всю деревню//

Прожили всю жизнь без крючка в доме// Раньше без замков жили/ на вертушку закрывались// Даже в сенках крючка не было//

Раньше зерно не воровали// А сейчас всё разворуют/ всё раскидают//

Раньше молодежь не фулиганила//А щас чё? Токо пьют да курют// Больше ничего они не знают/ правда? И не успе(т) замуж выйтить/ уже на

сохранении// Почама она? Потому что она в молодости усю свою душу потрепала с кем зря/ правда?

Раньше был это позор//

Здоровье

Раньше мы здоровые были/ У меня молоко дурком бежало/ **а сейчас** искусники одни// Я детей своих по два года кормила/ не обижались на меня// Я молочница была/ молока много было//

Четырнадцать лет я вот эти трубы таскала/ они вон по сорок килограмм/ **зато щас** ноги болят/ ходить не могу//

Красота, красивое

Раньше /.../ Парни были красивые// У нас зять был метр д(е)вяносто//

Раньше ручники красивые вышивали// **Сейчас** таких нет//

Раньше посуда деревянная была/ красивая/ расписная// **А щас** внуки в школу утащили//

Веселье, развлечения

Раньше в бабки/ горелки/ лапту играли// Мы собиралися/ бабы/ девки/ мужики/ и играли// Весело было// Как влупишь этим мячиком/ так на спине пятно остается//

Сейчас чаштушки все похабные поют/ все подурнели/ поют шо попало//

Раньше у нас в деревне клуб огромный/ **щас** разбомбили//

Мы **раньше** хорошо гуляли// Веселились/ на вечёрки собиралися//

Песни **раньше** знали/ **а теперь** ума нет//

Материальное положение. Богатство.

Жить было трудно **раньше**/ но кто работал/ не голодовал//

Всё **раньше** было на заводе// **А теперь...** Всё поразвалили/ всё порастащили/ а...чё говорить!

Общественное устройство, власть, положение в обществе

При Сталину усе лучше жили// **А у наше время** работы нету// Все пьют/ ни одного тюрёзого(трезвого) не найдёшь// **Щас** колхозы поразогнали//

Раньше ведь и куль картошки не украдёшь/ посодют//

*У Думе **щас** дерутся/ воду у морду льют// А этот Ельцин/ уот отъелся//
Унуки ночью сидять/ усяку срамоту смотрют// Хлопцы наши до трех часоу
безобразию эту смотрят//*

*(О)рдяна/ медали/ дипломы/ мандаты// И на черта оно кому сейчас/
деточки? Здоровье уклали/ **а щас** кто обраща(е)т внимание на наши медали?
Раньше хоть у колхозу заслуженная была/ дак и мне хоть сотню давали
лишнюю/ **а щас** ни черта/ Прорабили/ дураки/ и ладно// А вот кали скушно
станет/ достану уси свои (о)рдяна/ медали/ значки/ усё// Поплачу/ поплачу/
диплом/ мандат и уси свои похвальные// Поплачу/ поплачу// **А щас** ручечки не
хочат работать/ болять// **Щас** усё болит/ и руки/ и ноги/ усё болит//*

Окружающий мир

***Раньше** воздух чишише был/ **а щас** пылишиша/ грязышиша// Дорогу
построили рядом/ так дышать нечем//*

*У нас здесь речка была глубокая/ **а щас** один ручеёк остался//*

***Щас** в колодцах даже воды нет// **Раньше** журавель был/ **а щас**
сломался//*

Приведенные высказывания коммуникативно-оценочного плана осложнены модальной рамкой, или совокупностью оценочных суждений о сообщаемом, прямо не выраженных в структуре высказывания. Рассмотрим это на примере одного из коммуникативно-оценочных высказываний. Так, в высказывании «**Раньше** люди добрее были/ **а теперь** злоба какая-то//» 1-й компонент («Раньше Х») и 2-й компонент («а теперь У») обладают оценочностью, и причем, полярной. Содержание 1-го компонента («Раньше люди были добрее») сопровождается следующими модусами оценки и эмотивности – «это хорошо», «это вызывает одобрение»; содержание 2-го компонента («а теперь злоба какая-то») – модусами «это плохо», «это неодобрительно». Отметим особо тот факт, что настоящее находится за пределами положительных оценок – оно плохо, а прошлое, наоборот, оценивается говорящим как хорошее по сравнению с настоящим, т.е. находится в поле положительной модальности. Схему анализируемых высказываний с

учетом поля модальности можно представить так: «Раньше X (и это хорошо), а сейчас Y (и это плохо)».

Полагаем, что представленная схема, отражает особенности восприятия человеком своего прошлого и настоящего, которые суть явления не столько социального, сколько психологического и, смеем утверждать, физического свойства. Прошлое в определенной степени идеализируется, приукрашивается, видится рассказчиком в розовом свете, и этот свет – из его молодости, когда были здоровье, силы, красота, незыблемое представление о правильном. Настоящее же – неоправданное ожидание и несбывшаяся мечта и потому оно хуже. Следовательно, антиномия «раньше» и «сейчас» в рамках традиционной народной культуры решена как «раньше – хорошо», а «сейчас – плохо», о чем свидетельствуют многочисленные диалектные высказывания. Хотя, безусловно, достаточно объективных причин для того, чтобы содержание высказываний о настоящем находилось в поле негативной модальности. Но ведь и содержание многих высказываний о прошлом при отсутствии в них прямого сопоставления прошлого и настоящего с помощью лексем «раньше» и «сейчас» также имеет отрицательную модальность (ср. *«Мама работала/ в войну в школе мало училась// Где пришлось/ там и работала бесплатно/ от темна до темна/ такое время было//»* и мн.др.).

Однако если более внимательно взглядеться в суть противопоставления прошлого и настоящего, попытаться понять, почему «не складывается» прошлое и настоящее, почему идеализируется то, что было раньше, и отчасти очерняется то, что есть сейчас, то можно увидеть, что в положительном образе прошлого, созданном в рассказах-воспоминаниях нашими информантами, вырисовывается представление об идеальном общественном устройстве – мироустройстве в народном понимании, а в высказываниях о настоящем создается образ неправильного мироустройства с его опасными и уже очевидными проявлениями.

В традиционном народном представлении при правильном порядке жизни высоки моральные и нравственные устои общества, строго соблюдение

христианских заповедей: не убий, не укради, возлюби ближнего своего, не подвергайся унынию, будь нравственно чистым, исполненным целомудрия. Такое утверждение становится возможным в результате интерпретации высказываний с учетом их семантики [5] и оценочной модальности. См., например:

«Мы раньше ничё не боялся/ а сейчас все всего боятся//» - т.е. не боялись ближнего, он был не опасен – и это норма, это хорошо, следовательно, так должно быть;

«Раньше зерно не воровали// А сейчас всё разворуют/ всё раскидают//» – т.е. не брали чужого – и это норма, это хорошо, следовательно, так должно быть;

«Раньше люди добрее были/ а теперь злоба какая-то//» – т.е. были благожелательными, делающими добро другим, отзывчивыми, готовыми помочь другим людям – и это норма, это хорошо, следовательно, так должно быть;

«Раньше работали с удовольствием/ жили радостно//» – т.е. испытывали чувство радости, довольства от приятных ощущений, переживаний, не находились в мрачном подавленном состоянии духа – и это норма, это хорошо, следовательно, так должно быть;

«Раньше /.../ парни украдкой девушек целовали А щас у всех на виду парень девушку обнимает/ щупает// Прямо погано смотреть//» – т.е. были скромными, сдержанными в обращении, поведении, строгими в нравственном отношении – и это норма, это хорошо, следовательно, так должно быть.

В традиционном народном представлении при правильном миропорядке есть возможность трудиться и быть вознагражденным за свой труд. См., например:

«Раньше луч(ш)е было// Все работали//» – т.е. все занимались каким-либо делом, трудились, добывая пропитание себе и своим близким – и это норма, это хорошо, следовательно, так должно быть.

Правильный порядок жизни предполагает не только духовное, но и физическое здоровье человека, его внешнюю красоту и красоту окружающего его мира. Это тоже тот идеал, в соответствии с которым в понимании представителей традиционной народной культуры должен быть устроен мир. См., например:

«Раньше мы здоровые были/ У меня молоко дурком бежало/ а сейчас искусники одни//» – т.е. люди обладали физическим здоровьем, что необходимо для продолжения рода и здоровья потомства – и это норма, это хорошо, следовательно, так должно быть;

«Раньше воздух чище был/ а щас пылишиа/ грязышиа//» – природа и среда обитания были комфортны, благоприятно отражались на самочувствии людей, доставляли приятные ощущения – и это норма, это хорошо, следовательно, так должно быть.

Таким образом, анализ высказываний с ключевыми словами «раньше» и «сейчас», характеризующих и оценивающих прошлое и настоящее народа, привел к воссозданию фрагмента диалектной картины мира, отражающего народное представление об идеальном мироустройстве, о должном порядке в нем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.
2. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск, 2000.
3. Федосюк М.Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» // Разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996.
4. Запись диалектных высказываний осуществлена в соответствии с системой обозначений, принятой в работах по разговорной речи (см. напр., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н., 1999, с.9-12).
5. Анализ семантики лексических единиц высказываний проводился с использованием данных «Большого толкового словаря русского языка» (Сост. и гл. ред С.А.Кузнецов, СПб, 1998).

Опубликовано: Вестник Амурского государственного университета.
Вып. 20. Благовещенск: АмГУ, 2003. С.66-68.

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ПРЕДИКАТА В БЫТИЙНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ (на материале русских говоров Приамурья)

Соотношение языка и моделируемой посредством его действительности – одна из вечных тем философии языка. Попытки осмыслить природу содержательной стороны значимых языковых объектов – дискурсов (и фиксирующих их текстов), высказываний, предложений, слов, морфем, как и сущность плана содержания языка в целом, находят выражение и в стремлении осознать специфику так называемых бытийных (экзистенциальных) предложений. Любое предложение – это прежде всего описание некоего фрагмента мира при помощи языковых средств. Вследствие этого можно говорить об общей референции предложений бытия, поскольку они соотносятся с реальным или потенциальным фрагментом мира или, иными словами, с действительностью.

Таким образом, логично предположить, что основное назначение бытийных предложений заключается в информировании о включенности определенного предмета в то, что мы называем когнитивной картиной мира или самой действительностью. При этом неважно, о каком мире мы говорим – реальном, виртуальном или потенциальном. Предложения существования одинаково успешно справляются со своей задачей: они отражают единственно возможную для данного предмета ситуацию, «положение дел». Либо данный предмет относится к действительности, связан с ней, то есть существует, либо он выключен из нее, не существует.

Следствием такого назначения бытийных предложений является то, что бытийная модель, по-видимому, очень существенна для формирования синтаксического строя русского языка, в т.ч. его диалектной разновидности. Структура бытийного предложения, как можно думать, лежит в основе широко используемого в языке типа предложений с актуализированным субъектно-

предикатным комплексом, состоящим из лексически значимого глагола и (обычно) нереперентного имени.

Изучению экзистенциального (бытийного) предложения посвящено немало исследований (работы Н.Д.Арутюновой, Е.Н.Ширяева, О.И.Селиверстовой, И.Б.Шатуновского и др.). Однако при всем многообразии подходов данный тип предложений изучался в основном на материале литературного языка. В этом плане представляет интерес изучение диалектного бытийного предложения, к тому же, по мнению Т.А.Демешкиной, исследование экзистенциальных предложений/высказываний «позволяет предположить, что именно на этом участке языковой системы могут быть выявлены особенности диалекта как особой формы коммуникации» [1, с.59].

Диалектный материал демонстрирует те возможности языковой системы, которые по разным причинам оказываются не реализованными в литературном языке, поэтому бытийные предложения, функционирующие в диалектных текстах, могут существенно дополнить картину, которая уже сложилась в лингвистике на этот тип предложений. Немаловажно и то, что объектом исследования является бытийные конструкции в русских говорах Приамурья, синтаксический строй которых до сих пор не изучался. В этом новизна и актуальность нашей работы.

Общеизвестно, что предложение как двусторонний языковой знак имеет определенные черты в строении каждой, а своих сторон – означающего (сигнификанта, выражения, экспонента) и означаемого (сигнификата, содержания). Различные описания и классификации видов бытийных предложений также строятся с учетом присущей им, в отличие от других предложений, специфики организации и одной, и второй стороны, причем в последнее время все больше исследователей исходят, в первую очередь, из семантических критериев (это касается и других видов предложений), сочетая их с формальными.

Соотнесенность содержания предложения с действительностью традиционно признается одним из его главных конституирующих признаков,

часто подводимым под понятие предикативности. Большинство лингвистов сходятся в мнении, что семантическая структура предложения в определенной степени изоморфна отражаемой им ситуации (ср. взгляды Н.Д.Арутюновой, У.Чейфа, И.П.Сусова). Истоки данной точки зрения находим в трудах Л.Витгенштейна, который считал предложение картиной действительности и подчеркивал, что факт должен иметь нечто общее с изображением, чтобы быть картиной [2, с.10].

Язык позволяет пронаблюдать соотношение двух структур – ситуации и ее языкового описания: если внеязыковая ситуация состоит из некоего события (процесса, действия, состояния, свойства) и его участников, то в семантическом выражении она представлена предикатом (релятором) и его аргументами (актантами, релятами).

На основе такой общей предикативной структуры образуются предложения с разнообразнейшим конкретным содержанием. Конкретным содержанием предложения являются мысли человека об окружающих его предметах, явлениях, событиях, о людях, мысли о самом себе, мысли о мыслях и т.д. Можно сказать, что предложение дает номинацию того (именует то), что обозначают как «положение дел». В этом отношении бытийные предложения обычно имеют схемы со следующими номинативными значениями:

- 1) «бытийный глагол – имя бытующего предмета»;
- 2) «локализатор – бытийный глагол – имя бытующего предмета»;
- 3) «имя класса предметов – бытийный глагол – имя бытующего предмета, входящего в данный класс».

Следует заметить, что эксплицированное наличие всех структурных компонентов (кроме самого бытующего предмета), как показывают примеры, необязательно. Так, присутствие локализатора в бытийных моделях может зависеть от того, передает ли высказывание идею существования объекта вообще (в таких случаях локализатор может опускаться) или же высказывание содержит информацию не о том, что существует в целом, а о том, что существуют объекты, локализованные в пространстве (времени),

«привязанные» к какой-либо сфере бытия (тогда присутствие локализатора необходимо). Примеров как первого, так и второго типа достаточно в анализируемых нами диалектных высказываниях: 1) *Набивнушки были, ружья с порохом; Манегры были, так они редко сюда ходили, в степях жили.* 2) *В магазинах хлеба не было, неурожай; На лбах скат был. [Видите, как забит лоб.]; [Работала в колхозе...]. В Поярково была мельница.*

Семантика «класс предметов» обычно оформляется с помощью предлогов *среди, между*, но, кроме того, может передаваться и другими, явно не выраженными способами: значение имени бытующего предмета, само по себе или за счет определителя, делает очевидной избираемость бытующего предмета из класса: *Есть же старики самонравные!* – «Среди стариков есть старики самонравные».

Что касается бытийного глагола, то при более широком подходе к определению границ бытийности в предложениях со значением существования (Н.Д.Арутюнова, Е.Н.Ширяев), он (бытийный глагол) также может отсутствовать: *На Амуре накинень, вода с-под льда выходила; У меня ограда, а там двор, сенник.*

Заметим, что данное положение в первую очередь касается глагола *быть*, который в настоящем времени изъявительного наклонения одинаково часто употребляется как в нулевой форме, так и в форме *есть*: *На Амуре есть накинень; У меня есть ограда, а там есть двор, сенник.* В диалектном языке, как и в литературном, глагол *быть* является ведущим среди глаголов, передающих бытийность, поскольку имя при этом глаголе нереферентно, что соответствует статусу имени бытующего предмета. Амурские говоры не составляют исключения: в большинстве примеров в качестве предиката существования выступает именно этот глагол во всех своих формах (в т.ч. и нулевой).

Специфика данного глагола в том, что он, с одной стороны, входит в число самых частотных глаголов, а с другой, – является отнюдь не типичным

представителем этой части речи. Это связано с особым положением *быть* среди связочных и полнозначных глаголов в русском языке.

Большинство исследователей единодушны в том, что следует различать глагол *быть* в функции связки от глагола *быть* в функции полнозначного глагола (О.Есперсен, Э.Бенвенист, А.М.Пешковский, А.А.Шахматов, Л.В.Щерба, В.В.Виноградов и др.). В лингвистике утвердилось мнение, что основная функция связки сводится к выражению сложной синтаксической категории предикативности (включающей категории времени и наклонения), которая не может быть выражена неглагольными компонентами предложения. Спорным, однако, является вопрос, существует ли логически необходимая связь между связочным и полнозначным *быть*, иными словами, являются ли они функциями одного глагола (А.М.Пешковский, Ч.Кон, О.Н.Селиверстова и др.) или же представляют собой два разных слова (Э.Бенвенист, Л.В.Щерба и др.).

Мы склоняемся к тому, чтобы отличать *быть* в значении «существовать» от *быть*, употребляемого в качестве связки для обозначения тождества. Исследование Э.Бенвениста проливает свет на значение *быть* как самостоятельного глагола, а не глагола-связки: «Эти два слова сосуществовали и всегда могут сосуществовать, будучи совершенно различными» [3, с.203]. *Быть* в индоевропейских языках представлено корнем *es-*, имеющим значение «иметь существование, принадлежать действительности». «Существование» и «действительность» определяются как «нечто достоверное, непротиворечивое, истинное» [3, с.204]. *Быть*, таким образом, по своему этимологическому корню означает нечто большее, нежели констатация тождества между субъектом и атрибутом; это нечто большее, чем описательный термин. *Быть* обозначает реальность существования того, кто (или что) есть; оно констатирует его (или ее) достоверность и истинность. Утверждение, что кто-то (или что-то) есть, относится к сущности лица или вещи, а не к его (или ее) видимости.

Кроме основного глагола *быть* для выражения бытования, в языке есть изрядное количество других глаголов, способных реализовать в предложении

сему существования – лексикализованных и делексикализованных (термин Н.Д.Арутюновой). Поскольку лексикализованных глаголов, непосредственно передающих идею существования саму по себе, не очень много, основная часть этой «работы» ложится на обычные глаголы (равно как на статические, так и на динамические).

С целью описания парадигматических отношений глагола *быть* с глаголами, обладающими тождественной с ним ядерной семой; проведен семантический анализ глаголов, входящих в соответствующую лексико-семантическую группу (ЛСГ). Обнаруживаются глаголы, в значениях которых ядерная сема представлена в чистом виде. Их можно отнести, наряду с глаголом *быть*, к центральной семантической области (ЦСО) данной ЛСГ. Остальные глаголы группируются в периферийные семантические области (ПСО) на основании наличия разного рода дополнительных сем. Рассмотрев часть бытийных высказываний в говорах Приамурья, можно сделать следующие предположения.

В ЛСГ со значением существования выделяется ЦСО, в которую входят глаголы *быть, есть*, сюда же входит нулевой экспонент предиката (нулевой конституент, синтаксический нуль: *Курицы были, утки, гуси; Носили шитанки, чирки, унты, валенок не было; Мороз был. [Мы боялись, что помидоры у нас померзнут]; У окна есть верхняк, колодина, подушка; [Ну, бабы, идите косить!]; Сегодня затируха есть; Печь, а тут губчик. [Я у губчика стояла]; Там пролубь, и сразу от пролуби – взвоз; Мошки нет, значит мороз будет.*

К этой же области можно отнести глаголы *существовать* (хотя появление этого глагола наблюдается довольно редко в речи диалектоносителей, что связывается скорее всего с воздействием делового стиля речи), *вестись* (диал.), *бывать*. *В Джалинде существует строительная организация; [Рыбалкой занимался.] Лодки-то не особо существуют, а снасти различные. [Сети разных видов, потом крючками ловят. У нас ей (рыбы) девяносто с чем-то сортов]; Сейчас ни у кого не ведется таких шалей; Велись коровы, свиньи, а лошади дохли; У нас велась кошкам чашка деревянна.*

При анализе других глаголов, являющихся лексическими средствами выражения предиката существования, устанавливаются следующие ПСО.

1. ПСО с дополнительной семей «Х» функционирует как живое существо, растение: глаголы *водиться, расти*. *Иzubря, тигра водилась в тайге; а у нас всяка рыба в Амуре водится, лещук тоже есь; Похожа на змею, в Амуре водился змееголов; Змееголов, плеть, касатка и друга рыба водилась; Там вода кругом – это лиманы, болота. Там лягушки водятся, ротаны, [Что лиман назови, что болото.]; Брусница растет по сопкам, по камням, а голубица по падам; Грузди растут и грибы. [Грузди – это не грибы, их солят, а грибы – это подосиновики, подберезовики, сыроежки.].*

2. ПСО с дополнительной семей наличия: глаголы *иметь, иметься*. *Повинности не имеют, одни токо похвальности; Имеют три класса образования, в церковноприходской школе учился; Имели огород. Там свекла, помидоры, огурцы; В одно вопрёшься и все, всю горб, всю горбушку испочинишь, чулков сроду не имели; Имелась у меня наструга; У кривды якоря имеются, с лодки забрасываются. [Это двустенная сеть, на нее только весной и осенью ловят сомов и сазанов]; [В Сибири кунгурка и соха называлась. И здесь кунгурки были]. У кунгурки ножа не имеется, а соха имеет нож впереди, у кунгурки лемех кривой, он служит вместо ножа.*

3. ПСО с дополнительной семей «Х» занимает специфическую позицию в пространстве: глагол *стоять*. *Битая печь стояла, она была не из кирпича, а из глины. [У них была бита печь, а я сделал из кирпича]; На дворе чаеварка стоит. [Так ее называют, а раньше кухонь не было, зимовье было]; В кухне стоит диванка, скамейка со спинкой; При моей бытности мельница стояла.*

4. ПСО с дополнительной семей «Х внутри У-а»: глагол *находиться*. *У деревьев в середине сердцевина находится, но бывает, она сместится в одну сторону от центра. [Такое дерево плохо колется, вот его и называли кремлина.].*

5. ПСО с дополнительной семей «Существование Х-а определяется различными временными фазами»: глаголы *стать, остаться, появиться*. *Зверя*

счас безусловно меньше стало. [Лет шее, семь лосей, кабана на уровне,]; Народу-то почти не стало. [Щас видишь-то как ребятишек растут]; А ковды можно стало жить, здоровья не стало; [В семье было пять сестер и брат.] Сейчас нас осталось две сестры; Здесь деревня была, все наводнением помыло, ничё не осталось; Самовяз позднее появился, у богачей был: сам жал и вязал; Уже мне взамуж выходить, дак появились элюминевы кастрюли.

6. ПСО с дополнительной семой множества временных и пространственных ситуации: глагол *бывать*. *Кирика Улита – грозный праздник, работать нельзя, грозы бывают в этот день; Грибов много бывает; В августе бывает всегда много мухоты; Когда больша вода, быстрота (сильное течение) бывает, быстрое течение, а тиха река – медленно текет; [Вырастает пырей, образуется сухое место – бутан]. На низменных местах бутаны бывают; Болото, есть болото. Марь, кочки бывают, да все такое. Калтус бывает на мари, типа того же болота.* Итак, уже достаточно было сказано о том, что предложения моделируют реальную картину мира, интерпретируя ее средствами языка. Для диалектного языка (как и литературного) характерна предельная ограниченность лексических средств для передачи факта существования. Имеющуюся все же вариативность (*быть, существовать, иметься, водиться* и их эквиваленты) можно, очевидно, объяснить различными видами сущего и, соответственно, присущими им основными формами бытия (сравним членение на одушевленные и неодушевленные предметы, живое существо и растение, внутри одушевленных – противопоставленность человека всем прочим существам (родиться, умереть – в примерах: только человек); внутри неодушевленных можно выделить потенциально движимые предметы и неподвижные и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск, 2000.
2. Розова К.Л. Семантическое моделирование бытийных предложений: Учебное пособие по общелингвистическим дисциплинам. Тверь, 1997.

3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М, 1974.

Опубликовано: Филология. Сборник работ преподавателей и аспирантов
АмГУ и Пекинского университета.
Вып. 2. Благовещенск: АмГУ, 2002. С.58-61.

Н.В.Иванова

ГИДРОНИМЫ РУССКОГО И ЭВЕНКИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ТОПОНИМИКЕ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Среди амурских гидронимов, кроме имеющих русское происхождение, есть заимствованные из эвенкийского (Зея, Лиумун, Анамдяк, Буряя и др.), якутского (Утумук, Улюм, Порото, Иткан и др.), монгольского (Пальпага, Ухаза, Мадычи и др.) языков. Целью нашего исследования было выявить семантические признаки, положенные в основу амурских гидронимов русского и эвенкийского происхождения и сравнить арсенал актуальных для них признаков в русском и эвенкийском языках. Материалом послужили охотничьи карты, а также данные комитета природных ресурсов Амурской области.

Прежде чем человек реализует понятие (концепт) в название, оно складывается в его сознании. Новое имя создается на основе какого-либо признака, уже имеющего в данном языке звуковой комплекс [1, с.56].

В русском языке для именованья водного объекта оказывается важным имя человека, имевшего то или иное отношение к этому объекту, поэтому большая часть гидронимов создана на базе имен собственных (озера Белоноговское, Васильево, Власово, Семеново, Николаевское, Коротково, Гришино, залив Павловский и др.), которые выступают как релевантный в номинативном отношении знак.

Большинство гидронимов русского происхождения являются характеризующими, т.е. наименование складывается на основе выделения какой-то качественной стороны называемого субъекта, проявляющегося непосредственно в предмете [3, с.14]. Для русского человека оказываются

важными признаками, указывающими на: 1) животных, обитающих вблизи водоема или в водоеме (Медвежий, Волчий, Конское, Воронье, Свинячье, Сазанья, Соминое, Гусиное, Журавлиное); 2) растения, встречающиеся вблизи водоема (Осокино, Камышовое, Моховое, Осинное, Сосновое, Моховой, Березовый, Че-ремушки, Малая Коноплянка); 3) соседство с другим объектом, чаще всего также водоемом (Ключевское, Томское, Болотный, Дорожный, Островная, Утесная); 4) природные характеристики самого водоема: а) по особенностям дна (Песчанка, Песчаная, Каменушка, Каменка); б) по протяженности и особенностям течения (Длинное, Длинная, Быстрый); в) по температуре воды (Теплый, Теплый Ключ, ключ Холодный); г) по цвету воды (Голубая, Белая, Черные озера, Красное, Золотой); д) по предмету, сходному в каком-либо отношении с водным объектом.

Гидронимы этой группы могут быть результатом метафоризации исходных значений: а) на основе сходства по форме (Стакан, Чаша, Штаны, Копыто, Горбыль, Коврижка); б) по производимому впечатлению. В проанализированных названиях выделяются признаки со значениями, связанными с какими-либо эмоциями. Так, названия Счастливый, Веселый, Отрадный Ключ имеют положительную эмоциональную окраску, а Мрачный, Могила – отрицательную. Признаки, которые кладутся в названия оценочных гидронимов, не являются природными свойствами водных объектов, здесь проявляется человеческий фактор. Чувства, эмоциональная жизнь есть своеобразная форма отражения действительности, в которой выражается субъективное отношение человека к миру [1, с.20].

Менее продуктивен в русских гидронимах Амурской области функциональный аспект номинации. В этих случаях в них может содержаться указание на: а) деятельность человека относительно водного объекта (Рыбальное – там, где ловят рыбу, Купальное – где купаются, Золотоносная – где моют золото); б) место деятельности, находящееся вблизи водоема (Скотское – где пасут скот, Покосный – где находится покос, Амбарное – где стоит амбар).

Гидронимы эвенкийского происхождения имеют ряд характерных отличий, связанных с мироощущением этого народа. Эвенки, освоившие пространства горной тайги и тундры, выходили на Обско-Енисейский водораздел между Кетью и Туруханом (современный район Якутии), кочевали в степях Забайкалья и Верхнего Приамурья, по правым притокам Амура. В соответствии с их образом жизни и культурой основой гидронимов эвенкийского происхождения чаще всего становились признаки функционального типа. Среди них можно выделить гидронимы, в основу которых положены: а) названия места по функционально значимой деятельности людей (Кинлянджак от эвенк. «кинляндяк» – место, где изготавливали лыжи, Тында от «тында» – место, где отпускают оленей, Лопча от «лопча» – место, где вялили на солнце мясо); б) актуальные для человека формы жизнедеятельности животных (Аюмвчи от «аюм» – место зимовки рыбы в реке, Кудачи от «куду» – место, куда животные приходят лизать соль).

Отличительное свойство гидронимов эвенкийского происхождения – указание на особенности расположения водного объекта. Важное значение имеют: а) соседство объекта с какой-либо возвышенностью (Капичек от «капча» – скалы на берегу реки, Опэкэ от «опоко» – между двух сопков, Купури от «купур» – место, окруженное скалами); б) расположение объекта на ровном, широком пространстве (Кавекта от «кэвэктэ» – широкое открытое пространство, Кавликан от «ковали» – широкое заболоченное место, Галукан от «гало» – открытое пространство, не поросшее лесом, Агавут от «аглан» – луг, поляна); в) расположение объекта в окружении какой-либо растительности (Ланкули от «лан» – луговой, Орагли от «орокто» – травянистый). Встречаются также гидронимы, указывающие на местонахождение полезных ископаемых: Селемджа от «сэлэмэ» – железо (действительно, рядом находится Гарьское железорудное месторождение), Десс от «лес» – медь (вблизи есть залежи медной руды).

Кроме указанных признаков, в гидронимах эвенкийского происхождения встречаются указания на растения, которые встречаются вблизи

оленоводческого стойбища (Джагдаган от «дягда» – сосновая, Инагли от «инагли» – черемуховый, Чалба от «чалбан» – березовый). В качестве номинативно-релевантного признака могут выступать также названия животных (Хорогочи от «хорогочи» – глухариный ток, Джалинда, Джалингра от «дялинда» – таймень, Нера, Нерючан, Нерюнгри от «неру» – хариус, Гагамикан от «гаг» – лебедушка, Улукиткан от «улуки» – бельчонок, Орон от «орон» – олень).

Многие гидронимы эвенкийского происхождения указывают на особенности дна водоема, его течения, берегов (Эльга от «элгэн» – омут, водоворот, Сиан от «сиян» – песок, Джалта от «джэлта» – каменистое дно реки, Инами от «ина» – песчаный берег реки). В основе немало количества гидронимов – признак размера водоема (Биракан, Биракачан от «бикакан» – маленькая река, Барашка, Бирандя, Беранджал от «бирандя» – большая река).

Встречаются и образные гидронимы, в основу которых положена метафора. Как правило, это метафора по форме. Основанием для сравнения служат предметы обихода (Токур от «токуур» – колено печной трубы, Лагунай от «лагун» – корыто, Коналхо от «коноло» – рукавица, Зея от «дея» – лезвие). Опосредствованное выражение естественных признаков предметов, в конечном итоге, отражает стремление человека к ассоциативному восприятию явлений, дающему эстетически целостную картину мира [3, с.20].

Значительно более редки среди эвенкийских гидронимов образованные от имен собственных: обычно старика-шамана (Ноя, Унин, Чагай), реже – охотника (Орокон).

Таким образом, сравнительный анализ номинативных признаков, на базе которых складывались амурские гидронимы русского и эвенкийского происхождения, выявляет как сходство, так и существенные различия между ними.

Эвенкийские гидронимы на территории нынешней Амурской области возникли гораздо раньше, чем русские. Культура эвенков определяла их особое видение мира. Охотничий и рыбный промысел был основной деятельностью,

поэтому природа занимала преобладающее место в жизни человека, который ощущал себя не покорителем ее, а естественной составляющей природного мира. Неудивительно поэтому, что в основу многих эвенкийских гидронимов положены признаки, связанные с местом какой-либо значимой деятельности человека. Значительно реже, чем в гидронимах русского происхождения, в эвенкийских гидронимах встречаются образованные от имени собственного, что указывает на нерелевантность антропонимического признака при именовании водных объектов.

В русских гидронимах функциональный признак встречается значительно реже. Преобладание характеризующих, онтологических гидронимов свидетельствует об отстраненном восприятии природного объекта. А большое количество гидронимов, базирующихся на именах людей, подчеркивает антропоцентричность русского сознания. Так этнические особенности восприятия картины мира проявляются и в такой небольшой языковой системе как гидронимика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Сост. Б.А.Серебрянников. М, 1988.
2. Шиканова Т.А. Антропоцентризм семантических противопоставлений и деривационный потенциал лексики // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках. Ч. 1 / Под ред. З.И.Резановой. Томск, 1994.
3. Словообразовательное значение и его виды. Основные понятия / Сост. М.Н.Янценецкая. Томск, 1987.
4. Топонимический словарь Амурской области / Сост. В.В.Мельников. Благовещенск, 1998.
5. Эвенкийско-русский словарь / Сост. В.А.Горцевская и др. Л., 1958.

Опубликовано: Вестник Амурского государственного университета.
Вып. 9. Благовещенск: АмГУ, 2000. С.73-74.

РАССКАЗЫ О КИТАЙЦАХ, ЗАПИСАННЫЕ ОТ СТАРОЖИЛОВ АМУРСКИХ СЕЛ

Летом 2003 года состоялась очередная научная фольклорно-диалектологическая экспедиция преподавателей и студентов АмГУ, маршрут которой проходил по селам Иннокентьевка, Красный Луч, Грибовка, Касаткино, Сагибово Архаринского района. Расположение сел по берегу Амура способствовало тому, что тесное взаимодействие русских и китайцев на приграничных территориях было естественным и закономерным. Во время экспедиции записаны рассказы, дающие представление о том, как развивались взаимоотношения славян и китайцев и как складывался образ китайца в представлении русских, белорусов и украинцев, заселявших Дальний Восток.

Межэтнические контакты русских и китайцев на Амуре были обусловлены прежде всего причинами политического и экономического характера. С середины XIX в., после воссоединения Приамурья и Приморья с Россией, царское правительство направляло на Дальний Восток потоки переселенцев для укрепления приграничных территорий, на которые претендовали также Китай и Япония. Главной силой, защищавшей дальневосточные границы России, были заставы, где отбывали службу казаки-первопоселенцы, и сформированные из жителей станиц казачьи разъезды.

Наиболее интенсивное освоение и заселение приграничных территорий по обеим сторонам Амура проходило в конце XIX – начале XX вв. Русские и китайцы находились в то время в своеобразной экономической взаимозависимости. Равноправная русско-китайская торговля поощрялась, т.к. была взаимовыгодной: она позволяла развиваться приграничным территориям обеих стран, способствовала установлению и укреплению добрососедских отношений России и Китая в ситуации, когда Япония претендовала на Маньчжурию и южные Сахалинские острова. На территорию Приамурья прибывали выходцы из Китая – на рыбные, лесные, золотые промыслы.

Некоторые из них нанимались в работники к казакам, которые занимались в основном охраной границы и не имели достаточно времени для обрабатывания огромных земельных и охотничьих угодий. Рассказы об этом сохранились в памяти старожилов.

В конце XIX – начале XX вв. русское и китайское население на приграничных территориях вело активный товарообмен. Общей денежной единицы не было; на этот берег китайцы приносили спирт, сладости, взамен получали овечьи, лисьи, барсучьи шкуры. Русские несли в Китай птицу, куриное мясо и яйца, там *«набирали спирт/ нясли одеялы/ нясли шали»* (Л.Г.Позднякова, с.Красный Луч).

В 20-е гг. Амурская область была фактически изолирована от Советской России белоказачьими войсками, основавшимися в Забайкалье. В этих условиях руководство области стремилось развивать добрососедские отношения с Китаем. Жители приграничных районов могли практически свободно пересекать границу: *Граница не охранялась// И тут и наши туда ходили/ и китайцы сюда ходили// Была открытая граница//* (М.Г.Булавина, с.Касаткино). *Китайцы ходили вон женьшень собирать/ золотишко мыть// Пушкиной занимались// Вот пушнину-то туда возили / на ту сторону китайцам/ сдавали//* (Шевченко Н.И., с.Касаткино). В 30-е гг. из-за создавшейся угрозы нападения Японии на СССР контроль на границе был ужесточен, но и русские, и китайцы продолжали тайком ходить через Амур. Товарообмен был необходимостью для обеих сторон, это в какой-то мере обусловило мирный характер соседствования, несмотря на напряженность взаимоотношений Советского Союза и Китая. Можно ли сказать, что русские и китайцы на дальневосточной границе в то время враждовали? По мнению старожилов, нет. Вот как ответила на этот вопрос жительница приграничного села Красный Луч Л.Г.Позднякова: *Нет// Я не знаю// Потому что здесь/ ну прйдишь ты тока/ ну вечером прйдишь/ ўот опять ты переспала ўот/ а уже вутром походишь там/ пока чё понаберёшь/ вечером ты уходишь оттуда// Ўот/ не было//*. Китайцы давали русским приют на ночь, бывало даже, помогали им перебраться через Амур.

Поэтому и русские терпимо относились к тому, что китайцы, отправляясь с товаром в удаленные от берега селения, останавливались в домах жителей приграничных деревень: *Идутъ ў Казаноўку/ и к нам зайдутъ// Переляжатъ день/ чтоб солдаты не поймали/ и на Казаноўку// И тольку ночью приходя/ ўот поляжатъ у нас и фитъ/ и пошѣў опять на ту сторону//* (Л.Г.Позднякова, с.Красный Луч).

Судя по рассказам старожилов, примерно до середины 30-х гг. XX в. отношения русских и китайцев были достаточно мирными. Китаец в восприятии жителей Приамурья конца XIX - начала XX вв. – другой, чужой, но не враждебный человек. Его речь непонятна (*По-своему гиргочатъ// Они не разговаривали/ гр-гр-гр/ ўот и понимай как хочешь* (Л.Г.Позднякова)), необычен внешний вид (*У китаечки ноги ўот такие маленькие ўот...// Китаец.../ коса ўот такая/ до задницы/ да толстая!!! Сивая/ заплѣтена//*(Л.Г.Позднякова)), еда и способ ее приготовления также необычны для русского человека (*У их первая закуска лягуши// – Вас не угощали?// – Угощали// Мы не ели// Я даже лепёшку и то не ела// – А почему?// – То что на коленке он на голом катая/ ўот/ я побрезговала//* (Л.Г.Позднякова)).

Из рассказов старожилов известно, что в те времена китайцы нередко брали в жены русских: *Женщины повыходили взамуж за китайцев// Некоторые поужезжали с китайцами туда/ а некоторые остались//* (А.Т.Терещенко, с.Касаткино). Интересен тот факт, что детей от смешанных браков, родившихся и проживавших в Амурской области, считали русскими, а тех, кто родился у русских женщин, уехавших на правый берег Амура, называли «китайчатами», хотя имена им давали чаще всего русские (*...w третий раз пошли <в Китай>/ моя сестра-покойница// Китаец хотел её взять с собой/ ну они рады/ к нам приходят/ дак мы уже не боялися// Иванов еуо звать было// Дак мы не боялися / у его мать русская / отец китаец быў //* (Л.Г.Позднякова)).

В военное и послевоенное время русские уже не так часто ходили на противоположную сторону Амура и граница охранялась более строго, чем в начале века, хотя проволоки по левому берегу все еще не было. В послевоенные

годы китайцы стремились попасть на приамурские территории, спасаясь от голода на родине, и при задержании их русскими пограничниками наотрез отказывались возвращаться назад. Г.И.Винц (с.Касаткино) рассказала, как в декабре 1960 года в их избу зашел китаец-перебежчик: *Раньше ж системы не было/ проволоки этой// <...> чё-то калитка заскрипела <...> батюшки! Заходит/ китаец стоит!// Я напугалась/ бросила вышивку/ ребёнок в зыбке/ я скорее// А мой супруг не растерялся сразу/ а он представился что по-русски не разговаривает/ не понимает// А я сразу раз/ и к соседу/ в дом <...> а он бригадиром у нас был// Я/ а у них собака злая/ я тут и собаку не испугалась/ через собаку и забегаю <...>// Он позвонил на заставу <...>// А я боюсь в дом-то заходить/ думаю моего супруга там может убил или чё// А мой супруг-то его накормил/ одеяло ему ещё расстелил на пол / ложись мол/ а он молчит/ что я не буду мол// <...> Ну тут и... застава приехала// <...> потом / ему глаза завязали увезли на заставу//.*

Е.Ф.Мокеенко (с.Сагибово) рассказала историю, случившуюся в конце 60-х гг., о том, как поймали на берегу Амура «китайку»: *...женщина перешла/ деўка молодая// Перешла/ в курточке леганькой/ на ногах такие красненьки/ э-э/ ботиночки на ей носочки лёгкие/ и вот в этом она перешла Амур/ и вот ходит за проволокой тута <...>// ...перешла босяком почти// Или она мож тут переделалась/ может быть скинула тёплое/ как она не замёрзла ведь мороз такой же был...// И вот она без рукавиц без всего ходит// Мноуо было перебежчиков/ мноуо// – А чего шли сюда?// – Одного поймали/ тот: «Моя кушать хочет»/ по животу уладит: «Моя кушать хочет»/ идёт сюда поест// <...> многих ловили// Вишь бедность такая/ а теперь уже вроде получило/ не знаю//*

По рассказам старожилов чувствуется, что бедно одетым, голодным китайцам жители Приамурья сочувствовали, однако относились с недоверием и настороженностью, особенно после событий 1964 года, когда переговоры по уточнению демаркационной линии по Амуру закончились кровопролитным столкновением на острове Даманском.

Таким образом, в период с середины XIX в. до 30-х гг. XX в. общение с китайцами для амурских переселенцев, русских, украинцев, белорусов, носило в основном хозяйственно-бытовой характер, являлось, в некотором отношении, вынужденной необходимостью, но, в то же время, было взаимовыгодным. Китайцев воспринимали как людей другой культуры, отличной от культуры славян, а потому относились к ним с осторожностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сергеев О.И. Роль и место казачества в заселении и обороне приграничных районов Дальнего Востока России во 2 пол. XIX в. // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Выпуск третий. Проблемы истории, социально-экономического и культурного развития / Амурский гос. ун-т. Благовещенск, 2000.

2. Залеская О.В. Торгово-экономические отношения населения приграничных территорий Китая и России в годы гражданской войны и интервенции // Там же.

3. Архив фольклорно-диалектологических экспедиций кафедры русской филологии. 2003 г. (хранение: АмГУ, 7 корп., каб. 302 — Лаборатория региональной лингвистики).

Опубликовано: Приамурье от первопроходцев до наших дней.
Материалы региональной научно-практической конференции.
Благовещенск, 2003. С. 23-25.

Д.Н.Галимова

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА РУССКИХ ГОВОРОВ ПРИАМУРЬЯ

Метафора как языковое отражение когнитивной деятельности человека — часть языковой картины мира. Метафора является результатом осуществлённого субъектом сравнения предмета, признака или процесса с множеством других известных ему предметов, признаков или процессов. Это способ наименования, характеристики, оценивания сущностей одного рода через представления о сущностях другого рода, уже сформированных в сознании человека, репрезентация знания в языковой форме [1, с.55].

Метафоры создаются либо для идентификации обозначаемого — новых концептов, артефактов, натурфактов, сформировавшихся под действием

экстралингвистических факторов, и при этом выполняют чисто номинативную функцию (*пупок, пятка, носок* как элементы косы), либо для характеристики и/или оценки какого-либо явления (*маленько стали после войны это/ оперяться*¹). Метафоры второго типа образуются вследствие стремления говорящего более выразительно охарактеризовать объект и, чаще всего, в связи с этим дать оценку именуемого. При создании метафоры происходит «наложение» исходного значения (ИЗ) метафоры на лексическое значение обозначаемого, что вызывает в воображении комплекс ассоциаций.

Так как метафора – это результат переосмысления и оценивания известного или осознания нового на основе известного, привычного, то в ней присутствует не только характеристика какого-то элемента действительности, но и отражение фрагмента ценностной картины мира человека. Например, в высказывании *Раньше с песнями на работу/ с работы/ везде сопровождала нас песня* отражается представление о песне как о живом существе, находящимся рядом с человеком, следующим за ним, и это – часть ценностной картины мира русских. В языке находит свое отражение прежде всего то, что является важным для практической и духовной жизни человека. Таким образом, метафора является формой репрезентации быта и культуры народа.

Анализируя процессы образования метафор, можно выделить четыре направления метафоризации по отношению к человеку как центральному субъекту картины мира: человек → мир (1), мир → человек (2), человек → человек (3), мир → мир (4) [2, с.224].

1. При метафорическом осмыслении реалий материального мира и абстрактных сущностей перенос осуществляется чаще всего с человека на окружающий мир; человек видит мир через себя, т.е. представляет всё то, что находится вне его самого (артефакты, предметы животного и растительного мира, явления природы, явления абстрактного порядка), через свои собственные характеристики, действия, ощущения, состояния: *Дом стоит*

¹ В данной статье представлены фрагменты текстов, записанных во время диалектологических экспедиций 2000 – 2003 гг. в сёла Амурской области. Объём исследованного материала – 274 метафорические единицы.

сирота; Солнце выйдя/ потом у тучи спрячется; Меня вчера как схватила/ температура; Нищета нас душила (около 60 % зафиксированных единиц).

Метафорически осмысляются в сознании диалектоносителей такие абстрактные категории, как счастье, любовь, душа, они получают обозначение через конкретные сущности, более близкие и понятные человеку. Сопоставление исходного значения (ИЗ) слов и переносного (результатирующего) значения (РЗ) позволяет понять отражённое в метафоре восприятие абстрактного. Так, например, человеческая душа мыслится как некое существо, подобное самому человеку: *душа поёт* (*Петь*. ИЗ: издавать голосом музыкальные звуки, исполнять голосом музыкальное произведение². РЗ: о состоянии эмоционального подъёма). Абстрактным понятиям *страх, нищета, любовь* приписываются действия, совершаемые живым существом, человеком или зверем: *меня страх забрал* (*Забрать*. ИЗ: взять кого-либо, что-либо откуда-либо с собой, к себе. РЗ: охватить (о душевном состоянии)); *нищета нас душила* (*Душить*. ИЗ: убивать, насильственно останавливая дыхание. РЗ: лишать возможности нормально жить); *любовь за душу скребёт* (*Скрести*. ИЗ: проводить по какой-либо поверхности чем-либо острым, жёстким, издавая при этом царапающий звук. РЗ: беспокоить, тревожить, мучить). Антропоцентричность человеческого сознания отражается и в следующих метафорах: *Сон не врёт; Война напала; Война помешала жить; Везде сопровождала нас песня; Эти запели/ те подхватывают/ идёт песня*. Приведённые высказывания подтверждают присутствие в сознании диалектоносителя следующих метафорических моделей: «чувство (например, страх) – это человек», «душа – это человек», «песня – это человек», «любовь – это живое существо», «война – это человек». С категориями, названными здесь, нельзя ознакомиться эмпирически, поэтому, чтобы сделать их более понятными, человек метафоризирует их через «параметры» себя; эмпирический

² Все прямые значения здесь и далее приводятся по Словарю русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П.Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981 – 1984.

опыт помогает ему представлять абстрактное через характеристики конкретного.

Метафорическое описание в речи диалектоносителей получают ощущения и физические состояния человека, в частности, описание болезненных состояний. В метафорических выражениях отражены этапы заболевания (начало/конец), особенности протекания заболевания. С названием конкретной болезни или больного органа соотносятся конкретные действия, совершаемые человеком. Болезнь осмысляется через действия некоего субъекта, способного перемещаться в пространстве (ходит, садится, уходит), враждебного по отношению к человеку (нападает на человека, хватает его, мучает, душит, беспокоит, бьёт) [см. также 3, стр. 88-89]. Представление о болезни как результате (последствии) воздействия некоей «нематериализованной» силы выражается через безличные глаголы. Метафорическая модель «болезнь – это человек» реализуется в следующих высказываниях: *Скарлатин **ходил** тогда; Здесь видишь/ таёжное место/ здесь больше болезней человеку делается на ноги// **Садятся**// Здесь место сырое; Вот у него грыжа вся и **ушла**/ как будто и не было; ...тут немножко подзаболел// Меня **схватило** сердчишко; Зоб у меня уорло **душит** давно уже; А родимец его **бьёт**/ не дай боу никому; Радикулит меня совсем **замучил**.* Возникающая чаще всего по непонятным для информанта причинам болезнь обозначается через действия и характеристики, свойственные самому человеку, то есть мыслится через категории, близкие ему, как бы очеловечивается.

Метафорические названия предметов, построенные по схеме «человек → артефакт», отражают их ассоциативное и сходство по форме и по способу функционирования с частью тела человека: *Я большинство на конях **работал**/ боронил// Бороны конные/ железо// **Зуб**/ который землю рыхлит; Железная коса// **Пупок** держит косу на палке// **Пятка**/ где косьё с косой сходится; В домах **пряхи** были/ и сами шерсть **пряли**// Сейчас **пряхи** уже (э)лектрические.* Если же метафорическому осмыслению подвергаются качества предметов или действия, совершаемые при помощи них или над ними, сферой-источником для

таких метафорических переносов являются качества и действия человека: *врать* – о звуке, издаваемом расстроенным музыкальным инструментом (*Да врёт она/ балалайка*); *ходить* – двигаться (о неживом) (*На блюде ворожили// Блюде само ходит*); *вырасти* – подняться (о хлебе), *бойкий* – быстро поднимающийся (о хлебе) (*И на эту капустину тесто// Во! Положила хлеб/ бойкий вырастят*); *в отставку пойти* – стать ненужным (*Старого не было уютга? – Был/ был/ что ууоль клали и этот был поначалу/ когда тот уже в отставку пошёл/ стал уже так...*); *живой* – натуральный (о продукте) (*Здесь же живое молоко*); *живой* – в рабочем состоянии (о механизме) (*Он <мотор> так вроде живой/ но надо же к нему руки приложить*).

Животный и растительный мир также находит метафорическое отражение в речи информантов. Для названий животных и растений используются названия и характеристики людей, при этом в основе метафоризации лежат ассоциации по совершаемым действиям: *Пожарник/ это кузнечик// Он пять сантиметров в длину/ у него такие красные или красно-малиновые подкрылки; У мене здесь два цветка лечебные <...>/ то хирург/ <...> от ридихулита*. Метафорически осмысливается процесс роста растений, их лечебное действие или назначение: *Щас в оуороде работать надо// Вон как трава буюнит; Сорняки нас совсем задавили; Оуород какой бушует; Капуста поднимает листья/ жди дождя; Был бы дождь/ тогда бы пошла картошка; Шиповник кровь разбивает; Борец (о)безбаливающий/ всё снимает/ все болезни; Раньше лён всех одевал*.

Мир природы наделяется действиями и свойствами человека, одушевляется: *А родит усё здесь; Тайга любит смелых/ серьёзных/ нетрусливых// И здоровых// Нездоровых тайга не любит/ забирает; Мороз/ уворят/ побил ягоды*. Переносное значение в таких метафорах получают как действия человека, так и названия, признаки и действия неживой природы: *Остановилась река<...> Лёд дыбом становится и так замерзает <...>/ и получают такие шубы// Торосы они называются <...>// Это кипит говорят тогда/ река/ накипь/ торосы; А есть болота с красноватой водой... - А это*

*ржавое/ называют болото **ржавое/** если красное; Месяц **сходя**; Солнце тучей **зányто/** тады **рукавицей** <тучи> назывались; Солнце **взыдя/** потом у тучи **спрячется.***

2. Метафорический перенос, направленный от внешнего мира к человеку, его физическому и психическому состоянию, эмоциям, действиям, встречается в речи информантов реже: *Маленько стали после войны/ это/ **оперяться**; Простыла на морозе/ **жабу** получила// Ануина значит; ... у нею слёзы **руч(ь)ём/** помирает; Сама ещё ничё но ноги болят// **Оунём** горят.* В подобных примерах в качестве субъекта метафоризации выступают предметы животного и растительного мира.

3. Метафорический перенос с человека на человека осуществляется при обозначении его действий, психического и физического состояния. Названием какого-либо вида деятельности информанты обозначают действие, непосредственно с этой деятельностью не связанное или имеющее к ней опосредованное отношение: *выбить* – об интенсивно совершавшемся действии (*Были вечерки// Танцы **выбьем** и трава не растёт*); *молотить* – интенсивно совершать какое-либо действие (*там <на вечерке> и пляшуть/ и танцуют и чего только нету/ всю ночь как есть/ **молотють***); *копать* – тщательно выискивать (*Паспорт здесь меняла// На Западе нельзя этою было сделать/ тама всю подноутную **копают***); *пахать* – работать (*Я всю жисть топором **пропахал***); *батрачить* – выполнять тяжёлую работу (*В войну... в деревнях то(ль)ко жєницины дети да старики оставались/ вот они-то на полях да на оуородах и **батрачили***); *умыть* – полить, сбрызнуть водой (*хлебушек вынимаешь из печки/ его надо полить/ чтобы **умыть***). Название хорошо известного, привычного информанту действия метафоризируется, используется для обозначения другого конкретного действия, ассоциативно ему подобного.

Через метафору раскрываются и отношения между людьми: *Я в мужа **втрескалась сразу/ сразил** красотой; ...мож у него на работе сто(ль)ко неприятного/ а ты его ещё **воспаляешь**; Меня тоже **задевае** сколько раз на почте эти жєницины; Вот жили мы/ четыре семьи/ мордвы/ пять было/*

чувашей три семьи/ белорусов пять семей...// Всё же нах... общим языком/ кто как **опирались**/ понимали друг друга.

4. Метафорические переносы с окружающего человека мира на окружающий мир встречаются нечасто: *Газ-то/ кусучий щас; А есть болота с красноватой водой? – А это/ ржавое называют болото; Давайте выйдем со двора а то собаки будут гоготать.* То, что в окружающем мире необходимо назвать посредством метафоры, диалектоносителю проще, яснее представить через характеристики человека, очеловечить мир, вербально придать ему свой «облик». В тех немногих метафорах, в которых осуществляется перенос с мира на мир, основанием метафоризации является внешнее сходство предметов или действий, реже – признаков. Явления мира природы метафорически интерпретируются как предметы домашнего обихода, материальные продукты человеческой деятельности (*Котёл/ настоящий котёл// То шо крууом тайуа; Лёд дыбом становится и так замерзает <...> Это озеро может гладко/ а быстрая река это напирает/ сдавливают/ и получают такие шубы; А этот как цветок называется? – А это вот калачик (о герани); А раньше у меня тут была свекла кормовая для коров// Там такие булки были – Булки? – Ну такие брюквы большие).* Орудия труда и их детали получают названия животных и их частей тела (*Ухват он и сейчас наверно есть у колидоре// <...> Такие роуа/ а тут трубка и палочка длинная; Распашник/ это окучник/ крылышки как мои ладони; На козле вот дрова пилю).* Встречаются метафорические переносы с предмета на предмет по форме и способу использования (или назначению): *Сани возжу – Это как? – Как вот/ кораблики водят// Привязываешь шнур/ и тоже значит/ крючки такие делаешь...// А хватаются <рыбы>/ думают/ что это мотыльки плавают; А чем угли переворачивать? – Кочергой// Или называют клюшка.* Растение может обозначаться названием животного (чаще домашнего) или названием части его тела: *Варили/ курочек/ я их/ теперь курочек этих и не найду я и не знаю что они за курочки эти / трава такая; Я шибко мноуо пила медвежьи ушки/ они как брусничный листик/ только длинненький и уже; Ещё у нас синявки растут/ сыроежки по-другому/*

лисички/ олени рожки/ грибы такие без шляпок/ а как кустик с многими отросточками. Чаще всего такое название является единственным в представлении информанта. Суффикс *-к-*, встречающийся в подобных метафорических названиях, не выражает экспрессивной окраски, а, скорее, имеет значение «подобный настоящему», «маленький и ненастоящий» (ср. в названиях игрушек: мышка, собачка – т.е. подобия живых существ).

Перечисленные метафоры строятся по следующим моделям: «растение – это артефакт», «растение – это животное (или его часть)», «орудие труда (и его деталь) – это животное (и его часть)». Диалектоноситель расширяет границы привычного ему бытового окружения, распространяя его «параметры» на более удалённый, изначально независимый от человека мир природы, который в сознании информанта, метафоризируясь, приближается к миру человека. И наоборот, вещный мир приобретает характеристики мира природы, точнее – его части, познанной человеком.

Среди всех рассмотренных нами диалектных метафор наибольшее количество относится к человеку, его действиям, состояниям, эмоциям. Остановимся на метафорическом осмыслении человеческой жизни.

В русской языковой картине мира жизнь человека представлена множеством моделей: пути, дороги (шествовать по жизни, перекрёсток жизни), книги (главы жизни, страницы жизни), денег (тратить жизнь, разменивать жизнь, цена жизни), огня (жизнь угасла, пожар жизни), циклической моделью, представляющей периоды жизни человека в терминах суточного и годового цикла (утро жизни, зенит жизни, закат жизни) и другими [4, с.35].

Анализ высказываний диалектоносителей показал, что жизнь чаще всего метафорически интерпретируется как активный субъект, линейно однонаправлено перемещающийся, либо производящий по отношению к человеку какие-либо действия (чаще негативного, разрушительного характера). Представления о жизни человека могут быть переданы через описание перемещения в пространстве некоего субъекта (*Прошла жиз(н)ь плохо; У нас*

*старик на углу живёт и собак ест <...> // Вскоре и мне такая жизнь **подойдёт***), либо через описание движения какого-либо транспортного средства (*так и жизнь вот **прокатилась***). Сопоставление ИЗ и РЗ отражает следующее восприятие жизни: вся жизнь уподобляется движению субъекта, причём это движение (перемещение) воспринимается как самостоятельное, независящее от желаний и усилий человека (и это неотвратимое движение оценивается чаще всего негативно).

Метафорически представлено и восприятие эпох, периодов жизни: *У меня какое детство было/ такая старость **застала** // Одна/ <...> дома днём и ночью я одна*. Старость интерпретируется как некий субъект, который приходит к человеку, причём этот приход оказывается неожиданным и неизбежным (*застать*. ИЗ: найти, застичь в каком-либо месте, в каком-либо положении, состоянии. РЗ: наступить (о времени)).

В метафорических моделях жизни может быть воспроизведена такая ситуация: человек проживает жизнь, как проходит (проезжает) дорогу, часть выделенного ему пути (*А тебе надо ещё жисть **идти**; Человек не уходит из жизни // Он просто/ **сходит**/ на самой **дальней станции**/ без обратного билета*)³. Так как жизнь понимается как движение от рождения к смерти, то о тех, кто умер, говорят как об ушедших, исчезнувших из поля зрения, удалившихся за пределы видимости: *Я самая старша/ самая последняя осталась/ все уже **ушли**; Осталась я... вишь последняя/ теперь уже все **ушли** // Сёстры мои все поуходили все **поумирали** уже; А я вот всё ещё живу <...> // Опять два года прожила/ так и **тянуса***. Здесь ИЗ *тянуться* (волочиться, тащиться вслед за кем-, чем-либо) получает РЗ «вести пассивный образ жизни, жить, не имея вкуса к жизни. (т.е. двигаться по жизни еле-еле, через силу)». Сама жизнь может осознаваться как дорога (в значении «путешествие, пребывание в пути», т.е. постоянное движение): *Я ўсю **дорогу** прора́била* (т.е.

³ Это почти поэтическое высказывание принадлежит человеку, самостоятельно занимающемуся литературным творчеством.

всю жизнь). – *Головные уборы как называли? – Головной убор как? Ну я обычно в платочке всю дорожу.*

Таким образом, в сознании диалектоносителя представления о жизни оформляются через характеристики движения некоего субъекта либо через представление о движении по какому-то пути, дороге. Сосуществование этих метафор («жизнь – движущийся субъект» и «жизнь – дорога, путь») можно объяснить двояким восприятием самого движения человеком: либо субъект неподвижен, и всё движется мимо него, либо, наоборот, всё статично, а движется он [4, с.412].

Встречается и окказиональное употребление глагола *вечереть* (ИЗ: клониться к вечеру, переходить в вечер) в значении близиться к завершению: *Как всё же мало в жизни сделал// Но вечереет/ я умру...* Завершение жизни мыслится через параметры суточного цикла: наступление вечера – логическое завершение дня.

Жизнь может осмысляться как субъект, который оказывает негативное воздействие на человека: *Жизнь надолбёт/ всё ценить станешь.* (*Надолбить.* ИЗ: долбя, наделать дыр, отверстий. РЗ: преподнести урок, изменив состояние, причинив страдания). Результатом такого воздействия является то, что человек начинает по-иному воспринимать действительность. Встречается и такое метафорическое сочетание, в котором жизнь оказывает разрушительное воздействие на человека: *Меня жиз(н)ь срубила.* Жизнь в данной метафорической модели интерпретируется как субъект, делающий человека несчастным, причиняющий страдания, что может быть соотнесено с действием *сгубить* – привести к гибели, смерти. Антропоморфизм метафорического осмысления жизни отражается и в таких моделях, в которых говорится о чувстве обиды, которое может возникнуть по отношению к жизни, как по отношению к другому человеку: *Так вот и живу/ ну на жиз(н)ь не обижаюсь.* Жизнь может быть представлена и как объект, которым, без учёта его воли, наделяется человек: *Нам уже чё/ нам уже досталась своя жизнь как жизнь досталась/ ничего/ не обижайся/ чё теперь.*

Отсутствие в речи диалектоносителей метафорических моделей жизни как огня, воды или книги объяснимо, возможно, тем, что для людей деревни, чья жизнь проходит в труде, в постоянном движении, эти яркие образы не являются концептуальными, не отражают их ценностную систему.

В высказываниях диалектоносителей косвенно отражается понимание правильной жизни как некоего целого, единства, системы, слаженной структуры. Подобная модель жизни воссоздаётся из высказываний, в которых изменение образа жизни характеризуется как деформация или разрушение, и это оценивается отрицательно: *Жили/ хорошо было/ всё **развалилось**; после перестройки увсё и стало **разваливаться***. Жизнь мыслится как непрерывная линия, лента, которая может оборваться, разорваться под воздействием внешних факторов: *Мало пожили всего а тут война началась так... всё **оборвалось***. (*Оборваться*. ИЗ: оторваться, отделиться от чего-либо, разделиться на части от натяжения, рывка. РЗ: внезапно прекратиться, прерваться). Процесс разрушения жизни может быть передан и через глагол *отпасть* (ИЗ: в результате повреждения, удара и т.п. отделиться от чего-либо, перестать держаться на чём-либо; отвалиться): *Как деда похоронила/ так всё и **отпало***. Глагол получает РЗ «утратить связь с чем-либо; стать малозначимым, неважным, ненужным, уйти на второй план».

Метафорически обозначаются и действия, совершаемые человеком, его физические и интеллектуальные состояния, части его тела, сами люди.

Большинство метафор, называющих действие, интеллектуальное и физическое состояние человека, строятся по принципу метафорического переноса «действие человека» → «действие человека». Лишь в немногих случаях метафоризируется действие или состояние животного (*Ну помыли мне голову/ вытерли меня/ всё/ я лягла// Лягла и **сдохла**; Но вот девочку встретил/ они быстро **снюхались**/ поженились; ...**залетает** опять этот Шевченко*): для человека наиболее актуально то, что связано с *его* миром, для определения совершаемого человек пользуется названиями им же выполняемых действий.

Однако чаще перенос осуществляется с конкретного действия на абстрактное, более сложное: *Меня поставили бригадиром* (*поставить* – назначить на какую-либо должность); *Усё тянуть/ украли кошку со двора// Иллюминий ентот тянуть* (*тянуть* – красть); *Эти <парни> то(ль)ко любят самы себя/ да то(ль)ко думают/ как бы тебе обмануть// И беуае/ и крутить* (*крутить* – быть неискренним, хитрить); *Воткнулась на ферму птичницей* (*воткнуться* – устроиться на работу).

В метафоре представлено речевое поведение человека: *наворачивать* – много говорить, не испытывая затруднений; *строчить* – очень быстро говорить; *мурлыкать* – тихо напевать; *плести* – говорить что-либо неправдоподобное; *лепить* – говорить много, обсуждая, сплетничать, как бы «лепить» мнение о ком-либо; *подсечь* – резким или едким замечанием заставить замолчать; *сбрехать* – соврать: *Я в школе тоже по-хохлацки наворачивала; Она только анекдоты строчит// Да так хорошо у неё получается; Ну когда на рабочем месте вот так сядишь один <...>/ и мурлыкаешь чё-нибудь; Что ты там плетёшь? – Я не пляту/ а правду говорю/ что было; Соседи не работают/ а завидуют// На лавках сидят/ и лепят и лепят/ пока я коров пасу; Я один раз ему сказала/ я бы вам сказала но вы молодые/ неудобно говорить// Я одного тут подсекла; Как бы шоб не сбрехать вам.*

Физические характеристики человека также находят отражение в метафорах. Так, части тела могут получать наименование по соотношению с реалиями быта информанта: голова называется *курятником* (*Ух не люблю я китайцев/ вредные они// Иной раз так бы и съездил ему по курятнику*), вероятно, метафора возникла по звуковой ассоциации с шумом, гвалтом в помещении, где содержатся куры. В другом случае голова называется *котелком* по ассоциации со звуком, который издаёт пустой чугунный котелок при ударе по нему твёрдым предметом (*Тот нехороший мужик/ что нажать нажил/ а взять не взял// На мужиков несли вину за эту женщину// Вот которая молодая была/ не соображала ещё своим котелком*). Основанием для второй метафоры может являться и «назначение» двух предметов: котелок наполняется едой –

голова наполняется мыслями; подобная схема метафорического переноса подтверждается в следующей метафоре: *Молодое дело/ голова не сварила как надо// Ну что решила замуж выходить.*

Отдельно стоит отметить метафоры, в которых передаётся отношение человека к частям своего тела как к самостоятельным, наделённым собственной волей и возможностями организмам или механизмам: *А щас вот ноги не ходют// Ноги ходили я бы и сейчас его <хлеб> пекла <...>// Ноги-то и подвели-то/ кабы ноги не подвели...; Всё поплачу/ поплачу/ а щас ручечки не хочат работать; Ноги вот не ходят/ отказались ноги совсем; Ой/ что-то уолова порядком не работает; Снимай сумку/ пусть плечи отдохнут; ...а потом уж опеть руки мои наладилися/ перестали болеть/ опять стала дояркой.*

Называя части тела или характеризуя облик и физические качества человека, негативную оценку передают те метафоры, в которых присутствуют эстетически непривлекательные предметы и признаки: *шкура* – кожа, *труп* – тело, *потник* – спутанные волосы, *корявый* – согнутый от работы; напротив, положительные с точки зрения эстетики качества присутствуют в метафорах, характеризующих положительные качества человека: *бархатный* (голос) – мягкий, приятный; *червонненький* – цвета червонного золота (о цвете волос).

Те же закономерности наблюдаются и в метафорах, называющих человека (причём здесь абсолютное большинство метафор отражают отрицательную оценку человека, данную по его физическому облику или психологическим качествам). Называя человека *зверем*, характеризуют его как жестокого, беспощадного, и оценивают эту его черту отрицательно: *Отец заболел...// Такой он нехороший человек был// Зверь/ пил безбожно/ бил меня и деда.* Называя человека *фашистом*, подразумевают, что он совершает какие-то негативные, жестокие или вредоносные, действия по отношению к другому, и оценивают это отрицательно: *Тётя Галя у нас песни хорошо поёт// У ней бабы собираются// А я с хвашистом своим куды пойду?* Говоря о человеке *труха*, *пень*, *гнилушка*, *чурка*, имеют в виду его физическое нездоровье, оценивая это

состояние негативно: *Так вам сколько лет? – Шиисят пятый. – Так вы ещё молодой. – Но-но-но-но! Я/ молодой/ знаешь считаю/ который жизнеспособный/ всё/ а когда/ это труха-а/ это тфу! Пень. – Пень это кто? – Гнилушка; Ноги болят у коленках/ водянка мучить/ ну чурка з улазами/ не могу ни подняться/ ничею.* Отрицательную оценку через именование кукушкой получает девушка лёгкого поведения: *Кукушки так девки/ так мы их называем кукушками/ шаляющие.* В таких высказываниях метафорический перенос направлен чаще с реалии животного мира на человека.

Явления мира природы могут участвовать и в метафорической качественной или количественной характеристике чего-либо: *А он лежит/ у ею слёзы бобом; Я села на стулик/ а у нею слёзы ручьём/ помирает; Мяса у них было море; Картошку гнилую собирали // Станешь/ смотришь/ туча народу идёт эту картошку собирать.*

Анализ метафор русских говоров Приамурья позволяет сделать следующие выводы. Метафоры в речи диалектоносителя отражают восприятие действительности простым человеком, в абсолютном большинстве случаев не имеющим опыта литературного творчества и, тем более, «не обогащённым» специальным литературным образованием. Описываемые метафоры рождаются самой жизнью – эмпирический опыт людей создаёт именно такую репрезентацию действительности.

Метафоры обусловлены личным опытом человека, его индивидуальными стандартными представлениями о мире, но при этом они не остаются недоступными для понимания их остальными носителями языка. Можно говорить о том, что в целом метафорическая картина мира говоров Приамурья однородна. Об этом свидетельствует повторяемость метафор, а обусловлена она, скорее всего, тем, что большинство наших информантов – люди сходной судьбы: многие из них получили только начальное образование, с самого детства трудились на земле, многих коснулась война. В их речи метафоры отражают окружающий диалектоносителей привычный для них мир.

Наблюдения над диалектным материалом показали, что метафорическому осмыслению чаще всего подвергаются действия, как абстрактные, так и конкретные. Большое количество глагольных метафор связано, вероятно, с тем, что основная часть рассказов информантов – повествование о прожитой жизни, описание событий прошлого и настоящего и оценивание этих событий, чему и помогает представление одной ситуации в параметрах другой (т.к. метафора как способ выражения нового понимания ситуации не только именуется, но и позволяет выразить оценочное отношение к предмету речи).

Процессы метафоризации протекают в противоположном направлении: с одной стороны, от человека к природе, от живого к неживому («очеловечивание» животного, растительного, вещного, абстрактного мира), с другой – от природы к человеку, от неодушевлённого к одушевлённому (приписывание человеку животных или растительных качеств). Основным источником метафоризации является сфера живого, названия, признаки и действия человека и живых существ гораздо чаще используются для характеристики или названия явлений природного мира и абстрактных понятий, нежели признаки неживого на человека. Возможно, метафорические переносы последнего типа больше свойственны для литературных метафор, т.к. в основании такого переноса лежит внимательное наблюдение за миром вещным, абстрактным, в то время как диалектоносителю легче и естественнее подметить сходство со *своим* миром в том, что его окружает.

Метафорические единицы используются как для непосредственной номинации предметов и явлений действительности, так и для выражения эмоционального отношения к предмету речи, и таких метафор значительно больше.

Все созданные в результате осмысления действительности метафоры отражают культурно-бытовые особенности жизни диалектоносителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краткий словарь когнитивных терминов. Е.С.Кубрякова, В.З.Демьянков, Ю.Г.Панкрац, Л.Г.Лузина. Под общ. ред. Е.С.Кубряковой. МГУ, 1997.
2. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. – Томск: Изд-во Том. Унта, 2002.
3. Архипова Н.Г. Концепт «Болезнь» в наивной языковой картине мира носителя диалекта // Вестник Амурского государственного университета. Вып. 16. Благовещенск: АмГУ, 2002.
4. Резанова З.И. Метафора в художественном тексте / Межкультурная коммуникация: теория и практика. Сборник научных трудов Института языковой коммуникации / Под ред. п.п.н., доцента, директора ИЯК ТПУ И.А.Качалова. – Томск, Томский политехнический ун-т, 2001. С. 34–38.
5. Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. статья и сост. Н.Д.Арутюновой; Общ. ред. Н.Д.Арутюновой и М.А.Журинской. – М.: Прогресс, 1990. С. 385 – 415.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Архипова Н.Г., Оглезнева Е.А, Старыгина Г.М. Современные амурские говоры и фольклор: из опыта полевых наблюдений // Народная речь в Приамурье. Благовещенск: БГПУ, 2004.
2. Архипова Н.Г. Лексические особенности наименований недугов в русских говорах Приамурья как результат междиалектного воздействия // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 1. Благовещенск, 2001.
3. Архипова Н.Г. Концепт «болезнь» в русских говорах Приамурья (номинативный аспект) // Картина мира: язык, философия, наука. Доклады участников всероссийской междисциплинарной школы молодых ученых. Томск, 2001.
4. Архипова Н.Г. Концепт «Болезнь» в наивной языковой картине мира носителя диалекта // Вестник Амурского государственного университета. Вып. 16. Благовещенск: АмГУ, 2002.
5. Архипова Н.Г. Концептуальная пара «любовь-ненависть» в языковой картине мира русского и немецкого языков // Современные проблемы взаимодействия языков и культур. Материалы научно-методической конференции. Благовещенск, 2003.
6. Архипова Н.Г. Концепт «труд» как принцип миропорядка в русской народной колыбельной песне // Язык и культура. II Международная научная конференция. Москва, 17-21 сентября 2003 г. Тезисы докладов. Москва, 2003.
7. Архипова Н.Г. Фольклор в условиях говоров переходного типа // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып.1. Благовещенск: АмГУ, 2003.
8. Архипова Н.Г. Принципы жизненного устройства крестьянина-переселенца (на материале амурских говоров) // Материалы региональной научно-практической конференции «Приамурье от первопроходцев до наших дней». Благовещенск, 2003.

9. Архипова Н.Г. Явление синонимии в говорах переходного типа // Проблемы современной русской диалектологии. Тезисы докладов международной конференции 23-25 марта 2004 г. Москва, 2004.
10. Архипова Н.Г. Представления о болезни в народной языковой культуре (на материале русских говоров и фольклора Приамурья) // Народная речь в Приамурье. Благовещенск: БГПУ, 2004.
11. Галимова Д.Н. Рассказы о китайцах, записанные от старожилов Амурских сел // Приамурье от первопроходцев до наших дней. Материалы региональной научно-практической конференции «Приамурье от первопроходцев до наших дней». Благовещенск, 2003.
12. Галимова Д.Н. Фрагмент метафорической картины мира русских говоров Приамурья // Молодежь XXI века: шаг в будущее: материалы конференции в 4 томах. Т.1. Благовещенск, 2004.
13. Галимова Д.Н. Метафорическая картина мира русских говоров Приамурья // Вестник Амурского государственного университета. Вып. 26. Благовещенск: АмГУ, 2004.
14. Иванова Н.В. Отражение картины мира в гидронимах русского и эвенкийского происхождения Амурской области // Язык. Человек. Картина мира. Материалы Всероссийской научной конференции. Ч.1. Омск, 2000.
15. Иванова Н.В. Гидронимы русского и эвенкийского происхождения в топонимике Амурской области // Вестник Амурского государственного университета. Вып.9. Благовещенск: АмГУ, 2000.
16. Иванова Н.В. К вопросу о фонетической адаптации гидронимов эвенкийского происхождения в русском языке // Русский язык в географической проекции. Красноярск, 2000.
17. Иванова Н.В. К вопросу о топонимической картине мира: социолингвистический аспект // Картина мира: язык, философия, наука. Доклады участников всероссийской междисциплинарной школы молодых ученых. Томск, 2001.
18. Иванова Н.В. Опыт синхронического анализа топонимов // Вестник Амурского государственного университета. Вып.14. Благовещенск: АмГУ, 2001.
19. Капустина Л.В. Особенности номинации птиц в русских говорах Приамурья // Вестник Амурского государственного университета. Вып.14. Благовещенск: АмГУ, 2001.
20. Капустина Л.В. Небесная сфера в диалектной картине мира (культурологический аспект) // Вестник Амурского государственного университета. Вып.18. Благовещенск: АмГУ, 2002.
21. Капустина Л.В., Оглезнева Е.А. Небесная сфера в русских народных говорах и фольклоре (на материале метафоричных и производных наименований) // Вестник Амурского государственного университета. Вып.26. Благовещенск: АмГУ, 2004.
22. Лагута Н.В. Топонимика Амурской области в словообразовательном аспекте // VIII научная конференция студентов и молодых ученых АмГУ: Тезисы. Благовещенск, 1999.

23. Лагута Н.В. О словообразовании топонимов Амурской области // Вестник Амурского государственного университета. Вып.9. Благовещенск: АмГУ, 2000.

24. Лагута Н.В. Бытийные предложения со значением владения в русских говорах Приамурья // Картина мира: язык, философия, наука. Доклады участников всероссийской междисциплинарной школы молодых ученых. Томск, 2001.

25. Лагута Н.В. Локальный компонент в бытийных предложениях (на диалектном материале) // Язык в поликультурном пространстве: теоретические и прикладные аспекты. Материалы 1 Международной научно-практической конференции «Преподавание иностранных языков в поликультурном образовательном пространстве». Томск, 2001.

26. Лагута Н.В. Сфера личного в русских говорах Приамурья (на материале бытийных высказываний) // IV Сибирская школа молодого ученого: Материалы VII международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. В 5 т. Т.2: Лингвистика и филология. Томск, 2001.

27. Лагута Н.В. Лексическое выражение предиката в бытийных предложениях (на материале русских говоров Приамурья) // Филология: Сборник работ преподавателей и аспирантов АмГУ и Пекинского университета. Вып.2. Благовещенск: АмГУ, 2002.

28. Лагута Н.В. Высказывания носителей диалекта о мире // Материалы XI Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» Языкознание. Новосибирск, 2002.

29. Лагута Н.В. Бытийные предложения личной сферы в русских говорах Приамурья // Вестник Амурского государственного университета. Вып. 16. Благовещенск: АмГУ, 2002.

30. Лагута Н.В. Бытие мира как языковое бытие (на диалектном материале) // Духовно-исторические чтения. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Красноярск, 2002.

31. Лагута Н.В. Осмысление события носителями диалекта (на материале бытийных высказываний) // Духовные традиции славянской письменности и культуры в Сибири. Сборник статей: в 2-х ч. Ч.1. Тюмень, 2002.

32. Лагута Н.В. Коммуникативная перспектива диалектных высказываний (на материале русских говоров Приамурья) // Языковая ситуация в России начала XXI века: Материалы Международной научной конференции. Т.2. Кемерово, 2002.

33. Лагута Н.В. Отражение внешнего микромира человека в русских говорах Приамурья (на материале бытийных высказываний) // Картина мира: модели, методы, концепты. Материалы Всероссийской междисциплинарной школы молодых учёных «Картина мира: модели, методы, концепты». Томск, 2002.

34. Лагута Н.В. Имя бытийного предмета в диалектных высказываниях // Коммуникативные аспекты языка и культуры: Сборник научных статей и тезисов II межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Томск, 2002.

35. Оглезнева Е.А. Семантическая структура производных наименований лица (на материале русских говоров Приамурья) // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: семантика и функционирование. Часть 1: Сборник статей. Томск: изд-во ТГУ, 1994.

36. Оглезнева Е.А. Метафоричное словообразование как способ номинации (на материале имен существительных амурских говоров) // Альманах «Говор». 1996. Часть 2. Говоры России: словарь, текст, современное состояние. Саратов, Сыктывкар, 1996.

37. Оглезнева Е.А. Фрагмент языковой картины мира, представленный производными именами существительными амурских говоров // Материалы областной научно-практической конференции (Новиковские чтения), посв. 140-летию образования Амурской области и г. Благовещенска. Благовещенск: ДальГАУ, 1997.

38. Оглезнева Е.А. К вопросу об идиоматичности производного имени (на материале конкретных производных имен существительных амурских говоров) // Явление вариативности в языке. Сборник статей. Кемерово: КГУ, 1997.

39. Оглезнева Е.А. Школьный диалектный словарь как краеведческий источник // Региональный компонент в преподавании русского языка и литературы: материалы областной научно-практической конференции. Благовещенск: БГПУ, 1999.

40. Оглезнева Е.А. Анималистические имена в диалектной картине мира (на материале производных существительных русских говоров Приамурья) // Вестник Амурского государственного университета. Вып. 9. Благовещенск: АмГУ, 2000.

41. Оглезнева Е.А. Человек в диалектной картине мира (на материале производных имен существительных русских говоров Приамурья) // Вестник Амурского государственного университета. Вып. 12. Благовещенск: АмГУ, 2001.

42. Оглезнева Е.А. Наименования растений: опыт построения когнитивных моделей (на материале производной лексики амурских говоров) // Вестник Амурского государственного университета. Вып. 14. Благовещенск: АмГУ, 2001.

43. Оглезнева Е.А. Функциональная природа имен артефактов (на примере имен существительных конкретной семантики в русских говорах Приамурья) // Вестник Амурского государственного университета. Вып. 16. Благовещенск: АмГУ, 2002.

44. Оглезнева Е.А. К вопросу об устойчивости диалектных систем // Филология. 2. Сборник работ преподавателей и аспирантов АмГУ и Пекинского университета. Благовещенск: АмГУ, 2002.

45. Оглезнева Е.А. Диалектные высказывания с ключевыми словами «раньше» и «сейчас»: лингвокультурологический анализ // Вестник Амурского государственного университета. Благовещенск: АмГУ, 2003. Вып.20.

46. Оглезнева Е.А. В мире человеческих антиномий (на материале диалектных высказываний с ключевыми словами «раньше» и «сейчас») //

Миромоделирование в языке и тексте: Сборник научных трудов. Под ред. З.И.Резановой. Томск: Изд-во Том.ун-та, 2003.

47. Оглезнева Е.А. Языковые аспекты народной культуры // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып.1. Благовещенск: АмГУ, 2003.

48. Оглезнева Е.А. Современные русские говоры Приамурья как результат междиалектного взаимодействия // Приамурье от первопроходцев до наших дней: Материалы региональной научно-практической конференции. Благовещенск, 2003.

49. Оглезнева Е.А. Социально-речевой портрет современного диалектоносителя (на материале речи М.В.Хлыстова, жителя с.Черновка Свободненского района Амурской области) // Народная речь в Приамурье. Благовещенск: БГПУ, 2004.

50. Оглезнева Е.А. К вопросу о современном состоянии говоров переходного типа (на материале русских говоров Приамурья) // Проблемы современной русской диалектологии. Тезисы докладов международной конференции 23-25 марта 2004 г Ин-т рус.языка им. В.В.Виноградова. Москва, 2004.

51. Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып.1. Фольклор / Сост. Е.А.Оглезнева, Н.Г.Архипова. Благовещенск, 2003.

52. Шипановская Л.М. К вопросу о гетерогенности топонимической системы Приамурья // Филология: сборник работ преподавателей и аспирантов АмГУ и Пекинского университета. Благовещенск: АмГУ, 1999.

53. Шипановская Л.М., Тахаева З.И., Куроедова М.А. «Памятные книги» Амурской области как фактологический источник словаря «История названий улиц г.Благовещенска» // Русский язык в географической проекции. Красноярск, 2000.

54. Хакимова Л.Р. Сценарий любви в русской лирической песне (лингвистический аспект) // Молодежь XXI века: шаг в будущее: Материалы IV региональной межвузовской научно-практической конференции. Благовещенск: ДальГАУ, 2003.

РЕЧЕВЫЕ ПОРТРЕТЫ

Н.Г.Архипова

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ АМУРСКОГО СТАРОЖИЛА

Толковый словарь русского языка определяет портрет как «изображение какого-либо человека на картине или фотографии» [4, с.556]. Речь, также как живопись, графика и другие виды искусства, обладает изобразительными и характеризующими способностями, является социальным и индивидуальным маркером личности. Следовательно, принципиально возможно по средствам языка создать речевой портрет – описание социальных и (или) личностных качеств человека через стратегию его речевого поведения, особенности языка и тезауруса. Отбор материала для лингвистического портретирования обусловлен особенностями личности информанта: «усредненной» и в то же время «неповторимой речевой индивидуальностью» [3, с.3].

К настоящему времени в лингвистике сложилась определенная методика и методология анализа речевых характеристик языковой личности. М.В.Панов, анализируя особенности произношения различных социальных групп в разные исторические эпохи, впервые создал «фонетический» портрет личности, описал фонетическую норму в диахронном аспекте [5]. Т.И.Ерофеева, в течение длительного времени наблюдая над стратегией речевого поведения, коммуникативными задачами говорящего, исследовала механизмы изменения социальных ролей, обусловленные прагматическими установками речевой ситуации [1]. Ю.Н.Караулов ввел в научный обиход понятие «модель языковой личности» и разработал методику анализа текстового материала, выделив следующие стороны исследования:

- лексикон (вербально-семантический уровень, отражающий владение лексико-грамматическим фондом языка);
- тезаурус личности (лингво-когнитивный уровень, уровень картины мира);

– прагматикон (систему коммуникативных ролей, мотивов, целей, которые руководят личностью в процессе коммуникации) [2].

Системному анализу категории «речевой портрет» посвящены работы Е.А.Земской, М.В.Китайгородской, Н.Н. Розановой [3, 8].

Изучение речевых портретов диалектоносителей представляется одной из важных задач лингвистических изысканий. Исследование особенностей языковой личности – это один из способов сохранения традиционной крестьянской культуры, народной памяти. Как отмечает В.Д.Черняк, «речевые портреты конкретных носителей языка – это универсальные свидетельства уходящего века» [7, с.498].

Перед нами не стоит задача представить языковую личность во всем многообразии проявлений по причине ограниченного объема записей и недолгого наблюдения над речевым поведением информанта в разных ситуациях общения. Имеющиеся тексты «не позволяют построить функциональную модель языковой личности», однако с их помощью можно создать речевые портреты говорящих» [3, с.4].

Представленные в альманахе тексты – это расшифрованные аудиозаписи спонтанной речи носителей диалекта. При отборе материала учитывались следующие факторы:

– содержание текстов (полнота охвата материала, глубина мысли, последовательность изложения);

– отображение особенностей говора (индивидуальные и общие, характеризующие личность как представителя определенной социальной и территориальной группы, диалектные черты);

– качества личности говорящего (контактность, доброжелательность, открытость, умение увлекательно рассказывать).

В работе речь информантов рассматривается неразрывно с историей страны, местом и временем рождения, условиями жизни, принадлежностью к определенной этнической и социальной группе.

Главное в представлении материала – показать наиболее существенные черты текста в целом, яркие особенности языковой личности. В комментарии дается подробное описание фонетических, словообразовательных, грамматических и лексико-фразеологических особенностей речи информантов. При лингвистическом комментировании мы опирались на методику, разработанную Л.Л.Касаткиным и представленную в книге «Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие» [6, с. 6-15].

Наши собеседницы – это селянки, жительницы Архаринского, Шимановского и Свободненского районов. Две из них – уроженки Амурской области, третья малолетним ребенком привезена родителями в Приамурье. Информанты одного возраста: родились в 20-е г.г. XX в., всю жизнь работали, не получили хорошего образования, были замужем, имеют детей, внуков.

Позднякова Любовь Григорьевна, 1921 г.р., пятилетней девочкой с родителями приехала из Брянской области в с. Красный Луч Архаринского района. Всю жизнь прожила в селе, никуда не выезжала. Образования не получила. Рано вышла замуж, муж – татарин. Вырастила десять детей. Во время и после Великой Отечественной войны работала в колхозе дояркой, агрономом. Хорошо знакома с традиционной женской домашней работой: умеет ткать, прясть, обрабатывать лен.

В молодости Любовь Григорьевна прекрасно пела, знает большое количество старых песен, частушек.

Любовь Григорьевна – хорошая рассказчица. Она вспоминает многое о прошлом: как застраивалось село, как раньше работала и отдыхала молодежь, как играли свадьбы, как растили и воспитывали детей. Интересны и содержательны ее рассказы о гуранах – потомках забайкальских казаков, первыми заселявших приамурские земли, о китайцах, с которыми устанавливались торговые отношения.

Позднякова Л.Г. по этнической принадлежности идентифицирует себя с белорусами: «Мы белоруски, белорусы. Из западу, ета, с Брянску. Брянськ. <...> Что и оны, белорусы, прыехали, что мы белорусы». В ее речи ярко

выражены диалектные черты, говор близок к юго-западным русским говорам жиздринского типа.

Сергиенко Анна Кондратьевна, 1920 г.р., – уроженка села Кухтерин Луг Шимановского района. Родители приехали из Украины в первом десятилетии XX в. По воспоминаниям информанта, мать – украинка Марина Николаевна Некимьюк, отец – поляк Кондрат Баньковский. Анна Кондратьевна имеет начальное образование. В течение жизни из Амурской области не выезжала. Работала в колхозе, занималась полевыми и животноводческими работами. Была замужем. Родила четырех детей.

Анна Кондратьевна прожила непростую жизнь, полную тяжелого труда, лишений и невзгод. Ее рассказы – это воспоминания о работе в колхозе, о бедности жизни. Воспитанием детей и домашним трудом занималась ее мать, так как Анна Кондратьевна очень много работала.

Сергиенко А.К. – высоконравственный человек. В ее повествованиях осуждается пьянство, аморальное поведение. В девичестве она избегала шумных вечерних собраний молодежи, где употреблялись спиртные напитки и допускалось вольное поведение. С большой любовью и теплотой она вспоминает о матери, сестре, брате. Тексты, тематически связанные с семьей, изобилуют деминутивной лексикой с ласкательной коннотацией.

В речи Сергиенко А.К. диалектные черты сглажены. Однако отмечаются отдельные особенности украинского языка (рефлексы оканья, лексические украинизмы: маять розум, паравхвя и др.) и южнорусских говоров (произношение γ -фрикативного, замена фонемы /к/ фонемой /х/ и др.). По основным чертам ее говор близок к южнорусскому типу.

Соловьева Мария Алексеевна родилась в 1927 г. в Мазановском районе. С одиннадцати лет и до настоящего времени проживает в с. Черновка Свободненского района. Родители – белорусы, по воспоминаниям информанта, говорили по-белорусски.

Соловьева М.А. в четырнадцать лет осиротела: родители умерли, и она осталась одна с девятилетним братом. По этой причине окончила только семь

классов и, изменив год рождения в метриках, пошла работать на керамический завод. До замужества жизнь Марии Алексеевны была очень тяжелой: жили с братом впроголодь, семью обворовали: украли все деньги, хлебные и продовольственные карточки. На молодежные гуляния не ходила – времени не было, фольклорных произведений знает мало, вспоминает без желания.

Очень рано вышла замуж. Мужа – Федора Павловича – вспоминает с большой теплотой: «Ой, хороший дедушка! Он хоро-оший у меня был. Жалко. Хороший. Никогда не хвастался <...>, что он <...> герой». Много рассказывает о его жизни: военных подвигах, мирном труде.

В связи с тем, что Соловьева М.А. получила неполное среднее образование, долгое время работала на промышленном производстве, ее речь представляет собой вариант, приближенный к разговорному стилю литературного языка с сохранением отдельных диалектно-просторечных черт: напр., произношение [x] на месте литературного [к] на конце слов и перед глухими согласными; ъ-неслогового в некоторых фонетических позициях, γ-фрикативного на месте литературного [г] и др. Большинство черт ее говора соответствует южнорусскому диалектному типу.

Анализируя особенности речи наших информантов, можем сказать, во-первых, что она демонстрирует неоднородность, гетерогенность говоров Амурской области, обусловленную их формированием на основе разных материнских диалектов. Во-вторых, специфика речи обусловлена семейной традицией, воспитанием и образованием, включенностью в сельскохозяйственное или промышленное производство. В-третьих, в речи диалектоносителей отражаются общие черты, определенные социальным статусом людей, общей территориальной принадлежностью и другими факторами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ерофеева Т.И. Речевой портрет говорящего // Языковой облик уральского города. Свердловск, 1990.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

3. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М. 1995.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1993.
5. Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII – XX веков. М., 1990.
6. Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие/ Под ред. Р.Ф.Касаткиной. М.: Наука, 1999.
7. Черняк В.Д. Речевой портрет носителя просторечия/ Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л.П.Крысин. М.: Языки славянской культуры. 2003.
8. Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. Коллективная монография / Отв.ред.Е.А.Земская. М.; Вена, 2001.

ТЕКСТЫ И КОММЕНТАРИИ

***Позднякова Любовь Григорьевна, 1921 г.р.**
Амурская обл., Архаринский р-н, с. Красный Луч
Записали Е.А.Оглезнева, Н.Шеина, Ю.Лоцилина, 2003 г.
Обработали Н.Г.Архипова, Е.А.Оглезнева, 2004 г.
Комментарии: фонетика, синтаксис – Н.Г.Архипова,
морфология – Е.А.Оглезнева,
лексика, фразеология – Е.А.Оглезнева, Н.Г.Архипова*

1. О своей жизни

«Мы Брянщина...»

Я с западу прыехала. Нас трое у матери – тры сястры, ўот, и мы с западу. Мы Брянщина ўсё, с Брянску. Мы белоруски, белорусы. Из западу, ета, с Брянску. Брянскъ. Ну как, ну мы же ўсе прыехали с поселка, ўот. Что и оны, белорусы, прыехали, что мы белорусы. Один тшерт. С родителями. Да, родители уже тут помёрли. Уже, ета, ў три(д)цать восьмом ґоду, ўот, помёрла мать, отец. Я прыехала, мне пять лет. Сама с два(д)цать первоґо. Мене привязли сюда. Родители уже здесь помёрли, а жили... (Е)динолично жили, пахали, сеяли. А тада уже война началась, мужикоў позабирали, ўот, а мы и остались, ў колхозе работали, короў дяржали, коз доили. И так ни хорошо, ни плохо жили – срдне. Я работала здесь: и дояркой работала, и аграномом работала. Я неуромтная. Я нискоко не ґромтная. У мене здесь, ета, хозяйина

убили на войне. Он у мене конбайнёром работаў. Яўо забрали ў сорока каком? Ў сорок третьем ўоду на хронт. Ноччу подоўнали коня с верьхавым. И ушёў. Так и ушёў. Скока ета забирали ў Смоленск! Так и яўо забрали так, и он там поўиб ў Смоленске. Он у мене ня русский быў. Он у мене чистым татаром, чистокровным татаром быў. Как мы познакомились? Я жила здесь, ўоняли етых, девоч(е)к, на трахторысты учица раньше, ўот, я поехала. Дядька у мене ў Архарэ жиў, мамкин брат. Я к (н)им ездила. Прыехала, а ён (будущий муж) жиў ў Аркадьёвке. Он дирехтор завода кирпичноўо работаў. И ўот и я туды прыехала. «На, дядька, мне найди такую женчину, чтоб ўубы ня крашены и ногти ня крашены». Он не любийў, ўот. Дядька не пустиў мене на трахторысты, ўот, а ён (муж) прышеў, познакомились, свадьбу в Архарэ ўуляли и жить стали. Дома отмячали, ў Архарэ, ўот. А ён ў Аркадьёвке дирехтором работаў кирпичноўо завода. Сюды прыехали. Уже мы жили тут, яўо отсюда забрали. Он поехаў, захотеў конбайнёром, и он поехаў в Бурёю выучийўся на конбайнёра. Прыехаў, конбаин получиў. И, ета, яўо отсюда забрали, он ўсё по брони. Вызывают в военкомат, ўот, бронь накладуть, печать поставять, отправять. Месяц и два, тры дома живёт, опять вызывают в военкомат. А потом взяли, ўсё - и с концом. Ни бронь, нет, не помоўла, ничё – убили. Потом война ишла японьская на той стороне. Так, о-о! ўоняли нас, как дуракоў эких. День работаем, а на ночь подьяжжают верьхами, ўот, и, ета, поўраничники и коней подўоняють, старых таких, як я, дак сажают на тялеуу, а мы, молодые, пёшки. Ў под Скабельцино нас, там ўсю ночь сидим. Утром выходим мы, корову доять, ўот, выўоняють от войны. Окопы копали, ўот, зоны становили туда, к Иннокентьёвке.

Ўот война побыла, и ну уже и после войны, опять давай, давай нас, уўаняли отсюда. Ўот день работаем, а вечером солдаты подьяжжя-яти на конях, застава была ўот за возером тут на етам, аўа. Солдаты подьяжжя-ають, тры тялеуи старьих таких, як я ўот сейчас, сажают на телеуу, ну у мене ўот дети были маленькие, дтей моих на воз сажают, а мы пёшки фить, и под Скабельцино и

там ночуем. Потому что думали, что китайцы найдут сюда, ўот, нас ууоняли, а ко(г)да уже, ета, в Скабельцине ихняя стояла застава на той стороне на сопке, ўо(т), и как оны, ета, наши ударили етой пушкой на тую сторону, и, ета, разбили там, дак мы прыехали, нас прыгнули уже вутром, а ета усё и стёклы из хат повылятали из окон, ўсё так сильно трясение было, ўо(т).

Ну чё, ўосударство прыехали, поўлядели, ўо(т), стёкол нет, одны рамы стоять. Стёкла привязли, ўот, застыклили ўсё, мы жить стали, а тут срозе (сразу) – ўо-ўо-ўо – такой ишла война, ишла на той стороне ўот и с етам японцами.

2. Вечёрки

«Ты дóлжна напярсть и принесть вутром матери етаю катушку ниток»

– Баба Люба, вот раньше вечёрки были. Это что такое?

Вечёрки. Ну вечёрки это называеца, ўот. Я одна живу сичас. Ўот вы прясть (приходите), ўо(т), вы ж супрядка, ўот. Накручива(е)шь лён, ета, куделю (делаешь), ўот. У тебе жаних есть, ўо(т), ты приходишь там: «Баба Люба, мы к тебе, будем прясти». Ну, штук двянацать девок и двянацать хлопцеў, каждый идёть по пары, ўот, и-и ночьчу уже и прядуть, и спяти, ўо(т), и вутром опяти прядуть. Ты чтоб целку напярла пряжи. Хоть ты спи с жанихом, хоть не спи, а чтоб целка пряжи была, ўот. Ты дóлжна напярсть и принесть вутром етаю целку, ўо, дóлжна матери принести катушку ниток. Напярсть за ночь, как хочешь. А ты не напярдешь, значит, ты хрен пойдешь на вечёрку. Поняла? Спишь с жанихом на честность. Ну ён к тебе няйдёть. А деўки ложаца отдельно спать, а хлопцы отдельно. И деўки помящаюца. Деўки спять на таких на нарах, подушки прыносять и, ета, матрасы. Ўот. Помящаюца. У мене хата здоровая, я бы пустила, ўот, я одна живу. Я б пустила. Пожалуста, ўородите: ета хлопцам, ета деўкам, половина, ўот, тебе.

3. Свадьба

«Такие свадьбы, дак ой-ёй-ёи были!»

– Баба Люба, а первый муж ваш тоже в колхозе был?

Быў. А яґо с коўхоза взяли. Анакентий Михайлович, ўот. И он работаў канбайнёром.

– *А как вы с ним познакомились?*

Ой! Песня большая. Он мене ня знаў, я яґо ня знала, ўот и познакомились, и сошлиси-и, и жили.

– *Он сватался к вам?*

Нет, он не прыяжаў. Два разы прыехаў, побыў да и ўсё. Больше не прыяжаў. В Архарэ была свадьба. Он жиў в Аркадьевке, он работаў дирехтор кирпично(ґ)о заводу, ўот. Он там жиў. У мене дядька ў Архарэ жиў, ўот. Там свадьба была. Он и водку браў, и ўсё.

На новый ґод мы как раз схóдились. Сядим, ўо. Ў трицать девятом я замуж ишла. Ў сороковом у мене Толю нашлось ужо. Тады Пашка покойный родиўся ужо. Ну дак чё ўспомянать? Чё ўспомянать, ойно назад не вярнёца. Чё его вспомянати...

Свадьбы у нас тольки ґуляли на Троицу, ўот. На ета, на день Паски там, Покроў. Вот эта свадьба (на) Покроў и ета на Троицу. На Троицу моя сястра ишла покойница. Ну с жанихом етим свадьбу ґуляе, а друґий, что хотел взять, мстиў, ўо(т). Ну, прыехали, а ехать-то, як до маґазина: везть молодую. Ну, у нас тут свадьба идёт всё, а прыехали за молодой на пáры кони. Оны пока ли тут молодую избирали. Раньше телеґа – катки (была с катками), ўо(т), а ў катках ўот так и дирочка тут, палочкой затыкаеца. А оны повы(ни)мали етые (палочки), ўот, посадили молодую вéзти. «Н-н-о-о-о!» А кони то(ль)ко тронулись, а катки – фить! Ета, полятели, ўо(т). А тады поють: «Молодый молоду посадиў на ляду, вставай, молода, под тобой вода». Молодую подымали, и опять, и давай катки, дак давай коней. Ой! Такие свадьбы, дак ой-ей-ей были. У нас ўот заўтра свадьба, вьють сёдне девочки, ўсе подружки её избираюца, вьють ельку. Прыносять из дуба чатырэ таких покатых ствола. Ета палка, ўот ета палка. От етой палки ўот так чатырэ етих ствола. Обивають бумаґой ўсякой: и зялёная, красная, белая там и жёлтая – ўсякая. Красиво

делаете, аҕа. Ету ёўку тыркаять. Пякуть такую круўлую булку хлеба, (на) ету ёўку сажаять, ўот. На заўтра свадьбу у мене, ўот. Накрывают красивым-красивым платком изверху (сверху). И с ёўкой уже вутром идут. Люди избираюца на свадьбу, ўо(т), а ета ёўка стоить. Як ету молодую повязуть к молодому, нясут ету ёўку отсюда. Ну, значить, это, как её, обручальная ета свадьба, тады кóльцеў не было етих. Ўот. А обручальная, значить, свадьба. Ўот. Значить, оны уже обручаюца. Потом бьют куўшины, бьют чуўнки и ў хате... ўо-о-о. Ўо(т). А молодую заставляють собирать. Нарэжать, ета, уже всяүо. Сена натрусють. И рассыпають мелочь помалу. Ўот. По копе-ейке, по де-есять копеек тады рассыпають, и ты, если хорошая хозяйка, ты подбярёшь, ўсе деньұи найдешь и с сенам перытрушывашь. А если ты плохая хозяйка, ты деньұи не избярёшь. Значить, ты плохой хозяйкой будешь. Ўот так. Уже ета считаеца, ўот подбярешь, ўот, значить, ты хозяйкой будешь. А, ета, если ты не подбярешь деньұи, ты хозяйкой не будешь. Ўот. Будешь так: туды-сюды, как ветер ў поле.

Ну я тады, я уже сястра, остаюся дома, значить. Я дóлжна ўсё убярать, что набьют, золой там насыпють: и куўшины́, и ўсякая стякло. А ўот ета, раньше ў куўшинах же молоко ўсё, дак куўшины́ ети ж из молоком, из ўсим бьют. Ўот. Убирай с забора, тады ўсё у тебе няма. У соседки вьсять куўшины́ – побьют .

У нас содят так: жаних и невеста з етой стороны стола, ўот. Подружка рядом. Подружка и дружок з етой стороны. А тут уже подходят ма-ать, оте-ец, блаүославляють ету жану, ўот. С иконой, свечкой. Ўот. Свечка үорыть, и икону. И ты бы дяржала (ў)от з моёй стороны свечку, з яүо стороны икону. И тады цалуют отец и мать. Оны (подруги) поють ўже песню, что «отец и маты, подарочек даты», ўот. И она (мать) подходя и үоворя: «Я, – там, – дарю корову». Ўот. А-а з яүо стороны: «Я, – там, – дарю чушку». Ўо(т). А-а опять мать подходя и үоворя: «Ну моя дотшетшка, я тебе дарю – что ў сундуку, то твоё». А сундуки-то во какие! Ўон у мене два стоять большие. Аҕа. А-а з яүо

стороны опять уже: «Я тебе дарю, – там, – постелю ўсю». И ўот так и дóряць, ўот. Это приданое. А тады поюць: «Стукнули, ўрюкнули на дворэ. Поўляди, мама, (нрзбр.) по мене?» «По табе, дитятко, по табе». «Ўотуй, мамка, кублик мене». «Да было ль табе, дотшетшка (дочечка), не спати, табе сундучок отдавати».

Дальше позабрали, повязли – вот тебе и конец свадьбе. Назаўтра идути молодой з молодой сюда. Там уже последняя обмываюти и свадьбу закрываюти.

Ой! Целую няделю ўуляюти! Целую няделю! На Троицу моя сястра ишла покойница, целаю няделетшку (неделечку), ўосподи, ўсё, весь посёлок да и обливаецца, ой! Да что то(ль)ко не делают, ўосподи!

Ну, какое ууошчение? Ўотуишь и ўсё. И стряпаете, и ўсё, какое ууошчение. У кого что есть и ўсё. Это ўотуили. У нас больших не пякуть пироўоў. Так готуять, пякуть, а ў нас и нету завядёнки, чтоб пирох там испякти. На свадьбе ўотуите и калатшыки (калачики), и там булотшки, и там и ўсё ўот такое. Ўо(т) и на стол подаюти. У нас пирох не пякуть.

И в Беларуссии и тут так ўуляли.

4. Как растила детей и вела хозяйство

«Сеяли, пахали, и работали, и жили...»

– А дети у вас есть?

Сын в Иннокентьевке один, ўот. Етот, Исмаилоў Анатолий. Он кино ставит ў клубе, ўот. Это сын мой. И ўде-то в Архарэ есть Василь. Уже попомёрли, трое попомерло сыноў. (У) мене десять человек всех. Доча одна. Она ў етом, ў Воронеже жила, на западе. Браты были. Никоўо уже нету: ўсе помёрли у мене сёстры. Я одна ўот осталась. У мене тры брата было, ўот, и чатыре сястры, ўсе умёрли. Нет уже никоўо, одна ўот, как дура, осталась.

– Как детей раньше растили? В чём качали?

Ў чѐм качалы? А ета, люлька вясела, чатыре таких палки, верѐўка, и качала. Мяшок натянутый на ета, и качала. Я десять чаловек ўсе ў люльке повырастила. Купала. Дервянная была (в)он у мене ёна (ванна). Сам изделал. Ванна такая. И в избе-то я так и купала, ўот. Я пережила, ўосподи, всяю. Пелянали тож дятей. С холста отрѐжишь. А не с холста, дак мяшок, ета, распорышь, ўот, да и две пялѐнки и платок делала, и ета, с мяшка пелянала. Да он сам, ета, подрастает, сам ходит, сам ползает. А работать надо было ў колхозе, ўот, а я уже одна была, без хозяина, а дети были. Наварышь ўот так ўот, чашку нальлѐшь, поставишь. Там и мухи, там и ўсѐ, а сама на день покос идѐшь на колхозный. Вечером прыходишь. Тут орѐшник крууом быў. Ўот вышукаеш, ўде дети. Там ляжить под кустом, там ляжить под кустом. Ўот вечером петш (печь) рускыя затопишь, воды поставишь, побудишь их, попривадишь. Помыў, положиў спать. Вутром опять ўстаѐшь и им наварышь. Раньше у мене денех нет, ў ўод раз дадут сто рублей, ўот как хочеш, так и делай. Денех не былѐ. И ни одно ня сдохло: целых десять чаловек и ўсе вырослы. А сечас мруть. Ў Инакентевке, ета, нявес(т)ка председателем работае. Ўо(т) помѐр (ребенок), ўот, ўод буде ў аўўусте. Лиду знаете? Вы откуль прыезжие? Ах, вы из Блауовещенска. Ну ўот, ета вот моя нявес(т)ка – председатель сельсовета работае. Лида. А ето, ўот он ўод будя сыну, как помѐр.

Здесь школа была. То(ль)ко была школа до трѐх классоў, а тады ў Инакентевке артинат (интернат) быў, ўот. Ў артинаты дятей бяруть, там питають. На питание даѐшь картошку там, ўот, и муку, ўот. Что есть: мяса, сала, ўот, ў артинат. Там и варють им, и ёны ў няделю то(ль)ко прыходят на выходной, а то там жили и училися.

Какое мне хозяйс(т)во тяперь? Уже восемесят тры ўода, какое мне хозяйс(т)во. Ето сын держать корову. Никоуо уже, мене уже никоуоў, мои деўки, ня надо: ни хозяйства, ни что сама ходис спотыкаеься. Я ета, ета... у меня быўа здесь маленькая хатка построена, ўот, а кода уже построили ету большую ў псятом ўоду, ўот, так и ето, живу сечас с сыном.

– А что из одежды раньше носили?

Одежда? Ну как, сами ткали, сами пряли, нады ўсё. (Краски?) не было, дак химический карандаш купишь, ўо(т). С холста пошэеш, платье пошэеш, ето и носили, ўот. Вышивала, а сечас я ничё ня вижу. А ўон висить, одно полотенце осталось. Дятей было мноуо, хозяина в забрали на войну, ўот, а жить надо чем-то, кормити, дак ўсё увозила да попродавала за картошку да за ету.

Раньше были и вёдры дерявнныя, ўот, чашки дерявнныя, а тяперь, яко уже ўсе, жалезныя ўсё. Куўшины таки были иделаны. Махóточки, ўот дак ета. Варыли, ў такие же, как и куўшины, ўливали. Ета сечас ўот куўшиной нету – банки, банки, а раньше ў куўшинах: трёхлитровы, двухлитровы – какие тебе надо, купишь ў маўзине. Полно было, а сечас нема ничёуо. Чуунки, ўот, были полированные, таки маленькие, ўот. Ну и у мене сямья была ў десять чаловек дятей, да самих двое – двянацать человек, я ух какие чууны варила. Всяуо пережила. Хорошеуо и плохуо. У мене две печи было. Ў одной большой, ўот ў етой комнате – ета плита, а ў прихожкой была печа русскыя. Я по восямнацать булок хлеба пякла тольки. Сама. Противни такие ўот большие, ўот, тры булки кладу, а тады ухўатами раз – ў печь. Сама пякла, сама кормила дятей. Посуду из печки вынимали, ну как ета, кочарёжкой. У противней делаешь ручки, ўот за ету ручку кочарёжку раз – и вытаскиваешь тады. Кочарёжка просто делаеца, ў кузне заказыўаешь, и делают и кочарёжку, и вилку. А сечас уже ўсе ў кастрюле. Ну чё? У мене и мебели-то етой и не было. Были дерявнныя таки так ўот козлы: ўот тут палка, кладут доски – таки были койки, ўот. Эта сечас койки покупляют, а раньше просто доски покладут, и хто на полу дети спали, а хто на етах, зовуца нары. Так и жили. Трудно жили. Сеяли сами, пахали сами и жили. Молотили руками, хлеб убирали, серпом жали. Коней дяржали, короў дяржали, ўот. И сеяли, пахали, и работали, и жили. На мельницу возили ў Инокентевку, муку мололи. И так и жили, как жили. И руками мололи. Колодки отрязали, ў чууны били, забивали ў (н)их, ето, дерево Изверьху (сверху) делаеца дирка такая, сюды сыпишь пшаницу и руками крутишь. И мука выходя. И мелять. И пякли хлеб. И жили. Шираманкой (шарманкой)

звали. Сами крутили ўот так ўот, и ета молола(сь) мука. Ступы делали, толкли ўот ячмень, толкли и просо, и кукурузу толкли, кашу кукурузную. Сеяли и толкли. Дятей надо было чем кормить. Всё подряд. Содишь ўон кукурузу, а то картошки надярёшь, дранок напячёшь, кормишь дятей. Ўон на(о)бдяраеш на ета, на драчку. Ну такая ўот, жалеза кусок. Набяваеш ўвоздиками, ета, дирачки, ўот, а тут дярёшь картошку и дранки пячёшь. И так и жили.. Ўот вы ня кушали дранок, ня кушали, ўот. Оно за ухо вас не оттянуть от дранок, ўот. Ўот так и жили. Тыкву рвала. Изварю чуун, да молока туда, забялю, и ядять. И ўолод быў тут, и, ой, идёшь из коўхоза, ета, беуишь из поля, хфартук раз етых цвяткоў из ўречки нарвёшь, нарвёшь, принясёшь, скорэй ў печь ў русскью, и, ета, ляпёшек. Молоком обўарышь, молоко кипить, молоком обўаришь ўречку ету, она пахне кашей ўречкой, ўот, ляпёшек напячёшь детя́м, и сабе. И липу ели, и лебяду ели, и ўсё. Я ўо(во)рю: дятей воспитывала и лебядой, и ўретшкой, и ўсяк. Десять дятей: девять сыноў и десятая дочь.

5. Как село строилось. Гураны

«Я не ўуранка, я по-ихнему ня знаю»

– А вы не знаете, почему деревня называется Красный Луч?

Почаму Красный Луч? Кода мы ў двадцать шастом ўоду прыехали, здесь не было́ никакоуо посёлку, ўот, ўураны жили ў Инокентевке, а здесь никоуо не было́, а у нас, ета, тода мой отец покойный прыехали сюды. Нас шесть сямей попрыехало, ўот. Быў Кожура. Ета дядька мой. Надо было Кожура посёлок назвать, по дядьке, но мы дак Красный Луч назвали, ўот. И сюда нас ўураны привязли оўлядетися, и тут ўот мы и остались. Были ўураны. Уураны – ну просто люди, ўот. Ну ёны ня русские, ўот. Уураны: «Парь, чай. Парь, давай варенье. Парь, давай. Парь, садись кушать. Парь, садись». Ёны ўсё по-свойму ўоворыли, ўсё «парь» у (н)их. Пахали, оны сеяли и ўсё, а потом их раскулачили, и им дали двадцать чатыре часа, и их с Инокентевки ўсех. Я по-ихнему ня знаю. Я не ўуранка, я по-ихнему ня знаю. А ня знаю, бох здесь знае, у (н)их заведёнка

своя. Оны по-свойму-то разговаривают. Оны нас и не любили, когда мы приехали, не любили, вот. «О-о, приехали русские сюда на озёра эти». А потом их ра(йи)сполком – фить, и ушли. Эта просто подоунали коней. Оны жили зажитотшно. Вот и я гуранка была б, так? Я, вот дети у мене были, и что десять человек, у мене никто б не работаёт, а я б наняла работникоу. Поняла? Вот работники етые: десять бы доярок, вот таки десять хлопцев пахати, сеяти. А семья у (н)их (гуранов) не работае: ни одной ни деуки, ни хлопцы – никто не работае, вот(т). Оны на заимках, етые парубки етые жили, вот(т). Калатшэй так вот напачёт хозяйка, передаст и чай, и плиту им изложить, вот. Зямлянки просто копали, и люди там жили, вот. И здесь жили. Тут вот понастроены были мноу, мы когда приехали у двадцать шастом году, по-ихнему всё делали, а потом чё их вынали, я ня знаю.

Здесь посёлок и стау строица спярва. Тры двора было, а потом стали прызжжять люди, на месте пилять, на месте дома рубять, вот. Такой лес нерасходимый быу здесь, вот такие бярёзы были, вот, и вот тут вот берэзник такой. Мы пойдим с мать, отец уже больной быу он у мене, вот. Напилим такие вот (показывает обхват дерева), тады на коне увозить.

Коухоз у трицатом году у нас тут оруганизовали. Приехали с ра(йи)сполкома и (о)руганизовали коухоз. У тебе две коровы, ты одну отдаёшь у коухоз, одну себе оставляешь, вот, и так и звяли короу, позауородили заун. Звяли короу, тебе назначили дояркой, вот и перяуонщицей, ты уонишь, доишь короу, уонишь молоко, вот, перяуоняешь, и, ета, оны, ета, всё что масло ты собьёшь, творох ты сделаешь – это всё у коухоз. Коухоз деля: ауа, у тебе сто(ль)ки трудодней – тебе дадут столько, вот. Если у мене мало, то мене двести уграмм, пятсот уграмм дадут, вот, раз у мене мало трудодней. А тебе килоуграмм дадут, вот. Так и жили. Ну как я была старшей, вот, на работу нас уоняли пшаницу полоть. Вот, и ета, овёс пололи, пшаницу пололи, вот, урэчку.

Церкоу у Инокентевке была, здесь не было. У Инокентевку мы ездили паску святити. Ездили и так какой праздник: вот рож(д)аство, вот там

хрещенье, эта. Ездили ў Инокентевку. Потом, эта, ўсе порушили, ўот ничёуо не стало. И(г)де церкоў была, ґаражи ставят, ўот тра(к)тора стали заґаняти туды ремонтировать, церкоў развалили. А ў двацать шастом ґоду до трицатого ґоду была церква. Паску святили, и усе так красиво было. Отсюда мы ездили ў Инакент(ь)евку, дятей хрестили, у мене ўсе хрещенье, ўот.

6. Наводнение

«Ўсе к нулю идеть и идеть, хуже, и хуже, и хуже, и хуже, и хуже, ўот»

Ой, а ў двацать восьмом ґоду наводнение было такое, что ўот провоўка ўот эта ўот такая (вода доходила до оградительной проволоки). Такая вода была ў двацать восьмом. Нас высаляли ўот туды, на кладбище. Мы там жили, короў дяржали, ўот, дубняком кормили. Пароход нам возиў продукты. Ў няделю раз пароход подходя, ўот вязуть продукты, ўот. На няделю нам продукты дадут и опять пароход уходя. И эта, оґороды, ўсе затопило, пацоўнухи. А мы, эта, ко(г)да уже вода убыла, ўот из ра(йи)споўкома нам дали продукты: картошку привязли, ўот, муки давали, ўсе эта: и крупа, и (в)се. Нас ґосударство целый ґод кормило. Потом от собена (райсобеса) уже вясной дали нам пшаницу, овёс, ячень, ўот. Просо сеяли, ўот. Тады ў трицатом ґоду ў коўхоз пошли, коўхоз уже тут стаў. Ляжали таки ўот ворохи, эта, просто: и просо, и пшаница, и ячень, и ґречка, и овёс и ўсе ляжало – нихто ня троня ўот такой ґорстки, а сечас – б...й род – посыпь, дак за ночь и подмятуть под мятлу, ўсе утянуть – банды бл...е. А раньше не-е-е..(т), ўсе было хорошо. Хорошо было. А сечас... Ўсе к нулю идеть и идеть, хуже, и хуже, и хуже, и хуже, и хуже, ўот. W маґазинах ўсе дороґое делаеца.

7. Рассказ о китайцах

«Оны чёрные. Оны по-своему гиргочать»

Китайцы тут не были (не нанимались к гуранам). (Они) зимой-то ходили, зимой ходили, ўот. Перяходили и, эта, жили оны, как перейдут. Оны оттуда

нясуть спирт, нясуть, ета, самоуонку, и ўсё такая банки пудовые на плячах, ўо, нясуть. А куды? Ў Казановку. Отсюда у (н)их тропочка была до Казановки. Ў Казановки там шкуры бяруть аўчинные, лисие, барсучие, тама, ета, набирають, нясуть ў китайщину. Конечно, солдаты поймають, ета, ўсё отбирають, ўот, а куда, хто их знае, куда? Ўот.

Оны (китайцы) чёрные. Оны по-своему гиргочать, ўот. Я сама үрэшная, ходила раза тры на тую сторону. Ёны очень тшистоплотные. Очень тшистоплотные. У (н)их хоть зямлянка, ўот, выкопанные зямлянки такая исделаны, ну отшэнь тшисто. Ў складах у (н)их тшисто. По ету сторону ляжить крупа, на ету мука ляжить, тут проходка такая, ўот. Ў дрўгий склад прыходишь, там ляжить сахар, ўот сахарын, ўот чай. А чай плитами, ўот такая ўот плиты, ўот такая тоўщиной. Ўот чай ляжити на сторонах, ўо(т), и очень тшистоплотно. У каждого мауазин свой, ўо(т). Материи какой хотшешь, и платки, и ўсё, ўот. А ета, я хóдила... мы хóдили, зимой хóдили туды. Нас отец покойный отвязёт, и, ета, с китайцем мы хóдили. Китаец день ляжить под койкой, ўот, чтоб солдаты – ша! – вечером: «Запряуай, батька, коня». И нас вязёт, до (А)мура дово́зе, мы пошли. Ну конетшно, зимой идёшь, ўот тут ямка, тут криуа. Идём, идём: «Ложись!» «Как?» «Солдаты едут!» Тут отъедут, ўот, поляжишь, он опять послухае: «Пойдём». Ну перяходишь. Оны ўот сечас живут по беряуу, тут построены дома, а раньше за сопкой жили. За сопку и над сопку на етую залазышь, туды спускаеся, и там ровчачок такой, с Амура протока проходе. Ну роў, ну вода проходя к (н)им. И оны там живут, и тут понабираешь уже. Оны по-своему гиргочать, оны не разуоваривали. Үр-үр-үр – ўот и понимай, как хочешь. Оны по-русски не уоворили, нет. Нотш понотшуешь там, набярёшь, ето, всяуо товару, ўот, и спирту всяуо и, ета, уходишь оттуда.

– Баба Люба, а деньги какие были? Деньги как меняли?

А деньуи... Мы без денех. Ўот просто мы отсюда набирали яйца, курэй дяржали мы мноуо. Отец быў охотник у мене покойный, и он набиваў птиц, а

здесь птиц очень мноґо былó, ўот, косачей, всяґо набиваў... Мы туды мясо, оттуда товары нясли, ўот так, ўзамен, ўзамен, и так мы жили. Жили хорошо мы.

Стряпали оны ляпёшки: на колене – раз, раз. Тут такая плита, на плите стоить бак, вода кипить ў етом баке, ўот на етом баке ўот сетка такая положена, и пар идёт, и пампушки на петши ўот какие растут. Да белые. Я раза тры ходила тудоў. Ходилы ў трицать шастом, ўот, и ў сороковом ходилы, ўот. Я туды ў двацать восьмом ґоду ходила пяхком. Коленки хоўс(т)яные, етые брюки были на мене надеты самотканые, ўот, коленки пообмораживаю - ўот такие пушки, и ета, ходили. Оттуды нясли спирт, нясли одеялы, нясли шали, ўот. И отец опять встречает тут нас. А солдаты с отцом, ето, знакомые были. Баюшки спят, а мы, ета, ўсё принясём, попрятшэм, ўот. Солдаты уехали, тады уже разбяраем, кому что.

Там китайскыя дома были, зямлянки. Ну как под зямлём. Как вам рассказать? Ўот копаеть, так ўот яму выкопаеть, сюды становяца брёмны, там те доски, тады закрывають зямлём, так ўот крышу делае, просто ўот так (показывает), а тут настилаеть так ета дома ети. И живут, и такие ж маґазины у (н)их были. Что сечас маґазины мы называем, а тады лаўки были, и у ґураноў лаўки были, ўот.

– А как дом этот назывался у китайцев?

Ну как? Хванза (фанза), хванза - это у (н)их дом. Заходишь, у (н)их ну как бы двери, ўот так – двери. Ўот заходишь туды, ўот тут так нары, китаешка сидить тут. Я уже тры разы ходила, я уже видела: у китаешки ноґи ўот такие маленькие. Ляжат китайчаты, двое, третья маленькая, ёна (китайка) держать. Китаец сам, ета, старый, ўот, коса ўот такая, до задницы, да тоўстая, сивая, заплётена. Ўот ён ґотовить, а ёна сидить с дятями. Плита ўот, бак стоить, вода кипить ў етом баке, на етом баке сетка такая положена, ўот, а на плите тут варя ён. Чё уже ён варя, я ня знаю. У (н)их первая закуска – лягуши, ўот. Тут есть не онé – то что жаба (в)от больша, что «ква-ква», ўот. А ляушек, которы (в)от прыґають, длинные ети ноґи, ўот, у (н)их первая ета закуска. Мы ня ели. Я даже

ляпёшку и то ня ела. То, что на коленке он на үолом катае, ўот, а я побрезговала. Мы пошли ў маүазин, купили там, с сястрой ходили, кое-чего такое, что ну ня ета, чтобы стряпали или что, ўот ета не купляли мы, а конфет ўзяли, ўот, и ўзяли такое, ўот у нас зовёца мороженова, а там ня знаю, розовое такое, ўот такие ўот закрытые (показывает). Так мы ня ели, ўот, нотшавали с сястрой, но мы ня ели.

– *А куда вас спать положили?*

А просто нары, на ети на нары. Такие ўот, и тут доски кладут. Но мы ня спали, мы боялися, ўсё-таки тшорт (черт) знае. И ў трэтий раз и пошла моя сестра-покойница, и она уже, ета, познакомилась. Китаец хотел её взять, ўот, с собой. Дак мы уже не боялися. Иваном яүо звать былó, ўот дак мы не боялися, у яүо мать русскыя, отец китаец быў.

8. Пьянство

«А что пьяные, а с чаүо пьяные - ня знаю»

У нас на свадьбу үонят самоүонку. Ўот. Если у мене ўот свадьба – я ўот үуляла у покойника Сергея, что помёр, үод будя, ўот – я ўо(т) таких вот три бочки поставила етой бражки, и перяүнали. И мы-ы два битона наүнали самоүонки, ўот мы и үуляли свадьбу, а ўот ету (самогонку) брали с Антоновки, ўот, её привóзили.

Сначала (в)скипятила водú, ўот, брала дрозьзей (дрожжей) полмяшка, ўот, и на-а чатыры ботшки рассыпала ето. И она үуляе чатыры дня у мене. А тады ўсё ў аппарат и, пожалуста, үоню. Я за день ботшку перяүнала ўот тады на второуй день, мене нихто: ни милиция, ни полиция – нихто ня браў. Ўот. Потому что я на дело делала. Я не пила, я и сечас ня пью. Я ня пью, потому что у меня жёлтш (желчь) удалёна и мене пить нельзя. И мене даже соусы есть нельзя. Я безжётшильная (без желчи?). А так пьют. Мужик, правда, выпиваў. Я и не запрящала. Стопотшку к заўтраку: «Дай, – там, – Люба». Налью –

выпьё, позаўтракае и на работу идёть. Я не запрящала! Он не напиваўся, чтоб допьяна.

Конетшно, раньше сами коноплю брали. Ё печи нажарышь такую сковороду конопля, ступу потолчёшь, потолчёшь, ёот. Дети макають картошкой, ядят. Не пьянели, не что. А сейчас б... род, пьяные, ой! Алкамасы! (наркоманы). А тады ни алкамасоў не было, и ели. Ели ж коноплю! Сама урешна, нажарю перед етим ё печи ё русской и ё ступе натоўку. Белая-белая конопля, как ета, как смятана. И дети макають картошкой, ядят, и хоть бы что: ни один не пьяниў, ни один не дуриў. А-ай! А сейчас ёсё пьяные, ёсё пьяные. Ну я же сама литшно дятей кормила етой коноплей! А? Ну? Не пьянели. Ёот такая мяшки стояли с зярном. И обобьёшь праником, провеешь на ветер. Ёот такие мяшки наоббывала и ей кормила дятей: не пьянели, не дурэли ниhto. Десять человек, а вырастила. А сейчас пьяные, пьяные. А что пьяные, а с чауо пьяные – ня знаю.

Комментарий

Фонетика

1. Под ударением различается пять гласных фонем: /a/, /o/, /y/, /э/, /и/. На месте «ять» /h/ под ударением обычно произносится гласный [e]: *пэд'в'ин'ёц, р'ёдкый, ий'эхэт', д'ёлэ*. Отмечено несколько случаев употребления дифтонга [ие] и гласного средне-верхнего подъема [e] на месте этимологического «ять»: *л'иёт, н'иёт, ф'с'иэх, д'ёлэ, им'ёў* – а также не на месте этимологического «ять»: *ий'ётэ, ий'ётэвэ*. Однако в некоторых случаях в тех же самых словах отмечено произношение [e]: *л'ёт, н'ёт, ф'с'эх*. Единичный рефлекс «ять» обнаружен в случае *ф'с'их*. Фонема /ω/ совпала в звучании с фонемой /o/ и под ударением произносится как [o]: *хто́, то́л'кэ , ро́н'ут, рабо́ту*. В отдельных случаях отмечены рефлексы /ω/: *ийешо́у*.

2. В соответствии с «юсом большим» во всех случаях отмечается произношение [а], как в литературном языке: *т'áжкэ, вз'át, п'р'ин'át'*. Отмечено единичное произношение *с'н'ел* (снял).

3. После отвердевших шипящих в первом предударном слоге наблюдается реализация звука [а]: *шастóвэ, чатыр'и, н'ичауó, рэжасвó, тшан'ицэ, жан'их*.

4. На месте этимологического /е/ после мягких согласных перед твердыми согласными под ударением произносится [о]: *с'óстры, л'óхкый*.

5. Фонемы /а/ и /о/ в первом предударном слоге после твердых согласных не различаются. На их месте обычно выступает гласный [а] – независимо от того, какой гласный выступает в слоге под ударением: *пам'óрл'и, пастрóйинэ*.

6. На месте гласных неверхнего подъема в первом предударном слоге после мягких согласных наблюдается сильное яканье, характерное для некоторых брянских говоров: произношение [а] на месте фонем /а/, /о/, /э/: *с'астры, п'р'ив'азл'и, п'аклá, п'ал'óнкэ, м'ашóк, п'ал'анáлэ, п'р'идс'адáт'ил', атм'ачáл'и, п'акл'и*. Однако в редких случаях можно наблюдать произношение [и] на месте /а/, /о/, /э/ в той же самой позиции: *т'иб'э, м'ин'э, д'ивáтэм*. В словах религиозной тематики произносится [э]: *хр'еш'эн'йэ, хр'ес'т'ил'и*.

7. В первом предударном слоге перед начальным сочетанием сонорного с последующим согласным употребляется гласный [и] или [а]: *иржы, аржы, шилá*.

8. Частотным является употребление протетического [w] перед начальными [о] и [у]: *wóс'ин', wýткэ, wýл'ицэ, wýтрэм*.

9. Отмечается диэреза корневого гласного в форме местоимения *у меня*: *у^м'н'á*.

10. Наблюдается утрата начального слога во многосложных словах: *(е)д'инал'ичнэ, (а)гранóм*.

11. Во многих случаях отмечается последовательная замена [ф] на [х] или [хв]: *хронт, шыхв'эр, хвáнзэ, хвáртук*.

12. Фонема /в/ реализуется в звуках [в], [w], [ǃ]. [W] обычно употребляется в начале слова перед гласными как протетический: *wóc'ин'*, *wúткə*, *wúl'ицə*, *wúтрəм*. В позиции перед и между гласными звуки [в], [ǃ], [w] находятся в отношениях свободного варьирования: *ўот*, *п'ёрвəуə*, *в'эчирəм*, *ўо* (вот). Однако в абсолютном начале слова перед гласными преобладает употребление [ǃ], а между гласными - [в]. В абсолютном конце слов после гласных обычно употребляется [ǃ]: *мужыкоў*, *дуракоў*, *хлопцəў*. Перед согласными могут употребляться [в], [w], [ǃ]: *д'эўк'и*, *инак'эн'т'ишкə*, *в'з'ал'и*.

13. Фонема /л/ перед и между гласными реализуется в согласном [л]. На конце слова отмечена реализация этой фонемы в [ǃ]: *жыў*, *в'з'аў*, *пабыў*. Перед согласными обычно употребляется [л]: *цэлкə*, *пáлка*.

14. Отмечаются случаи произношения [р] перед гласными (в т.ч. переднего ряда) в соответствии с литературным [р']: *чаварыт'и*, *распóрым*, *срэд'н'ə*.

15. В некоторых словах сохраняется мягкий [р'] после [е] перед заднеязычными согласными: *в'и^ар'хавóй*, *в'ар'хám'и*, *з'в'эр'ху*.

16. Заднеязычная звонкая фонема представлена щелевым [ɣ], который в слабой позиции реализуется как [x]: *чóспəд'и*, *п'ёрвəуə*, *чадú*, *чрáməтнəйə*; *нóхт'и*, *б'из'д'эн'əх*. Встречаются единичные случаи произношения г-взрывного.

17. Широко представлен протетический [й] перед гласными: *йон*, *йанá*, *йэтə*, *йаны*.

18. В результате утраты [й] после согласных произносятся долгие согласные: *нóччу*, *пал'л'ú*, *нал'л'ú*, *тр'ет'т'əм*.

19. Широко представлено произношение [x] на месте [к] перед согласными: *хто*, *хр'еш'эн'йə*, *д'ир'эхтəр*, *трахтар'исты*.

20. Системна диэреза согласных: *кушыно́ф*, *ражасво́* (рождество), *ниско́кə*.

21. У местоимений 3 лица в косвенных падежах отсутствует протетический [н]: *к'йим, у'йивó*.
22. Единичны случаи произношения [к] на месте [х] пред гласными: *пáскə* (Пасха).
23. Отмечены случаи диссимиляции по месту образования: *канбайн'йóр, канбáйн*.
24. В единичных случаях сохраняется ассимиляция по звонкости и по мягкости перед [в']: *з'в'ёр'ху*.
25. В ряде слов отмечено произношение [д'] в соответствии с литературным [д]: *д'ёркə, ад'д'ихát'и*.
26. В глаголах *шла* и *пошьёшь* наблюдается эпентеза [ы]: *шылá, пашыйóш*.
27. В отдельных случаях наблюдается произношение [л] в соответствии с литературным [л']: *жылы, былы*.
28. Отмечено произношение слов *меньше, раньше, тоньше* с твердым [н]: *м'эниə, рáниə, тóниə*.
29. В некоторых случаях наблюдается прогрессивная ассимиляция по мягкости у заднеязычного [к]: *тóл'к'и, скóл'к'и*.
30. В слове *ухват* вместо [в] произносится [п]: *ухпáт, ухпáтəм'и*.
31. Долгая глухая шипящая фонема реализуется как [ш'ш'] и в некоторых случаях как [тш] и [шч]: *к'итáйш'и'инə, блəгав'эш'иəнск, жéнтшынə, уғашчэни'ийə*.
32. Отмечается произношение *чо, шо, чóбы* в соответствии с литературным *што, штóбы*.
33. Наблюдаются случаи произношения *дак* вместо *так*.
34. Глагол *нанимали* произносится как *наймáл'и*.
35. Глагол *помереть* в формах прошедшего времени имеет ударный [ó] в корне: *пам'óрл'и, пам'óр*.
36. В единичных случаях смягчаются конечные твердые согласные: *б'р'ан'с'к'*.

37. Долгая звонкая шипящая фонема реализуется как [ж'ж']: *подйа́ж'ж' ай́ут, дро́ж'ж'и*.

38. Фонема /ч/ является твердой и реализуется как [тш]: *калати́ей, нотш,* *до́тшиэтикэ* (дочечка).

39. Отмечается вставка гласного звука между одинаковыми согласными на стыке слов: *у́ со́рэжэ како́м*.

40. В единичных случаях в начале слова фонема /и/ заменяется /а/: *ана́к'э́н'т'ий*.

41. Отмечаются единичные случаи межсловной ассимиляции: *хо́д'ис* *спатыка́йис'с'и*.

42. Наблюдаются случаи удлинения конечных ударных гласных в конце фразы: *н'икау́о-у, былó-у*.

43. Отмечены единичные случаи реализации мягкой фонемы /ц'/: *д'э́лэ́йиц'а, ат'е́ц'*.

44. Отмечен единичный случай употребления I-эпентетикума: *пэ́купл'ай́ут*.

Ударение

45. В отдельных словах (словоформах) место ударения отличается от литературного: *было́, схо́д'ил'ис', д'ит'а́м, жыл'и́, был'и́, ваду́, бра́ла*.

Морфология

46. Существительные муж.р. ед.ч. в Р.п. имеют окончание -у: *с запа́ду, с Бря́нску*

47. Широко используется И.п. в значении косвенного: *мы пойдим с ма́ть;* *на трахто́рысты учи́ца;* *он дире́ктор заво́да работа́у;* *приехали на пары ко́ни*.

48. Существительные мужского склонения имеют в И.п. мн.ч. окончание -ы: *браты, стё́клы, яйцы́, вё́дры, тры́ разы, кита́йчаты, одея́лы*.

49. Существительное противень (*протвинь*) изменяется по 3 склонению: *у протви́ни делаем ручки*

50. У прилагательных ед.ч. муж. и жен.р. встречаются окончания -ья, -ый: *печь русска́я, молодой*, а в В.п. – -ью: *кашу кукурузную*.

51. В прилагательных И.п. мн.ч. встречаются окончания *-ья*: *вёдры деревянные, железная*;

52. Отмечается употребление стяженных форм прилагательных и местоимений наряду с нестяженными: *кувшины трехлитровы, двухлитровы, у други склад приходишь, ровчачок таки, кувшины таки* и *деревянные козлы, ноги (у)от такие маленькие, коса такая толстая*.

53. Отмечается употребление местоимения 3л. мн.ч. *оны*: *оны черные, оны по-своему уируочуть*.

54. Личное местоимение 1 лица ед.ч. в Р.п. употребляется в форме *мене*: *отец уже больной был у мене, у мене две печи было*.

55. Возвратное местоимение *себе* употребляется в форме *сабе*: *ляпёшек натячешь детя́м и сабе*.

56. Употребление формы местоимения *ихняя* и наречия *по-ихнему*: *в Скабильцине ихняя стояла застава; я по-ихнему ня знаю*.

57. В некоторых случаях наблюдается стяженное окончание *-ий* у местоимений на месте литературного *-ой*: *у други склад приходишь, ровчачок таки*.

58. Встречается окончание *-ти* в инфинитиве в тех случаях, где в литературном языке будет *-ть*: *наняла бы пахати, сеяти; Паску святити; надо чем-то кормити; оны там живути и спяти*.

59. В возвратных глаголах отмечается употребление постфикса *-ся* после гласных: *началася, остались, училися*.

60. Формы глаголов 3 лица ед.ч. могут выступать без конечного [т']: *ребёнок сам ползае, невестка председателем работае, никто не троне, пароход подходе, бог знае, и она подходя и говоря, у неделю раз пароход подходя, вода проходя, ён на коленке катая, ён варя, протока проходя*.

В некоторых случаях в этих формах на конце отмечается [т']: *бак стоить, вода кипить, китаечка сидить*.

61. Глаголы в форме 3 лица мн.ч. имеют на конце обычно [т’]: *нясутъ спирт, сажаятъ на тялегу, шкуры бярутъ, вязутъ продукты, по-своему уируочутъ, подмятутъ под мятлу.*

62. В некоторых случаях наблюдается выравнивание основ: *бегишь из поля.*

63. Наблюдается конкуренция предлогов С и ИЗ с Р.п. существительного в пространственном значении: *бегишь из поля; с западу прыехала; с Бряньску; из западу; прыехали с поселка.*

64. Наблюдается употребление местоимения *никого* для обозначения неодушевленного предмета: *Никоюу уже, мене уже никоюу, мои деўки, ня надо: ни хозяйства, ни что, сама ходишь спотыкаешься.*

Словообразование

65. Регулярно используется приставка ИЗ- на месте закрепленной литературной нормой приставки С-: *изверху* (сверху), *избираться* (собираться), *изделать* (сделать), *изварить* (сварить).

66. Отмечен случай употребления приставки ВЗА- на месте закрепленной литературной нормой приставки ЗА-: *взабрать* (забрать).

67. Употребление приставки ПО- в деструктивном значении: *порушить* (разрушить).

Синтаксис

68. Отмечается высокая частотность частицы *ўот* (вот), обычно заполняющей паузы хетизации: *Он не любиў, ўот. Дядька не пустиў мене на трахторысты, ўот, а ён прышеў, познакомились, свадьбу в Архарэ гуляли и жить стали. Дома отмячали, ў Архарэ, ўот.*

69. Частотным является инверсивный порядок слов: *Я с западу прыехала; Дядька у мене ў Архарэ жиў, мамкин брат.*

70. Наблюдается постпозитивное употребление определения: *тода мой отец покойный прыехали сюды; потом война шла японьская на той стороне; на Троицу моя сястра шла покойница; тады Пашка покойный родиўся ужо.*

71. Отмечаются случаи рассогласования рода определения и определяемого слова: *такой война шла на той стороне*.

72. Отмечен случай употребления двойного подлежащего: *кто на полу дети спали*.

73. Используется полная форма страдательного причастия в функции сказуемого: *Мяшок натянутый на эта, и качала; у меня была здесь маленькая хатка построенная*.

74. Частотным является употребление составных сказуемых без глагольной связки в прошедшем синтаксическом времени: *нас трое у матери – три сестры, ўот, и мы с западу; я прьехала, мне пять лет..*

75. Отмечен случай разрыва группы обстоятельственного детерминанта: *у мене здесь, эта, хозяина убили на войне*.

76. Наблюдаются случаи рассогласования числа подлежащего, выраженного существительным с собирательным значением, и сказуемого: *уосударство прьехали, поулядели*.

77. Отмечены случаи использования союза А в условном значении (как ЕСЛИ): *С холста отрэжишь. А не с холста, дак мяшок, эта, распорышь, ўот, да и две пялёнки и платок делала*.

78. Имеются случаи избыточного отрицания: *А семья у (н)их не работае: ни одной ни деўки, ни хлопцы – никто не работае, ўо(т)*.

79. Наблюдается широкое использование чужой речи: *Ну ёны ня русские, ўот. Уураны: «Парь, чай. Парь, давай варенье. Парь, давай. Парь, садись кушать. Парь, садись». Ёны ўсё по-своему ўоворыли, ўсё «парь» у (н)их; Оны поють ўже песню, что «отец и маты, подарочек даты», ўот. И она (мать) подходя и ўоворя: «Я, – там, – дарю корову». Ўот. А-а з яю стороны: «Я, – там, – дарю чушку». Ўо(т). А-а опять мать подходя и ўоворя: «Ну моя дотиэтишка, я тебе дарю – что ў сундуку, то твоё». А-а з яю стороны опять уже: «Я тебе дарю, – там, – постелю ўсю». А тады поють: «Стукнули, ўрюкнули на дворэ. Поуляди, мама, (нрзбр.) по мене?» «По табе, дитяtko, по*

табе». «*Ўотуй, мамка, кублик мене*». «*Да было ль табе, дотшетишка (дочечка), не спати, табе сундучок отдавати*».

80. Отмечаются случаи использования вопросительных предложений, не обращенных к собеседнику: *Ўот и я журанка была б, так? Какое мне хозяйс(т)во тяперь? ...банки пудовые на плячах, ўо, нясуть. А куды? Ў Казановку*.

81. Частотными являются случаи употребления ситуативно неполных предложений: *Прыносять из дуба чатырэ таких покатых ствола. Эта палка, ўот эта палка. От этой палки ўот так чатырэ этих ствола; А эта, люлька вясела, чатыре таких палки, верёўка, и качала. Мяшок натянутый на эта, и качала*.

82. Отмечается двойное употребление предлогов: *деўки спяць на таких на нарах; на день покос идёшь на колхозный; скорэй ў печь ў рускью*.

83. Наблюдаются случаи употребления двух предлогов со сходным значением при одной падежной форме: *Ў под Скабельцино́ нас, там ўсю ночь сидим*.

84. Отмечается широкое употребление предлога *З* в пространственном значении, соответствующего предлогу *С* в литературном языке: *У нас содыть так: жаных и невеста з этой стороны стола, ўот. Подружка и дружок з этой стороны; И ты бы дяржала (ў)от з моёй стороны свечку, з яю стороны икону*.

Лексика и фразеология

85. Употребляется много диалектных слов и фразеологических единиц, многие из которых белорусского или украинского происхождения.

Алкама́сы (нов.) – наркоманы

Артина́т - интернат

Ба́тька – отец (ср. укр. ба́тько, белорус. – ба́цька)

Ба́юшки спать – спать

Воспи́тывать – растить, кормить детей

Вы́шукать – найти (ср. укр. шука́ти – искать)

Гирготать – говорить на непонятном наречии, языке

Грѣцкая – гречневая, из гречневой крупы

Дѣвка – девушка

Дрѣнки – оладьи из тертого картофеля

Дрѣчка – тёрка

Дубняк (*собир.*) – дубовые ветки.

Заведѣнка – обычай, правило (ср. белор. *звѣчай* – обычай, укр. *звѣчай* – обычай)

Займка – отдаленное от основного жилья поселение

Каток, мн. катки – деревянное колесо телеги

Китѣчка – женщина китайской национальности; китаянка

Китѣщина – китайская сторона, земля

Кбзлы – самодельная деревянная кровать; нары

Колѣдка – деревянная деталь самодельной мельницы – шарманки

Косѣч – тетерев

Крѣга – льдина (ср. укр. *крѣга*, белорус. – *крѣга*)

Кублик – кадка, бочка (ср. белорус. *кубел* – кадка с крышкой)

Кудѣля – палка с накрученными необработанными льняными или шерстяными нитями; веретено

Люлька – колыбель

Ляд – лед, низина, холодное место (ср. белорус. *ляд*)

Махѣтка – горшок, крынка

На дѣло дѣлать – делать на пользу, с пользой

Надрѣть – натереть (ср. белор. *драць*)

Нямá – нет (ср. укр. *нямá*, белорус. *нямá*)

Нерасходимый – непроходимый

Обручальная свадьба – свадьба, сыгранная по обряду, в соответствии с обрядом

Откуль – откуда

Пампушка – мучное изделие; пышка

Пáска – Пасха

По пáры – парами

Пáрубок – парень (ср. укр. *парубок* – неженатый молодой мужчина)

Перегóнщица – доярка, занимавшаяся перегонкой молока для изготовления масла

Пита́ть – кормить

Подмести под метлу – взять всё без остатка.

Попривáдить – собрать, привести

Пра́ник – деревянный брусок с ребристой поверхностью по одной стороне, используемый при стирке и глажении белья

Прохо́дка – место, по которому можно пройти; проход

Рассы́пать помалу – рассыпать мелкой монетой

Ровчачóк (*уменьш.*) – маленький ров

Сдóхнуть – умереть

Супря́дки – вечерние собрания молодежи для совместного труда и отдыха; вечёрки (ср. белорус. диалект. *супрядки* – вечерние собрания молодёжи)

Ты́ркать – тыкать

Ха́та – крестьянский дом (ср. южнорус. и укр. *хата*)

Хва́нза – китайское жилище; фанза

Хло́пец – парень (ср. укр. *хлопець*, белорус. *хлопец*)

Холста́ные – сделанные из холста, холщовые

Цéлка – полная катушка ниток

Шарма́нка – самодельная мельница

Яко́й – какой (ср. укр. *який*, белорус. *які*)

*Сергиенко Анна Кондратьевна, 1920 г. р.
Амурская обл., Шимановский р-н, с. Кухтерин Луг
Записали Е.А.Оглезнева, Н.Г.Архипова, Д.Н.Галимова, 2002 г.
Обработала Н.Г.Архипова, 2004 г.
Комментарии: фонетика, синтаксис – Н.Г.Архипова,
морфология – Е.А. Оглезнева, Н.Г.Архипова,
лексика, фразеология – Е.А. Оглезнева, Н.Г. Архипова*

О своей жизни

«Всё надо было терпеть»

Я с двадцатого. А сестренка у-у м-меня старша была с пятнадцатого.

— *Вы здесь родились?*

Здесь, здесь. Тут и родилась. Только что не совсем здесь, вот, а там деревня была та – Кухтерин, – ещё построенная при царизме. Только здесь промхоз открылся, это, сюда уже вот перевезли.

Мы приехали из этой, с Украины. Мать моя, значит, фамилия у ей Никимбук. А отец-то – Банькóвский. Это уже поляк, наверно. Вот а мать я не знаю уже, как называеца. Украинцы, наверно. Как-то говорят, что всё больше были Фесю-ук, Тарасю-ук, Корнелю-ук, Сидорю-ук – вот такие всё фамилии были. Всё на «юк», вот. А таких во(т) фамилий был Банькó-оўский, Выsó-оцкий, Барó-оўский, Кудéверский. Пять фамилий таких было только. Э, в каком они году приехали? На(в)ерно, ув девятом, на(в)ерно. А-а ещё были люди - эти ув пятом приехали.

Ой! Баба рассказывала, говорит: «У нас на Западе у каждой, г(о)ворит, парáхвеи...» Что за «парáхвея», я и не знаю. Ну вот как сельсовет уже сейчас, а это, наверно, вот парáхвея. Вот, «у каждой парáхвеи по-разному разуваривали».

Я же труженик военный, в колхозе всё-о, всю жисть работала. Сеяли пшени-ицу, овьёс и всё на свете. Всё работали и работали. Скотину держали, лошадей держали. Ну, лошади-то обязательно надо были, потому что то(г)да надо было пахать и сеять. Трактороў ещё не было, потом уже трактора-то стали.

Ну и без хлеба были и всё. Вот это, уже я и не знаю, в каком (году), в два(д)цать третьем, ко(г)да уже в колхоз организовывали, в колхоз нас уже собирали, вот тогда хлебушек забрали, (смеется) а потом нас в колхоз заунали. Вот так и надо было. Вот было соберёмся, работаем. Все что едят? Картошку. (О)город-то здоро-овый насадим, и картошка, и картошка, а хлеба-то и нет. Да-а, отворачиваешься, уже козлы водят – ще не наелись.

Ну, а как одевались? Всё одёжки были. Было мамулька унесёт все в сельпо: яиц, масла там маленько. Чего продаст и за это купит себе-э одёжку. Мамулька носила юбки. А когда порвалась последняя юбка, она заплакала и говорит: «В шчом я коровушку выюнню к пастуху?» Ну? Юбка одна была, и та порвалась. Ну а сверху тоже кофточка такая. Ну а больше всего у-у тканом у шаром (?) ходили. Ну, сами ткали. Вот. Вот такие, эта, хрсна такие называли, вот и-и ткали с это одёжу. Называли хрсна их, вот такую машину-то. Здоровая он такая вот, (усмехается) вже теперь не расскажу я, дети. Ну-у, половики делали, это половики-то эти, ткали так-то: мате(ри)ал там порватый, а основа – это нитки эти, а-а уток вже вот такое бу(де)т.

Ну-у, вязали такие шерстяные чулки, чтоб тёплы, чтоб теплей-то. На зиму, конечно. Вот а такие чулки уже и как удасца купить тоже. Если будет копейка, то купите. А нету так и ...

— *А где вы познакомились со своим мужем?*

А мы были с ним и знако-омые. Колхозники одьны-ы были. Ещё я ничего узна-ать-то не узнала. Вот хоть убей, все рабо-отали, а в душу-то... туда не залянешь. Ага-а. Ухаживали: напьюца, када уже можно было, потому что улавно дело у меня отец был предсетатель колхоза, а у его (жениха) брат был предсетатель сельсовета. И ему дали даже это-о, ну документы, что он может уйти с колхоза. А нам, когда мы написали, девчонки, то нам резолюцию красным карандашом наложили и посмеялись над нами культурно. Вот так мы и остались, пока взамуж не пошли, девчонки.

Потом он (жених) дальше чё делал? Любоў крутил. Вот так: и во-одку пил, и все хорошо было. Я терпела его. Я противник был водки. Было

сестрёнка со старой деревни придёт старшенькая да: «Давайте спятеримся». А я уо(в)орю: «Я – нет». «А чё, у тебе денех нету? Я заплачу за тебя». Я уоворю: «Не-не-не».

У меня четверо детей. Три сына и дочь. Вот Олюшка родилась в Свободном, вот. У меня воды прошли, и сестрёнка старша пришла: «Езжьжяй ты в больницу, езжьжяй и езжьжяй в больницу. Или в Свободный, или в Шимановск» Ну, повезли меня в Свободный, довели, и я там остановилась. Вот. И там сразу что меня на укол поставили. Дело плохо было. А если б осталась я в деревне, то запросто бы кони кинула. Ну, спокаместь не в больнице, так эта, бабка принимала, а потом больница была. А вже когда в колхозе, так там больница была-а у нас.

У нас ведь бабулька ездила за льдом на Зею. А-а кобыла потащила её, и она упала, и себе свернула уолову даже вот. И вот как ў больницу зайдеть, а там начнут же налаживать, вот у ней улаза вылазиют. Вот. А потом сказал кто-то, что какая-то бабка может править. И бабка эта пришла, только взяла, уоворит, за уолову поуладила, и раз! - и всё на месте.

Ко(г)да-то еще раньче братишка такой был щё: плакал и плакал - не переставал. А-а мать пожалилась, а один старик уо(в)орит, что «переночевать пустите меня». «Вот вы, - уо(во)рит мамулька, - у нас и спать не будете, ведь он так плачет, всё время кричит, а он посмотрел и у(о)ворит: «У его чужой плач. Его плачу – не хочу и плачу». А что такое «чужой плач», и не знаю я. «Вот завтра я, – уоворит, – пойду переночую у вас и пойду, и-и ты хозяин со мной иди, я покажу какое лекарство». А зимой это было дело. «Вот маленько, – уо(во)рит, – порастопишь снег и достанешь вот корня». А вот потом эти корни мы доставали, сестрёнка доставала, лечила-лечила - ничего не помоуало.

Сеяли про-осо – вот ка-аша, уре-ечку сеяли ету, ели потом. Вот крупная такая перлоўка, и сами в ступе толкли-и вот, а потом ее вже там посушат, прополáют (?), ну сделают ее, как нужно. Я уоворю, щас вот как принесёт Олюа перлоўки, и я смотрю, она такая беленькая, как только ее обделать. Как я

вспомню: как обделывали мы, как можно было так обделать? Она такая беленькая, такая ну просто там ах! – не то, что раньше. Пекли и пироги. Хмель рос – вот и дрожжи были. А када уже потом ў колхозе, то уже и ў магазинах бы-ыли дрожжи.

Мамулька с отцом жили у свекроўки. Еще ко(г)да невестой мать пришла к о(т)цу и ўо(в)орит: «Вот я и пришла и буду жить». А бабулька какхватила веника и давай веником отхаживать эту невесту: «А-а, ты такая, ты сякая!». У мамульки пятеро детей сначала, уже потом я была, и после меня еще был братец и-и сестрѣнка ещѣ. Вот.

Ну, а как мамулька со свекроушкой жила, дак я знаю. Так все надо на работе, везде на работе, а мы-то, жулики-то, все равно: то залезли где-то напакостили, то чего-то. Она, свекроушка – бабушка моя – ўо(в)орит: «Ты бы хоть ў праздник не ходила бы по яуды по ети, хоть бы побуыла с ними, а то я с ними не справляюся, картошку едят не чистят». А-а мамулька советует, что «вот как следует ести: вот вы тогда их и очистивайте хорошенько». Ну, дак тогда та и не знает-ти, за что очистивать. (смеется) А мы уже не жили со свекроушками. И свекроушки и свѣкра не было, зато сами хорошо жили. Папа, было, напѣцца и козлы водит, а я руками зауребаю, собираю, он тоуда у меня прощения попросит. Все надо было терпеть, и все равно ни уходили к свекроушке. Все оно как было, так оно и сичас есть. А сичас уже у нас вообще-е: вот только пьянка бы и уулянка – было б хорошо. Ой-ой-ой-ой, я была противник, протии-ивник. Девки любили выпить кое-какие, надо было выпить, а я противник. О-о-о, матом тут и с девятого этажа! – все летели. Вот за это, может, боу и наказал, что матерились. А все из-за колхозу из-за этого. Дома с родителями не рууались. У-у меня отец был такой, что по(п)робуй-ка что-нибудь скажи-ка! Друуая бабушка и-и тѣтенька еще лучше материлась мужика.

Да ничѣ сейчас ни хуже: мене пенсию дают как же оуо-о! А тада-то й, наверно, и нихто не да-ал бы. Вот и мамулке моей за сына что у ... на фронте поуиб двенадцать рублей давали. Ну шибко тоже ни разпряуайся. Ну все равно

на хлеб давали. Давали на хлеб. Вот. А хлебушек-то был всё-таки ж дешёвый, вот. Это чёрный хлебушек был восемнадцать копеек, во-от, который ето-о называют яришный. Яришный называют: был самый дешёвый. Пшыничный уже был – два(д)цать четыре копейки. Ну, белый там уже ещё дороже.

Пекли-и, конечно, и дома. Маму-улька пекла только, я не пекла-а - лодырь такой был за хлебом. Ла-адно-о, мама всё так делает. Мама всё так делает, а мы с сестрёнкой были - у той дети и у меня уже был мальчишка Коля. Вот мы пошли-и в колхоз. Это, а бабушка нянчила и её и моё, и робить ходила. Ей разве лёхко было? Нет, конечно. А потом бриґадирша ґоворит мамульке: «Знаете что, Марина Николаевна, вы не ходи-ите на работу. Пускай Нюра и Шура идут лучше». Мы приходили есть, о_бедать, а мужики уже запряґают своих лошадей, снова будут жать. Тут уже, брат, не только ести, а вот так сесть и руки свешать маленько, и чтоб они хоть маленечко чутку отдохнули, а то ни черта не уберем и не успеем за жнейкой связать. Ой-ой-ой! Тяжко, тяжело, тяжело, тяжело. Жнейка жнет, а мы вяжем. Ну, свяжем, поставим суслóны, вот, и оно стоит. Так хоро_шо, если нет дождья, дак, а если вот дожджик, дак друґой раз идёшь на-а работу жать тоже, а оно уже, которое раньше (сжали), а уже оно-о растёт. Становим девять этих снопоў так (показывает), и три так закрывают. Ну а дожджик есть дожджик: промочит и чё же. Вот он начинает расти уже снова. А что там увязали? Неизвестно, чё. Вот только что и взяли, что для-а колхоза: тоже и чушек держали и всё, дак только что туда. А уже ґосударству ни сдашь его. Оно не пойдёт: такое надо, чтоб хорошенький было всё же. А себе уже и вот такое.

ґармонист был. Был Лавруша Сидорюк. Его уже помина-али. Всеґда иґрал – никто не удержица, чтоб не станцевать. Это не умела я, дак не танцевала.

Церкоў была-а до наводнения. Наводнение было в двадцать восьмом ґоду, и повтаскывало дома, сыз береґа Зеи. И церкоў тоже раскурочило. Церкоў была. Я в детстве ещё ходила. Я ещё помню, как ходили на кла-адбище, вот.

Там только ходили одни женщины. И вот пасхальные эти песни поют, вот, и-и раздадут, что там взяли принесли все. А теперь ходят на кладбище с поллитрами, и потом надо там ещё попросить, чтоб кто-то вы-ыпил. Вот это уже урех на душу на-аш.

Ничё не расскажешь, как надо. Уже забыто всё просто вот. Вот забудешь подружку даже, самую душевную, которая... Даже вот фамилию своей родни близкой забуду и не могу вспомнить. О-оё-ёи-ёи-ёи, одну только подружку не забыла, которая было придёт вечером до сестрёнки, старшенька была, вот да и скажет: «А Аннушка уже, наверно, спит». А мама уоворит: «Мает розум». Тем и кончица. А Нюрка спит. И я вообще-то и не ходила, как девчонки ходили. Школа-то была – клуб назывался – далё-око. Вот особенно зимой-то у шёлковых платочках да в шерстяных платочках туда добежать так ничё, ну зато сейчас совсем хорошо (смеется). Ноуи не хотят ходить. Я уоворю: «Это так за то, что беуали в клуб далёко». И всяко, и босяком ходили, я сама к сестрёнке, всеуда босяком ходила. По снеу. А теперь я вот на этот пол ступлю ледяной... Ничё. Добеуаю до сестрёнки, а у ней там тоже так же не тёпло шибко. Такой же всё равно холодный пол. И не был холодный пол. А теперь у меня такой пол, о-ох, я как только высуну ноуи и на пол на уольи, – у-у, зубы закопыли сразу. Оля дак скажет, шо «мама, ты бы хоть скинула бы вот эти вот носки». Да вот чё вот сброшу вот и сейчас, и-и вот как ступить на пол, на это и замерзают ноуи. Замерзают, и вот вроде их сжимаю... сжатие какое-то в этих ноуах. И не хотят ходить. А то станет вот колом левая ноуа – и всё. И как хочешь, так и будь! А надо же что-то помочь хочь маленько Оле, и всё на ей, всё на ей, всё ей. Так тяжело вобщем. А ведь и почему тяжело? Ещё потому что вже сил нет, здоровья нет, потому и так тяжело. Рано помирать. Ой, нет, уже, наверно, тяжко шибко, шибко тяжело-то, и уолова закружица, то вообще не знаю, надо давно было уже уйти. А тут... Ну мне мой супрух пообещал: «Ты сто лет жить, – уоворит, – будешь». А я ещё и двести раком лазить, наверно, буду. Ауа, мне пообещал. Я уже часто уов(о)рю, что это мне уже насулил, чтоб я ещё двести раком лазила.

Комментарий

Фонетика

1. Под ударением различается 5 гласных фонем: /a/, /o/, /y/, /э/, /и/. Рефлексов /ω/ и /ѠЕ/ не обнаружено. На месте /ѠЕ/ под ударением произносится гласный [e]: *јес'л'и, јес'т'*. Фонема /ω/ совпала в звучании с фонемой /o/ и под ударением произносится как [o]: *дóлжэн, хто, мóжэт*.

2. В соответствии с *o* под ударением во всех случаях отмечается произношение [a], как в литературном языке: *вз'ал, т'áшкэ*.

3. На месте этимологического *e* после мягкого согласного под ударением в большинстве случаев произносится [o]: *ав'йóс, ад'óшк'и, ад'óжэ*.

4. Фонемы /a/ и /o/ в первом предударном слоге после твердых согласных и абсолютном начале слова обычно не различаются, на их месте произносится гласный [a] – независимо от того, какой гласный выступает в слоге под ударением. В отдельных случаях встречается произношение гласного [o] в первом и втором предударных, а также в заударных слогах после твердых согласных, что может свидетельствовать о рудиментах оканья (родители А.К.Сергиенко – выходцы из Украины): *јовор'át, мойá, скот'ínu, колхóс, корóвушку, коп'эйкэ, прóсо*. В других случаях отмечено произношение [э] на месте /a/ и /o/: *нав'ернэ, нэчилас', кóфтэчкэ*.

5. После мягких согласных гласные в первом предударном слоге произносятся по модели иканья: *м'ин'á, п'ир'начу́йу, с'истр'óнкэ*. Произношение по модели яканья представляет собой исключение из общего правила: *сп'ат'ёр'имс'э, в'азáл'и, шырс'т'анóй*.

6. Отмечается удлинение ударных фонем: *бан'кó-оўск'ий, прó-осэ, кá-ашэ, прат'й-ивн'ик*, что обусловлено особой просодикой диалектной речи.

7. В подавляющем большинстве случаев звонкий заднеязычный по способу образования является щелевым: *јовор'ít, аya, јадú, заунáл'и*. В слабой позиции происходит позиционная мена [γ] на [x]: *д'én'эх, парóх*. В окончаниях родительного падежа прилагательных, местоимений и порядковых

числительных мужского и среднего рода произносится согласный [в]: *дваца́тэвэ, н'ивó, ма́живó*.

8. Фонема /в/ в позиции перед гласными реализуется преимущественно в губно-зубном варианте [в]: *дваца́тэвэ, д'ив'áтэм, нав'э́рнэ*. В интервокальной позиции, а также в абсолютном начале слова перед гласным возможно выпадение [в]: *γэ(в)ар'у, (в)от, на(в')э́рнэ*. В позиции перед согласными и на конце слова /в/ произносится преимущественно как ъ-неслоговой ([ў]): *трэ́ктарóў, ў тка́нэм, л'убóў, н'ирло́ўкэ*. Однако в этих же позициях может звучать [в] и [w]: *вс'о, вс'о, w'какóм*. В слове *уже* фонема /у/ произносится как [в]: *вже*. Отмечены единичные случаи произношения /в/ как дифтонгического сочетания [ув]: *ув'н'áтэм, ув'д'ивáтэм*.

9. Фонема /ч/ системно реализуется в мягкой шипящей аффрикате [ч]: *чевó, чулк'и́, д'ивчóнк'и*. В чужой речи (при воспроизведении речи матери) наблюдается произношение твердого [шч] на месте /ч/: *в'шчом*.

10. Возможна непоследовательная палатализация согласных перед твердыми согласными: *кв'ер'ху, цар'и́з'м*.

11. Возможна эпентеза согласного [j]: *ав'и́ос*.

12. В ряде случаев у личных местоимений не происходит протетирования [н] после проклитик на согласный в позиции перед гласным: *с'им, у'и́ей, у'и́евó*.

13. Системно отмечается диэреза на стыке согласных: *тр'и(д)цэ́т', та(г)да, ско(л')кэ́, з(н)ач(ит), (г)д'етэ́*.

14. Отмечены случаи употребления звука [х] на месте [к]: *трэ́хт'арá, хр'óснэ́, н'ихтó*.

20. В соответствии с [ц] всегда произносится [ц]: *цв'иты, тр'и(д)цэ́т'*.

21. Фонемы /л/ и /л'/ реализуются во всех позициях звуками [л] и [л'].

22. Слово *что* произносится обычно как *чо*, реже – *шо* или *што*.

23. В редких случаях отмечается произношение частицы *так* как *дак*.

24. Отмечено мягкое произношение сочетаний жж и жд: *дрож'ж'и, дож'ж'ик.*

Ударение

25. В ряде случаев отмечается отклонение от акцентологической нормы литературного языка: *родíлась, быlí, былó.*

Словообразование

26. Широко используется деминутивная лексика с ласкательный значением: *мамулька, коровушка, свекроушка, братишка, хлебушек, маленько, старшенькая, беленькая.*

27. Отмечены случаи глагольного словообразования при помощи приставки *по-*: *повтаскивить, порастопить, понапакостили.*

28. Отмечено употребление глагола *очистивать* (очистивайте), образованного префиксально-суффиксальным способом, соответствующего общеупотребительному *очищать* (очищайте).

Морфология

29. Отмечается флексия *-у* у существительного Р.п. ед.ч., соответствующая флексии *-а* в литературном языке: *из-за колхозу.*

30. Отмечается употребление как стяженных, так и полных форм имен прилагательных: *сестрёнка старша была, сестрёнка придет старшенькая.*

31. Личное местоимение *Я* в Д.п. имеет форму *мене* (*мене пенсию дают*), а в Р.п. – форму *мени* (*у мени уже был мальчишка*).

32. Личное местоимение *Ты* в Р.п. имеет форму *тебе*: *у тебе денег нету.*

33. Отмечена флексия *-ы* в указательном местоимении мн.ч.: *эты* (вместо *эти*).

34. Иногда употребляются постпозитивные указательные местоимения: *деревня была та, сестрёнка шла та.*

35. Употребление наречий в сравнительной степени, оканчивающихся на *-че*: *раньше, лучше* (ср. *раньше, лучше* в литературном языке).

36. Отмечается употребление глаголов общего спряжения: *хочут, вылазиют*. В основном же глаголы 1 и 2 спряжения различаются в речи информантки: *посушат, чистят, называют*.

37. Глагол *есть* в значении «принимать пищу» может в инфинитиве иметь суффикс *-ти*: *ести*. *Мы приходили есть, обедать, а мужики уже запрягают своих лошадей, снова будут жать. Тут уже, брат, не только ести, а вот так сесть и руки свешать маленько, и чтоб они хоть маленьчко чутку отдохнули, а то ни черта не уберем и не успеем за жнейкой связать*.

38. Наблюдается употребление сложной формы прошедшего времени (плюсквамперфект): *было сестрёнка со старой деревни придёт старшенькая; Вот было соберёмся*. Глагол *быть* в форме прошедшего времени в таких конструкциях постепенно приобретает статус частицы, поскольку основной глагол употребляется в форме будущего времени.

39. Отмечается употребление архаичного предлога *сыз*: *сыз берега Зеи*.

40. Глагол *помочь* употребляется как переходный: *А надо же что-то помочь*.

41. Отмечается частотность постпозитивной частицы *то* после слов разных частей речи: *отец-то, трактора-то, лошади-то, узнать-то*.

42. Зафиксировано употребление частицы *хочь*, соответствующей литературной *хоть*: *А надо же что-помочь хочь маленько Оле*.

Синтаксис

43. Отмечаются случаи употребления определений после определяемых слов: *фамилию своей родни близкой забуду; а сестренка у меня старша была с пятнадцатого*, – а также случаи дистантного употребления определений и определяемых слов: *а там деревня была та – Кухтерин, – еще построенная при царизме; было сестренка со старой деревни придет старшенькая; грех на душу наш*.

44. Наблюдается нарушение координации в категории числа связки и именной части составного именного сказуемого: *таких вот фамилий был Баньковский, Высоцкий, Кудеверский*, а также категории рода логического

субъекта и предиката высказывания: *Я же труженик военный, в колхозе всю жизнь работала; здоровая он такая вот, уток вот такое будет; я противник был водки; оно не пойдет: такое надо, чтоб хорошенький было все же.*

45. Частотно отмечается осложнение простого глагольного сказуемого: *залезли где-то понапакостили; что там взяли принесли, узнать-то не узнала.*

46. Отмечены случаи включения чужой речи в авторский текст: *Ну мне мой супруг пообещал: «Ты сто лет жить, – говорит, – будишь»; Было сестрёнка со старой деревни придёт старшенькая да: «Давайте спятеримся». А я го(в)орю: «Я – нет». «А чё, у тебе денех нету? Я заплачу за тебя». Я говорю: «Не-не-не».*

47. В некоторых случаях наблюдается нарушение падежного управления: *меня на укол поставили (мне укол поставили); лодырь такой был за хлебом.*

48. Р.п. ед.ч. употребляется в значении В.п. ед.ч.: *хватить веника.*

49. Предлог До употребляется вместо предлога К с Р.п. в объектном значении: *придет вечером до сестренки.*

50. Отмечаются случаи употребления двойных предлогов: *на пол на голый; не ходила бы по ягоды по эти; из-за колхозу из-за этого.*

51. Отмечено употребление составного именного сказуемого с постпозитивным глаголом-связкой к слову *надо* в функции именной части: *Лошади-то обязательно надо были.*

Лексика и фразеология

52. Употребляется достаточно много диалектных лексем и фразеологизмов.

Ба́ба – бабушка

Бе́лый хлеб – хлеб высшего сорта, изготовленный из пшеничной муки тонкого размола.

Зако́пыть – застучать

Козлы́ водить – испытывать чувство тошноты

Кони́ кинуть – умереть

Копе́йка (собир.) – деньги

Ма́ять ро́зум – спать (ср. укр. *ма́яти розум*, бел. *ма́яць розум* в значении «спать»)

Ни черта – ничего

Парахвёя – (церк.) приход (ср. укр. *пара́фія*, бел. *пара́фія* в значении «приход»)

Пожа́литься – пожаловаться (ср. укр. *пожалітисся*, бел. *пажа́ліцца* в значении «пожаловаться»)

Ра́ком ла́зить – передвигаться с трудом

Робіть – работать (ср. бел. *рабіць* в значении «работать»)

Спока́месть – пока

Спяте́риться – вкладчину собрать необходимую сумму денег

Становіть – ставить

Стать – возникнуть, появиться

Стать ко́лом – онеметь

Ужо́ – уже

Уйти́ – умереть

Хватіть – схватить

Хрёсна – деталь ткацкого станка, кросны

Чёрный хлеб – хлеб низшего сорта, изготовленный из ржаной муки грубого размола (ср. яришный хлеб)

Чужо́й плач – плач, причиной которого является сглаз, наговор.

Чутку – немного

Яри́шный хлеб – хлеб низшего сорта, изготовленный из ржаной муки грубого размола (ср. чёрный хлеб)

*Соловьева Мария Алексеевна, 1927 г. р.
Амурская обл., Свободненский р-н, с. Черновка
Записали Е.А. Оглезнева, Н.Г. Архипова, 2001 г.
Обработала Н.Г.Архипова, 2003 г.
Комментарии: фонетика – Н.Г.Архипова,
морфология, синтаксис, лексика, фразеология –
Н.Г.Архипова, Е.А. Оглезнева*

1. Детство и юность

«Маруська, ты смотри не обижай Данька.

А ты, Данько, не обижай Маруську»

Я родилась в Мазановском районе. В три(д)цать девятом году я пошла в пятый класс. Мы как сюда приехали?.. Ага, с родителями: с мамой, с папой. А сюда мама приехала с Белоруссии, а-а отец с Могилёва. Ну, тоже с Белоруссии, только вот... рассказывал, где он там плавал: в каком-то Днепр или Днестр или, шут как называ(ют)..., Днепро. Нет, это же Украина. Ну и я, выходит, белоруска, да. Белоруска там. Ага-а, ну вот. А вот родители из Белоруссии. Они по-белорусски говорили. Говорили: «Я тебе...». Как же? «Я тебе да-ам». И-и, забыла. Рано умерли оне. Ну чё-о, мы остались, это. Брату было девять лет, а мне... Я в седьмой класс ходила. А вот мы вдвоём и жили с братом, уолодовали. Сколько мы пережили, а выжили. Вот выжили. Я же год прибавила себе, пошла на работу в сорок четвёртом году. Я первого апреля рождённая, так и пошла первого апреля сорок четвёртого. На работу. Вот. Ну, у мене метрики были с двадцать седьмого, я получила с двадцать шестого. Ну и ето, работала. А здесь на заводе на керамическом работала. Кирпич делали. Ну я этого мало застала-а, труб(ы)... трубы делали, большие в диаметре такие, прям одну подынешь трубу, ага. (Вздыхает). А-ах. И вот мы выжили. И я, я ещё любила брата. Данила звать. Данько́. Мама когда-а уже болела сильно, тяжело, так всё мне говорила: «Маруська, ты смотри не обижай Данька. А ты, Данько́, не обижай Маруську. Живите друженько». Уже плохая была она. Ага. Ну вот, это. Так мы и выжили. Я его разбудила, я в шесть часоў. Мы ходили на работу утрами, с шести до двух работали. А раз говорю: ты, это, закройся. А он не

закрылся, и нас обворовали. Украли четыреста рублей денег. Я же сообразила-а, это-о, накопить. Ну, тогда хотели-и покупать, носить нечего было. Я помню шарфик такой красивый, японский, на базаре шестьсот рублей отдавала за него. Аҫа. Ну и ето... Так чё ещё? Карточки украли у нас: и хлебные, и-и продуктовые. Вот, ну-у, нас уже, это, как жалели. Правда, хлебных нам не дали, а была столовая здесь. Вот. Варили-и курочек. Я их теперь, курочек этих, и не найду-у. Я и не знаю, что они за курочки эти – трава такая. Вот, э-э, какая, я не знаю. Она высокая, по-моему, и листики такие... Вот я забыла, девочки, я знала этих курочек. А у неё листочки. По-моему, зубчиками, ли чё ли, они вот такие вот – зубчиками. Один, по-моему, стебелёк. Или-и ещё были эти (листочки)? Забыла я уже, даже вот не помню. Борьщи варили в столовой, и вот нам давали. Нет, оне не крапива... Похоже вот на крапиву, но-о ни... не крапива. Вот и нам чашку-у наливали, литровую чашку-у на день. Вот мы и питались так месяц. Мы сами возьмём и домой принесём, похлябаем, и всё вот и... А спа-ать как хотелось, де-евочки, всегда. (В)от приду на обед, ну похлябаем вот это-о, и всё. А сама-а сразу у крыльцо упала бы и спала. Уставали сильно. Угу. А что варили раньше, вот когда с братом жили... С братом... О-ой... Мы что то(г)да варили? Картошки у нас не хвата(ло)... Картошка, в основном, шла, э-э, капуста. Оуурцы. (В)от. А-а потом весной мы покупали картошку. Э-э, брат ходил покупал здесь с одной с Таней, Воробьёвой. Она ещё девчонкой была, она моложе меня, она с двадцать девятого года. Ну и это, пойдут в Чембари, купят, это, ведёрчко. Сто пятнадцать рублей отдадут. Маленькое. Ой, мы по две картошійнки, вот такие, почистили. Там уже чистишь..., чуть-чуть, э-э, соскоблишь, чтобы не-е... отходов не было. На тёрке потрём, и-и, вот это, вот в это, кипит вода, литра три. (В)от с двух картошійн (в)от что там можно было? (В)от это и хлябали. Жилки эти-и поварятся, только и всего.

Да и трудно, и мы больше плачем. Вот я одна-а, и я росла без родителей, разве я моула петь, девочки? Мама не пела у меня, например. А отец..., он как-то мало дома был. Летом на лесосплаве, это, плавили, а зимой на лесозауотовке. Где же..., как же он называл это? Не Облучье... То-оже, девочки, мы же

остались с братом, и корова у нас была. Оне (подруги) соберутся, сидят, да мы... Я иурала на балалайке, а сейчас я вообще н-н...(не играю). (В)от вы меня убейте, э-э, что-нибудь (сыграть), не смоуу. Ой. Ну чё мы? «Подуорну» играли. «Краковяк» этот, вот. Ну шо танцуют? Краковяк. Я, деўчонки: вот, эта самая, Маруся Исакова, И-ида Новикова была. (В)от. Ида пела хорошо, да. А Ка-атя Репешенко..., она сейчас здесь живёт, в Черноўке. Далеко-о туда, за медпункт наш. (В)о-от. Оне на уитаре иурали, вот Катя, Маруся Исакова. Ну а я на балалайке. А мне и некогда было, девочки. А как получалось иногда?.. Здесь были-и рокоссовцы. Солдаты. А мы их боялись. А я пока пойду управляться вот с коровой. А как? Это вот сейчас мы скотину ко-ормим. (В)о-от. А тогда понятия не имели. Э-э, я сама голодная была, чем бы я их кормила? Она может прийти домой, может нет. Идём, ищем её. (В)от. А деўчонки сами окошко откроют летом вот у меня же, у нас, и сидят без меня, поют, иурают. А я-а управляюсь, и мне некоуда. Рокоссовский у них (у солдат) был, э-э, улавнокомандующий. А он же заключённый что ли был? Уадкие! Значит, квартира вот моя была, а там была маленькая квартирка – жил один мужчина. Иван. Вот фамилию уже забыла. Он такой здоровый дядька был, хороший, пу... сапожник был. Один жил. Ну а потом, когда им уезжать, этим рокоссовцам... Их мало почему-то здесь держали. Или прое-ездом... Они, видимо, связисты были. Кохти у них были, я запомнила. Ё бараке ещё они оставляли и ставили. У нас жили оне у палатках. Пять что ли палаток было? Ну и-и что вы думаете? Они, видать, хотели нас... нашкодить над нами. Ну собрались девчонки. Ну, меня как-то вот и ребя-ата не троуали. Или нас жалели, что мы сироты? Ну, вот как-то хорошо относились. Ауа. Ну-у, а-а эти, значит, сколько? Два, по-моему, зашло рокоссовца. Деўчонки были: вот эта, значит, Ида Новикова, Маруся Исакова, Катя Репешенко. Ве-ера Исенчук ещё у меня была подружка. Мы одинаково с ней: и у неё не было родителей и-и два брата, и у меня не было родителей, а один брат. Ауа. Ну и оне, это, значит, эти... Шур-шур. Мы уже знаем, зачем оне. Э-это. Катя Репешенко ушла с Марусей Исаковой. Марусина мать пришла за Марусей. Ну, называли так, и я-а не Мария, не Маша, а Маруся,

ауа. Осталась Вера и я. А эти па-а...(парни), ну а Ве-ерке домой идти, э-э, тоже. И они ей уоворят: «Давай или мне одному, или будешь всем по очереди». Ве-ерке. А я умудрилася. Думаю, если что, я буду Ивану стучать. Вот. Я так это, он меня прижал, э-э, к стенке. Я уо(в)орю: «Пусти, я хочу в туалет. Я по-серьёзному». «А-а ты придёшь?» Я уо(в)орю: «Приду». «Ладно». Я ушла, а Вера одна осталась. Всё он, это, «или мне одному или будешь всем по очереди». Она расплакалась. (В)от. Ну и тоже я не знаю уже, какими путями они её отпустили. Она пришла туда, к Марусе Исаковой, вот так вся тряслась, плачет. Ну, а иначе нам никак нельзя было. (В)от. Если-и, э-э, сидеть, а (в) эту ночь они уже уезжают. (В)от. Они напакостить хотели. Хотели напакостить, и-и (в)от тебе и всё. Ну, я уоворю, прошло, боу миловал. И-и уехали оне, куда уже, боу их знает. Куда-то их перевели, оне почему-то-о мало бывали. (В)от. О-ой, чего только не..., это, мы-ы насмотрелися страсти с этой войной. А потом приве(ли) сюда корейцев... привезли. Китайцы или корейцы... Война с корейцами... С Японией... С Яп...(онией), о-о, японцы. Я уже вот чё науоворила. Ауа. Ну-у, тоже это, пекарня у нас была, а-а хлеб, э-э, возила женщина на лошади. Будка такая, и она возила по мауазинам хлеб этот. О-ой, оне какие нахальные-е! Японцы. (В)от идёт-идёт за повозкой, и-и ему надо в туалет. Он прям среди дороуи днём. Днём! Ой, и ты будешь идти вот, и я буду и буду видеть, а-а ему безразлично. Такие (в)он бессовестные. Ну, они-и... ничё нам не шкодили, они ничего, ничего даже, да. Ну (в)от они здесь, наверно, немножко пожили-и, засолка была здесь. И на засолке они жили. А солили огурцы, помидоры, капусту крошили, солили. Колхозы привозили. А здесь была эта...(засолка). А отсюда уже... – я даже два-а сезона работала там на засолке – отправляли в Якутию, вот, на Север. (В)от, э-э, ну тогда же как-то закупали и заказы были. И это. О-о, ско(ль)ко я мноуо наговорила. У меня какое детство было, такая и старость застала. Одна... (В)от вы вот можете представить, дома днём и ночью я одна. Ну, (в)от ложиться темень, улаз коли. Лежу-лежу, пока уже выбьюся со сна, тогда и сразу засыпаю.

2. Муж

«Он так у меня какой красивый! Он летал стрелком-радистом на самолёте...»

Жарко. Мы пойдёмте, наверно, ў хату – там колоту-ун у меня у доме. Холодно. Да ну, здесь, это... (жарко). Я покажу дедушкину фотоурафию, взяла у нашей школе у музее. Отда-али. Просто пожалели они меня, о-ё. Он так у меня какой красивый! Он летал стрелком-радистом на самолёте и сфотоурафированный в шлэме красивый. Молодо-ой! Стрелок-радист. Я даже вот наклеила его билет, чтобы... А есть же врут, врут. Тут всё написано: и ранения его, и что он летал, учился в сорок четвёртом или сорок пятом на стрелка. Аүа. В войну! Сорок четвёртый, сорок... (Задумывается). В сорок втором он попал на фронт, а потом учился вот, у-у..., забыла, в какой школе, он мне уговорил. Ну, если бы у него было, в общэ-эм, образование, а то четыре класса только, его бы взяли на-а лётчика самолёта. А так только вот – стрелком. Так он ушёл в тридцать девятом уду. Он с девятнадцатого. Старше меня. На семь лет, на восемь... Во-от и это, в тридцать девятом он здесь такой, а война началась, и их... (задумывается), и потом уже в сорок втором их на фронт перевели. И вот он с сорок второ-ого по сорок пятый октябрь был на фронте. Неженатый. Ну тоүда же три года служили. Да-а, он приехал сюда, это, стажироваться на-а., ну на машинах ездить, в Свободном. Ну а потом, это, были квартиры здесь. Он, ну, нас просто пожалел, видать, мы сиротами были. Вот мама умерла у сорок третьем уду, а брат у меня был маленький. Отец служил. А..., а ну вот мы вдвоим с братом и жили. Он, видимо... Я у(в)орю: тринадцатый уод. Он, наверно, просто пожалел... (В)от когда-а стал стажироваться вот в Чембарях, ну-у, уже ходил к нам. Ну-у, мы с ним познакомились где-то в апреле месяце, а поженились двадцать третьего августа. Да, я вот думаю-у, мы-ы, это, детки. Ну-у, как сказать? Родителей нет, вот, э-э..., мало ли чё, бывают обманы какие. Вот мы только вот встретились с ним, а вот и поженились. Дак он, коүда пришёл первый раз... А не первый? (или не первый раз?). Он уже ходил, а потом принёс полное ведро яичек. Жаро-овню,

сковоро-одку, кастрю-улю! Чё ещё? Ры-ыбы солёной – уорбуша. Тогда солили, знаете, она урязная. Ну-у, что в ямы, видать, я не знаю, жары не было или чё, и они в ямах были засолоны. Ну-у, мыли мноуо раз, и-и, ну-у, ничё, хорошая была, вкусная. Ели. Хорошая, прямо хорошая. Ни за-апаха, ничё. Хорошая была. Ауа.

У него мама жила, в этом и на фотоурафии написано: «На память маме от, э-э, Фёдора». О-ох... (Вздыхает). Как сказать? Похоронка была матери вот от него. Она, видать, уже его и не ждала его, ну и у неё ещё были дети: вот три Соловьёвых, три..., а потом еще, это, трое, убитые где-то здесь. Маркучи что ли? Село. И, по-моему, здесь они и похоронены с дедушкой. Ауа. Ну и это... А потом трое было, нет, двое было от Приходьки. Она ещё-о выходила за Приходьку. Трое было... Вот сколько, считайте: шестеро Соловьёвых было, Приходькиных трое, и ещё родила двоих. Одиннадцать детей. Да. Этот Приходька умирает, она выходит за Дениску. Мамаша. Свекроука моя. Вот. И родила ещё от Дениску Виктора. А мой Фёдор Палыч – Соловьёў. Надя живая, Зоя живая, в Уащенке живёт. Мальчак. Может, вы если попадёте когда или бывали, ей лет восимисят шесть уже. Одна ещё живёт у дочери у Свободном. У неё, в общэм, сколько дочерей? Три-четыре. Катя, Наташа, Надя да и сын четвёртый в Свободном у Зои. И пятая доча у неё там, в Уащенке. Шестая доча где-то в Черемхово. Ну она ни к кому не хочет идти, ещё сама живёт. Она ещё ничё выулядит. Ну они вот все-э красивые, Соловьёвы. А эти вот Приходько. Тоже был один Фёдор, того - дедушки Приходьки, и-и был этот – Арсен, и-и была Ксения, по-моему. (Вздыхает). Ой. Ауа. Ну и вот. И свекроука потом родила этого... Нюра. Называли они её Нюра. И Васю... Нюра жила в... на Сахалине, а Вася жил в Кото..., город Котовск. Умерли они. И Вася умер, и-и Нюра. А Виктор выучился, таким урамотным был, в общэм, был инспектором по уосбанкам.

Ой, хороший дедушка! Он хоро-оший у меня был. Жалко. Хороший. Никогда не хвастался вот этим, вот, что он это... герой. Вот даже, ауа, как, ну, наши конторские девчонки, что ещё на заводе работают. Тут завод кое-как

держится, они всё тоже вот и недавно вспоминали, γо(в)орят: «Ну, дядя Федя был, – γоворит, – очень хороший, он никогда-а, – γоворит, – не я-ачился, не хвастался, что там я вот то-о-то, как вот эти щас, э-э, ну, фронтовики, они были только в этих частях». Вот, а они шли на ... смерти в γлаза смотрели. Вот, хоть и эти... Дедушка мой, ну, он три раза ранен, и тут и написано. Ну, я думала: он два раза тяжело ранен, один раз лехко. Нет, наоборот. Прострелянный был насквозь, вот у него ш-шрам был здесь и взади. Ещё флюороγрафию проходил, (вздыхает) там ждать показа-а... показано было, и его вторично вызвали. Думали чё-то с лёхими ли, чё-то такое. А я γоворю: «Ну почему ты их сразу не сказал, что не-е ... у меня вот так и так! Шрамы от чего». Вот. А потом уже, когда второй раз поехал, я γоворю: ты им объясни, что это ты раненый. Вот. Ну-у, три(д)цать пять лет проработал здесь он на заводе, шоферил, вот. Хороший. (Вздыхает). Умер (в)от.

3. Староверы

«Вот такие имена: Лямка, Климка...»

Мама верующая была. Аγа. О-ой, уже лежала и всё говорила: «Ой, как бы мне в церькоў попасть, а туда ещё... (далеко идти)». Она не ездила, а-а (в)от всё γоворила: «Как бы мне вот попасть в це-эрьковь. Охо-ота, - γо(в)орит, - перед смертью побыть». Дома молилась она. Молилась. Угу. Да-а, православной веры, наверно, была. Ну, не баптист, а-а такая вера. Настоящая. Православная. Да, православная. Были у нас здесь и староверы, Чужеумовы. Я помню, они тоже с Мазановского района, и γде-то из-за нашей деревни. Наша деревня Паутовка, а там есть Марγаритовка, там есть γож. Стан. И вот они оттуда откуда-то приехали или с γожа или со Стана. Они до-олγо здесь жили, носили такие сарафаны, э-э, это, на лямках, такие бо-оры. (Показывает). Сбори-истые..., бори-истые. Это эти вот – староверы. Обща-ались с людьми. Даже вот, бабушка умерла у дедушки, он корову держал и варил варенец. Мы ещё покупали летом, вот, н-н... (не знаю) как-то у нас ещё, не знаю, или не доилась или чё, покупали молоко. Не смотрели, что они... (староверы). Ну ничё-о, мы покупали вот, он

продавал. Хорошие они были. Ну, они были охотниками, мужики их были охотники. Мяса у них было море. Мясо козье. А вот как женщины ходили: в этих сарафанах, в рубашках, да ... Да-а вот, сарафаны. Потом чё ещё?.. У них на улове... Как же? Какое-то чудо было! Не такое вот, как я платок одену, а чепец. Или как они их называли? Как вот повара-а носят? Э-э... м-м... Белые колпаки вот эти, только-о не высокие, а такие... Пониже. Ага, как береты. Оно мне, конечно, не надо было, я не помню или они после нас приехали, или вот, наверно, до нас приехали. Потому что знаете что? Когда я там училась в Паутовке, школа у нас была около дороуи. И а-а то(г)да лошадей держали, и они охотились, ездили туда-а оне это, охотиться на Стулз. Н-ну в свои сёла. У нас там мноуо было волко-ов, девочки, ко-оз диких. Щас вот ничё (нет), тайуи нет и ничё нет. И вот я помню: так вот смотрю в окошко, едут. Три подводы и медведь убитый. Вот так вот лапы кверху, а вот забыла, или ободранный он был, или нет. Ну помню медведя. А ко-оз! Этих ободранных по-олные эти повозки были зимой. О-ой, они вообще боуато жили вот эти (староверы), но, видимо, они раньше нас (приехали). Мы в три(д)цать девятом приехали сюда, вот. Отец в трицать седьмом (погиб). (В)от. А мы с мамой, вот, и с братом. Брату пять лет что ли было, как мы сюда приехали. В трицать девятом... ну да, пять. Они уже здесь были. Здесь теперь нету. Нету, девочки. В Шим... (Шимановске), как сказать? Сын у них остался, утонул. На десятке был, женатый. Поехали рыбачить... А второй сын где-то на Запад уехал, э-э, там тоже молодым умер. С женой он уехал. Ля-амка у них был, Кли-имка. Вот такие имена: Лямка, Климка. Вот я не знаю, как, э-э, это дальше уоворить... Евлампий, наверное. А девочек была Машенька, и она опять, по-моему, умерла здесь. И больше я не помню. Во-от. А вот Климку, Лямку по.. (помню) ещё. Климка этот, ко(г)да-а война кончилась, и, это, я не... (не общалась), с ним не общалась. А уоворили деуьчонки, что-о он хотел на мне жениться. О-ой, ещё бы не лучше. Ага. Ну-у, хоть и я, это-о, страшенная, ну всё равно.

4. Болезни

«Раньше от болезней сами лечили...»

Да и тяжёлые работы у нас были на заводе. Ну, мне хоть, это, добавили. (В)от щас я ездила в город в райсобес. Девяносто два, наверно, добавили. Я получала пятьсот шийсят два. Мало совсем. Я инвалид третьей группы, а попала в сорок четвёр...(том), в шийсят четвёртом году под машину. Нога ломаная, почку подшивали, бок щас вон какой - вылезит эта грыжа. Я за грыжу как-то вот читала в газетке. И, мол, живёт... – это врач пишет – живут до трицати лет с грыжей. Ага. Я думаю, а я вот с-с... шийсят четвёртого года уже трицать шесть лет. Вот, и я в шийсят четвёртом году попала (под машину). А-а так один год я была-а на инвалидности второй группы: таз поломанный у меня. (В)от и каждый год проходила комиссию. (В)от. Ну, я-а в Благовещенске проходила, и он, значит, что-о... «Ложитесь на операцию. Я говорю: «Не лягу я». (В)от. Я уже ножом боюсь этих. Ну как... Мне трудно было, и я кое-как выжила вот эту травму. А и-и аппендицит у меня такой был удкий. (В)от, тоже, это-о, ходила долго. Ага. И, это, я не леула. Он мне совсем снял группу. Даже снял что я, это, ну-у, не леула на операцию. Ну и вот это, с шийсят восьмого... Я потом пошла в восьмисят девятом. Опять пошла. Думаю, пойду уже, это. Шийсят лет мне, пойду на это (на операцию). Дадут всё равно. Ну я... Надо было мне рассказать, что я была на инвалидности, потом сняли, а-а я думаю: «Э-э, это врачи знают мои мысли, мою-у.., это, всё...». И-и не сказала, и оны мне дали третью группу и написали, впервые, з(н)ач(и)т, што-о это, ну-у, первая моя эта (инвалидность). Ага. Ну и (в)сё-о, а по инвалидности пенсии не добавляют, а работать я не смоула, девочки, ну куда: и бок, и нога, и кости выходили у меня долго, вот ещё пятно. Это (г)де-то после девяностого года вышла косточка. Осколок. Ну, я вот пришла. И стажу у меня (нет): я не успела выработать, девочки. Тридцать восемь лет мне исполнилось, ну, это я по паспорту, трицать семь, и уже инвалидом (стала). (В)от, где бы я стаж заработала. Ну, четырнадцать лет у меня только стажа. Потому что?.. (В)от я первого, это, Павла родила. Я работала с им... Мне брат носил на завод, я

кормила его грудью год и девять месяцев. (В)от и он мне носил на работу (ребенка). А уже Валю родила, я дома была. И-и потом, раньше как-то беллютеней не платили, а работы у нас тяжёлые были на заводе: улина, вот. Я ко(г)да на аппендицит попала, м-м, это-о, говорю... ну-у мне говорят: «Как ты будешь работать?» И, м-м, я и это, ещё и с дырой с этой... И долго-долго я ходила, это, на перевязки, и уволили меня как по болезни. Уволена по болезни трудовой. Ну, а потом (в)от Валя родилась. (Вздыхает). Ну Валино, по-моему, это... За уход ребёнка мне-э зачислили три года. (В)от. Тоже она заболела чем? В школу ей надо было идти... это ув первый класс уже, да. Семь лет? Ну вот. Летом. Дихтерия или скарлатина, вот забыла, девочки, уже ж давно, давно ж это. Уже ей пиисят один год. (В)от. Ага, и-и, это я опять уволилась. Лежала с ней там в больнице, ухаживала за ней. И вот и я с перерывами (работала). А здесь я уже работала, как сказать, с сорок четвертого по пятьдесятый я без перерыва. Ну, мне взяли и это-о... за пять лет заработок (дали). Ну вот, я поехала с этой справкой в райсобес, и мне добавили.

Раньше от болезней сами лечили. Лечили мы вот... Моя мама, помню, лечила урыжу. Э-э, эту (болезнь называли)... какой-то чемёр был. Не знаю, девочки, и что оно за болезнь – чемер. От чемера (лечили). Чемер. От испууа она лечила. От укуса змеи-и, от укуса ужа-а. У них, говорит, у них мноуо было этих ужей, говорит. Дети сидят на полу, нальют ему это, ну, молока там, еду. И уж, говорит, подползает и ест с ними. Вот так, ага. Вот это я запомнила. Вот, наверно, лечила и младенческую. Да-а, девочки, это от испууа основное. От испууа, девочки, знаете, я вам чё скажу? Щас... от... откуда я узнала. Мама мне ничё не говорила, а... дедушка хромой у нас был, ноуа у него была почему-то соунутая, как у-у козла, господи прости, урех, наверно. И он вот так вот упирался в эту в ноуу и ходил. А я Валю-у накупала и посадила её. Щас манежи и-и эти... коляски, а тогда не было ж этого, а были эти, качалки. (В)о-от это и висячая была на верёвках... Люльки эти, ага. Ну, я-а это... искупала её и посадила, и он к нам заходит этот дедушка. Баракоу уже этих и нету. Длинные были. Оне кода-то были солдатскими-и казармами, а потом их сде...(лали).

Солдат не ст...(али селить), ну-у, почему-то сделали на квартиры, мы жили (там). А квартира (в)от такая была, маленькая вот. Высо-окия. Окна здоровые, как гаражные двери. (Вздыхает). А-ай, он заходит эт(от) дядя Ваня, его звать. «А чё Вал...». Чё он сказал: «Я тебя щас заберу, ты хорошая девочка». Она как закричала, перепугалась! Ну маленькая ещё была, я не знаю. С годик что ли ей было? И аж затряслась вся, и ко мне. А этот дядя Ваня дай уговорит: «Мария, знаешь чё, она испугалась меня. Ты выстриги у меня волоса́ вот так (в)от на улове накрёст. Вот, ну, по чуть-чуть. Поджечь и дать ей понюхать, Вале». Ну ничё, боу миловал, прошло. Конечно, это надо м-м... разуваривать что ли или как? Вот когда скотину испугается, тогда проще. Ну тоже, так же вот, ну как вот, например, кто, ну собака. Да? Ну вот и выстригаете вот так вот крестиком. Шерсть эту и нюхать давать. Ребёнку, да. Да. Хоть кто и взрослый напугается, дак то... Ничё не надо говорить. Я даже вот... я... мне тогда ничё не надо было. Я помню ещё ето... Две женщины пришли. Их уже нету здесь, оне уехали и умерли. Переписывали (текст) от испуга. И я даже переписывала. Ну вот, ну нет бы хотя бы и мама подсказала: у тебя будут дети, если это на-адо бу(д)ет приудится. Нет же вот, не дошло до меня, чтобы себе переписать. Ну и ето, а потом уже, когда уже появились мои (дети), Павла лечила бабушка здесь от испуга, ага, а Валя, Валя нет, ничё (не болела). Валю я не лечила.

Комментарий

Фонетика

1. Под ударением различается 5 гласных фонем: /a/, /o/, /y/, /э/, /и/. Рефлексов /ω/ и /h/ не обнаружено. На месте /h/ под ударением произносится гласный [e]: *jes 'л'и, jes 'т', пал'ес, стэрав'еры*. Фонема /ω/ совпала в звучании с фонемой /o/ и под ударением произносится как [o]: *должэн, хто, можэт*.

2. В соответствии с ``̀а во всех случаях отмечается произношение [a], как в литературном языке: *вз'ал, з'ат'*.

3. На месте этимологического *e* после мягкого согласного под ударением в большинстве случаев произносится [o]: *пайд'омт'э, ф'ил'ом'э, нэ'самал'от'э, четв'ортый, л'очик*. В одном случае отмечено произношение [и]: *вдвајим*.

4. На месте этимологического [o] в первом заударном неконечном слоге рядом с губными согласными отмечено произношение гласного [э°]: *д'евэ°чк'и*.

5. Фонемы /a/ и /o/ в первом предударном слоге не различаются, на их месте обычно произносится гласный [a] – независимо от того, какой гласный выступает в слоге под ударением. Изредка встречается произношение гласного [э] перед ударным [a]: *трэва, тэгда*. Это может свидетельствовать о рудиментах диссимилятивного аканья. В других безударных слогах отмечено произношение [э] на месте /a/ и /o/: *ладнэ, нав'ернэ, нэчилас', кэлатун*.

6. После мягких согласных гласные в первом предударном слоге произносятся по модели иканья: *л'итал, стр'илок, н'иво, пр'ијехэл*. Произношение по модели яканья представляет собой исключение из общего правила: *пэхл'абайим, хл'абай*.

7. Отмечается регулярное удлинение всех ударных фонем: *кэлату-ун, эдда-ал'и, мэлудо-ой, ста-аршэ, ну-у, мы-ы, и-и*; а также в единичных случаях заударных: *думэйу-у, сээбраз'ил'а-а, заст'ал'а-а*. При этом заударный гласный произносится как слабоударный.

8. В подавляющем большинстве случаев звонкий заднеязычный по способу образования является щелевым: *фэтаураф'ийу, аґа, үэвар'им, каґда, ґарбушэ*. В окончаниях родительного падежа прилагательных и местоимений мужского и среднего рода произносится согласный [в]: *тр'эт'йэвэ, н'иво, мајиво*. В ряде случаев отмечено непоследовательное произношение заднеязычного звонкого взрывного, причем иногда в тех же словах, где произносится звук [γ]: *каґда, гд'етэ*.

9. Фонема /в/ в позиции перед гласными реализуется преимущественно в губно-зубном варианте [в]: *в'ид'имэ, читв'ортый*. В интервокальной позиции, а также в абсолютном начале слова перед гласным возможно выпадение [в]:

үә(в)ар'у, (в)от. В позиции перед согласными и на конце слова /в/ произносится преимущественно как ў-неслоговой ([ў]): у^хату, у^дом'ә, у^школ'ә, св'икроўкә, бәракәў. Однако в этих же позициях может звучать [в]: в^свабоднәм, в^чимбар'ах. Отмечено единичное произношение /в/ как дифтонгического сочетания [ув]: ув^п'эрвий.

10. В ряде случаев на конце слова и перед глухими согласными звучит [х] на месте литературного [к]: д'ен'әх, кохт'и, хто.

11. Фонема /ч/ системно реализуется в мягкой шипящей аффрикате [ч]: чем, чилав'ек, д'евә'чк'и.

12. В соответствии с [ш'] литературного языка в единичных случаях произносится [ш]: в^опшэ-эм; системно – [ш']: йи ш'о, ш'ас'т'йә.

13. Возможна непоследовательная палатализация согласных перед твердыми согласными: цер'кәф', кв'ер'ху.

14. Возможна протеза согласного [j]: жетә.

15. На месте мягкого [р'] может произноситься твердый вибрант [р]: каструл'у, прышол.

16. Иногда встречается сохранение мягкости [р'] после е перед заднеязычным согласным: кв'ер'ху.

17. В ряде случаев у личных местоимений не происходит протетирования [н] после проклитик на согласный в позиции перед гласным: с^(н)им, с^(н)им'а'.

18. Системно отмечается диэреза на стыке согласных: тр'и(д)цәт', та(г)да, ско(л')кә, з(н)ач(ит), (г)д'етә, шыйс'ат (шестьдесят).

19. Отмечен единичный случай употребления звука [х] на месте [ф]: д'ихт'ир'ийә.

20. В соответствии с [ц] всегда произносится [ц]: цв'иты, тр'и(д)цәт'.

21. Фонемы /л/ и /л'/ реализуются во всех позициях звуками [л] и [л'].

22. Слово *что* произносится обычно как *чо*, реже – *шо* или *што*.

23. В редких случаях отмечается произношение частицы *так* как *дак*.

Ударение

24. В ряде случаев отмечается отклонение от акцентологической нормы литературного языка: *сіротами, согнута́я, простреля́нный, карто́шки.*

Морфология

25. Употребление абстрактных существительных в конкретном значении и наличие у них формы мн.ч.: *тяжелые работы у нас были на заводе; мало ли чё, бывают обманы какие.*

26. Последовательное склонение имен и фамилий на –о по женскому типу: *двое было от Приходьки, бабушки Приходьки, она еще выходила за Приходьку.*

27. Употребление формы И.п. ед.ч. вместо формы П.п. ед.ч.: *где он там плавал, в каком-то Днепр или Днестр и, шут как называют, Днепро.*

28. Сохранение форм звательного падежа при передаче чужой речи: *А ты, Данько, не обижай Маруську.*

29. Употребление местоимения 3 л. мн.ч. в формах *они, оне* и редко *оны*: *они после нас приехали; рано умерли оне; оне не крапива; оны мне дали третью группу; оне соберутся, сидят; они пришли.*

30. Единичные случаи употребления местоимения 1 л. ед.ч. Р.п. в форме *мене*: *у мене метрики были с двадцать седьмого.*

31. Употребление постфикса –ся после гласных в возвратных глаголах: *остались, насмотрелися, соберуся.* Возможен и постфикс –сь: *поженились, встретились.*

32. Прилагательные жен. р. ед.ч. могут иметь окончание –ия: *высокия квартира.*

Синтаксис

33. Высокая частотность употребления частиц *ага, ну, это, так, вот, да*, обычно заполняющих паузы хетизации: *да ну, здесь, это...; вот мы только вот встретились с ним, а вот и поженились.*

34. Замена связочных компонентов в составных именных сказуемых полнозначительными глаголами: *он летал стрелком—радистом на самолете.*

35. Осложнение простого глагольного сказуемого: *брат ходил покупал.*

36. Употребление полной формы страдательного причастия в функции сказуемого: *Я первого апреля рожденная; Эти трое убитые где-то здесь; Газ поломанный у меня; Три подводы и медведь убитый... А вот забыла, или ободранный он был.*

37. Постпозитивное расположение определения: *Далеко туда за медпункт наши; рыбы солёной; коз диких.*

38. Постпозитивное употребление глагола-связки в составном именном сказуемом: *Прострелянный был насквозь, вот у него ирам был здесь и взади; Дедушка хромой был у нас; Бараков уже этих и нету, длинные были; А он ли заключенный что ли был?*

39. Изменение числа субъекта и предиката в пределах узкого контекста: *Чё ещё? Ры-ыбы солёной – уорбуша. Тогда солили, знаете, она урязная. Ну-у, что в ямы, видать, я не знаю, жары не было или чё, и они в ямах были засолонь. Ну-у, мыли мноуо раз, и-и, ну-у, ничё, хорошая была, вкусная. Ели. Хорошая, прямо хорошая. Ни за-апах, ничё. Хорошая была. Ауа.*

40. Разрыв группы обстоятельственного детерминанта: *там колотун у меня в доме.*

41. Нарушение лексико-грамматической сочетаемости: *стажироваться на машинах ездить.*

42. Отмечен случай употребления существительного И.п. в функции прямого объекта: *принес рыбы соленой горбуша.*

43. Повтор прямых дополнений: *она, видать, уже его и не ждала его.*

44. Широкое использование чужой речи в авторском тексте: *Мама когда-а уже болела сильно, тяжело, так всё мне уоворила: «Маруська, ты смотри не обижай Данька. А ты, Данько́, не обижай Маруську. Живите дружененько»; А этот дядя Ваня дай уоворит: «Мария, знаешь чё, она испугалась меня. Ты*

выстригу у меня волоса́ вот так (в)от на улове накрéст. Вот, ну, по чуть-чуть. Поджечь и дать ей понюхать, Вале». Ну ничё, боу миловал, прошло; А вот родители из Белоруссии. Они по-белорусски говорили. Говорили: «Я табе...». Как же? «Я табе да-ам». И-и, забыла. Рано умерли оне.

45. Употребление предлога В вместо ОБ (ПРО) в объектном значении: *у него мама жила, в этом и на фотографии написано.*

46. Распространено употребление предлога С с Р.п. в значении направления движения: *А сюда мама приехала с Белоруссии, а отец с Могилева; они тоже с Мазановского района.*

47. Единичное употребление предлога В (У) в пространственном значении вместо предлога НА: *А сама сразу бы у крыльцо упала бы и спала.*

48. Употребление беспредложной формы ИХ с объектным значением в форме П.п.: *почему ты их (о них) сразу не сказал.*

49. Употребление предлога ЗА в объектном значении вместо предлога ПРО: *я за грыжу как-то вот читала в газетке.*

50. Единичное употребление предлога НА с В.п. вместо предлога С с Тв.п.: *когда на аппендицит попала.*

51. Беспредложное употребление родительного падежа в избирательном значении: *а девочек была Машенька.*

52. Двойное употребление предлогов: *брат ходил покупал здесь с одной с Таней; а здесь на заводе на керамическом работала.*

Лексика и фразеология

53. Употребление диалектных слов: *люлька, качалка, доча, чемер, младенческая (название болезни), боры, бористый, курочки (название растения).*

54. Употребление фразеологизмов: *смотреть смерти в глаза (быть в большой опасности), глаз коли (очень темно), выбиться со сна (устать от бессонницы).*

РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

Е.А.Оглезнева

ТЕМАТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЖАНРА «ВОСПОМИНАНИЕ» В РУССКИХ ГОВОРАХ ПРИАМУРЬЯ

Теория речевых жанров берёт свое начало в трудах выдающегося отечественного филолога М.М.Бахтина. «Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» – писал он в работе «Проблема речевых жанров» в 1953 г. [1, с.249]. Также он указывал на богатство и многообразие речевых жанров, поскольку «неисчерпаемы возможности разнообразной человеческой деятельности и в каждой сфере деятельности вырабатывается целый репертуар речевых жанров» [1, с.249-250].

Большой интерес к речевым жанрам возник у исследователей в последние два десятилетия, которые характеризуются антропоцентризмом лингвистической парадигмы [См. 2; 3; 4; 5]. Доминантой научных исследований становится человек как творец языка и язык как отражение мировоззренческих установок человека.

Речевые жанры являются продуктами человеческого общения, его текстовым воплощением и представляют собой особого типа тексты [3, с.23-24]. К жанрообразующим признакам речевых жанров относятся «общность содержательно-тематической структуры; композиционная упорядоченность; специфический набор языковых средств и характер их использования [3, с.24].

Жанр «Воспоминание» относится к монологическому жанру нарративного типа [3, с.40] и представляет собой повествование о событиях человеческой жизни. Рассказ-воспоминание как жанр речи подробно охарактеризован М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой на примере рассказов-воспоминаний о Москве и москвичах [3]. На диалектном материале этот жанр

рассматривался Т.А Демешкиной [5]. Она подчёркивает, что в жанре «Воспоминание» вербализуется прошлый опыт, и это является важнейшим компонентом диалектного речевого общения, а также указывает на то, что этот жанр выступает «средством сохранения и передачи наиболее значимой в когнитивном, культурном, эстетическом, социальном отношении информации»[5, с.101].

В разделе «Речевые жанры» представлено 24 обработанных устных текста, записанных в амурских сёлах в 2000-2003 гг. Эти тексты по жанровой принадлежности являются рассказами-воспоминаниями (или их фрагментами). Кроме того, анализу в настоящей статье подвергнуты тексты, представленные в разделе «Речевые портреты», которые по жанровой отнесённости также являются рассказами-воспоминаниями. В общей сложности проанализировано 37 текстов [См. указатель текстов].

Тексты записаны в ситуации непринужденного общения незнакомых до момента общения и записи текста людей. Общение, как правило, происходило дома у рассказчика, иногда в присутствии родственников и соседей, которые могли дополнять и корректировать рассказчика. Адресат и адресант являлись представителями разных социальных и возрастных групп, кроме того, они представляли разные типы культуры. Инициатором общения выступал адресант, который мог направлять в случае необходимости течение рассказа вопросами, оценочными, ободряющими и т.п. репликами. В большинстве случаев информанты охотно шли на контакт и делились воспоминаниями о прошлом, видя искренний интерес к нему. Показательным в этом отношении является высказывание одного из наших информантов, жительницы с.Красный Луч Архаринского района: «Да куда я Вас проуюню, господи! Ко мне ништо не ездя, ништо не ходя, ни что».

При отборе материала мы стремились охватить основные текстовые темы, характерные для этого жанра в амурских говорах. И таким образом мы получили в результате своего рода **народные мемуары**, запечатлевшие жизнь нескольких поколений амурчан. Эти «мемуары» имеют большую историческую

и культурную ценность, поскольку в них представлена история амурского края (и шире – страны) глазами простого человека, который имеет свою правду и приобретённую жизненным опытом мудрость, свою систему ценностей и шкалу оценок.

Как справедливо отмечают М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова, центральной темой непринужденного общения является человек во всех своих связях с миром [3, с.33]. В рассказах-воспоминаниях рассказчик повествует о событиях жизни своей семьи в прошлом, об устройстве быта и труда, о праздниках и обрядах, о взаимоотношениях между людьми. Повествование может сопровождаться выражением оценки к предмету речи, часто сквозь призму антиномии «раньше и сейчас» [6, с.66].

К основным текстовым темам рассказов-воспоминаний амурских старожилов относятся:

- жизнь и судьба человека;
- заселение дальневосточного края;
- забайкальские казаки – гураны;
- говор;
- крестьянский быт;
- крестьянский труд;
- вера в бога;
- природа и красота амурского края;
- промыслы: охота и рыболовство;
- праздники и обряды;
- Китай и китайцы

Рассмотрим некоторые из них.

ЗАСЕЛЕНИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КРАЯ

Одной из тематических доминант рассказов-воспоминаний амурских старожилов является тема заселения дальневосточного края. Жители современных амурских сёл – потомки тех, кто переселился в Приамурье из

других регионов России в одну из переселенческих волн. «Подавляющую часть первых амурских засельщиков составляли забайкальские казаки,» – указывают авторы Словаря русских говоров Приамурья, акцентируя внимание на том, что образовавшиеся на территории Приамурья говоры представляли собой сплав забайкальских говоров, в которых преобладали севернорусские черты [7, с.6]. Территориальная миграция забайкальцев пришлась на середину XIX в. Конец XIX – начало XX в. – время освоения дальневосточных земель крестьянами из европейской части России, а также из Украины и Белоруссии [8, с.92; 9, с.267; 10, с.52-53]. В это же время в Приамурье основывают свои селения молокане и старообрядцы, прибывают донские и кубанские казаки [11]. В советское довоенное и послевоенное время по плановому переселению и в результате естественной миграции из различных регионов европейской части России, Украины и Белоруссии приезжали крестьяне. Необходимо помнить и о значительной внутренней миграции в Приамурье, о молоканах и старообрядцах, проживающих здесь. Пестрота населенческого ландшафта нашла своё отражение в рассказах-воспоминаниях:

«Я с западу прыехала. Нас трое у матери – три сестры, ўот, и мы с западу. Мы Брянщина ўсё, с Бряньску» (Текст 25: Позднякова Л.Г.);

«Родился в Воронежской области, Воробьёвский район, Никольский сельсовет. В тридцать девятом году отец записался на плановое переселение сюда, на Дальний Восток. Двадцать четыре семьи в эшелонах ехали. Коров, кошек, собак, чё хочешь с собой брали. Приехали сюда, в Москвитино» (Текст 23: Горлов И.П.);

«Дальний Восток заселён хохлами и белорусами. В основном, да. И вот с центральных областей. Тамбовская, Орловская, Брянская, вот это вот. Всех областей народ. Уже вот молодёжь щас – местные. Ну как вот я» (Текст 1: Хлыстов М.В.);

«А мать с Забайкалья приехала, её родители привезли. Вот отовсюду ехали, не только из Белоруссии и Украины. Ехали, раз он (царь) дал приказ. Где было тесно, где земли, а он разрешил иметь и по две, по три коровы, и коней, и

земли, сколько ты можешь разработать. Ну, люди работающие и рванули все, все сюда ехали» (Текст 18: Наконечникова Е.А.);

«Кюда суда приехали, я ешио маленькая была, потому точно не знаю, почему родители суда поехали. Ёворят, тода аүитировали ўсех, мол, земли здесь мною, вот ўсе и поехали» (Текст 13: Пинтусова М.А.)

ЗАБАЙКАЛЬСКИЕ КАЗАКИ – ГУРАНЫ

В обследованных нами сёлах по Амуру – Иннокентьевке, Касаткино, Сагибово – проживают потомки первопоселенцев Амурского края – забайкальских казаков. Одна из них – Мария Григорьевна Булавина из с. Касаткино – вспоминает: *«И деды тут родились... бабушка, материна мать, тоже здесь родилась... они ниоткуда, они коренные все тут были. А вот ес(л)и предки, это, наверно, с этого, Люба, ка-ак?.. С Байкала, наверно, это я н-не знаю, вот. А знаю, что бабушка здесь родилась, и дедушка здесь, деды тоже. А-а деда звали Филипп, Филиппом деда, вот. А отец у нас был чистый казак»* (Текст 2: Булавина М.Г.).

Первопоселенцы края – забайкальские казаки – гураны. Гуранами называли потомков от смешанных браков русских и забайкальских аборигенов [12, с.172]: *«Это знаете, когда вот в царское время в Сибирь, в Восточную Сибирь ссылали, вот, ну... кто против царя выступал, они там женились на этих, на бурятках на этих, и вышло племя такое - гураны. Их прозвали гураны, потому что они чернявые такие, самые вот якуты все, вот смесь наших русских мужчин-казаков с северными народностями»* (Текст 3: Гринь П.Е., Алимова А.И.).

Казаки помнятся местным населением по самобытным реалиям, характеризующим их жизнь, и речь:

«Были үураны. Уураны - ну просто люди, ўот. Ну ёны ня русские, ўот. Уураны: «Парь, чай. Парь, давай варенье. Парь, давай. Парь, садись кушать. Парь, садись». Ёны ўсё по-своему ўоворыли, ўсё «парь» у (н)их. Пахали, оны сеяли и ўсё, а потом их раскулачили, и им дали двацать чатыре часа, и их с

Инокентьевки ўсех. Я по-ихнему ня знаю. Я не гуранка, я по-ихнему ня знаю. А ня знаю, бох здесь знае, у (н)их заведёнка своя. Оны по-свойму-то разўовариваютъ. Оны нас и не любили, коды мы прыехали, не любили, ўот. «О-о, прыехали русские сюда на озёра эти» (Текст 29: Позднякова Л.Г.);

«...А мама местная. Как гуранка. Мама так же, как гураны, ча-ай этот сильно густой пила... он «сливанчик» называется, по-моему.» (Текст 24: Григорьева Е.Н.)

На протяжении XX в. население казачьих сёл пополнялось крестьянами-переселенцами из западных регионов России, Украины, Белоруссии. Некоторые из сёл стали многонациональными. Так, в с.Касаткино в настоящее время проживают представители 19 национальностей: в основном русские, а также украинцы, белорусы, мордовцы, татары, единично немцы, коми-пермяки, камчадалы. Об изменении качественного состава населения свидетельствуют старожилы:

«Вот именно Борзя, переселенцы были в основном, вот Укράинка, там жили хохлы. Скабазино (Албазино – ?) – гураны вот, забайкальские казáки, в Красном Луче – белорусы там, а здесь, в Иннокентьевке, тоже в основном сначала большинство гуранов жилó, ну там укράинцы были между ними» (Текст 3: Гринь П.Е., Алимова А.И.)

ГОВОР

Как следствие неоднородности населения – языковое многоголосие восточнославянских диалектов, взаимопроникающих друг в друга. Говор, сложившийся в амурских сёлах, безусловно, – русский. Русская диалектная система оказалась доминирующей и поддерживалась литературной формой языка, распространявшейся повсеместно [13, с.31].

Языковая тема в рассказах-воспоминаниях возникала как по инициативе исследователей, так и случайно. Она не является центральной в рассказах-воспоминаниях, а скорее дополняющей тему «Заселение дальневосточного края». Постоянное обращение к ней вызвано сугубо филологическим интересом

к весьма оригинальной языковой ситуации, имевшей место в Приамурье в XX в., когда контактировали различные говоры восточнославянских языков. Метаязыковое сознание старожилов представлено такими высказываниями:

«Ну так-то понимаю (украинский язык). И у белорусов разбираюсь. И газету читаю белорусскую. А они то же самое, понима(е)шь, ну маленько изменяй, чего нет. И что мы го(в)орим «картошка», они «бу-ульба», как они, как она у них там... Родители приехали, а я-то тут-то, что ж, родился, вырос. Уже к тому времени тут... только вот так всё смешано разговор большинство был. Мордву понимали, вот жили мы, четыре семьи мордвы... пять было, чувашей три семьи было, значит, рус-ских четыре семьи, белорусов пять семей. Вот в деревне начилй, значит, постепенно размножа... ну. Все же на... общим языком, кто как... понимали друг друга, и вот один от одного. И всё! И пошло! <...> В школе учился. Та-ам всё на ру-усском языке. Чё ж! Все на русском языке. Никто ж не делил, ничё, общий язык. (Текст 1: Хлыстов М.В.);

«Я русская. У менé паспорт, чйсто русская. <...> А ты знаешь, моя Ёала училась у одиннадцатом классе, так ей оценку снижали. От пятою класса. Як я уомоню, так ёна и пйша. Понял? И учитель менé вызывал. Ну шо, я уж уоворю, своей рэчи не изменю. Вот таки, деточки, дяла (Текст 17: Плакса М.К.).

КИТАЙ И КИТАЙЦЫ

Территориальная близость с Китаем в разные периоды времени на протяжении полутора веков породила различные формы отношений между двумя народами, взаимовыгодные в житейском смысле. Русские ходили в Китай, китайцы – к нам, обменивались товарами и услугами.

«(Китайцы) зимой-то ходили, зимой ходили, ўот. Перяхóдили и, ета, жили оны, как перёйдуть. Оны оттуда нясуть спирт, нясуть, ета, самоўонку, и ўсё такая банки пудовые на плячах, ўо, нясуть. А куды? Ў Казановку. Отсюда у (н)их тропочка была до Казановки. Ў Казановки там шкуры бяруть

аўчинные, лисие, барсучие, тама, ета, набирають, нясутъ ў китайщину. Конечно, солдаты поймають, ета, ўсё отбирають, ўот, а куда, хто их знае, куда? Ўот.» (Текст 31: Позднякова Л.Г.).

Кроме того, китайцы в начале XX века работали в России и нанимали к себе на работу российское население. Так, в Чагояне на берегу Зеи до сих пор сохранились печи для обжига известняка, построенные сто лет назад китайцами:

«...эти печи с извѣсткой они делали, и извѣсточку сплавляли. Они ж такие ж работающие, китайцы. Вот маленький лес, лесу ж много было раньше, паромик сделают, извѣстку выжгут, и везут туда извѣстку. Но им здесь помогают которые рабочие, они рассчитываются очень хорошо, всё честно, такие довольные ими были. Даже моя мама у них, вот они выращивали здесь, поля садили, плантации, мак и опиум собирали. Девчонка, ей было четырнадцать лет, сестрѣнка, двенадцать лет, и мы, го(во)рит, всё хвалили. Привозили духи, платочки, материю... ну и все шли к ним девчонки. Особенно брали девчонок, потому что девчонки честно работали, вот и брали девчонок на работу» (Текст 18: Наконечникова Е.А.).

В памяти амурских старожилов хранятся многие любопытные детали, связанные с жизнью и бытом соседнего народа.

Это устройство дома:

«Там китайскыя дома были, зямлянки. Ну как под зямлѣй. Как вам рассказать? Ўот копаетъ, так ўот яму выкопаетъ, сюды становяца брѣвны, там те доски, тады закрывають зямлѣй, так ўот крышу делае, просто ўот так (показывает), а тут настилаетъ так ета дома эти. И живутъ. Хванза [фанза], хванза – это у (н)их дом» (Текст 31: Позднякова Л.Г.);

это своеобразная кухня:

«Стряпали оны ляпѣшки: на колене – раз, раз. Тут такая плита, на плите стоить бак, вода кипить ў этом баке, ўот на этом баке ўот сетка такая положена, и пар идѣтъ, и пампушки на петшии ўот какие растутъ. Да белые. <...> У (н)их первая закуска – лягушии, ўот. Тут есть не онѣ – то что жаба

(в)от больша, что «ква-ква», ўот. А ляушек, которы (в)от прыуают, длинные эти ноуи, ўот, у (н)их первая эта закуска. Мы ня ели» (Текст 31: Позднякова Л.Г.);

это необычный язык:

«Оны по-своему уруочать, оны не разуваривали. Ур-ур-ур – ўот и понимай, как хочешь» (Текст 31: Позднякова Л.Г.).

Нередки были браки между русскими и китайцами:

«И ў трэтий раз и пошла моя сестра-покойница, и она уже, эта, познакомилась. Китаец хотел её взять, ўот, с собой. Дак мы уже не боялися. Иваном яуо звать было, ўот дак мы не боялися, у яуо мать русскыя, отец китаец быў» (Текст 31: Позднякова Л.Г.).

Подробнее о китайской теме в рассказах амурских старожилов см.[14].

ЖИЗНЬ И СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

Главной темой любого рассказа-воспоминания остаётся жизнь человека, протекающая на фоне исторических событий и весьма зависимая от них. Жизнь амурских старожилов, как и жизнь миллионов простых селян, не была лёгкой. Она была полна испытаний, тягот и лишений:

«Тяжёлая жисть была, щас жисть леуче» (Текст 13: Пинтусова М.А.).

Амурский край – это не только край, который осваивали переселенные крестьяне, но и место высылки ненадёжных и опасных, как казалось государству, личностей. Сами дальневосточники не меньше других пострадали от репрессий:

«Вот колонну гонят этапом по Зее вверх, они-то сидят, милиционеры, на лошадях! А мы-ы... шли пешочком. По Зее. Соунали нас, отвезли туда. А потом уже привозили летом, всё везли-везли-везли бържами. Вот баржа идёт с Украины, украинцев привезли. Один раз баржа шла, и-и народу там на барже, белые... Ну, напууались, думаем чё такое? А это белорусов везли. А у них-то одежда вся белая. Ой, и мужчины и женщины, всё белое полотно, белое» (Текст 24: Григорьева Е.Н.);

«Бабушку помню... П(о)тому что нас, когда выслали, мы репрессированные же, и в тайге жили, бабка всё больше... Мама, отец работали, уняли на работу. А бабка-то с нами была. <...> Папа не пошёл в колхоз. А-а соседи все вот и-и, с этой веры, они знали, ну, папа и-и дед, у них книги были, они читали эти книги церковные, во-от. Ну, мама малограмотной была. А они что? Раз Нестор не идёт в колхоз, значит, он знает, он вычитал, он знает – и мы не пойдём. И всю эту, всех (смеется) и выслали, и всё. <...> За неделю всё забрали, ничё, ничё не дали, ничё! Ребятишек – на! В телегу посадили и повезли» (Текст 24: Григорьева Е.Н.);

«Отец... в тридцать седьмом арестовали. Да тогда же подряд, много взяли ... Не понравилась ты мне, я на тебя кляззу написал – и всё. Ну какой он был? Неграмотный, когда вот так только крестиком расписывал, свою роспись ставил. Какой он был контрреволюционер? Можете представить?» (Текст 1: Хлыстов М.В.).

«Всегда нас дразнили, всегда нас... Ну как? Кулак, буржуй. Всяко. Враг, враги народа. А дети – они дети. Знаете, как дети... где-то от родителей услышат, а потом-м очень ядовитые такие» (Текст 24: Григорьева Е.Н.).

Удивительно, но не осталось зла на тяжелую долю. Пережив страшное, человек принимает его как испытание судьбы, которое необходимо пережить:

*«Но что характерно, что у меня не осталось зла никакого. Вот это как-то видно, папа вот, он говорил: «Это так и на-адо. **Что дано, то надо пережить**». И как-то вот так вот. Что положено, то и терпи, переживай. И оно видно мне, на меня это сказало, и я-а никакого зла ни на кого не имела (Текст 24: Григорьева Е.Н.).*

Народная память амурских старожиллов хранит и рассказы о трудных годах гражданской и Отечественной войны, пережитых ими на своей первой малой родине (См. рассказы Шмендель М.Я., Горлова И.П., Пинтусовой М.А.).

ВЕРА В БОГА

Очень сложно в целом определить отношение к богу и религии, представленное в рассказах на эту тему, поскольку вера и безверие – это те состояния души, которые являются психологическим отражением жизненных событий каждого конкретного человека.

С одной стороны, сильна традиция соблюдения различных религиозных ритуалов в соответствии с православным календарём (*«Я ж каждый год паски пяку. Красивые. Косами. Хрэстамы. На Западе ў церкву ходили, а тута не-е-е... Далёко»* (Текст 6: Плакса М.К.), а с другой – понимание того, что в жизни нужно надеяться только на себя (*«Вот у церкву щас ходят токо в одну-у, лобáми в пол стучать. Ну што толку? Што оно даёт это? А? Оно ж ничё не даёт. Денеу оно ж не даёт. Дожьжя оно не даёт. А бьются старики уловами, лоб`ами вот. Ну? На шо на еу надеяться, ни на чё я не веру в ету. Не веру ни ураму вот это во(т)»* (Текст 20: Баркова А.П.).

Православные храмы, призванные поддерживать веру в народе, в сёлах отсутствовали: либо они были варварски разрушены после революции, как, например, в Иннокентьевке, либо их там просто никогда не было. Более того, верующие люди подвергались гонениям, а хранимые в семьях религиозные символы часто были предметом поругания для власть придержащих:

«Иконы... у нас сильно комендант был такой, придурок-гитлер. Вот. Он мог топта-ать эти ... Женщину если захватит, старушку за-а моленьем, о-ой! Издевался как хотел. Сажал в баню. А это одну старушку, дак отселил совсем отдельно, в тайге. В землянку её. Так крадучи беуали» (Текст 24: Григорьева Е.Н.).

Очень странное спасение находили верующие для своих святынь:

«Мама нам отдала иконы, взяла, кирпич, к иконе привязала кирпич, обмотала тряпочками, верёвочкой, сказала: «На середине Зэи опустите. И пусть там лежит. Там никто хоть не будет их топтать, не будет никто шевелить». Вот и мы их там уде-то сохрани(ли). Уде они теперь?» (Текст 24: Григорьева Е.Н.).

Спасая свои реликвии, люди спасали и веру, потому что, по мнению одного из амурских старожилов, «нету бога, нету и нас».

ПРИРОДА И КРАСОТА АМУРСКОГО КРАЯ.

ПРОМЫСЛЫ: ОХОТА И РЫБОЛОВСТВО

Амурский край – благодатное место для жизни: плодородная земля, богатые птицей и зверем, ягодами и грибами леса, полноводные реки. Всё это является и предметом гордости селян, и источником пропитания. Сельские жители хорошо знают, что может дать им лес и река, и хорошо ориентируются в этом:

«Да, у нас здесь красиво. Урыбоу мноуо, яуод, уолубица есь, земляника. И урыбы всяки разны: и рыжики, и вовянки, ешио сухой уруз(д)ь есь. Вовянки такие маленькие, жёлтенькие урыбочки. А сухой уруз(д)ь такой же, как и обычный, токо у простоуо уруз(д)я шляпка влажная такая, склизкая, а у сухоуо – сухая, а по виду они одинаковые. Ещѐ у нас ояята растут, проскочки. Проскочки – это маслята. А проскочки потому, что их как поешь, так понос нападает. Ещѐ у нас синявки растут, сыроежки по-другому, лисички, оленьи рожки, урибы такие без шляпок, а как кустик с многими отросточками. Урыбоу у нас мноуо, и яуоды много. В речке рыбы мноуо: ленок, карась, харюсь, налим. Харюсь – это такая рыбёшка, сантиметров пятнадцать-двадцать, не больше» (Текст 13: Пинтусова М.А.);

«А косачи это чѐ-орные. Краси-ивы, красивые, гребешки красные, больши-ие такие, как... как ку-уры. Их в заре, на берѐзках, тоже стаями, по полсо-отни штук, бо-ольше, где-то в одном месте усядутся. И вот их охотники и стреляют и-и, и пѐтлями ловят, и всяко. Куропатѝ беленькие, как курочки. А мясо вкусное из них, хорошее» (Текст 7: Кизилова А.В.).

Охота и рыболовство – любимые темы рассказов мужчин, занимающихся этими промыслами. В воспоминаниях об охоте и рыбной ловле встречается много специальной охотничьей и рыболовецкой лексики, присутствуют описания не только ситуаций, связанных непосредственно с поимкой зверя,

птицы или рыбы, но и описания ловушек и приспособлений для ловли добычи. В этих рассказах поднимается целый пласт профессиональной охотничье-рыболовецкой культуры. Вступая в поединок со зверем человек должен оказаться умнее, хитрее, смекалистей и выиграть:

«Лиса ес(т)ь, я ловил лису, и Алёшка у меня ловил. <...> Капкан такой же вот, токо поменьше надо ешишо. Поставят где-нибудь или нора, или это. Ну поставил, привязал палку каку-нибудь. Она идёт в гнездо, если в гнездо попала, всё, она сидит.

– Она ж хитрая, как вам удаётся её обмануть?

– Обмáнут люди. Я, кода ходил, одну поймал. Пошёл, ставлю я на лису, прихожу – нету лисы. Смотрю, по кустам стя, поташишыла прямо от сопки на ярнйк, поломала, веник я таскаю, выметаю оурадины. Она в кусты зашла, уже ей некуда ходить, она закрутила эту петлю и лежит. И собака заскочил, да за шею и задавил сразу» (Текст 9: Симоненко К.А.).

КРЕСТЬЯНСКИЙ БЫТ

К микротемам, входящим в тему «Крестьянский быт», можно отнести следующие: пища, одежда, дом. Рассказы о крестьянском быте подразделяются на рассказы о современном быте и рассказы об устройстве быта в прошлом. Последние имеют характер этнографических зарисовок. Остановимся более подробно на содержании рассказов-воспоминаний, в которых речь идёт о пище.

Самым важным и почитаемым продуктом, по мнению амурских старожилов, является хлеб, что находится в полном соответствии с традиционным народным представлением о хлебе. Информанты рассказывали о процессе выпечки хлеба, называя хлеб и другие сопутствующие выпечке предметы уменьшительно-ласкательными именами, подчёркивая своё особое отношение к хлебу:

«А помажешь водичкой, во такая была у кружке, во такая, метёлочка, чтоб корочка мягкая была, чтоб мягко, чтоб на крыже... эту метёлочку макаешь у водичку и вот по хлебушку, а тогда накроешь полотенцем... потом

друуим чем-нибудь накроешь, полотенцем чистеньким, и ўсё, хлеб мяуенький, ўкусный, во так. А теперь, а теперь у каких упадёт кусочек хлеба, перекрёстисся да подынешь хлебушко, поцалуешь, и на стол положишь. Да-а, чтобы... это ўрешно хлебушко (ронять). Это теперь хлебушко ни во что считают, а раньше-то хлебушко дороуой был. Уронишь кусочек – перехрестіся, подыми, поцалуй хлебушко и положи на место» (Текст 4: Чеушева М.С.).

Хлеб пекла обычно мать, потому что «хлеб-то, (з)наешь, оно-то божес(т)венное... раньше так считалось... это божес(т)венное» (Текст 4: Чеушева М.С.).

К основным продуктам питания относились картошка и молоко, а также всё то, что можно из них приготовить:

«Да какие блюда? Картошка да молоко, вот и ўсе блюда <...> Коноплю сушили, толкли и из конопляной муки ўтовили. Мак с молоком мешали, хлеб туды макали и ели. А щас ни конопли нету, ўсю наркоманы повырвали, и мак больше не сеют. Из картошки ешио деруны да бабку делали. На деруны картошку тёрли да жарили. А шиоб бабку сделать, надо картошку натереть да крахмал смыть, потом её ў чууун ложишь, жиром заправляешь, и она там тушится. Ўкусно, за уши не отташишишь. А мы ў войну из картошки тошнотики делали. Это типа драников, только драники из свежей картошки делают, а тошнотики из мёрзлой картошки, её весной по полям собирали, мяли и жарили» (Текст 13: Пинтусова М.А.).

В рассказах амурских старожилов встречаются названия блюд, которые представляют кухни разных славянских народов:

«Ну, суп с ўалушками делали. Тесто замешиваши, а потом кусками просто берёшь и ў суп кидаши» (Текст 13: Пинтусова М.А.);

«А раньше мама напяке бульбьяникоў ў пёчи. Ну с картошки ладки. Толчёная. С крохмалом толчёная. И на под, мама на под, на ўолый под» (Текст 5: Плакса М.К.).

Крестьянский обед в прошлом проходил с соблюдением определенных канонів: первым начинал есть старший, за столом не принято было разговаривать. Во всём этом также проявляется уважительное отношение сельского жителя к хлебу насущному, дающему силы для нового труда:

«Нас у мамы було шестеро, поставе мама, и ўси ешьте шесть, мама сё(дь)мая. Сидим мы, як нямые, ўси молчим. Хто чуть заўоворыл – мама ложкой по ўолове – раз!» (Текст 6: Плакса М.К.).

Даже краткий обзор тематики рассказов-воспоминаний позволяет составить представление о памяти народной, хранящей в своих глубинах незаметные на первый взгляд детали, которые в совокупности воссоздают картину недавнего прошлого.

В рассказах амурских старожилов о днях минувших – история нашего края. Историко-культурная ценность записанных устных рассказов крестьян бесспорна. Они не уступают по значимости мемуарам выдающихся людей своего времени, а лишь представляют другой угол зрения на события, показывая происходящее изнутри и давая возможность изучить самих себя как народ.

Выражение «Народные мемуары» обозначает перспективу начатой работы: написать и издать народные мемуары – одна из целей работы с диалектными текстами

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000.
2. Жанры речи. Саратов, 1997.
3. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М.: 1999.
4. Эмер Ю.А. Отглагольное имя в информативных речевых жанрах // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. Томск, 1998.
5. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск: Изд-во Том.ун-та, 2000.

6. Оглезнева Е.А. Диалектные высказывания с ключевыми словами «раньше» и «сейчас»: лингвокультурологический анализ // Вестник Амурского государственного университета. Благовещенск: АмГУ, 2003. Вып.20.
7. Словарь русских говоров Приамурья. М.: Наука, 1983.
8. Архипова Н.Г. Принципы жизненного устройства крестьянина-переселенца (на материале амурских говоров) // Материалы региональной научно-практической конференции «Приамурье от первопроходцев до наших дней». Благовещенск, 2003.
9. Власова Л.В. Из истории переселения в Амурскую область (по материалам музейных коллекций) // Материалы региональной научно-практической конференции «Приамурье от первопроходцев до наших дней». Благовещенск, 2003.
10. Кауфман А.А. По новым местам: Очерки и путевые заметки. 1901-1903. СПб, 1905.
11. Коваленко А.И. История дальневосточного казачества (вторая половина XIX – начало XX вв.). Благовещенск, 2002.
12. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.-Новосибирск: Наука, 2000.
13. Оглезнева Е.А. К вопросу об устойчивости диалектных систем в современных условиях //Филология.Сборник работ преподавателей и аспирантов АмГУ и Пекинского университета. Вып. 2. Благовещенск: АмГУ, 2002.
14. Галимова Д.Н. Рассказы о китайцах, записанные от старожилов Амурских сел // Приамурье от первопроходцев до наших дней. Материалы региональной научно-практической конференции Благовещенск, 2003.

УКАЗАТЕЛЬ ТЕКСТОВ

- Текст 1.* «Дальний восток заселен хохлами и белорусами...»
- Текст 2.* «Они тоже здесь родились, они ниоткуда, они коренные все тут были...»
- Текст 3.* «И вышло племя такое – гураны...»
- Текст 4.* «Хлеб-то, знаешь, оно-то божественное...»
- Текст 5.* «Хлеб пекли знаешь як? Як у песне пейтся...»
- Текст 6.* «Хто чуть заговорыл – мама ложкой по голове – раз!»
- Текст 7.* «А косачи это чё-орные. Краси-ивы...»
- Текст 8.* «Мы самы ткали, самы пряли...»
- Текст 9.* «А кабана я, да, пошёл уже сам добивать...»
- Текст 10.* «Раньше ловили, а чичас чего-то и-и... и рыбы не стало...»
- Текст 11.* «Подгорну» как начну наяривать, токо пых идёт!»
- Текст 12.* «Мама говорила мне много, какие у них в деревне свадьбы были...»
- Текст 13.* «Щас песен не поём, раньше пели...»
- Текст 14.* «У меня мама жила, она всё травами пользовалась...»
- Текст 15.* «Ты можешь сама-а своими словами вылечить человека...»
- Текст 16.* «Это дедушка меня учил вот «месяц молодой...».
- Текст 17.* «...Я уж говорю, своей речи не изменю»
- Текст 18.* «Чагоян – это назвали китайцы...»
- Текст 19.* «Нас пять в семье...»
- Текст 20.* «Вот у церкву щас ходят...»
- Текст 21.* «И прышли, это-о, беляки...»
- Текст 22.* «Твою сямью всю живьём немцы забрали, увязли...»
- Текст 23.* «И ничего не поделаешь...»
- Текст 24.* «Раз Нестор не идёт в колхоз, значит, он знает...»

Тексты из раздела «Речевые портреты»

Позднякова Л.Г.

Текст 25. «Мы Брянщина...»

Текст 26. «Ты дóлжна напярэць и прынесць утром матери етаю катушку ниток»

Текст 27. «Такие свадьбы, дак ой-ёй-ёи былí!»

Текст 28. «Сеяли, пахали, и работали, и жили...»

Текст 29. «Я не гуранка, я по-ихнему ня знаю»

Текст 30. «Усё к нулю идёть и идёть, хуже, и хуже, и хуже, и хуже, и хуже, уот»

Текст 31. «Оны чёрные. Оны по-своему гиргочать»

Текст 32. «А чо пьяные, а с чаго пьяные – ня знаю»

Сергиенко А.К.

Текст 33. «Всё надо было терпеть...»

Соловьёва М.А.

Текст 34. «Маруська, ты смотри не обижай Данька. А ты, Данько, не обижай Маруську»

Текст 35. «Он так у меня какой красивый! Он летал стрелком-радиостом на самолёте...»

Текст 36. «Вот такие имена: Лямка, Климка...»

Текст 37. «Раньше от болезней сами лечили...»

РАССКАЗЫ-ВОСПОМИНАНИЯ

«Дальний Восток заселен хохлами и белорусами...»

Хлыстов Михаил Власович, 1923 г.р.

С.Черновка Свободненского района Амурской обл.

Беседовали Архипова Н.Г., Оглезнева Е.А., 2001 г.

Обработала Оглезнева Е.А., 2004

Звуковое сопровождение +

– Я жил по соседству в деревне, в Чудиновке. Родился ажно в Казанке, потом сюда переехал. Эт(о) в Серышевском районе, за Зеей, на той стороне. А родители с Белоруссии приехали. В десятом году.

– *Так вы белорус, получается?*

– Да. Да.

– *И отец, мать белорусы?*

– Так, а бабушка была, материна мать, ну как (в)от, ну метис, половина полячка, половина белоруска.

– *А здесь в деревне вообще, наверно, русских-то нет?*

– Дальний Восток заселён хохлами и белорусами. В основном, да. И вот с центральных областей вот. Тамбовская, Орловская, Брянская, вот это вот. Всех областей народ. Уже вот молодёжь щас – местные. Ну как вот вот я.

– *А как вы записаны в паспорте? Белорус?*

– Не-ет, русский.

– *Ну вот...*

– Это вот видишь, как сельсовет что напишет, то и ... в паспорт запишут. Ну вот фактически, я вот ... до-о-о ... или не до этого ... вот до восемьдесят девятого года, я не имел, значит, места никакого. В паспорте записано: жил в Чудиновке. А сельсовет был Юхтинский. Вот его так вот называли. Как сельсовет выдал паспорт, так юхтинский, юхтинский, и жил в Юхте, и считался, родился в Юхте. А когда коснулось, значит, у меня, у нас так всё, отец... в тридцать седьмом году арестовали.

– *А почему арестовали?*

– Да тогда же подряд, много взяли ... Не понравилась ты мне, я на тебя кляuzu написал – и всё. Ну какой он был? Негр(амотный), когда вот так только крестиком расписывал, свою роспись ставил. Какой он был контрреволюционер? Можете представить?

– *А сколько ребятишек осталось в семье?*

– Двенадцать. Да мы в общем, всего было девять. Да тогда уж взрослые, те по ... замуж повыходили. Нас четверо осталось при матери, кода его арестовали. Ну вот... я уж вот я искал ... начал искать концы всё-таки. Ну вот, реабилитация кода в пятьдесят шестом году-то была, я и стал концы везде, всё писал, писал. С Благовещенска прокурор отвечает: чтоб подтвердить вам действительность, надо копии с метрической выписки. Я пошел искать эти метрики себе, вот, значит, в архивы в Свободный пришел, все книуи подняли, все! Значит, что: старше меня вот, начиная с двенадцатого года, значит это, там с шесто... двое старше меня, все есть. Меня нигде нет. В районе вырос, в районе, знаю, откуда, где есть, а потом дошурúpил. А-ай! А мать говорила, что я в Казánке родился. И там крещёный в Пиканове, ну это в Серышеве щас, а

тогда Пика́ном назвали. Угу. Ну я-то... Она тода говорит: о-о, ну, тода, г(ово)рит, бланку заявления сама заполнит эта женщина там. (В)от пошлём. Через две недели и сообщение. Приезжать получить выписку. Так я вот это и узнал, понимаешь, что потом эту копию да аж в прокуратуру, вот мне прислали такую бумагу из прокуратуры. Да. А что, Ежов... значит, арестован тогда-то, расстрелян девя... двадцать девятого марта. Как за контрреволюционную деятельность.

– Да, отец девятерых детей, да. За контрреволюционную деятельность.

Хорошо.

– Девять было у него. У отца с матерью. Вот так вот это. Ну и всё. Чё сделаешь? Вот, значит, прислали, что, действительно, значит, пострадавший от репрессии. Вот, выписали мне удостоверение: «пострадавший от репрессий».

– А родители сюда с детьми приехали? Из Белоруссии?

– Одна, одна сестрёнка, старшая самая, у нас родилась в Белоруссии. (О)ни уже сюда в десятом году вот её, четырёхлетнюю, перевезли. В шестом году родилась она. А в десятом они уже сюда приехали.

– А где в Белоруссии жили?

– В Могилевской губернии, там такая деревня, уже всё позабывал, дай вспомню, Па́пратки.

– Папратки?

– Па-прат-ки. Ну, папоротник. Вот, значит, папратки, деревня Папратки, Могилевская губерния, Краснопольский уезд.

– А вы какого года?

– Я двадцать третьего.

– А родители по-белорусски разговаривали?

– Да сначала-то, а потом же всё ж, смешалось.

– А непонятно, Михаил Власыч! Смотрите, все приехали с Украины, с Белоруссии, а говорят тут все по-русски. Почему?

– Ну потому всё же от русских! Ну смесь же идёт!

– Михаил Власыч, смотрите, десятый год, Советского Союза никакого нет. Приезжают украинцы, белорусы и начинают говорить по-русски?

– И ... и находили все общий язык! Вот они приехали, шесть семей, вот сюда вот это, вот как начиналось токо, ну было там просеками, снесёно просеками, ну, поняли? Деревня намеченная. Шесть семей. Летом чёго дашь? Строиться? Не построишься. И тогда решили выкопать, понима(е)шь, общую землянку и зимовать. И выпиливать лес под поля, значит, под огороды, да под постройки. Тут же пилили, тут же и строили. Каждый на своём, где кто высáдьбу выбрал. Вот так было.

– Ну вот вы украинский язык понимаете? Если по-украински с вами буду разговаривать?

– Ну, так-то понимаю.

– А белорусский?

– И (у) белорусов разбираюсь. И газету читаю белорусскую.

– А говорите по-белорусски?

– Не. А они то же самое, понима(е)шь, ну маленько изменяй, чего нет. И что мы го(в)орим «картошка», они «бу-ульба», как они, какая разница.

– Ну а вы её как: «картошка» или «бульба»?

– А ну всякое, как назову, так и пойдёт.

– А ещё какие белорусские слова говорите?

– Да ну! Уже попривыкли, я тут ж ... как г(ово)рится обрусел, и тут родился, тут и вырос на Амуре, и уже тут ...

– Так а русских же мало было, что ж вы говорите «обрусел», может, «обукраинился», например.

– Ну я-то не прие... Родители приехали, а я-то тут-то, что ж, родился, вырос. Уже к тому времени тут... пошло вот так всё смешано разговор большинство был. Мордву понимали, вот жили мы, четыре семьи мордвы... пять было, чувашей три семьи было, рус-ских четыре семьи, белору-усов пять семей. Вот в деревне начили́, значит, постепенно размножа... ну. Все же на...

общим языком, кто как... понимали друг друга, и вот один от одного. И всё! И пошло!

– *А в школе? Вы же учились в школе?*

– В школе учился. Та-ам всё на ру-усским языке. Чё ж! Все на русском языке. Никто ж не делил, ничё, общий язык.

– *А школу в Чудиновке заканчивали?*

– Ну там четвёртый класс, четыре класса было, пятый класс в Бузули ходил.

– *А родители хотели чтобы дети учились ?*

– Угу.

– *А родители сами образованные были?*

– Не-ет. Не-е...

– *А чем занимались, Михаил Власович?*

– Ве-ечные батраки были, понял? Мать вот с таких вóзрастов сиротой росла. Так какая ей поветь... образования быть? Отец тоже...

– *Их насильно переселяли или они сами поехали?*

– Не-ет. Они са-ами. Ту... тут самый старший брат из этой, с отцовской семьи, так? Служил вот в это, в отряде Невельского. Вот он с ём сюды и добра-ался. Когда отслужил, срок-то кончился, раньше-т(о) по семь да по восемь лет, вот, верну-улся туда опять, в Белоруссию, посмотрел что там совсем которые идёт хуже в пятьдесят раз, а тут приво-олье было, го-олье ж места были, голые всё. Земля полупустующая пустовала. Вот он и собра-ал их. И трёх бра-атьев, понимаешь, и сестру, и сюда вот, в два года перекочевал вроде. С Белоруссии сюда.

– *Так вы всем родом сюда переехали.*

– Н-да... И вот, разрешили, значит, сразу поселиться в Казанке всем. Всё-о, и отец, значит, там усадьбу, и честь по чести. Пришла депеша полицейская, что он (брат отца), значит, участвовал в пятым году в забастоўке в Донбасе. Он шахтёром работал. Значит, подозри-ительный был. За него его сюды и в тайгу. Вот так вот... А-а, нанима-ались сезонные. Летом коров пасли, а в зиму,

понимаешь, брё-овны на доски пи... распиливали, отец с матерью. Вот, значит, а потом опять, в двац(а)ть четвёртом году, весной, выехали.

– *Усы у вас казацкие, бравые...*

– Борода. Это я вот, бороду́ стал носить вот как на пенсию пошёл, эт(о) когда вот узнал, что отец расстрелянный, отец с бородой ходил, вот и я отпустил, отрёстил бороду.

– *А вы на кого, на отца похожи?*

– Показать вам?

– *Покажите!*

– Э-эх! Пойдёмте в ха-ату!

«Они тоже здесь родились, они ниоткуда, они коренные все тут были...»

Булавина Мария Григорьевна, 1934 г.р.

Власова Любовь Ивановна, 1950 г.р.

С.Касаткино Архаринского района Амурской обл.

Беседовали – Архипова Н.Г., Оглезнева Е.А., 2003 г.

Обработала Оглезнева Е.А., 2004 г.

Звуковое сопровождение +

М.Г.: ...отец семисят восемь лет прожил, мать семисят пять, тоже здесь все.

– *А отец с матерью, они уже приехали сюда?*

М.Г.: Нет, тут родились.

– *Это деды ваши уже приехали?*

М.Г.: И деды тут родились.

Л.И.: Дедушка с какого года?

М.Г.: Тятя-то?

Л.И.: Да.

М.Г.: С тыща восемьсот девяносто четвёртого, а мама тыща восемьсот девяносто пятого. А деды тоже... у-у... бабушка, материна мать, тоже здесь родилась.

Л.И.: Вот так что это коренные.

– А её как звали, помните, вот вашу бабушку?

М.Г.: Нашу бау... бабушка Матрёна, а маму, эта, Глафира Тимофеевна.

– Имена такие!..

М.Г.: А отца Григорий.

Л.И.: А девичья фамилия матери вашей?

М.Г.: Девичья? Не знаю. Тоже говорят, вроде она Фёдорова была.

– А вот деды приехали зачем сюда? Не рассказывали?

М.Г.: Нет. Они тоже здесь родились, они ниоткуда, они коренные все тут были.

– А предки... кто-то ж всё равно сюда приехал...

М.Г.: А вот ес(л)и предки, это, наверно, с этого, Люба, ка-ак?..

Л.И.: С Байкала.

М.Г.: С Байкала, наверно, это я н-не знаю, вот. А знаю, что бабушка здесь родилась, и дедушка здесь, деды тоже. А-а деда звали Филипп, Филиппом деда, вот. А отец у нас был чистый казак.

«И вышло племя такое – гураны...»

Гринь Пётр Егорович, 1928 г.р.

Алимова Анна Ивановна, 1928 г.р.

С.Иннокентьевка Архаринского района Амурской обл.

Беседовала Базарова С., 2003 г.

Обработала Оглезнева Е.А., 2004 г.

Звуковое сопровождение +

П.Е.: Борзя населялась я расскажу как. Вот именно Борзя, переселенцы были в основном. Вот Украинка – там жили хохлы. Скабазино (Албазино - ?) - гураны вот, забайкальские казаки, в Красном Луче - белорусы там, а здесь, в Иннокентьевке, тоже в основном сначала большинство гуранов жилó, ну там украинцы были между ними.

А.И.: Вот я чё-то не помню про каза́ков, вот казаки, чем они занимались здесь?

П.Е.: Казаки пахали, сеяли и охраняли ураницу полностью от китайцев, они вот как если где-то нарушения, дак жёны тут с лошадьми со ўсем управляются, а они на лошадях беуут спасать ураницу.

– А гураны-то – кто такие?

П.Е.: Забайкальские каза́ки, да они тут в основном населяли вот Бурятия, вот это всё.

Прохожая: Это знаете, когда вот ещё в царское время в Сибирь, в Восточную Сибирь ссылали, вот, ну... кто против короля (царя?) выступал, они там женились на этих, на бурятках на этих, и вышло племя такое – гураны. Их прозвали гураны, потому что они чернявые такие, самые вот якуты все, вот смесь наших русских мужчин-казаков с северными народностями.

«Хлеб-то, знаешь, оно-то божественное...»

*Чеушева Мария Степановна, 1929 г.р.
С. Грибовка Архаринского района Амурской обл.
Беседовали Архипова Н.Г., Галимова Д.Н., 2003 г.
Обработала Оглезнева Е.А., 2004 г.
Звуковое сопровождение +*

– Хлеб как делали?

– Хлеб? Девчата, лопата во такая во, во такая лопата, токо побольшы, с длинной ручкой, лунку делаешь. Лист сюда, э, ну с капусты или с дуба лист подскладишь, а тада – фить туды! Она туды слазиет.

– А лист остаётся?

– С листом ўместе слазиет и ўсё, как уже спеклася...

– Так лист пригорит?

– Ну и пусть приуорает, пускай. Во(т) так насыпешь, соль кинешь, трещит соль, значит, сажай.

– Нагрелась, значит?

– Да, уже ўсё, сажаеш хлеб. Тада хлеб... такие же были... деревянные... как кочерґа, вытаскиваеш бушки оттуда.

– *Деревянные?*

– Да. Это такая тряпка, метла называется. Выметеш, чистенько тама-то, ни золиночки.

– *Тряпка метлой называлась?*

– Да, вот метла такая, тряпка порезана часто кусками, на палку намотанная, и этой мочишь. И этой метлой ўсё там выгребаш, выметаеш. Чистый под... Тада туды сажаеш, хлеб этот... спёкса, оттуда уже вытаскиваеш этой деревянную как вот кочерґа, токо деревянная. Вытаскиваеш еґо. А ета лопата хлеб сажать. Лопата. Кочерґа. Хлеб, значит, вот слушай. Стелеш на лаўку полотенце, хлеб складаеш, помочишь, сверху друґим полотенцем накрываш(?).

– *А чем помажеш?*

– А помажеш водичкой, во такая была у кружке, во такая, метёлочка, чтоб мягкая корочка была, чтоб мягко, чтоб на крыже... эту метёлочку макаеш у водичку и вот по хлебушку, а тода накроеш полотенцем... потом друґим чем-нибудь накроеш, полотенцем чистеньким, и ўсё, хлеб мяґенький, ўкусный, во так. А тепер, а тепер если упадёт кусочек хлеба, перекрестисся да подынеш хлебушко, поцалуеш и на стол положишь. Да-а, чтобы... это ўрешно хлебушко (ронять). Это тепер хлебушко ни во что считают, а раньше-то хлебушко дороґой был. Уронишь кусочек – перехристисся, подыми, поцалуй хлебушко и положи на место.

– *Почему дороґой?*

– Потому что ж беднота, хлеба мало было, сеяли сами, а скоко уродило или не уродило. Вот хлебушко как был дорог, а тепер хлеб ни к чо́му.

– *А хлеб какой был?*

– Да-а... под... прóтивеньки не было, под, на под садили, так и называлося «на под».

– *А какой хлеб, ржаной?*

– Да, ржыной, чисто ржыной.

– *Не тяжёлый ржаной?*

– Такой ўкусный хлеб, запашистый и не чижёлый.

– *Не тяжёлый?*

– Нет-нет. Рыхлый, мягкий. Буўку вот так, знаешь, другой раз вытащишь, положишь буўку сюды (показывает на предплечье), если она подпрыгивает (ударяет себя по плечу), значит, хлеб спёкся.

– *А месили как у вас?*

– Да, теперь слушай сюды. Хлеб кода спёкся, во так кусочек и оставляешь, у дежé кладёшь.

– *Куда?*

– У дежé тут же. Дежá така деревянная, такая вот дежа, такая во широкая, а там место, и вот эту закваску оставляешь.

– *Кусочек спёкшегося хлеба?*

– Вот нет, теста. Вот это спекли, а этот кусочек оставили. Значить, муку сыпешь, это тесто убираешь оттудова, ў водичку кладёшь и разводишь, муку сыпешь, вода кипит, запариваешь. Муку. Да, да, запариваешь, опара называется, опара. Да, да, вот опара. На опаре хлеб заки... ўсё, ўсё, ўсё, размешал ўсё, хлеб уже остаётся, тако как молоко делает(ся) и эту закваску туды, размешал всё, поставил... дежá и... накрывается такая... дежá тоже деревянная. Туда этот... поўлядишь, оўлоб (?) начинает подходить, тада месить его, хлеб. Муки добавляешь, месить, месить, чтоб к рукам не приставало.

– *Надо класть соль, сахар?*

– Так сахар никто не клал. Соль, обязательно солишь.

– *Солишь? И молоко не льёшь?*

– Не-е, вода, вот ўсё. Да, да, и солюшка. Да, да, вот вымешаешь его, потом вот буўки выкатываешь, на эту лопату их, и на под туды.

– *Тесто руками месили?*

– Руками, во. Месёлкой только разводишь, кода опару делаешь, квашню вот эту. Да, и квашнёй называли, вот этой месёлкою, а потом вже, кода

месить начинаешь, завязуешь платочек, умываешься, перекрестисся. И пошёл месить. Да, (в)спотеешь. Потеешь ещё как! Если плохо вымесил, хлеб плохой, если вымесил хорошо, хлеб рыхлый, ўкусный.

– *С каких лет пекли?*

– Не-е, уже поздно. Мама не доверяла-то хлеб, хлеб-то (з)наешь, оно же божес(т)венное... раньше считалось... это божес(т)венное.

– *Только мама пекла?*

– Мама пекла.

«Хлеб пекли знаешь як? Як ў песне пеится...»

Плакса Мария Кузьминична, 1920 г.р.

С. Черновка Свободненского района Амурской обл.

Беседовала Оглых И., 2001 г.

Обработала Оглезнева Е.А., 2004 г.

– Шо з молока делали? Твóроу делали. Смятану. Кашу варили.

– *Как каша называлась?*

– Каша? Из пшана. Картошку тёрли: крохмал усадили. И это ўсё пякли самы. Лапшу. Яйцо бьём, напякём от души. Блиноў напякём, твóроуу назаворачиваем, сметанкой или маслицем полиў ўсё. Щас за коноплю ўоняют да за мак, а раньше мама напяке бульбьяникоў ў пёчи.

– *Бульбяники?*

– Ну с картошки ладки. Толчёная. С крохмалом толчёная. И на под, мама на под, на ўолый под.

– *А под – это что?*

– Под у пёчи. Иде топится, ўоряча, тады ж не ўазов не було, ничё. И вот напяке мама, натолке маку, маку натолке, кипятком заварё, ладок намочае. Вот так мы жили и ели, и повзросли ўсе. А щас за мак ў тюрьму содють. А щас уже ку-урють яўо. Да конó-опли, бувало, як набье мама масла целый битон. Подсолнечного.

– *Из конопли масло, да?*

– Из конопли. Ой ўкусное, деўки!

– *Как ставить опару?*

– Ну як опара? Молоко закипело, или на воде, опариуешь, остывая, тады туды дрожжи. Вот и паску учиняешь там. И муку. На пяску не сделаешь. Простыне, и начинаешь дрожжи добавлять. Як то(ль)ки стане подходить опара, так и паску учиняй. Я ж каждый год паски пяку. Красивые. Косами. Хрэстамы. На Западе ў церкву ходили, а тута не-е-е... Далёко.

– *Косами фигуры вот так заплетали, да?*

– Запляту. Ещё яйцом помажешь, и посыпешь.

– *А как называли кислое молоко?*

– Саракваша (простокваша). Кто простокваша, кто саракваша. Хлеб пекли знаешь як? Як ў песне пеётся:

Уоворят, шо неудяйка,

не умею хлеба печь,

во диковина какая:

на лопату да ў печь.

Лопата была у нас такая, деревянная. Капусты лист сушили, широкий, на миску. Ну вот, на лопату размочила я, на лопату застрялила, и на ету-у вот капустину – тесто во, положила. Хлеб бойкий вёростя. А тады дубовый лист ходили низать. Тады ж нечем было ни сковороды помазать, ничёуо.

– *А зачем дубовый лист?*

– Ну дык, он же на поду спекётся быстро, а лист тады обчистится. И корочка ўкусная и красивая. Да. Вот та-ак раньше жили.

«Хто чуть заўоўорыл – мама ложкой по ўолове – раз!»

*Плакса Мария Кузьминична, 1921 г.р.
Приходько Татьяна Алексеевна, 1951 г.р.
С.Черновка Свободненского района Амурской обл.
Беседовала Оглых И., 2001 г.
Обработала Оглезнева Е.А., 2004 г.*

– А какие блюда ещё из мяса готовили?

М.К.: А таўды не було. Свадьба, и ўуляли свадьбу. Кусок сала положили на стол – рэжте, холóдно, оўурцоў, помядор – ўсё. Тады не було ў старыну, шобы по сто(ль)ки, сто(ль)ки блюд ўотова́ли. Тады кусок сала, мяса отварыли, ску(ль)ки надо, рэжь и ешь. Щас каждому тарэлку, а тады одну поставяць, вот такую wo, и сюўайте ўси, с той миски. Нас у мамы було шестеро, поставе мама, и ўси ешьте шесть, мама сё(дь)мая. Сидим мы, як нямые, ўси молчим. Хто чуть заўоўорыл – мама ложкой по ўолове – раз!

Т.А.: Все с одной чашки ели. Вокрух стола садя-атся, это и я помню, маленькая была. Вокрух стола все сели, чашка – и-и с чашки, и деревянные ложки, и деревянными ложками. Миска такая большая, (э)малярованная. И туды насыпали.

М.К.: А у нас булы черепа́ные, ўоршки делали дак черепа́ные, черепа́нки, керамические.

Т.А.: Как вот ўоршки. Выжи́ают (в)от.

М.К.: У нас чуууны, чушкам токи варыли, а ў ўоршках себе варыли.

– Какие были печи?

М.К.: Печи русские, ў эту печь ставишь шесть чуууноў чушкам. По тэй бок – три, по тэй бок – три. А спереду яда варытся. Так и блины пякли.

– А блины какие пекли?

М.К.: Уречаные, яшние, ўсякие учиняли, на етых на дрожьжах. И простые...

– С начинками делали?

М.К.: Твороу заматывали, мясом заматывали. Шо у коуо було. Хочешь
гарбузом.

«А косачи это чё-орные. Краси-ивы...»

*Кизилова Анна Васильевна, 1917 г.р.
С. Черновка Свободненского района Амурской обл.
Беседовали Белуха Н., Кузнецова И., 2001 г.
Обработала Оглезнева Е.А., 2004
Звуковое приложение +*

А косачи чё-орные. Краси-ивы, красивые, гребешки красные, больши-ие такие, как... как ку-уры. Их в заре, на берёзках, тоже стаями, по полсо-отни штук, бо-ольше, где-то в одном месте усядутся. И вот их охотники и стреляют и-и, и пётлями ловят, и всяко. Куропаты́ беленькие, как курочки. А мясо вкусное из них, хорошее.

У нас Виталя пока не женатый был, здесь-а ставил петли под Новый год, поймал два зайса, и-и два этих, э-э, рябчика, какие-то такие, как курисы эти, принёс куропаты́. И фазána. И вот на Новый год, и-и это, принёс сюды. «Мамка не хочет!» И белочку. Белочку я ободрала́ и-и взяла шкурку эту, это, посолила, просушили, и я её набила и-и... прямо как живая. Э-э, ватой набила её, зашила всё, она прямо живая и жива стояла. Фазána тоже ободра... обдирала. Тожа его также сделала. Краси-ивый такой он, стоит прямо-о приятный. А зайцев уже так ободрали их и нажа-арила. Новый год встречали, поприходили, е-ели па... зажарила. Им вкусно показалось.

«Мы сами ткали, сами пряли...»

*Плакса Мария Кузьминична, 1920 г.р.
С. Черновка Свободненского района Амурской обл.
Беседовала Оглых И., 2001 г.
Обработала Оглезнева Е.А., 2004 г.*

– А зимой в чём ходили раньше?

– Ё лаптях, ё драных кухфайках.

– А на ноги?

– Ну лапти. Онуч наматывали, ходили ё лаптях.

– Онуч?

– Да. Портянки. То носки, то портянки вот до сюда заматуешь. Раньше штаноё не было на жопе. Юбки – во.

– А юбки тёплые?

– Самоотканные, с сукна. Вечер пряли, ткали. Полезешь на воз, сено налаживать корове, как задуё ветер, дак ёсю тебя просветя, приедешь домой, ёсе ляжки синие, позамораживаешься.

– Нижнее бельё было?

– Було, у нас було, ёсе було, мы пряли, ткали, знаешь, у нас ёсе було алляное (льняное). Ёсе с полотна, мы сами ткали, сами пряли, сами бялили, сами ёсе.

– А стирали чем?

– А стирали... Така бочка была, складывали туды бельё, а потом золы насыпали, и воду туды горячую ё чууны . И оно там и парилось. А потом на рэчку, и праником.

– А праник – это что такое?

– А такая вот доска, и з ручкой. И праником. Деревянная, из дерева. Шоб выбить хорошо эту и золу и ёсе. Як вымыешь, дак беленичное ёсе, колинкор. А зимой як поедешь на рэчку бувало, я уже замужем була, свёкор пробьё палонку...

– Палонка – это что?

– Ну-у, лёд пробье, иде бельлё мыть.

– Прорубь, да?

– Прорубь, да, пробьеть, палонкой называлась. Як пробьеть, дак приедешь домой, ўсь обмёрзнешь. А сейчас красота, науреў воды, крути. Ой, деточки, ну ладно. Пойду, а то уже ўремя боуато.

«А кабана я, да, пошел уже сам добивать»

*Симоненко Константин Александрович, 192(?) г.р.
С.Ураловка Шимановского района Амурской обл.
Беседовали Архипова Н.Г., Галимова Д.Н., Оглезнева Е.А., 2002 г.
Обработала Оглезнева Е.А., 2004 г.
Звуковое сопровождение +*

Кабан

... А кабана я, да, пошёл сам уже добивать. Бил, бил – жир толстый был на ём, заряды не берут. Сколько вот я стрелял, не берёт, он идёт, хоть бы что, вперевалку. Он уже от меня уходил. Три раз стрелил по шее – идёт кабан. Ну куда ты! Стоял, стоял, три раза стрелил – ему хоть бы что, идёт. Зашёл за валёжину, ложится – уже меня караулить (смеется). Лежал, лежал, над им прут зашевелился, кабан подымается, вышел, и за мной. Я уже начал тикать (смеется), потом повернулся. Всё, думаю, не убежать, по голове ему сейчас... По голове его осадил. Подхожу – лежит, но ешшо дышит. Пошёл, коня привёл ближе, давай его обдирать, а там сало вот такое во на ём. В шкуре здесь застряла вся картечь в шее, где она пробьёт? Она ж не пробила, она в шее. Ну пока ободрал, темнеть стало, а мене в зимовьё идти надо. Весь мешок слóжил, кобылу в повод, и пошёл. До бугра дошёл, она как спотыкнулась – там медведь бурундуков понарыл, ямка. Как упала! Вьюки слезли, мне опять подымать эти вьюки надо, привязывать. Но всё же сделал, хоть темнело уже. Смотрю: по сопке след. Спичку зажёу, посмотрел: о-о, так это я шёл за кабаном, (в)след, мне счас надо туда идти в зимовьё спать. Я по этому следу обратно в зимовьё

шёл, а там уже я ляжки отрезал, на коня и поехал за остатками. Поехал, остатки забрал.

Медведь

– *Константин Александрович, есть такая ловушка на зверей – наступник, делали?*

– Есь, есь, медведя ловят. Я раз прихожу на зимовьё, пятнадцать километров, смотрю, что-то (нрзбр.) бежит. Стоял, стоял – туман. Смотрю, впереди два медвежонка, сзади медведица. Беуи! А я ещё взял да мат заунул: «Куда тебя хер несёт?!» Как она рявкнула! Она один на одну листвянку, второй на вторую – моментом там! Она ко мне подбежала, вот так до двери, пасть открыла и стоит: «А-а-а...». Ну куда стрелять? Токо в рот. У меня как была централка заряжена, я прямо в рот. Она пасть открыла – я в пасть ей, в затылок вылетело. Как сноп упала и не дрыгнула. Медвежата попрыгали, одного я успел стрелить, в крови побился, побился, смотрит, тот побежал и тоже за тем убежал. А эту я как убил, привёз, ободрал, шкуру сынок Лёшка увёз где-то в Шимановск, там выделал, под ноуи, говорит, стелить хорóша будет.

– *А наступник как сделан?*

– Ну там делают, окружают всё это, городьбу делают, чтоб его поймать. Загородят всё...

– *Чем загородят?*

– Да колья забьют туда, сделают задвижку.

– *Высокие, большие?*

– Да медведь-то здоровый бывает.

– *То есть в рост медведя эти колья?*

– Ну, вот он идёт, и он обойдёт всё, посмотрит, где ес(т)ь задвижка, лапой раз – она открылась, дверь. Он заходит, начинает колотить там всё.

– *А как ловить?*

– А ловить, он закрытый, приходишь и бей его прямо тут.

– *Так он же открыл задвижку.*

– Ну он открыл, зашёл, она закрывается опять, на пружинах

– *А вот в этом месте ему почему туда хочется зайти? Там приманка лежит?*

– Да, есь, есь приманка, а есь не приманка. Есь дохлую какую-нибудь кинут туда, запах унюхает – пошёл туда.

– *А если ничего нет, он зачем пойдёт туда?*

– За ягодой, если есть ягода. Он голубицу здорово ест. Он шас уже, вот я позавчера шёл оттудова, на марí, ключ перейдешь, марь, голубица. Мне вчера этот сказал, встретился: «Смотри, там, – г(ово)рит, – медведь здоровый», – г(ово)рит, Колька Хмельков. Ну я не стал, это, ходить, ну его, пускай пасётся. Голубица ещё зелёная.

Лиса

– *А кроме медведя, Константин Александрович, кто есть? Лиса есть?*

– Лиса есь, я ловил лису, и Алёшка у меня ловил. Алёша тут за базой поймал.

– *Специальная какая-то ловушка есть?*

– Капкан такой же вот, токо поменьше надо ешшо. Поставят где-нибудь или нора, или это. Ну, поставил, привязал палку каку-нибудь. Она идёт в гнездо, если в гнездо попала, всё, она сидит.

– *Она ж хитрая, как вам удаётся её обмануть?*

– Обмануют люди. Я, кода ходил, одну поймал. Пошёл, ставил я на лису, прихожу – нету лисы. Смотрю, по кустам стяю, поташшыла прямо от сопки на ярник, поломала, веник я таскаю, выметаю оурадины. Она в кусты зашла, уже ей некуда ходить, она закрутила эту петлю и лежит. И собака заскочил тут, за шею и задавил сразу.

«Раньше ловили, а чичас чего-то и-и... и рыбы не стало...»

*Горев Алексей Макарович, 192(?) г.р.
С.Юхта Свободненского района Амурской обл.
Беседовали Архипова Н.Г., Оглезнева Е.А., 2001 г.
Обработала Оглезнева Е.А., 2004 г.
Звуковое сопровождение +*

– Речка? А Пёра вот.

– Рыбу ловите?

– Раньше ловили, а чичас чего-то и-и... рыбы не стало. Ну закиду-ушки ставили, закидушка – это, э-э, четыре-пять крючков на бечёвке, и вот забрасывашь её, а здесь в берег втыкашь колушок, привязывашь, вот она и за... называется закидушка. Во-от. Неско(ль)ко раз ездил я в Хабаровск, х дочке. А-а зять... зимой на зимнюю рыбалку ездили. Вот, садимся, машина у него была, садимся на машину и поехали ловить шшук, э-э, сазанов вот этих вот, на это. Сделана такая, наподобие... жук, как жук всё равно металлический. Вот, крепят его, это, а тут приделаны крючки такие, припаяны. Ну и вот, на леске его пускаешь её в лунку, ну и вот потихоньку, это, мотаешь. Шшука хватает, сазан вот это(т) хватает, эту приманку. Как схватит, так чуссвуешь. Тянешь, смотришь: сазана вот такого вот выташшишь. А у нас здесь так нет не... не ловятся.

– *По*ему так называется – «краснопёрка»?

– А потому что у неё вот эти вот, плавники, красные. Вот она называлась краснопёрка.

– *Щу*ка, краснопёрка, ещё что?

– Так. Налим. Со-ом.

– *С уса*ми, да?

– Да, с усами, каса-атка тоже само... с усами. И-и кода ее на удочку вытягиваешь, дак она пишшит, касатка.

– *А у нее, гово*рят, *кости какие-то очень острые, у касатки.*

– Да-а...

– *Она большая, касатка?*

– Не-ет, она большая не бывает. Гальян, пескарь.И ерши. Много названий же рыб.

– *А вот такие рыбы на змей похожие?*

– Ну это вьюны. Е-ес(т)ь, е-ес(т)ь...

– *Они, наверное, невкусные.*

– Да чёрт ё знает! Вобшэ, где принято их, э-э, кушать, значить, кушали, а где не принято, дак их не употребляли. Вот, Китай, Япония... Лягушек же едят. Да ещё какой деликатёсно, говорит, мясо. А мы ж им брэгаем.

«Подгорну» как начну наяривать, токо пых идёт!»

Глазкова Вера Николаевна, 1927 г.р.

С. Черновка Свободненского района Амурской обл.

Беседовала Назарова Т., 2001 г.

Обработала Оглезнева Е.А., 2004 г.

Звуковое сопровождение +

– ... А плясала раньше, девчонки! Вот и ноги щас почему болят? Я любого гармониста перепляшу. Играет-играет, г(ово)рит «Ну тебя к чёрту, Верка!» И вот сядет сидит, говорит «Перекур». Вот так. Ну чё ещё?

– *А на балалайке вы какие играли?*

– На балалайке «Подгорну», «Саратоў», вальс. Да много чё! Я и на гитаре играла хорошо. Вот это-о, у дедушки с бабушкой школа была, доча тут у меня старша, котора ў Канске, училася. Вот она-а, это там, взяла гитару... это... сломали ученики, и балалайку. Как я её берегла! П-потом купила балалайку. Опять сломали. А тут у нас у Черноўке у одних есть. Вот всё думаю «Ну вот она ж им не нужна, никто не играет». И не отдают. Не то что я, дурочка. Да на-а, бери-и, тащи-и, сломали и всё. Ну вот, другой раз думаю, в городе смотрю, мож(е)т, купить? Под старость лет (смеётся). «Подгорну» как начну наяривать, токо пых идёт! Пляшут и старики и ўсе на свете. А щас уже о-ой, уже семь(де)сят третий год, девочки, на-а я уже ни сёдни завтра дум... умру-у, уже скоро умру. Ну чё ж, две операции. Одну операцию зоб перенесла, да вот эту-у,

это чё? Ещё вот, сердце держит, телепается. А компанию сообразить, это мне хлебом не корми. Вот сидят но-оют. Да иди вашу мать, чё вы ноете?! Давай стол! Раз-раз, соберу стол, по-шло... Во-мен-тально (моментально) у меня получается. Вот так вот и потихонечку и идёт... (Поет песню).

«Мама говорила мне мноуо, какие у них в деревне свадьбы были...»

*Мошегирова Мария Терентьевна, 1920 г.р.
С. Черновка Свободненского района Амурской обл.
Беседовала Назарова Т., 2001 г.
Обработала Оглезнева Е.А., 2004 г.*

У меня свадьбы-то не было, а мама говорила мне мноуо, какие у них в деревне свадьбы были. Сначала невесту надо сосватать. Выбирали сватов. Брали духовных родителей жениха, или кто шустрый в селе. Связывали в доме жениха ножки стола, чтобы свадьба лучше вязалась, брали кочеруу, говорится «выгустри девку». Потом токо ехали сватать, но не по дороуе, а оуородами. Потом невеста даёт жениху залох: платочак, хлеб. Потом обрученье. Молодых блауославляли. Иноуда называли боуомолье. Менялись тама кольцами. И начинали запой, пировали. А жениха с невестой в чулан запирали, пошептаться. Перед венчаньем у невесты девишник. Поют тама, удают. Молодёжник у мужиков. Они пировали. Вечером коробейники – родные невесты – отвозили приданое. Мама так пела шутки: «Приежжали меня сватать на унедой кобыле, всё приданое забрали, а меня забыли». Само венчание вечером на друуой день. Одевали невесту в самая нарядная платья. Подружки песни пели. Дружко выходит с повозки и брату невесты говорит:

– Ты зачем здесь?

А он:

– Сестру свою береуу .

– А она не твоя, а наша.

– А если она ваша, то заплати то, что я на неё употребил.

Дружкó платил. Потом жениха испытывали, он откуплялся. И они ехали к венцу поврозь. Невесту коуда обвенчают, окручивали. Заплетали две косички, очіпок на үолову. Молодые ехали в дом жениха уже не поврозь, вместе. И пировали. Если невеста непорочная, то долүо пировали, а если порченная... На родителей надевали хомут и вино давали в дырявом стакане. На утро топили баню молодым. И все вместе катались на повозке по деревне.

А мой-о не так вечались. Помните, я үоворила, что отец помещичью дочку взял без приданого, и они ушли в село Ливада. У них была беүлая свадьба без родительского блаүословенья. Мама через тётку справила вещи папе. Папа священника долүо искал, не соүлашались. Знали отца маминого. Он суровый был. А один соүласился. Потом они отправились к маме домой. Упали в ноги и просили прощения. Так тоүда принято было на беүлой свадьбе. И тоүда её отец их по спинам плетью побил, простил их. И блаүословил иконой и хлебом-солью. Но приданого не дал. Мама обиделась, и они ушли. А венчанье назвали, потому что дружки, коуда священник үоворит, держали над үоловами венцы, веночки.

«Щас песен не поём, раньше пели...»

*Пинтусова Мария Алексеевна, 1926 г.р.
С. Черновка Свободненского района Амурской области
Беседовали Мельникова О., Зайцева Д., 2001 г.
Обработала Оглезнева Е.А., 2004 г.*

У меня и хозяйство былó: коровы, чушки, дажы козы был`и. Токо я их зарехлася держать. Помню, как за ими үонялася как бешена, а они за козлами по сопкам беүали, а ешшо жрали шо попало. Как-то коза мой платок съела, он на верёўке во дворе висел. Я во двор вышла, смотрю, у ей во рту какой-то кусок. Подошла я к ей, приүляделась, а это она мой платок доедает. Я её так за то лупила, кричала на её. Не подавилась же ты, падла! Да, хозяйство у меня былó, а щас ничёүо нету, даже собаку не дёржу.

Коуда война началась, мне пятнадцать годоў было. Тода налоуи ўсе платили: и старые и малые. Надо было масло сливочное с молока набить, натопить и сдать. Такой вот налоу был. А у самих ў войну и хлеба-то не было, с оуорода токо и кормились. Ў дереўнях токо женщины, дети да старики оставались, вот они-то на полях да на оуородах и батрачили. Тяжёлая жисть была, щас жисть леуче.

Коуда суда приехали, я ешшо маленькая была, потому точно не знаю, почему родители суда поехали. Уоворят, тода аүитировали ўсех, мол, земли здесь мноуо, вот ўсе и поехали. А суда приезжали, расстраиваться начинали, оуороды корчевали, деревья раскорчёвывали. Обкопашш дерево, подрубашш еуо и вручную вытаскивашш, трактороў-то не было.

Не, свадеб раньше не было. Может, боүатейшшие себе и делали, а у нас не было. Мы с мужиком так сошлись. Вечером мой брат на урузовике за мной приехаў, матрас с соломой да подушки ў кузоў побросаў и к мужику ў хату отвёз.

А мужик плохой был, пил мноуо, драўся постоянно. Любоўница у неуо была. И шо обидно, старая совсем, пенсионерка. Он из-за её руки потерял. Он тода тринадцатую зарплату получил и выпиўши к ей пошёў. Токо она еуо выгнала, и он по улицам шарахаўся. А как раз зима была, он ў сууроб упаў и там уснул. Так руки и обморозил. Еуо утром мужики нашли да домой привели. Руки у еуо чёрные стали. Чёрную кожицу сымеш, а под её розовая-розовая, она потом тоже чернела. Ему потом руки отрезали, так он ешшо больше злиться стаў, пил мноуо и от водки умер.

Щас песен не поём, раньше пели. На покос едешь на телеуах с песнями, ўсе поют, ўсем весело. Ешшо на праздники собиралися, мужик мой на баяне наяривал, а мы песняка давали. А щас не поём. Жисть не та, шоб петь.

Мы коуда суда приехали, на куруане поселилися. Тут то(г)да два колхоза было, их потом объединили. Токо наши не схотели председателя тоуо, плохой он был, орал на ўсех.

Мама у нас хлеб сама пекла. Крутёлкой муку молола и пекла. Крутёлка – это таких два круулых колеса каменных, одно лежит неподвижно, а друуое крутить надо, и мука получается. Её потом просеивать надо было. А ешшо муку ў ступе толкли. Токо это дольше и труднее, крутёлкой прошше.

Одёжа кака была? А кака одёжа? Ў год одно токо платье пошьют и носят, не шшеуо (не с чего) было наряжаться. Я раньше пряла, а щас не пряду. А мама ўсю жисть пряла, у её прялка была. Две палки ставятся, снизу станок круулый на четырёх ножках. Есь ешшо шпуля такая на железном мостике. Отсуда скубёшь и на шпулю наматывашш, а потом можно ў моток смотать. А потом из этой пряжи носки да рукавички вязали. Чем вязали? Ну, рукавички да носки прутиками вязали, а кружева да салфетки – крючком. Прутики – это иуолки такие длинные. Ешшо я вышивала и крестом и уладью. На сорочках вышивала, на рушниках, это полотенца. Вышивала на кайме, она как марля, на ей вышивать удобней. Ешшо постилки шили из кружочкоў ткани, ими кровати заправляли.

Да, у нас здесь красиво. Урыбоў мноуо, яуод, уолубица есь, земляника. И урыбы всяки разны: и рыжики, и вовянки, ешшо сухой уруз(д)ь есь. Вовянки такие маленькие, жёлтенькие урыбочки. А сухой уруз(д)ь такой же, как и обычный, токо у простоуо уруз(д)я шляпка влажная такая, склизкая, а у сухоуо – сухая, а по виду они одинаковые. Ещё у нас опята растут, проскочки. Проскочки – это маслята. А проскочки потому, что их как поешь, так понос нападает. Ещё у нас синявки растут, сыроежки по-другому, лисички, оленьи рожки, урибы такие без шляпок, а как кустик с многими отросточками. Урыбоў у нас мноуо, и яуоды много. В речке рыбы мноуо: ленок, карась, харюсь, налим. Харюсь – это такая рыбёшка, сантиметров пятнадцать-двадцать, не больше.

Да какие блюда? Картошка да молоко, вот и ўсе блюда. Ну, суп с уалушками делали. Тесто замешивашш, а потом кусками просто берёшь и ў суп кидашш. Мама ешшо уамулы жарила, это лепёшки такие. Шшоб их пожарить, надо сначала муку обжарить, потом её ў ступу ссыпешь, но не ўсю, затем

картошку отваренную, а потом остальную муку сверху. Потом ўсё это кулаком берёшь из ступы, лепёшку делаешь и жаришь. Ёкусно получается. Коноплю сушили, толкли и из конопляной муки готовили. Мак с молоком мешали, хлеб туды макали и ели. А щас ни конопля нету, ўсю наркоманы повырвали, и мак больше не сеют. Из картошки ешшо деруны да бабку делали. На деруны картошку тёрли да жарили. А шшоб бабку сделать, надо картошку натереть да крахмал смыть, потом её ў чуун ложишь, жиром заправляешь, и она там тушится. Ёкусно, за уши не оттащишь. А мы ў войну из картошки тошнотики делали. Это типа драников, только драники из свежей картошки делают, а тошнотики из мёрзлой картошки, её весной по полям собирали, мяли и жарили.

А мы ў войну чай из тыквы заваривали, пластами её режешь, сушишь на солнце, затем можно и ў печи подсушить, а потом чай из её заваривали. Ешшо из тыквы повидлы делали, или её так чишшэну сваришь, или ў печи спечёшь, а потом токо так наяривашш.

Печка была как стена. Там вот такое отверстие, туды дрова кладутся, запаливаются, а дым ўверх идёт, и из трубы валит. Так вот, казанки ў это отверстие ставили и ў ём готовили. Казанки - это чуунки. А дрова во дворе в скирды складают, это поленицы такие, там дрова ровно складают, шоб не разваливались. Ешшо навес делают, шшоб дождь дрова не посмочил.

Мы ў детстве любили, кода мама боршш варила. Зимой боршш со свёклой варила, а весной ешшо шшавель с курочками рвала ў боршш. Курочки – это травка такая, берёшь её, ешь, а она такая кисленькая. Кода короў держали, так сметану заквасишь и ў боршш, такое объеденье. Молоко ешшо переуоняли в масло, твороу, сыр делали, варенец. Шшоб варенец получился, надо молоко прокипятить и сметаной заквасить. Смолоду ўсё было, а щас ничёуо нету. Мы и пахту ели. Ёкусно. Это молоко перерабатывают ў масло, а пахта остаётся. Масло ў маслбоечке делают, это ступа такая, тама палочка, на ей кружочек небольшой, ступу закрывашш и бьёшь, и масло получается. Ешшо тюрú ели, хлеб молоком заливали. Это и есть тюрá.

Ў чѐм готовили? Я ж говорила: в казанках, чуунах по-другому, кастрюль-то тогда не было, ў казанках и варили, и тушили. Еуо из печи роуачами вытащишь, на стол еуо поставишь и прям из еуо и ешь. Вот так картошки ў казанке сваришь, на стол поставишь, ешшо молоко в крынке на стол поставишь, потом еуо по кухолям разольѐшь, деревянную ложку возьмѐшь и наяриваешь, аж за ушами трѐшит. Кухаль – это наподобѐ кружки или коўшика, еуо тоже из дерева делали.

**«У меня мама жила, она всё травами пользовалась,
и она не знала как ету таблетку проулотить...»**

*Галицкая Мария Степановна, 1933 г.р.
С. Черновка Свободненского района Амурской обл.
Беседовала Назаренко О., 2001 г.
Обработали Оглезнева Е.А., Галимова Д.Н., 2004 г.*

– У меня мать знала, и я сама кое-какая. Я у яуо маленький цветочек взяла, он такой большо-ой был. Я уо(в)орю: «Вы знаете, от чего етот цветок? Вы мне скажите». А он уворыть: «Так я тебе скажу». Мне, уворыть, скока я живу, стока я яуо дяржу. Я, уворыть, один, он у мене уже вырос, у мене уже старый, яго уже надо было раза два пересадить, ето, отростками хорошо прынимается. Срззать и посадить. Уворыть, как придуть, уворыть, женщины с операции, так и ко мне, уворыть, и идуть. За этим цветком. Ранки заживая.

А я ко(г)да, ето, зубы болели, дак зубы лечила. Пожую, пожую, и он утихая. Вымою яуо чистенько. А щас у меня нету ни одного зуба того, я с месяц как поставила, только всё я прыучаю, прывыкаю. А-а уод без зубоў ходила.

– *А за другими травами в лес ходите?*

– В лес? В лес хожу. Есть боуородская траўка, есть еты...

– *А богородская от чего?*

– А боуородская - это-о и пить хорошо, её от нервоў.

– *Её заваривать?*

– Ага, заваривать, как чаёк. Шиповник - ето-о от сердца, он как чаёк, это хров(ь) разбивая, во-от. Теперь какой же вам ещё, ето... Есть кровохлёбка, эт(о) от поносу. Есть борэц, эт(о) от усех болезней он. Безбаливающий.

– *А как он выглядит?*

– А-а он корэнь, борэц. Щас я вам покажу, если мы не... должен быть. Хоть он один, да есть.

– *А это корешок, да?*

– Да. Борэц. Борэц... Хоть один, да есть у меня.

– *Тожже заваривать?*

– А их... не(т), это не заваривать, это настаивать. Во(т), видите? Вот, на-а, откуси маленько, так он и связывае. И выплюнешь потом. Вот видишь, у мене настояно? Я сюды-ы, берёзовых почек суды положила, и яуо, корешочек, и ето вот, растираю, а если пить яуо, токо надо семь, семь капелек. Уүү. Семь капэлек, он безбаливающий, он всё снимае, всю болезнь снимае. И сердце, и почки, и от печени березовые почки, во-от, это всё снимае. А-а ето где-то вот нашла его, растирала... Индийскаю луковинку настаивала, дак уже вон скоко, увсё, увсё уже повитерла, а это достаю, иуолочкой, и чем етим было, хоть етим бы, да всё равно... Это ж надо же всё покупать это. Или самоуонку, первячка, или-и ето, или крэпкую водку покупать. Вот. А так, на воде-е, на воде тока траўку пить, на воде. А-а вот корень такие, это вот растира-аться, ноуа-а у тебя там, рука-а заболела... А ето вот, это-о пить, траўка такая. От нервоў. Ко(г)да успокаиваться.

– *Это лучше валерьянки даже?*

– Да-а, варерьянки, так спишь потом хорошо!

– *А что это за трава?*

– А-а она, постой, где она? Кажется, где-то в лесу.

– *А как называется?*

– Щас посмотрим. Пустырник. Ай, она так хорош(о)... хорошо, ко(г)да её попьёшь, так споко-ойно! Спишь. Вот, спишь и спать охота. И щас вам, покажу ету, боуородская траўка.

– *А это тысячелистник, да?*

– Ага-а, это, знаете, по женскому ко(г)да чего. Посмотрим. Вот это боуородская траўка, вот понюхайте, как она пахнет. Она тоже ...

– *Ой как вкусно!*

– И она от нервоў хорошо, от усего и она хорошо. И ноуи, её, ето, парить, у коуо ноуи болять, парять. А-а ето вот у мене ети, зверобой. А-а зверобой, он от жалудка. Зверобой. Это у мене бабы траву просили, я не знаю. Вот, вот ето вот зверобой. Нет, это не зверобой. Это ромашка. А ромашка - ето от етоуо, от уеморо-оя. Во-от. Ромашка. А ето у мене зверобой. Тут двухсортový, вон видите, какой он, желтенькие цветочки? Вот, цветочки тут, двухсортový. Есть маленькие цветочки, есть большие. Щас покажу вам. И ето, и коряшки хорошо, тоже яуо пить. Я ходила под Юхту. А-а ету, ромашка я тута, недалеко от нас, (о)коло Пёры, а-а ету, как её, боуородскую траўку, вот сюды, на сопку ходила. А ето, две сумки прынесла. А ето, а почки - весной, как только стануть раскидаться ... а почки, оны-ы от ето, и от печени хорошо, и в общем усё, усё у в ет... в оруанизме очищае. Всякие болячки. Мы во врэмья войны тока этимы почкамы и пользовалися. Мы яуо настаивали на самоуонке. У нас у каждого, ето, бутылка была. И (г)де ранка, это почку. Щас вам покажу. Это почки. Это я прошлом уоду ходила, а нынче мене не прышлося. Смотрю – а-а, думаю, хватить мне етих. А ето – на бутылку ложку столоваю. Суши... у в этом, у теньку сушила.

– *Так это они только-только начинают появляться, и вы их собираете?*

– Да-да-да, токо чуть-чуть. Ко(г)да оны вон липкие. Ко(г)да липкие, то(г)да их и рвать. А уже-е раскинутыся, та-а то уже, то для питья не идёт, то только для нох. Ноуи парить. Ко(г)да оны раскинутыся, майские ето называются лист. Ну и ето, помоуая хорошо. Оны-ы етые листочки, их мылом намылилить

и приклады́вать. Не дай бох, тфу-тфу... Щас же больше бабы мучаются это, урудямы. То шишки, то ще что-нибудь насака́ывает, так это, этымы майскамы листочкамы этым, напари́айте, с мылом, и приклады́аете. И оно всё рассасы́вается. И это вот, здесь, у школе, у нас у двух учительниц было. Я им тоже советовала. Де́йки плакали, что, ну эти, шишки у урудях. Так и так, уоворю, делайте. А еты, камфурные эти таблетки, это бесполезно вообще. Я больше тра́йки: то той по́ью, то той по́ью. Недельку той, недельку той, недельку той. А потом прыкрати-ить. Месяц, два, тры, потом опя-ать. Вот и так и усё. А-а еты, ну раньше проти(в) были эти ўрачи, ну сьсяс уже не проти(в), а у нас, я ко(г)да жила на Западе, дак у нас даже был сердечник, корни. Мы ходили в мае месяце с мамой, и копали. И верьяноўка. Аверьяноўку тоже клали у ету, у самоуонку, у перваю, и пили. У мене мама-а жила, она всё травамы пользовалася, и она не знала как ету таблетку проулотить. Ну, и она восемьят восемь лет прожила. Она б ещё жила, но приехала сюды, в село. Да, а на Западе б она ещё жила...

«Ты можешь сама-а своими словами вылечить человека...»

*Наконечникова Елена Анисимовна, 1940 г.р.
С. Чагоян Шимановского района Амурской обл.
Беседовала Архипова Н.Г., 2002 г.
Обработала Оглезнева Е.А., 2004 г.
Звуковое сопровождение +*

– *А церкви не было никогда здесь?*

– Мама наша ни раз в церкви не была.

– *Не верила в бога?*

– Нет, она детишек лечила со сглазу, с испугу лечила детей. Она и щас лечит с испугу, от сглазу она лечит. Она помнит. Вот щас как-то у Веры заболела тёлочка, она: «Мам, полечите с сглазу, её кто-то сглазил наверно». Она берёт кружечку с водой, зачерпнёт, пошептала, пошептала, слышу, чё-то шепчет и говорит: «Уйди, болезнь, в топкие болота, в леса, в горы крутые». А в

церкви ни разу не была, и никогда. Она как в бога верит? Она просто лечит, а чтоб в церкви была... Ну, говорит, когда гроза: «О господи! О господи!» Кочергу бросит, потом это, кочергу и чё-то ещё, ухват какой-то, чтоб гроза бешеная перестала. Её парализовало семь лет назад, она у нас после парализации слабенькая-слабенькая, ну ничё, помнит.

У меня Галинка родилась, и месяц кричит и кричит, и когда послушаю в животе у ней: у-у-ур-р-р... Я позвала маму и позвала Катю. Мама сама её лечила. Галинке тридцать семь лет, дочери меньшей. Они срезали волоски, вот я что помню, вот в пороге поставили, месяц ей было, маленькая. Одна ножки держит, чтоб вытянуть. И вот срезали ей ногти, нокоточки, чу-уть-чу-ть, помаленечку там, и всё в бумажечку сложили, волосиков срезали, смерили её, ниточку, и ниточку туда, и всё это в бумажечку, и просверлили свёрлышком, скоко росту, смерили, скоко ростом была, и всё, это дырочку просверлили, всё туда затолкали и сверху осиновый. А почему осиновым колышком? Потому что осину, как они считают по Евангелию, осина - проклятое дерево, бог вроде его проклял, и оно трепещется всё время. И вот оно лечит, забирает болезнь. У каждого человека. Вот ты подойдёшь к берёзе... Вот я недавно читала в «Зоже»*, в газете: заболел, чё-то недомоуание, подошёл к берёзе и говоришь: «Берёза, берёза...» Нет! Ну да, к осине, к осине сначала подходишь, обнимаешь: «Осина, дерево богом проклятое, забери мою болезнь там, недомоуание, туда-сюда». Постоит, поразговаривает обыкновенным русским языком, хочешь на армянском разговаривай. От осины уходишь, подходи к берёзе: «Берёза, берёза, ты такая вот красавица на Руси». И берёзовые почки собирают, и сок берёзовый, целительница получается, да? Подходишь к берёзе, обнимаешь берёзу и говоришь: «Дай берёза мне здоровья». А болезни сначала отдаёшь, а потом здоровья просишь у берёзы. Когда приболею, иду ищу. Раз спотыкнулась, упала между берёзой и сосной, еле поднялась, пошла, не могу - нога болит, опухла, это опухает из-за этой ноги, здесь вены все вон, варикозное расширение вен. Ну, пошла, осины там нашла между сопок. У осины постояла.

(о заговоренной воде)

– На улицу эту воду выливают знаешь где? Дверь открывается или калитка, столбик, калитка держится за чё, вот сюда, где вертится. Ещё говорят: «Сколько через эту калитку перешло народу туда-сюда, чтоб каждый вот по полмаковки здоровья прибавил твоему Никите». Ты можешь сама-а своими словами вылечить человека, если ты молитву не знаешь, одно слово помнишь, ты сама свои слова говори, верь сама в них и всё, ты вылечишь его, поняла?

* Газета «Зож» - «Здоровый образ жизни»

«Это дедушка меня учил вот «месяц молодой...»

*Шаринкина Людмила Самойловна, 1915 г.р.
с.Кухтерин Луг Шимановского района Амурской обл.
Беседовала Архипова Н.Г., 2002 г.
Обработала Оглезнева Е.А., 2004 г.
Звуковое сопровождение +*

– *Что лечили, только ячмень и чирики, большие ничего не лечили?*

– Больше нет. Ещё зубы могу. «Месяц молодой», когда месяц молодой появится, «месяц молодой, у т(еб)я рог золотой, у твоего отца Абрахима (?) зубы не ныли, дёсны не болели, вот у Людмилы чтобы зубы не ныли и дёсны не болели. И вот три раз нужно поговорить перед месяцем, потом на левое плечо вот так тьфу, тьфу, тьфу – плюнуть. И всё. А потом, девчонки, безо всякого разговору, вот у тебя левая нога, всегда обуй её вперёд и разуи вперёд – у тебя никогда зубы болеть не будут.

– *Примета такая есть?*

– Не примета, я тебе говорю. Вот.

– *А кто учил?*

– Кто учил? Мама. Вот. И так у людей спрашивала. Это дедушка меня учил вот это зубы, «месяц молодой...»

– *А вот ребятишек, бывает, сглазят, испугается, что делали?*

– Вот я этот, девчонки, отдала, у меня было списано, я отдала.

– *А кому?*

– А они уехали отсюда.

– *Вы не помните?*

– Не-а, я не помню.

– *А чем ребятишки болели, какими болезнями?*

– Какими болезнями? Вот начнут реветь и реветь, сглазуют его. Вот.

Возьмёшь, вот это прочитаешь, сбрызнешь, и всё.

– *А чем сбрызнешь?*

– Чем? В рот наберёшь воды, да и сбрызнешь.

– *Святой водой?*

– Можно и святой, можно и такой водой, обязательно. У вас, может, ребятишки будут. Вот начнёт ребёнок у тебя реветь, вот это вот, возьми его вот так, язычком полижи, а потом этим вытри... (Показывает).

– *Своим подолом?*

– Своим подолом. Язычком вот так вот, а потом по этому, чтобы этот...

– *По рту...*

– Не по своему рту, по ребёнку.

– *Сколько раз надо сделать?*

– А хоть три, хоть четыре

– *А говорить надо что-нибудь?*

– Ничё не надо. Я тебя родила, я тебя вылечила, больше ничё не надо, вот прямо (показывает)... Вот языком лизнул. Вот я тебя родила, я тебя вылечила, и возьмёшь вот так вот, по его рту, где лижешь, там и вытираешь.

«...я уж говорю, своей рэчи не изменю»

*Плакса Мария Кузьминична, 1920 г.р.
С. Черновка Свободненского района Амурской обл.
Беседовала Оглых И., 2001 г.
Обработала Оглезнева Е.А., 2004 г.
Звуковое сопровождение +*

– А я з вами ыддыхну вот трошки. А то як выйдешь, ўсе работа и работа. Бяз оддыхи работа. Мужик-от хоть покуря, посядить, а баба щё-то... Та баба щаслива, шо куря, посидить. А если ня курить... ўляди (о)дну работу. Вон тучка идеть, хоть ба дощ линул, боже мой, ну сухо-сухо на оґороде. Уурцы помёрзли, булы большие, щас подохли. И будя баба без уурцоў. Посейть, коли оны уже вырастуть. Сейчас перядача ийшла по телевизяру, я ў хату уйшла, украинский язык и русский. Дак вот ўсё равняли. Один каже: русский нравится, а друўй – украин. Один мужик говоря: яны ж ти самые, токи о це вы языки, о це крывляете.

– *Что делаете?*

– Наши ... русские говорят по-русски, а ето по украински: «о це, хаце, маце». Вот оны там спорыли. Выпиwали там, сядели за столом.

– *А вам больше русский или украинский нравится?*

– Я русская. У менé паспорт, чýсто русская.

– *А в языке много такого украинского.*

– А ты знаешь, моя Уала училась у одиннадцатом классе, так ёй оценку снижали. От пятоуо класса. Як я ўомоню, такь ёна и пýша. Понял? И учитель менé вызывал. Ну шо, я уж говорю, своей рэчи не изменю. Вот таки, деточки, дяла.

«Чагоян – это назвали китайцы...»

*Наконечникова Елена Анисимовна, 1940 г.р.
С. Чагоян Шимановского района Амурской обл.
Беседовали Архипова Н.Г., Галимова Д.Н., Оглезнева Е.А., 2002 г.
Обработала Оглезнева Е.А., 2004 г.
Звуковое сопровождение +*

– Тут, наверно, семей само мало десять, вот так и получилось. Вот тот большой Чагоян, новый, а этот старый.

– *А почему «Чагоян»?*

– Чагоян – это назвали китайцы. Мой Николай знает, его родители жили здесь. А на этой стороне, выше полтора километра – Крондштадт, там жили у него дедушка с бабушкой, вот, и дедушка там похоронен.

– *А почему так называется?*

– Там ключ Крондштадт течёт, кто назвал, чего назвал? И Николай родился там. Сиваглі – это раньше, вперёд вот этих наших поселенцев, когда царь... в каком году? По-моему, в девятьсот четвёртом, разрешение дал, десять лет... А когда японцы да китайцы стали все переползать, и уже золото мыли, ходили пешком, всё... Но до него слух-то дошёл, что Дальний Восток уже не пустой, а заселяют иностранцы, вот. Он дал по всему нашему Союзу, дал такой приказ, чтоб все ехали, что десять лет налогов брать не будут. И как рванули, откуда, из Читы, вот Николаева мать из Читинской обл(асти). Отец, правда, русский был, здесь, в верховьях жил, тоже неизвестно откуда они приехали, но тоже мож люди откуда-то приехали. А мать с Забайкалья приехала, её родители привезли. Вот отовсюду ехали, не только из Белоруссии и Украины. Ехали, раз он дал приказ. Где было тесно, где земли, а он разрешил иметь и по две, по три коровы, и коней, и земли, сколько ты можешь разработать. Ну, люди работающие и рванули все, все сюда ехали. Вот это уже и бабушка рассказывала, и Николаевы родители.

Это название сделали китайцы. Чагоян – это значит «белый камень». «Чаго» – это «белый», а «ян» – это «камень», это по-ихному. И Сиваглі, вот на

карте написано Сиваглі – не Сива́глия, а люди так звали, вообще весь народ, – Сива́глия, а на карте вот Амурской области написано Сиваглі.

– А что это значит?

– Вот что значит «Сивагли», я не знаю даже. А вот где Крондштадт, маленько ниже Крондштадта, эти печи с извёсткой они делали, и извёсточку сплавляли. Они ж такие ж работающие, китайцы. Вот маленький лес, лесу ж много было раньше, паромик сделают, извёстку выжгут, и везут туда извёстку. Но им здесь помогают которые рабочие, они рассчитывались очень хорошо, всё честно, такие довольные ими были. Даже моя мама у них, вот они выращивали здесь, поля садили, плантации, мак и опиум собирали. Девчонка, ей было четырнадцать лет, сестрёнка, двенадцать лет, и мы, го(во)рит, всё хвалили. Привозили духи, платочки, материя... ну и все шли к ним девчонки. Особенно брали девчонок, потому что девчонки честно работали, вот и брали девчонок на работу. И никто ж и не знал, что надо какой-то мак курить, и ничё, даже понятия не было, всё из-за рубежа пришло.

– *Китайцы приезжали сюда работать?*

– Все китайцы, и нанимали, и наши у них работали.

– *Это в какие времена?*

– Это после революции... до революции они это были, а после революции уже никого не было. До семнадцатого года, ну ещё мож в семнадцатом, в восемнадцатом году.

«Нас пять в семье...»

*Глазкова Вера Николаевна, 1927 г.р.
С. Черновка Свободненского района Амурской обл.
Беседовала Назарова Т., 2001 г.
Обработала Оглезнева Е.А., 2004 г.*

Нас пять в семье. Мама родила мальчика, последыша. Он два месяца прожил и умер. Мы ему люльку повесили, кормили, он ўсё отрыгивал. Потом выкопали ямочку и закопали. Осталось чётверо. Когда маму хоронили, народу

мноґо булѳ. Их с отцом как-то звали на крестины. Она не пошла и ему не разрешила идти. Но он ушѳл тогда. Мама рассердилась на неґо. А у нас така черѳмуха була. Она под черѳмухой леґла, еѳ так и парализовало. Уже ѳ больнице еѳ распѳрло, ґруди полопались, как щас помню. На следующий день хоронили. Мать звали Аксинья, отчества не знаю. Я побоялась, ушла к тѳтке жить из-за отца. Звали еґо Николай Еґорович. Ёредный, строґий. А дед плотник был боґатый. Отец ни разу не помох дом строить, еґо мачеха не пустила. Я собралась на Запад. Уалушки мои, дети, выходят из дома. Видим, отец и мачеха новая. Он нам ничѳ не сказал, что женился. Билеты на руках уже, и ноґи подкосились. Два чґса пѳбыли с ними, я им твoroґу ведро оставила, яйцев ведро, ѳсѳ им оставила. В Воронежску облас(т)ь съехала, потом жалела, что дочу оставила. Мачеха долбала еѳ сильно, дочу-то.

Там был сад, алеечки таки, а яблoк ворохґ, мноґо очень. Скоко добра, дом оґромный, двух(э)тажный пропадае. Мы обратно приезжаем, а мачеха в ква(р)тиру мух мильѳн напустила. Мы кода уезжали, урожая семнадцать вѳдер насобирали: и свѳклу, и моркоґку, они поели ѳсѳ за два месяца, всѳ ж таки пять душ семья. Коґда они купили дом, я ѳсѳ туда отдала, стулья ѳсе. Помоґали им от ѳсей души.

Я ей (мачехе) чужой чѳловѳк. Пожили они, отец заболел. Такой он нехороший человек был. Зверь, пил безбожно, бил меня и деда. Почему, ґоворит, ты не называ(е)шь еѳ мамой. Побил сильно, ударил ѳ ґлаз, волосы выдер. Шла с женщинами, боялась еґо. Мне уезжать с Марыночкой. Суседка зашла, ґоворит: «Зайди к отцу, он плохой совсем, болеет сильно». Пошли мы ѳ баню. После бани дай, думаю, пя(тьде)сят ґрам выпью. Ну, думаю, пойдѳм к нему с дочей. Мне отец ґоворит: «Что, дочь, пришла на моѳ труп посмотреть?» Я села на стулик, а у неґо слѳзы руч(ь)ѳм, помирает. Я ґоворю: «Найди там маму, расс... и Расскажи, как ты издевался надо мной, обскажи ей ѳсѳ». ґоворит, что к моему приезду сних заметѳт дорожки. И точно: умер...

«Вот у церкву щас ходят...»

*Баркова Анна Павловна, 1921 г.р.
С.Черновка Свободненского района Амурской обл.
Беседовала Назаренко О., 2001 г.
Обработали Оглезнева Е.А., Галимова Д.Н., 2004 г.*

– Вот у церкву щас ходят токо в одьну-у, лобáми в пол стучать. Ну што толку? Што оно даёт ето? А? Оно ж ничё не даёт. Денеу оно ж не даёт. Дожьзя оно не даёт. А бьются старики уоловами, лобáми вот. Ну?

– Ну всё равно люди надеются же ...

– На шо на еу надеяться, ни на чё я не веру в ету. Не веру ни ураму вот это во(т). Я знаю, что человеку ви дайте работу, и он тода пойдёт у церкву. Это я понимаю там. Поют краси-иво – да, постоять – да, очень красиво там, у церкви. Но кода уолодный человек пойдёт он, уоловою... Пацанов наберуть – оны там хрэстятся, а оно уолодный, хлеба не видит, куска хлеба. Вы дайте работу, откρο-ойте всё: хфабрики, заводы. Вот люди будут работать и в церкву будут ходить. Ну это, конечно, я не уоворю ... не отказываться от церкви, от этогó. Ну что, ви их и заставляйте и бейте лобáми – оно ничё не даёт это. Ну? А то люди вот как страдают. Хлеба нету, а? Куска хлеба нету. А чё эту булочку, если она возьмёт, да я вон сразу чуть не съем! Как щас страпають, ой-ёй-ё! Наливають жидкое в форму. Она спечёт, а там вдави – в этом ничё нету. Хорошему мужику и зарáз даже нечего исть. Ещё друуой раз хорошего привезуть, друуой раз – ой! Нечего исть там.

Это как один парэнь тожа передавал. В книжке было. В войну ето. Вот отца забрали, вот мать его как, э-э, вечер, так и хрэститься надо. И хрэстится, и меня заставляла. И я хрэстился и хрэстился, и она ж лобóm бьёт, уоворит, пол. Ну? Чтоб папка вернулся ис фронта. А потом уоворит: «Мне уже так надоело, мамка, мне уже надоело». А вона – всю ночку. Как она терпит? С вечера и до утра. И хрэстится: «Да папка вернётся, надо, ето-о, проси-ить боуа, надо хрэститься». Ну и вы чё ли думаете? Да, уоворит, я уже взрослый стал. Пошли они с девчонкой купаться, куда-то он уехал, учи-ился, и (г)де-то там

познакомылись и пошли купаться. С девушкой. А у ее хрест. То он сам носил хре... хрест, а то, γо(в)орит, я и снял. Ну, когда я поулядел: у ее хрестик. «Сними. Ничего ето не верь». А она γо(во)рит: «Почэму?» «А знаешь почему? Как я молился, шоб папа вернулся, а папа и не вернулся, а мама, бедная, четыре γода лобом била пол. С утра, то ес(т)ь с вечера и до утра. И папа не вернулся». И вот я, γо(в)орит, за ето. И снял я, γоворит, я тоже, γо(в)орит, таскал, я и молился, а щас, γовор'(и)т, ничему не веру. γоворит, не тас-кай, это всё-о, γоворит, ложь. Уже как мне, γоворит, своей семьей я посмотрел, что мама делала, бедная, и вот, γоворит, ничего... Уже война кончилась, кода один, говорит, дойшёл человек с хронта, а они вместе воевали. И оны, γоворит, доγоворилися: если ты, γоворит, будешь живой, заходи, заходи в первый, кода в деревню зайдёшь, первый домок мой. Если я поуибну, скажешь моей семье, что я поуиб. А если я буду живой, а ты поуибнешь, ты скажи, где ты живёшь. А он γо(в)орит: «А тоже, γоворит, живу, в одной деревне, большая ш'ибко деревня, аж на самым краю, еще, γо(в)орит, туда да-альше, там хуторок такой маленький. Там я живу». Ну-у, γоворит, я тода-а, γоворит, пойду да р(ас)скажу. Ну, а етот, тот, который парень-то хрестился, он поуиб...

«И прышли, это-о, беляки»

*Шмендель Марфа Яковлевна, 1917 г.р.
С. Красный Луч Архаринского района Амурской обл.
Беседовала Архипова Н.Г., 2003 г.
Обработала Н.Г.Архипова, 2004 г.*

– Я вот такая уже была, вот такой вот девотшкой, как щас знаю. Хоть и-и, конетшно, уже старая, тшуть-тшуть знаю, как была с беляками война*.

– А из-за чего война была?

– А тшорт (черт) их душу знае! Каγо они дялили? Не знаю. Не знаю даже... И вот тады с белыми наши (воевали). И мой отец как ушеу на хронт

тады, пять лет воеваў там. А кады уже это-о, как-то закончилась война, пришёў. И он быў у нас кавалеристом, мой отец.

– Ну, рассказывайте, как отец с беляками воевал.

– А-а... Ну вот, он пошёў на еты-ый... Ну как? На хронт. Тады как-то воевали по сялу-у ўсюду, тшёрт яуо знае! Так беляки зашли в дом. Вот как шитшас знаю: у нас быў такой стоў, круулый-круулый, вот так стояў посерёд хаты. И прышли, это-о, беляки. Баба подүотвила все, а мать уехала как-то за солью куда-то – не было соли совсем. И-и она-а уехала. А тады ж ни са-ахару, нитшаво нету. А яны же что, етые, мордвороты етые? Посадились wokрух стола, а я была вот ма-аленькая вот – по стоў – wo(т) так вот. Я вот так бородой по стоў только доставала. Бородой. Ей-боуу, вот як шитшас знаю. Да. А яны тшай пьют и так цукеркү-то насыпали. Дак яны-ы в етый, вот в такой носовой платотшэк насы-ыпали, и на стол так вот. Один ўоворить: «Давай рябёнку отрежем хлеба кусотшек». А я вот – о-о-ой! – вовек не видела са-ахару. У нас быў сахарын какой-то, тшорт яуо душу знае! А я ўляду думаю: «Ўосподи! Ўосподи! Миленькие!» Какие у мене мысли! «Как я, – ўовору, – вас накормлю всех!» Хватану за етый платотшэк и по полу рассыплю! Это что ето такой ум, это сказать! Один ўоворить: «Давай рябёнку отрежем». «Нет!» Друуой – «Нет!» Такой страшный. Борода wo(т) ет-такая. Страшный. «Нет!» Ну, нет, так нет. Так и пьют чай, да пьют чай, да пьют... Я стояла-стояла, за етый платотшэк цап! тр-р-р! и сама... Беуом и под, wo(т), петш. Я под петш туды далёко залезла и сяжу тама. И он: «Застрялю тую девку!» А той ўоворить: «Не троуай. Я ўоворыў, дай рябёнку! Не троуай!».

Беля-ак, беля-ак! «Я ўоворыл, дай рябёнку». А ён тады ўоворить: «Вот и не(т) – не троуай!» Так и в доме ёны жили.

Семья была ў некоторых домах по десять, а у нас было ў сямье двадцать тшаловек. Нераздялённая семья, пока уже кончилась эта война. Сами делали ме-ельницу у нас мужики ветряную. Сами сделали ме-ельницу после етоуо, и-и мельница эта была тады. Сына отдялили тады, через дороуу отдялили уже. С дятьми. И с детя-ами все уже отдялились. Нас на посё-олок. Уже посёлки

резать стали, на посёлки. Тоже давай, это, и нас с сямьёй туда. А тады что, стала как бы опять война, вот. Кулаки были. Деда моего в двадцать девятом году выселили в Сибирь с сямьёю... И было нас много, а тада остаётся только отец мой. Отдядились. Так и сын отдядиётся. Мы на посёлку жили, нас не тронули, а сын напротив жиёт деда, и тоже выгнали с дядьми. Все попомёрли в Сибири. На Колыме их ё лес. Там лес. И все попомёрли. Одною змея укусила... Бабу змея укусила. (С)пярва писали, а потом перестали. Вот. И вот та-ак тады. Уже война стала, мельницу попожугли, всё попожугли. Отца убили, и вот так вот и пошло, и пошло, и пошло.

* Вспоминает о жизни на Брянщине.

«Твою сямью всю живьем немцы забрали, увязли...»

*Шмендель Марфа Яковлевна, 1917 г.р.
С. Красный Луч Архаринского района Амурской обл.
Беседовала Архипова Н.Г., 2003 г.
Обработала Н.Г.Архипова ноябрь 2004*

– У мяне отца убили и мужа у мяне убили. У мяне, правда, дядей не было от перваго мужа. Мужа убили. Ой! Война эта всех... Да-а як была во(т) война и з немцами*.

Наше сяло всё было ж под немцами там, увсе. Все-все. Брянск это ж ув самых лесах, там же етые всё у нас, партиза-аны.

– *А немцы у вас в домах жили?*

– Не-ет. У нас яны не жили, а яны боялися. Знаешь, у нас во(т) так заросли были. Боялися. Ну вот кусты во(т) так. Кусты. Яны боялися, что партизаны есть. «Партиза-ан надо! Партиза-ан!». Боялися отшэнь, что они с кустоё палили. Яны ё другоё дядревне стоять и вот мотаюца ту-уда – сю-уда.

Одну дяўчонку взяли сабе... Взяли партизаны деўку сабе, ну, как знаешь, жить в лясу партизаны и-и взяли сабе вот такую деўку, ну ужо wzрослую, конетшно, не пацанку. И-и доуоворились, как (в)он уже так, чтобы она вот

ездила по сёлам, разузнавала, где немцы. И дали ей лошадь, дали ей возок ус санями. Возок. Понимаешь, какой? Сани з возком. Чтоб она ездила и передавала етым партизанам. А яна-а взяла разузнала партизан да передала немцам. Як давай тама их лупасить. Ско-олько партизан попогибло-а, ай-вай-вай-вай! А там один, самый улавный был. И ён сколько (о)хотився за этой девкой! Сколько (о)хотився. А всё-таки поймал яе. Поймал ету девку... Ён не бил, не бил. А-а так же самое, как яна ездила, вот на етом же возку, ну-у, конетшно, не на том, а на друуом уже, ето-о, привязал яё за ноуи сзади, вот так во(т) за ноуи привизал, уолова по зямле... И во всю пору, и по кустам, и по лясу, а ёна трепетя за ноуи к сани привязанная. И разьб-бил на куски, только (о)дни ноуи остались.

А у етоуо партизана сямью попобили. Там же такой лясок. Ё ляляску жану яуо взяли в тюрьму. А ён-н такой, часто забеуал домой в окно открыто. И сделали окно открытое. Думают, ночью прыбьют потом. Он выскотшыё в окно и пошёл, пошёл. Ну-у, жану забрали, и жаны сястру забрали. Дятей кинули одных. Четверо. Чатыре девотшки...Ну-у... Кинули дятей в доме, а-а жён побрали. Немцы... Немцы....

Ладнэнькие были девотшки, и из друуой сямьи их взяли. Это, мол, девотшки, так сказали, чтоб улядели. И вот ёны, немцы, жану ету забрали, и сястру яе забрали, посадили в тюрьму. Потом зь етой тюрьмы подъехали немцы, забрали етых дятей, и-и баб тих забрали под Клинцы туда. У нас Клинцы, там лес такой, уосподи. Такой лес! Здоровый, под Клинцами. Самая там, это, лоуля была. (В)от. И-и оны туда, немцы, забрали ету жану, сястру яе, дяте-ей етых четверо. Девочки все были. Одной где-то лет тшатырнадцать, одной тшуть поменьше. И, о уосподи, что они издевались. А етому, улавному, уо(в)орять: «Твою, – уоворить, – сямью всю живьём немцы забрали, увязли». Улавный партизан был, улавный. И ён-н на коня и туда, под Кли-инцы. Нарядиўся, знаешь, как то(г)да – нищим, уо-осподи! И ёны дажа яуо ни ууадали. Ёны там стоять, там хо-одуть, топчуца. А нельзя ж стрелять, там их уйма!

Не(ль)зя стрелять. Что ёны делали! Ой! Милые! Что ёны, ой-ой-ой-ой. Жану ету в отшэрэдъ положили. Жану. Сястру тоже. Девотшку ету бóльшую тоже. А етот всё үлядел. И стаў, знаешь, какой... от нервов. От нервов такой стаў, от нервов. (Вздыхает). Ой, үсподи! И тады там же они всих и расстреляли. А маленькой, самой маленькой было пять лет. Да ведь ну ма-аленькая, нитшо не понимает. Дáют немцы конхве-етотшэк, тое-друуое. Там же дяревья во! Два бяри тшэловека, тры – дерево не (о)бхватить. Там такая дяревья! Ну вот ў войну одны етые пни пооставалися, а, ета-а, ма́кушек не было. Нитшёуо не было. Снарядами всё посбивали. И вот етой девотшке дали конхфет, дали всё. Бярець немец, бярець (в)от так на руки яё, (в)от так. К сабе вот ета-а ноуи и-и рутшки, к сабе вот так, а спина вот. Спинка. Бяре(т) и к дереву во(т) так вот хрясь! Пополам! И ён то(г)да як сядел, так и ошалапёл и ничёуо ни помн(ит). (Плачет). Один, а подойти нельзя! Яуо ж ... ой! Юсподи! Ой! Ой! Ой, үоре. Потом ён оттуда вярнуўся, девотшки, миленькие, вярнуўся (от)тудова. Ой, как давай же ён ловить! Как давай ён ловить! Юсподи! Не щ-щадий ни сямей, (в)от, ни дятей, таких, что идуть к немцам. Как их? Ну, предатели етые. Полицаи. Каждоуо, каждоуо, каждоуо влóвиў, каждоуо влóвиў, ско(ль)ко половиў! Так он, як война кончилась, үсподи, быў ў посёлку, ён ў селе тама жиў. И сделали як уже дом яму, дом спали-или, и стаў он так: тшаловек, үляди на еуо, хороший, стане(т) (в)от разуоваривать, ему (в) үоловú, наверно, (в)от так толк! Потом давай яму в лясу вырязати лес, дом яму построили, чтоб ён ў нём жиў после войны. Так всё попалили. Ой! И ето, на каждом пни (вот подрезают дерево – вот так – пень), и на каждом пни: «Строй – жить не придёцца». На каждом ножом повырезато на этом пни: «Строй – жить не придёцца». Строй дом... Жить не придёцца... Он пожил-пожил, даже жаниўся, девотшка родúлася, учителку взяў, хорошо жили. Поминаў девотшек своих, что у яуо побили. Одна, друуая... А уже он сам от нервов, от нервов умер. Умер. Яуо похоронили. Там у нас үород Сураж, үород тоже. Знаете, что тока не делали, ко(г)да памятник поставили. Повесили собаку на памятник. А

обуороди-или яуо всё. И сторожа стоять и ничёуо никто никак не поймають Это ж так было столько предателеу, уосподи! Предателеу так ловили, топили, як собак.

* Вспоминает о жизни на Брянщине.

«И ничего не поделаешь...»

Горлов Иван Петрович, 1921 г.р.

С. Москвитино Свободненского района Амурской обл.

Беседовала Мальцева Е., 2001 г.

Обработала Оглезнева Е.А., 2004 г.

Родился в Воронежской области, Воробьёвский район, Никольский сельсовет. Три класса не окончил – пошёл на работу. Была возможность учиться, но потянуло, пошёл в бригаду, в колхоз быков обучать. Не один я, многие ребяташки обучали. А потом стали работать на них. Уборка – снопы возили, скирдовали. Сенокос – стога возили. Государству на бычках хлеб возили сдавать, свеклу. Пацаном был – сноп на вилах поднимал в двадцать-тридцать килограмм. Когда поменьше был – воду носил во время уборки, косарей поил, погонщиком был. Тогда же были лобогрейки (?) и водоноски, так вот мы на водоносках. Один пацан верхом сидит, управляет, другой воду разливает. А в школу-то ходил в лаптях, несмотря на то, что возле Москвы жил. Это после революции стало легче. Стали строить деревни, колхозы, совхозы. В церква ходили, так просто, интересовались. По малолетству залезешь на колоколен другой раз: поп молебен читает, пацанам-то интересно. В двенадцать лет я в комсомол вступил. Колхозы возрождались, а были диверсанты. Это сыновья кулаков и богатеи на вредительство перешли, жгли скирды, хлеба. А мы на охране. Начальник говорит: «Ребята, жгуть нас, жгуть!». Вот и ходили, подкарауливали в ночное время. Так в школу я и не вернулся, работал. С тридцать восьмого года я четыре пары быков обучил и работал на них. Отец – инвалид первой империалистической войны, потерял ногу в Германии. Мать, да нас я и ещё трое сестёр, и отец-инвалид, так и жили.

В тридцать девятом году отец записался на плановое переселение сюда, на Дальний Восток. Двадцать четыре семьи в эшелонах ехали. Коров, кошек, собак, чё хочешь с собой брали. Приехали сюда, в Москвитино. Москвитина была пустая. Все ненавистники Советской власти работали на золотых приисках, им лучше жилось. Это только обида у них, что их выслали, репрессировали. Мы-то на трудодни работали, а они хорошо зарабатывали. Здесь нам всем дали дом навечно, закрепили бесплатно всем семьям. Мы хоть оттуда корову привезли, а тут были бедные-бедные. Из-под Иркутска, из-под Читы, староверы назывались. К ним в дом не зайти. Воды попросишь – они свою кружку не дадут. Ну, мы все по-настоящему, как взялись работать. Лес сплавляли. Я стал работать прицепщиком на тракторе, боронил, сеял. Во время уборки штурвальным работал. Послали меня потом на курсы, в Бурейскую школу комбайнёров. Шесть месяцев там учился, в сороковом году закончил. Приехал, дали мне комбайн. Отремонтировал его, и стал работать во время уборки. Нас два человека училось, вот мы вдвоём и работали.

С половины сентября меня стали тягать на призыв, в октябре призвали. Попал в пехоту, тридцать четвертая стрелковая дивизия, сто тридцать четвертый стрелковый батальон. Как попал – и до конца. Война началась, мы по тревоге с Еврейской автономной области, и вверх по Амуру по-над берегом шли. Шли только ночью, суток двое, трое пешком в полном снаряжении до деревни Благословенной. А там взгорье каменистое. Ну, мы накопили землянок, стали их перекрывать, стены жердями и пиреем закладывали. Рвали пирей, резали и им перекрывали. Окопы, траншеи, доты строили. Война идёт, а мы укрепляемся, готовимся. Сопки каменистые, а мы их все изрыли кайлом и ломом. В это время Япония ждала победу на западе, в Германии, чтобы отхватить Дальний Восток по самый Байкал. Вот мы и готовились воевать с Японией. Тяжело было, ели через край с котелка чумицу китайскую, ходили в обмотках. Как зима, уходили в дальний край. Японцы могли ходить по Амуру бесшумно. Зимовали в землянках, копали и зимовали. От Биробиджана по хребту проводили дорогу. Писали заявления, чтобы на фронт отправили. Я был

командир отделения, третий разведвзвод, первый батальон. Амур форсировали на американских средствах, амфибии назывались. Ни одного выстрела со стороны Японии не было. Они уже чувствовали, что мы готовимся воевать с ними, вот и отошли.

А у нас направление на Харбин. В дождь, на лошадях, лошади были с Монголии, маленького роста, и мы на них по горам, а с этих гор как дадут-дадут из артиллерии, чтобы сдержать нас. А тут ещё смертники появились, японцы. Весь обвешанный гранатами, и вот бросается или под танк, или в окоп. Иной раз в колонну роты тихонько проберётся и ножом в спину, полроты вырезали. А в деревню не зайдёшь, там диверсанты, опасно. Если бы немцы так сопротивлялись, как японцы, нам бы не жить. Где-то с неделю мы вели наступление. Отстали мы. Меня командир роты вызывает и говорит: «Вот, отправляем тебя на подкрепление». Четыре пары лошадей и четыре ящика боеприпасов дали, и отправился я с отделением назад. Ну, встретил я наш взвод и пошли мы догонять своих. Продовольствие кончилось. Один раз был внезапный обстрел. Мы шли на Харбин, и вот город на той стороне реки Сунгари. Там переезд был, дорога-то грунтовая. Солнце уже на закате, а кукуруза там двухметровая, и по сей день вспоминаю эту кукурузу. Сколько мы пытались – не вырастили такую. И вот нас обстреляли, но у нас ни одного поражения. Стемнело, лежим, а комары-то жучат. И ударить нельзя. Ударишь, а каска – «дзинь»! Нельзя обнаруживать себя. Лежим, смотрим: в темноте силуэт. Приказано не стрелять. Вот он поровнялся с нами, и тут взрыв около его. Оказывается, бросили гранату наши под него. И тут второй взрыв, и так только слышу – осколок мимо меня, а потом огонь три раза, и всё затихло. Через некоторое время с левого фланга видим: кони, конница идёт. Но командир войска не допустил их. Крикнул: «Стой!». Они стали, потом опять дальше. Он опять: «Стоять!». Затем слышим приказ: «Огонь!». И началась перестрелка, но они убежали, мы их упустили. Затихло. Сзади появилась колонна машин. Ну, думаем, нам сейчас и дадут. Только свет их машины стал нас достигать, а по ним сзади как дадут, и так и замерла их колонна. Солнце взошло, нас послали

в разведку обшарить кукурузу. Ничего мы не нашли. Только наш один убитый и один гражданский японец. Стали его обыскивать, у него рюкзак, полный всего: материала, сукна, часы, припасы. Командир приказал добить, и убили его. Всё забрали; друг хотел часы забрать, а я сказал, что не надо. Коней видели перебитых, вещмешки на них навешаны были, мы всё снимали. Вот и поджились продовольствием. У китайцев иногда продовольствие забирали. Смотрим: два кабанка ходят. Стали на руках китайцам объяснять, они поняли, сказали – забирайте. Мы их застрелили, опалили на палочках и съели, подкрепились. Кабанки-то килограмм под сорок были. Через несколько дней нагнали мы свой батальон. У китайцев позабирали коней, у них-то лучше. Нам комбат потом дал жизни. Сказал: «Зачем мародёрством занимаетесь?». Мы сказали, что беспризорные были лошади. А он говорит: «А вдруг заразные?». Потом пошли мы вместе с батальоном. Меня в одной перестрелке контузило, после взрыва у меня шум образовался в ушах. Языком не мог шевелить. Врач посмотрела, сказала, что это временно. Речь восстановилась, а шум остался: звенить, шумить. Я и на курорт потом ездил в Одессу, там и промывали, и продували, и электричеством – ничего не помогло. На Украине, говорят, есть профессор, всех лечит, только себя не может, к нему бы меня. Двухсторонний неврит слуховых нервов. После демобилизации меня комиссовали. Я там в военном госпитале провалялся, вернулся оттуда.

Старики тут, в деревне, отец без ноги, одна сестра замуж вышла, вторая на выданье. Тяжело. Сестра говорит: «Отправляйся на флот». И вот я после демобилизации в «Эпрон»*. Меня приняли на подводный катер. Когда я обратился, чтобы уволиться, меня не пустили: понравился я. Уже коммунист был. Не пускают меня: «Вот давай мы тебе дом и стариков перевезём».

Однажды иду с Малой Сазанки, машина американская едет. Я поднял руку, она остановилась. Ну, сел, разговорились, поехали до Москвитино. А это, оказывается, был заместитель райполкома. Он меня звал к себе. Я сказал, что подумаю. И вот вызывают меня в райполком. Говорят: «В деревне тяжело, ты же коммунист, переходи сюда со стариками, направляем тебя по партийной

линии». Вот так и пошёл. В сорок седьмом году меня избрали председателем сельсовета в Москвитино. Стали работать, а что толку? Сила-то вся осталась на фронте, а те, кто остался в селе – больные и раненые. Вот колхоз: кругом одни женщины и мужики хромые. Нас одновременно три человека коммуниста было, а меня секретарём избрали, и с меня и спрашивали за колхоз. Потом совхоз начался. И уборщица больше меня, секретаря парторганизации, председателя сельсовета, получала зарплаты. А мне охота поднять это село. Тут один клуб был, церквушка, я говорю: «Клуб надо настоящий, культуру надо поднять». Стал договариваться. Так и так, говорю, денег надо, всё разваливается. А мне говорит начальство: «Собирай налоги, начинай». Я два человека дикарей нанял. Они за два дня мне лес нарубили, оконные переплёты, потом дверь, всё сделали, пол, потолок. И всё, отстроился. Я им за это за селом кочки на покос отдал. Они накопили сена на этих кочках, и рады ещё были. Школу потом построили, сельсовет, медпункт, дом для учителей, и всё за три года. Колодца, кладбища – всё огородили, поправили. Потом я договорился, навозили мне граверу, грейдер пустили. Такую дорогу сделали! А вот зарплата низкая была. Уже и женился, жену перетащил, а стыдно перед ней. Решили бросить всё, хоть и поощрения мне тут, и награды, и на выставку. И вот в шестидесятом году пошёл я в райком партии. Написал заявление: освободить меня со всех должностей. Пойду на комбайн, я же механизатор. Долго меня освобождали, своих кадров нету. Трижды пришлось приниматься заново за должности. Потом, когда меня сняли, предложили управляющим. Я говорю: «Да я на самую низкую, бригадиром пойду». Нет, говорят, давай управляющим. Но я всё же убедил, пошёл бригадиром комплексной бригады. Жена главным бухгалтером устроилась. Уборка кончилась, и я на расчёт подал заявление. Ушёл я в город, в мастерские. Сколько работы мне предлагали, любую работу выбирай. А я говорю «Пойду в столярки слесарем». Пошёл, а там шум, не могу в цеху работать. Я, говорю, простой работы не боюсь. Пошёл плотником. Поработал, но всё тянет в деревню. Потом вызывают меня в горком и говорят: «Всё хотим мы тебя вытащить из этой деревни». Председателем колхоза в

Сычёвку предлагали, я наотрез отказался. Тогда мне предложили в свою деревню. Вернулся я туда. Мне квартиру три раза давали в городе. Потом, в последний раз уже, сказали: «Дом достраивается пятиэтажный, дадим квартиру». Я говорю: «Пойду туда, где самое трудное, я не пойду в управляющие, буду бригадиром животноводства». Стали строить типовые коровники. Я, значит, подсказываю как лучше, а они говорят: «У нас проект». Я говорю: «Проект проектом, а где удобства?» Стал делать по-своему, и тут ко мне делегация за делегацией. У них там вся документация предвыборная пропала, стянул кто-то. За это всех председателей, секретарей исключили. А кому работать-то? И опять ко мне: «Пошли председателем, ты уже в годах, авторитет имеешь». Я говорю, что не пойду, сейчас уже не то, что раньше. Я в четыре утра наравне с доярками встаю, уже сердечко пошаливает. Зарплату обещали повысить, а я не согласился всё равно. А тут ещё в аварию попал, ногу сломал, ампутировали, вот с протезом теперь. И ничего не поделаешь. Это мы с Валеркой, зятем, ехали в деревню, а навстречу выскочил на «Ниве». Ну мы перевернулись, меня придавило, и отрубился. Когда очнулся, смотрю: «Нива» разворачивается, и наутёк думают. Я кричу Валерке: «Беги, не дай удрать». Он вылез, догнал, а там председатель горкома. Они с друзьями на даче гуляли, ну и водитель поддатый. И ничего мы не сделали. Валерка говорит: «Всё целое?» Да я вроде ничего, только ногу придавило. Хватить за ногу, а она болтается. Ну всё, перелом. Шестой год с протезом. В сельсовет не в состоянии уже по инвалидности. Пошёл инженером по технике безопасности, вот работаю, несмотря на группу, несмотря на инвалидность.

* «Эпрон» – Экспедиция подводных работ

«Раз Нестор не идёт в колхоз, значит, он знает...»

*Григорьева Екатерина Нестеровна, 193(?) г.р.
С.Юхта Свободненского района Амурской обл.
Беседовали Архипова Н.Г., Оглезнева Е.А., 2001 г.
Обработала Оглезнева Е.А., 2004 г.
Звуковое сопровождение +*

– Бабушку помню... П(о)тому что нас когда выслали, мы репрессированные же, и в тайге жили, бабка всё больше... Мама, отец работали, уоняли на работу. А бабка-то с нами была. Две семьи вот. Дяди Харапона... Харапоном, мы не Ферапонт называли, а Харапон, дядя Харапон. А это... трое детей, и нас четверо было, и всех бабка досматривала.

– А откуда выслали, откуда репрессировали?

– Ви(д)ите, это... Папа не пошёл в колхоз. А-а соседи все вот и-и, с этой веры, они знали, ну, папа и-и дед, у них книги были, они читали эти книги церковные, во-от. Ну, мама малограмотной была. А они что? Раз Нестор не идёт в колхоз, значит, он знает, он вычитал, он знает – и мы не пойдём. И всю эту, всех (смеется) и выслали, и всё. С колхо... не с колхоза, ещё в колхозы только начали организовывать.

– А с собой всё хозяйство везли?

– Ну!.. Забрали! (С иронией). За неделю всё забрали, ничё, ничё не дали, ничё! Ребятишек - на! В телеуу посадили и повезли. В Свободный привезли, потом в Мазановский район нас увезли. А тут в три(д)цать третьем году, с Мазановского района нас приехали, забрали. То же самое: родители на работе, а нас, детей, с бабушкой, всех на пароход, родителей с работы на пароход, мы ничё не взяли ни одеться, ни поесть, ничё. Ещё один милиционер на-а бабку нашу... А у нас, это, бабка мне дала, я-а... мне восемь лет было, дала мне в руки одного-о мальчишку, это моего брата Костю, ему пять лет было. Назарке... Назар – второе, видите, имя. Назарке было-о тоже пять или шесть лет. Она дала мне их в руки, сказала: «Не выпускай!» А идти надо километров пять до-о... по Селемдже, до-о пристани. Вот. А-а одного взяла сама так на

руки, другого на́ руки, а-а Нюрочке сказала: «Ты вот этих держи». Ну, в общем...

– *Одни дети?*

– Одни дети. А уж милиционер говорит: «Бабуля ! Ты возьми хоть кусок хлеба, хоть в чё-то заверни. Они же за-а... вот отойдёте, они заорут есть. Так она хлеба к... взяла и мене завязала, это я уже постарше была, восемь лет, постарше. А-а брат старший, было ему десять лет, он уже на работе был с родителями, на покосе. Во-от. И разрешили только хлеба вот взять немножко. Остальное всё... скот на па... на пастбище был, а-а вот это мелкий скот, свиньи, э-э, и эти куры, это всё осталось. Кому это осталось? Нас отвезли сорок километров по-о Селемдже, до Нёры, до Нёрска, а потом по Норе туда в тайгу уунали, и до декабря. А в декабре коней подоунали – и везти. А-а нам даже одеться не в чё, ну ходили мы там. Так собирались, милостыню просили. Кто мог дать чё... Какую одежонку какую... Ну, в общем, как могли. А-а... на сани посадили, соломой в основном укрывали в декабре. А чё нас?

– *А дети все выжили?*

– Нет. У нас двое умерло. И бабушка. Бабушка воспалением, пока мы доехали, и всё она ж больше их держала мёньших, собой грела, а сколько она могла их науреть... И они простыли, и она простыла. Где ж, где же выживешь? А мы восемь лет вот, десять лет мы бежали. Вот колонну гонят этапом по Зее вверх, они-то сидят, милиционеры, на лошадях! А мы-ы... шли пешочком. По Зее. Соунали нас, отвезли туда. А потом уже привозили летом, всё везли-везли-везли б́аржами. Вот баржа идёт с Украины, украинцев привезли. Один раз баржа шла, и-и народу там на барже, белые... Ну, напууались, думаем чё такое? А это белорусов везли. А у них-то одежда вся белая. Ой, и мужчины, и женщины, всё белое полотно, белое.

– *Некрашеное, да?*

– Некрашеное. Лапти... а мы-то не знали лапти. Наши все-е, вот жили у нас, носили моршни. Так называли вот кусок кожи, вырежут вот такой круг, эти дырочки наделают, ногу поставишь, шнурок затянул, и обув. Вот на лето эта

обув называлась моршни. Вот это самое и нам всем выр... из кожи, кусочек всё-о или с какой плотной тряпки, и-и мы уже обуты (Смеётся). Ни тапочки, ничё не знали, а-а так бегали. А они в лаптях приехали, ну первый раз вот я увидела, лапти эти все. Ну не знаю, как их высылали, ну, привезли. Белорусов, потом украинцев привезли, потом привезли э-э, это, с Владивостока. Там Мánзовка есть. Ну, в общем, сёла которые побогаче тоже так, кругом подбирали. Очень много молотили людей, барачников настро-оили, и-и мы жили. Вот стол посёредине барака один, дли-инной, там нары, там нары, семьями. Если есть занавесочка, ещё занавесочкой семья от семьи отгородится, если есть тряпка какая. Ну потом стало всё-таки, это, тридцать пятый год уже, кой-где и матерьял появляться, где-то купи-ить можно было чё-то. (Вздыхает). Но плохо было.

– То есть это вот тридцать пятый год. А начали выселять вас с Гурана, это какой год был?

– Это... двадцать восьмой год, тридцатый год. Вот с села выгоняли. А с Мазановского района в тридцать третьем году. Вот осенью. Токо привезли сюда в Мазановский район, токо начали обживаться немножко, вот понастроили не землянки, уже кой-(к)то домики построил, ну в землянке в основном жили, вот, и тут опять высылать. Опять перегонять надо, ну в леспромхоз, нужны были рабочие на-а лесовалы. Лес валить. В тайге. И вот туда унали.

А мы уже подростки сучья рубили, носили... наши-то раньше только на лошадях вот. Дерево повалят, обрубить надо сучья, мальчишки уже были, подростки обрубали сучья, а нас туда загоняли, мы эти сучья носили на... в кучу, и сжигали. Вот сейчас же лес несколько не берегут, а тогда-а... строго с нас спрашивали. Свалил дерево - убери. Чтоб не было завалов таких в лесу. Ну а ... то дрова пилили, то ещё что. Парóмили же лес, сплавляли. Вот эти, плоты идут. Их связывали берёзовыми... эти, кусты рубили берёзовые, по два метра, по три, тонкие, а потом их грели на костре, и крутили. Это мы вокруг столба. Идёшь, его крутишь, это уже тоже подростки делали. Вот, скручивали этот, и

ими сдерживали этот лес. И потом плот ... щас-то всё крууом канаты, да всё, а тогда ничё не было. Вот этими дерев... этими прутьями и связывали плоты. И от нас оттуда возили сюда, в Свободный. В Благовещенск. На сплавные конторы, үде лес нужен был. Да и торговали же лесом с Китаем. Продавали плоты.

– *А отец уже и не верил в бога?*

– Отец не верил. Д-да и мама. Иконы... у нас сильно комендант был такой, придурок-гитлер. Вот. Он мог топта-ать эти ... Женщину если захватит, старушку за-а моленьем, о-ой! Издевался как хотел. Сажал в баню. А это одну старушку, дак отселил совсем отдельно, в тайге. В землянку её. Так крадучи беуали. Это белоруска. Нет, полячка была. И она лечила.

Как змея укусит, значит, скорей к бабке. Мы беуали к ней. Прибежи-им, она напоит нас травками (смеётся), у неё травки все. Хлеба ей принесём. Чё? А как же? Ядвига она была, бабка Ядвига. А-а Бронька, её сын, был как раз ровесник мне, а Станіслав, тот постарше был. Стасик. Вот. Такие имена у них польские.

– *А откуда они взялись здесь?*

– Да везли всех. Везли с Запада, везли эшалонами, везли. А вот сюда в у-у... эту в Юхту, тоже привозили, вот привезут а-а на-а... эшалон вон там, на станции, сгрузят, а потом старались здесь где-то пристроить. И вот Юхта началась в тридцатом году заселяться, вот тут наше место, тут был сосновый бор. Потом стали строиться. Сильно много людей погибло здесь, на БАМе. И боле-ели. Привезут, сотню привезут, а останется тридцать-двадцать. Остальные умирали. Хоронили в братских могилах. Просто в могилу складывали и всё, даже гробов не было. Не успевали. Столько людей! Из Белоруссии сюда везли-и, и с Волги везли-и, и с Украины везли-и, и с Молдавии везли-и. Отовсюду везли. Из-под Владивостока, то со Спасска.

– *То есть можно говорить о том, что здесь не переселение, а поселение было, да? Сосланные люди?*

– Сосланные люди, да. Сосланные люди были. Селились. Но были и переселенцы. Это седьмой год, восьмой-девятый год...

– *Раньше, да?*

– Раньше, ага. И они заселялись, приехали и заселялись вот туда дальше вон, колхозы вон, Дмитриевка, они там. Но там тоже приехали эти, белорусы и украинцы. Они приехали по переселению. Когда Амурская область заселялась. А-а, это такие как Шевчэ-енко, Жачкó-о. Кто ещё? Я-ащенко.

И они заселялись вот там, село рядом. И когда-а переселенцы были, вот, эти репрессированные здесь, им нельзя было ходить туда, к вольным. Ни в коем случае.

– *Почему?*

– Ну-у нельзя было, и всё. Не разрешали. Мы первое время учились отдельно, потом стали нас вместе учить с вольнонаёмными, п(о)тому что школ не было там, в тайге. Всегда нас дразнили, всегда нас...

– *А дразнили как?*

– Ну как? Кулак, буржуй. Всяко. Враг, враги народа. А дети – они дети. Знаете, как дети... где-то от родителей услышат, а потом-м очень ядовитые такие. И поэтому часто драки у нас были. Мальчишки отбой давали. Девчонки поплачут, а мальчишки подерутся. А чё ты сделаешь?

У нас сильно был комендант, Гусев... очень жестокий, не дай бох, кто вольнонаёмный... К нам э-э... мамины родители... они были не репрессированные. Они были... уехали на Сахалин, на Сахалине жили, потом оттуда приехали и хотели нас навестить. Мамин брат приехал. Так он дрался с ним, с комендантом, чтоб до мамы... он так и не пустил его. С наганом стрелял, но не пустил дядю Тиму к маме. А потом уже я ночью маму провела по тайге, туда, к дяде Тиме, чтоб она хоть увидела. И утром же привела, это километров десять, двенадцать вокрух давали. И он всё равно комендант пришёл утром проверить, мама дома или нет. Не уехала ли с этим, с братом со своим. Это уже мамины. Ну, мамина родня была... Отец (матери) остался, жена у него умерла,

восемь детей. Двойнят она родила и умерла. И восемь детей. Он-н занимался охотой. Хлебопашеством не занимался, как мой отец.

– *А он кем был по происхождению, мамин отец?*

– Ну кто, ну как? Крестьянин.

– *Нет, он русский был?*

– Рус... ну вот, э-э... знаете, какие они вот, местные, гура-аны, можно так назвать, из местных вот мама и... Местная... Местная. Папа-то приехал оттуда, с Забайкалья, а мама местная. Как гуранка. Мама так же, как гураны, ча-ай этот сильно густой пила.

– *А как называется? Просто чай?*

– Так нет, он «сливанчик» называется, по-моему.

– *Почему сливанчик?*

– А-а потому что там сливочки сливали, там-м маслица туда, э-э... вот солили этот чай. И чай заваривали очень густой. А чаю такого не было ещё вот как сейчас чай, а-а собирали местный чай, местную траву. Вот, э-э... называли её в народе ещё как-то «молочай», а я вот э-э... услышала как-то передавали из Сибири, и назвали её так, как называла мама и бабушка: «багаж́ан».

– *Багажан?*

– Какой-то багажан. Но-о это как молочай щас называют. Мы этот чай собирали мешками. Токо это... лист. Нам листочки. А он цветёт малиновыми э-э... метёлками какими-то. Вот. И только листья. Мы вот обрывали листья и вот. А заросли были раньше, полно, а щас вот кое-где только увидишь его и всё. А то большие заросли были этого багажана, а-а мама как-то его запаривала, обрабатывала, и он получался вот как действительно чай, такой мелкий, до того вкусный! Душистый! Вот мне всё время думаю, если попадёт я зап... сорву. Нарву. Но ме... (сей)час не стал попадать, нету. Заваривался густо-ой такой чай, заваристый! Заваривали этот ча-ай, туда сливки, маслице, со-оль, и вот... А дядя ещё... тётка, у нас одна сильно любила этот чай. А он его называл «жеребчик» (смеётся).

– *А почему?*

– «Ты, го(во)рит, и не знаю, почему он его... Ты мне налей там жеребчика» Не знаю. Я то(ль)ко слышала. Ну а так знаю «сливанчик». Тётка называла его «сливанчик».

– *Екатерина Нестеровна, вы ведь учитель истории были?*

– Я географ. А историю вела, потому что э-э... школы маленькие, нагрузка небольшая, географию нагружают обычно.

– *Никогда детям не рассказывали настоящей нашей истории?*

– Ну настоящей... а настоящую историю-у учили мы, с ребятами.

– *А вот ту, которую вы видели, историю? Не ту, которую в книгах писали.*

– А-а... Все молчали. Да. Молчали. Потому что...

– *Страшно, наверно, было?*

– И страшно. И кто знал вот, я же местная, знали. Вот. И-и я член партии была. Меня приняли. Я в комсомоле была, член партии. Меня приняли. В Гуран ездили, проверяли это всё. Ну, приняли. Я была членом партии. Но... Когда встал вопрос, учителя собираются ехать по путёвкам за границу... Мне сразу не говорили, а только так. Разные...

– *Предлоги искали?*

– Предлоги искали, чтоб то(ль)ко не пустить. И вот я так хотела в Болгарию, ко(г)да ехала группа наша и наши учителя, так я не попала, в Польшу хотела, так я тоже не попала. Как географ, как историк... хотелось. Вот. А потом мне уже муж говорит: «Чё ты рыпаясь? Чё ты не понимаешь, почему тебя не пускают? И не лезь ты на рожон». И всё. Это одно. Второе. Когда я-а была, вот работала в Маркучах, в Бузулях, вот здесь, в Разливной, и когда выборы местные мес... мес... местко-ом вот местные выборы, меня выбирали крууом. Здесь меня ни разу не предложили даже в сельский совет. Ни разу. Никто. Почему?

– *Прошное?*

– Потому что прошное так жили. А... вот я уже здесь директором была, там-то я заведующей начальных классов была, а-а здесь-то уже директором

была, и членом партии, и обязанностей у меня сколько. Нет, пожалуйста. Зав агитпунктом ты можешь, быть пропагандистом ты можешь быть, раньше же-э обязательно всех надо обойти избирателей, всё рассказать, вот. А выбранной ты не можешь быть. Ну как же, враг народа и вдруг выбирать...

– *А как всё-таки вы получили образование?*

– (Вздыхает). У нас школа была начальная. Потом э-э... да... А за сорок километров школа была семилетка. И так мне хотелось учиться, очень хотелось. И собралось нас несколько человек в эту семилетку, сорок километров. Ходить пешком, в школу. Ну вот мы-ы неделю там проучимся, а воскресенье бежим домой, чтоб взять что-то попитаться. Никаких интернатов, никаких питаний там, что мы с собой принесём, то мы и с собой брали. А потом начали строить у нас школу. Было четыре, пятый класс, построили, и я вот пошла в пятый. Вот. Я там не доходила, мама заболела, и я стала здесь в пятый. Потом шестой, седьмой. Закончила седьмой, как раз закончила седьмой, из Юхты перевезли семей десять или пятнадцать к нам. А девчата-то здесь уже жили, в Юхте. Они город знали, я-то не видела ни этого поезда, ничего этого, в тайге жили. Вот. И-и они: «Давайте учиться». И они увлеклись тоже, что будем учителями. В седьмом классе учились и захотелось нам учителями. Приехали-и молодые, раз школа только образовалась, молодые учителя. И-и девчата русский язык, немецкий язык вели у нас, математику парень вёл, и ещё что-то он вел у нас один, литературу вёл тоже. И такие были интересные люди. Такие они энергичные, они с нами всё устраивали, мы столько... и игры, и такие кружки разные вели, мы всё время были заняты. Чем-то заняты. Нам было очень интересно с ними, мы в походы ходили, и все эти ручьи, речки, всё это изучали, ещё и в географию меня потянуло. Во-от. И решили учиться. А как учиться? Нам-то нельзя никуда ехать. Вот. И в сорок третьем году этого коменданта у нас убирают, и приезжает другой парень э-э... с войны. Раненая у него рука была, и комендантом. Он говорит: «А вы почему сидите все? Вся молодёжь? Позаканчивали семь классов и сидите. Сейчас нужен... война идёт... Нужны люди на фронте! Если вы учиться куда не поедете, ежьжайте в

фэзо (ФЗО), ежжайте в эмтээс (МТС), рабочие нужны крууом. Я вам дам справки. По этим справкам вы поедете». Только выдавал нам справки и говорит: «В Шимановск можете, в Свободный можете. В ФЗО. В Благовещенск не рыпайтесь. Белогорск тоже, и больше никуда. Вот в эти». Ну и мы поехали. Пое-ехали уже последним паро-омом, ой, ехали как! Ну доехали. В Свободный как вышла я на бууор, первый раз поезд увидела, аж села! Первый раз увидела поезд! А уже мне было лет, наверно, пятнадцать-шестнадцать. Во-от. Ну и справки нам дали. Мы куда? Где-то в Свободном надо искать, куда поступать нам. Нас человек десять девчат. А потом, ну это, одна говорит: «Знаете что? А чё мы будем тут ходить искать? Поехали в Биробиджан. А-а там у меня тётка, и мы там устроимся». Ну-у мы садимся и зайцами едем. Зайцами. А раньше-э вагоны были такие, вот эти-и сплошное вверху, нары, вот эти нары сплошные, если туда залезешь, не каждый проводник там н-найдёт тебя, так мы зайцами там наверху и проехали. В Биробиджан приехали, подали документы, нас сразу приняли. Сразу приняли и-и в колхоз направили. Мы быстренько почему-то экзамены все ру... два экзамены всего сдавали, русский и математику, и-и сразу нас в колхоз. Так мы и уехали в колхоз, первый курс закончили, потом второй курс закончили, второй курс немного не закончили, нас ночью милиция вызывает: «Кто такие? Откуда? Как? По каким документам?» А у нас документов-то не было. Кто нам даст документы? Нам не разрешали. Нельзя нам выезжать было из села. Ну вот, вот этот, комендант, парень этот, он был более каким-то человечным. Он разрешил, и мы уехали. И вот учились. И когда нас милиция-то вызвала, и-и директор был у нас э-это... он то же самое еврей. С Ленинграда он был, эвакуированный, и как-то он тоже прогрессивным человеком таким был, и заступился за нас, и выхлопотал, нам дали паспорта. Нам разрешили доучиться, дали паспорта, но в паспортах показали статью, что мы враги народа п... политическую. Статью пиисят ... Писалось На... паспорт выдан на основе э-э статьи такой-то пункта такого-то. Всё. И мы понимали, что-о нам свой паспорт нельзя нигде показывать. Нас никуда не примут. Нигде нас не возьмут. Во-от. Ну и мы закончили. А-а билеты дают тоже по

документам, у нас документов нет. Только приказ у нас был что, мы закончили педучилище и направляемся туда. Но меня направили, я очень хорошо училась, меня направили а-а в воинскую часть, на границу. Есть такое там Ленинское село, по Амуру. Вот туда. А куда я поеду с этим паспортом? В какое-э пограничную? Кто меня туда пустит? Я чё? Вот. И-и поэтому вышла на вокзал с узелочком, никаких у нас чемоданов не было, раньше не было. А с чего? Сложишь свои тряпки в узелочек. И стояла. Подошёл военный э-э эшалон, ехали э-э солдаты, груз везли, ну видно военный груз, потому что у нас же тут много военной этой делали, и в Комсомольске снаряды, и всё, ну и-и два солдатика едут, вагоны сторожат. В каждом вагоне видно. Ну и чё-то разговорились мы, я стою и они: то, другое. Молодёжь к молодёжи тянет. А он говорит: «Поехали. До Свободного мы доведём».И я так ехала. Если они проежжают какую станцию, они становятся э-э в этих, в проходах туда и туда, чтоб не видели меня, и я там села (смеется) и сижу. Говорят, э-э а-ай военные там издеваются или что, ну вот, и я об этом не подумала, и они, видно, не подумали, парни, такие хорошие парни попались. Кормили меня. Два дня мы ехали. Два дня. Потому что состав, где-то оста... остановят, потом опять переуоняют. Вот так я доехала. А потом съездила получила аттестат. И сразу же поехала в это(т), в институт. Летом. Думаю, поеду поступлю. Приехала-а, испууалась этого, ну, института, походила-походила, побродила-поглядела...

– *В Благовещенске?*

– В Благовещенске. Испууалась токо, что меня поймают там , ходила как этот, заяц. Боялась, что поймают, паспорт у меня такой, и засадят. И я быстренько вернулась, и стала работать, а потом заочно в этот же год подала документы, заочно документы. Меня приняли, и я начала учиться заочно в институте.

(Смеется). А ещё... Заканчиваем мы педучилище, нас десять человек в комнате этих всех, переселенцев-то. Враги народа... Но переда... нам кто-то передал, что весь курс, наш выпуск, будет направлен э-э на Чукотку. От и начинаем думать, как бы не поехать. Ну в чём ехать? Нам последний курс, вот

нам экзамены скоро сдавать государственные, нас обокрали. Нашу комнату. А мы девчата чё? Стол у нас в середине стоял, были э-э в кино, пришли, сняли всё, на стол положили, спать леули. Спали в одних рубашечках, встали, ничего нет, всё вытащили, стекло вытащили, у нас всего нету. У нас ничего не было на себя одеть. Мы вот также, что могли на себя натянули, кто там из других комнат девчата простыни дали, мы посидели, пока директор уже тут комиссию, да нам выдали солдатские юбки, солдатские ботинки и дали-и, тогда ещё помощь была американская, помощь – джемперочки такие э-э лё-огенькие, черненькие, ре-едкие, вот такие дырки. Ну ничё, всё равно. Всё-таки какая-то одежда. Всё. Мы заканчиваем, нам ехать у... работать, а у нас нет одежды ни у кого. Всё! Из чемодана вытащили ...Сняли с нас даже одеяло! Вот простыночки.

– *Как же вы так спали?*

– А наверно, усыпили чем-нибудь. Не могли мы так, что все, вот все десять человек, все десять человек так спали. Чё-то нам сделали. Мы только так и говорим, не иначе. Всё вытащили, вот. Поехали к директору, директор уговорит: «Ну-у, давай» сразу. Нам дали и купили по ситцевому платью, ситцевое платье пятьсот рублей, нам пятьсот рублей дали, пятьсот, платьюшки ситцевые. Вот и всё. И ехать. Ну бóльшая часть уехали на Чукотку. И не зря. Они там отработали, у них там за год два года шло, и там они-и и-и приоделись, и замуж повыходили удачно, там столько людей было, и хороших людей, грамотных, и образованных, и всё. А мы (смеется) по деревне, кто тракториста, кто колхозника, за колхозника, кто за кого (смеется) повыходили. И вот такая жизнь. Больша-ая и интересная, и уолодом нажились, как надо, и хорошего... Всё-таки вот работала я уже учителем zde-есь, в Разливной. Ну, знала я, что я-а репрессированная, я н-не выпячивалась, поэтому я не могла говорить на уроках. Как я могла сказать, что я вот такая же? Я старалась эт(от) вопрос обойти, а как историю... есть какая, такую её и рассказываем. Какая она есть, такую и рассказывала. Но что характерно, что у меня не осталось зла

никакого. Вот это как-то, видно, папа вот, он говорил: «Это так и на-адо. Что дано, то надо пережить».

И как-то вот так вот. Что положено, то и терпи, переживай. И оно, видно, мне, на меня это сказало, и я-а никакого зла ни на кого не имела.

– *А когда Вас выселяли, книги, иконы бросали, да?*

– Ну иконы забирали. Мама, э-э когда вот он (комендант?) начал рвать которы бумажки там, топта-ать... Бабки прятали (иконы), зарывали в землю...Мама нам отдала иконы, взяла кирпич, к иконе привязала кирпич, обмотала тряпочками, верёвочкой, сказала: «На середине Зэи опустите. И пусть там лежит. Там никто хоть не будет их топтать, не будет никто шевелить». Вот и мы их там уде-то сохрани(ли). Уде они теперь?

СЛОВАРЬ РУССКИХ ГОВОРОВ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ. СОСТАВ И СТРУКТУРА

Краткая характеристика состава словаря

Один из результатов диалектологических экспедиций 2000-2003 гг. – около 4,5 тысяч рукописных лексикографических карточек. В настоящее время диалектная картотека, хранящаяся в лаборатории региональной лингвистики, преобразуется в словарь. Он задуман как словарь дифференциального типа, словник которого включает собственно диалектную и диалектно-просторечную лексику и фразеологию, записанную в сёлах Свободненского, Шимановского и Архаринского районов Амурской области. Всего обследовано 15 сёл, которые были образованы в разное время. Среди них есть старейшие – Касаткино, Иннокентьевка, Сагибово, Москвитино, возникшие в середине XIX в. (в 1852, 1857, 1859 и 1864 гг. соответственно). Сёла Касаткино, Иннокентьевка, Сагибово основали забайкальские казаки, в говорах которых преобладали севернорусские черты. Среди обследованных есть сёла, появившиеся на рубеже XIX–XX в.: это Грибовка (1898 г.) и Могилёвка (1899 г.). Большая часть населённых пунктов, говор которых обследовался, была основана в начале XX в.: Дмитриевка – в 1907 г., Чембары, Кухтерин Луг – в 1909 г., Чагоян – в 1910 г., Черновка, Разливное – в 1911 г., Ураловка – в 1912 г., Юхта, Красный Луч – в 1926 г.

Старожилое население современных амурских сёл – это преимущественно выходцы из юго-западных регионов России, Украины и Белоруссии и их потомки. Переселенцы не только основывали новые сёла, но и заселяли старые – казачьи.

В современных русских говорах Амурской области на фонетическом и морфологическом уровнях преобладают южнорусские черты. Это наблюдается даже в староказачьих сёлах (Иннокентьевка, Касаткино, Сагибово). На

лексическом же уровне произошло взаимопроникновение разных диалектных систем русского, а также украинского и белорусского языков, что и составляет своеобразие амурских говоров. Гетерогенность лексики амурских говоров находит свое отражение в словаре.

Значительная часть собранной лексики не фиксировалась ранее, что показала сверка со словником «Словаря русских говоров Приамурья» (М.: Наука, 1983). Это убеждает в необходимости дальнейшей работы по сбору уходящей вместе с поколением носителей диалектной лексики.

В настоящем выпуске альманаха с целью апробации мы помещаем лексикографически обработанные словарные материалы на буквы А, Б, В, Г.

Структура словарной статьи

Заглавное слово даётся в орфографической записи с указанием ударения. В том случае, если ударение неизвестно, слово сопровождается пометой [Удар.?].

Заглавное слово представлено в исходной форме и сопровождается **грамматическими пометами**, принятыми в большинстве словарей русского языка.

Имена существительные даются в форме именительного падежа единственного числа с указанием на флексию родительного падежа единственного числа и род:

БОЯ́РКА, -и; ж.

Наличие пометы м. и ж. в одной словарной статье означает, что слово может быть и мужского и женского рода:

БОЛТУ́ХА, -и; м. и ж. Шутл. Общительный, разговорчивый человек.

У существительных *Pluralia tantum* и существительных, употребляющихся преимущественно в форме множественного числа, эта форма даётся в качестве исходной с указанием на флексию родительного падежа множественного числа:

БАРЕ́ТКИ, -ок; только мн. Мужские туфли без шнурков.

Названия лиц женского пола, имеющие соответствующие названия лиц мужского пола, помещаются в одной статье с ними после знака ||:

ГУРА́Н², -а; м. Прозвище забайкальских казаков, переселенных в Амурскую область.. *Это же самые казаки – гураны* (Ин-ка Арх.) || **гурáнка**, -и; ж. *Да, у гуранки жила, и ў Журавлёвке у гуранов жила* (Кас. Арх.).

Имена прилагательные даются в форме единственного числа мужского рода с указанием на флексию женского и среднего рода:

АТЛАСОВЫЙ, -ая, -ое. Сделанный из атласа; атласный.

Глаголы представлены в форме инфинитива с указанием на флексии 1-го и 2-го лица единственного числа настоящего или простого будущего времени и вид:

БАЛАГО́РИТЬ, -ю, -ишь, несов. Разговаривать на бытовые темы.

Соотносительные по виду глаголы подаются в разных словарных статьях.

У неизменяемых слов указывается часть речи:

БОСЯКА́МИ, нар. Босиком; без обуви.

Варианты слов (как лексико-семантические, так и формальные) подаются в одной словарной статье:

БРАТА́Н, -а; м., **БРА́ТКА**, -и, м. и **БРАТУХА́Н**, -а; м. Брат.

При этом каждый из формальных вариантов включён в словник с отсылкой на другие варианты этого слова:

БРА́ТКА, -и, м. См. **БРАТА́Н**, **БРАТУХА́Н**.

БРАТУХА́Н, -а; м. См. **БРАТА́Н**, **БРА́ТКА** .

Толкование даётся к варианту, предшествующему другим в алфавитном порядке.

Омонимы располагаются в разных словарных статьях и сопровождаются индексом справа сверху:

ГИЛЯКÍ¹, -ов, ед. гиля́к, -а; м. Народность, живущая по нижнему течению Амура; нивхи. *А то гураны были и гуляки по Амуру. Ну, они-от тоже из Забайкалья. Вот они и вышли оттуда, это народность небольшая* (Могил. Арх.).

ГИЛЯКÍ², -ов, ед. гиля́к, -а; м. Жители села Гилёвка. *Угуляки – это с Уилёўки, это село было Уилёўка* (Могил. Арх.).

Толкование значения осуществляется через развёрнутое описание либо через литературный синоним:

ВАЛЁЖИНА, -ы; ж. Сухое поваленное дерево.

АЛКАМА́С, -а; м. Неодобр. Наркоман.

Возможно совмещение того и другого способа толкования в одной словарной статье:

АНДАРА́К, -а; м. Стар. Женская одежда, род платья без рукавов, надеваемая поверх кофты, рубашки; сарафан.

Названия растений, рыб, насекомых сопровождаются латинским определением:

АЛЮ́Й, -я; м. Растение алоэ – *Aloe arborescens* Mill.

В случае, если латинское определение не выяснено, ставится помета [какое?] и значение толкуется описательно:

АНГÍНКА, -и; ж. Комнатное растение [какое?], небольшие оранжевые плоды которого используют в лечебных целях.

Относительные имена прилагательные толкуются с помощью единообразных формул «сделанный из ...», «относящийся к ...» и т.п.:

АЛЛЯНО́Й, -ая, -ое. Изготовленный из льна; льняной.

При регулярных словообразовательных связях слов применяется отсылочное толкование с указанием на семантическое преобразование исходной единицы с помощью помет:

БАДЕ́ЙКА, -и; ж. Уменьш. к **БАДЬЯ́**.

В случае невыясненного значения слова ставится помета [какой?], [какая?], [какое?] или [?].

Синонимы толкуются и перечисляются в первой по алфавиту словарной статье после знака || Ср. (сравни). Толкование других синонимов осуществляется через отсылку к первому по алфавиту синониму словами «То же, что...»:

АНГЙ́НКА, -и; ж. Комнатное растение [какое?], небольшие оранжевые плоды которого используют в лечебных целях. *Я цветы люблю. Вот у меня аспиринка. Ну, или ангинка. Кто-нибудь из детей заболевает, я запарю пол-ягодки, и все как рукой снимет* (Урал. Шим.). || Ср. **АСПИРЙ́НКА**

АСПИРЙ́НКА, -и; ж. То же, что **АНГЙ́НКА**. *Я цветы люблю. Вот у меня аспиринка. Ну, или ангинка. Кто-нибудь из детей заболевает, я запарю пол-ягодки, и все как рукой снимет* (Урал. Шим.).

Фразеологические обороты сопровождаются знаком ◇ и помещаются в словнике на каждое знаменательное слово, входящее в состав оборота. Если в состав фразеологического оборота входит диалектное слово, то он толкуется в словарной статье на это слово:

БЫТЬ. ◇ **БЫТЬ ГОЛЯКÁ**. См. **ГОЛЯК**.

ГОЛЯК. ◇ **БЫТЬ ГОЛЯКÁ**. Быть разутым, раздетым. *Обуваться нам не ўчѣ было, был я уоляка ўсеуда* (Черн.Своб.)

Если в составе фразеологического оборота нет диалектных слов, то он толкуется на первый по алфавиту компонент оборота:

БОЛЬШАЯ. ◇ **БОЛЬШАЯ ВОДА**. Разлив реки. *Паром какой разобьется, а какой плывет, вода же большая. Река из берегов выходит* (Урал. Шим.).

ВОДА. ◇ **БОЛЬШАЯ ВОДА**. См. **БОЛЬШАЯ**

Фразеологизмы-синонимы подаются в словаре так же, как лексические синонимы:

БАКЛУ́ШИ. ◊ **БАКЛУ́ШИ ОБИЖАТЬ.** Бездельничать; бить баклуши.

Хто хотел работать, тот работал, трудился, а хто не хотел работать, тот так, шаляй-валяй, тот баклуши обижал (Ин-ка Арх.). || Ср. **БАКЛУ́ШИ**

ОКОЛА́ЧИВАТЬ

БАКЛУ́ШИ. ◊ **БАКЛУ́ШИ ОКОЛА́ЧИВАТЬ.** То же, что **БАКЛУ́ШИ ОБИЖАТЬ.** *А молодежь здесь баклуши околачивает, ничем не занимается. Только рыбалкой, да пенсионерам продают рыбу, так и живут* (Кух. Луг. Шим.).

Устойчивые наречные предложно-именные сочетания включаются в словарь и толкуются в словарной статье на именной компонент сочетания:

В ОХРЯ́ПКУ. См. **ОХРЯ́ПКА.**

ОХРЯ́ПКА. ◊ **В ОХРЯ́ПКУ.** Способ кладки бревен при постройке дома.

Иллюстративная часть словарной статьи представляет собой диалектный контекст, состоящий из одного или нескольких тесно связанных по смыслу предложений. Контекст приводится без фонетической транскрипции, но с сохранением отдельных особенностей произношения и формообразования, напр.: γ -фрикативный, \ddot{y} -неслоговой, мягкий [т] в глаголах 3-го лица и некот. др.:

ВЕРХА́МИ, нареч. Верхом. *Уо́няли нас, как дурако́у этих, день работаем, а на ноти подьезжают верхами, уот, и эта, поуранитшники, и кони подуо́няют* (Кр. Луч Арх.).

На каждое значение приводится максимальное количество контекстов, выразительно иллюстрирующих его. Иллюстративный материал показывает географическое распространение слова и демонстрирует его возможные грамматические формы.

Стилистические пометы располагаются после грамматических помет и указывают на историческую перспективу слова (нов., стар.), стилистическую принадлежность (высок.), сферу употребления (спец., дет., фольк.),

эмоционально-экспрессивную окрашенность (экспр., уменьш.-ласк., увелич., неодобр., презр., снисх., уменьш., ласк., шутл. и некот.др.) и образность (образн.):

БАНДЁР, -а; м. Неодобр. Переселенец из Западной Украины, противник советской власти.

Иные пометы

Особо отмечаются нами слова, используемые в прошлом забайкальскими казаками и являющиеся знаковыми при характеристике казаков сельским крестьянским населением (напр., **ГУРА́Н**, **ПА́РЯ**, **СЛИВА́Н** и некот. др.). Диалектные слова, заимствованные из говоров забайкальских казаков и характеризующие реалии казачьего быта, сопровождаются пометой «Казачье»:

ГУРА́Н², -а; м. Казачье. Прозвище забайкальских казаков, переселенных в Амурскую область. *Это же самые казаки – гураны (Ин-ка Арх.). У нас тут раньше гураны были, нация такая. Амурские казаки были (Ин-ка Арх.). И вот и прозвали - амурские гураны, казаки. Это прозвище такое дали (Кас. Арх.). А то гураны были и уляки по Амуру, они с Забайкалья (Могил. Арх.).*

Украинские и белорусские лексемы, активно функционирующие в говорах обследованных сёл, выверены по словарям украинского и белорусского языков с целью подтвердить наличие соответствий. Диалектные слова с установленными соответствиями из украинского и белорусского языков в словарной статье содержат указание на украинский и/или белорусский эквивалент:

БА́ТЬКА, -и; м. Отец, глава семейства. *Мой батька любил, когда вечерки плясали под гармошку (Урал. Шим.). Вечером: «Запрягай, батька, коня». И нас вязёт, до (А)мура довозе, мы пошли (Кр.Луч Арх.). Отец был безбатчинка, его так попы-учителя называли, ведь он без отца был. Батька – по-украински отец (Черн.Своб.).*

Укр. БАТЬКО, белор. БАЦЬКА – отец

Пометы «АС+»* и «АС – » в конце каждой словарной статьи указывают на наличие / отсутствие данного слова в «Словаре русских говоров Приамурья» (М.: Наука, 1983):

БАОБА́БОК, -а; м. Гриб подберезовик обыкновенный. *Lessinum scarbum* (Fr.). *Урыбы у нас растут ўсякого рода: маслюки, баобабки. Урыбы солють, сушуть* (Черн. Своб.). || См. **ОБА́БОК**.

АС –

Помета «АС + (другое значение)» означает, что слово зафиксировано в Словаре русских говоров Приамурья, но в другом значении.

Помета «АС + (№ значения)» свидетельствует о фиксации Словарём русских говоров Приамурья одного из значений слова.

Помета «АС + (лексема)» означает, что данное слово в Словаре русских говоров Приамурья имеет указанный в скобках вариант.

* АС – Амурский словарь (Словарь русских говоров Приамурья. М.: Наука, 1983).

Список принятых сокращений

Безл. – безличный (глагол)
Бран. – бранное
Буд. – будущее время
В знач. – в значении
Вводн. сл. – вводное слово
В знач.сказ. – в значении сказуемого
Вин. – винительный падеж
Возвр. – возвратный (глагол)
Вопрос. – вопросительный
Воскл. – восклицательный
Высок. – высокое
Глаг. – глагол
Груб. – грубое
Дат. – дательный падеж
Деепр. – деепричастие
Дет. – детское
Др. – другие
Ед. – единственное число
Единиц. – единичное
Ж. – женский род
Звукоподр. – звукоподражательное
Знач. – значение
Им. – именительный падеж
Инф. – инфинитив

Ирон. – ироничное
Кат.сост. – категория состояния
Колич. – количественное числительное
Косв. – косвенный падеж
Крат.ф-ма – краткая форма прилагательного
Л. – лицо
Ласк. – ласкательное
М. – мужской род
Межд. – междометие
Мест. – местоимение
Мн. – множественное число
Многокр. – многократный глагол
Нар. – наречие
Нариц. – нарицательное
Насмешл. - насмешливое
Наст. – настоящее время
Неизм. – неизменяемое
Неодобр. – неодобрительное
Неодуш. – неодушевлённое
Несов. – несовершенный вид
Нов. – новое
Образн. – образное
Общ. – общий род
Однокр.- однократное
Одобр. – одобрительное
Одуш. – одушевлённое
Осуд. – осудительное
Относит. – относительный
П. – падеж
Пов. – повелительное наклонение
Порядк. – порядковое числительное
Превосх. ст. – превосходная степень
Предл. – предложный падеж
Презр. – презрительное
Пренебр. – пренебрежительное
Прил. – прилагательное
Притяж. – притяжательное
Прич. – причастие
Прош. – прошедшее время
Род. – родительный падеж
Сказ. – сказуемое
См. – смотри
Снисх. – снисходительное
Соб. – собственное
Собир. – собирательное
Сов. – совершенный вид
Спец. – специальное
Ср. – средний род и сравни
Сравн. ст. – сравнительная степень
Стар. – старое
Сущ. – существительное
Тв. – творительный падеж

Увел. – увеличительное
Удар. – ударение
Уменьш. – уменьшительное
Унич. – уничижительное
Употр. – упортебляеься
Усилит. - усилительное
Фам. – фамильярное
Фольк. – фольклорное
Част. – частица
Ч. – число
Числит. – числительное
Шутл. – шутливое
Эвфем. – эвфемистичное
Экспр. – экспрессивное
Эмоц. – эмоциональное

Условные обозначения населённых пунктов

Архаринский район

Гриб.Арх. – с.Грибовка Архаринского района
Ин-ка Арх. – с.Иннокентьевка Архаринского района
Кас.Арх. – с.Касаткино Архаринского района
Кр.Луч – с.Красный Луч Архаринского района
Могил.Арх. – с.Могилёвка Архаринского района
Саг.Арх. – с.Сагибово Архаринского района

Свободненский район

Дмитр.Своб. – с.Дмитриевка Свободненского района
Москвит.Своб. – с.Москвитино Свободненского района
Разл.Своб. – с.Разливное Свободненского района
Чемб.Своб. – с.Чембары Свободненского района
Черн.Своб. – с.Черновка Свободненского района
Юхта Своб. – п.Юхта Свободненского района

Шимановский район

Кухт.Луг – с.Кухтерин Луг Шимановского района
Урал.Шим. – с.Ураловка Шимановского района
Чаг.Шим. – п.Чагоян Шимановского района

Фрагмент Словаря русских говоров Амурской области

А

АВЕРЬЯНОВКА, -и; ж. Растение валериана лекарственная – *Valeriana amurensis*. *Аверьяновку тоже клали в самогонку и пили* (Черн.Своб.).

АС –

АВТОРИТЁТ, -а, род. мн. авторитётов; м. Уважение, общепризнанное влияние, значение. *Я вот незавидный был это, авторитетов у девчонок не имел* (Урал. Шим.).

АС –

АКРОБАТИНА, -ы; м. и ж. Быстрый, юркий, ловкий, как акробат. *Ой, вот она, псина. Да он не достанет. Ну, хватит прыгать, акробатина* (Урал. Шим.).

АС –

АЛЕМЕНИВЫЙ, -ая, -ое. Сделанный из алюминия; алюминиевый. *Правда, эти вот алеменивые, и те снимали, проволоку* (Гриб. Арх.).

АС –

АЛКАМАС, -а; м. Нов. Неодобр. Наркоман. *Раньше сами коноплю брали, у печи нажарышь такую сковороду конопли, ступу потолчёшь. Дети макают картошкой, ядят. Не пьянели, не что. А сейчас... Алкамасы! А тады ни алкамасов не было, и ели. Ели же коноплю!* (Кр.Луч.Арх.).

АС –

АЛЛЯНО́Й, -ая, -ое. Изготовленный из льна; льняной. *У нас было́, усе́ было́. Пряли, ткали. Знаешь, у нас усе́ было́ алляное, усе́ с полотна. Мы самы пряли, самы ткали, самы бялили, самы усе́* (Черн.Своб.).

АС –

АЛЮ́Й, -я; м. Растение алоэ – *Aloe arborescens* Mill. *Больше ты ничем не успокоишься. Алоем смазывай. Надавлю капелек, алоем и облепиховым маслом. Вот этим я и спасался* (Черн.Своб.).

АС –

АЛЮМИ́НЬ, -я; м. Алюминий. *Щас все алюминь воруют, молодёжь не работает, только воровством занимается* (Черн.Своб.).

АС –

АМАЛЕРÓВКА, -и; ж. Эмалированное покрытие посуды. *У чууунках варили, потому что у русской печке у кастрюле не сварись, сюрит там, там же оуонь уорит, посеред оуонь уорит, а тут чууунки стоят, если кастрюлю поставит, она, амалеровка эта, вся посюрит и закоптится, и всё тако* (Саг. Арх.).

АС –

АМБÁР, -а; м. Постройка для хранения зерна, муки и других продуктов. *Амбары, видишь, держут там, где зерно сеют, что потом привозят и в амбары складуют.* (Урал. Шим.). *Летом бараны под амбарами ночуют или чё, пропадают* (Урал. Шим.). *Амбар – это был, где зерно в них хранилось, где мука, в общем, продукты* (Могил. Арх.). *Куры живут в курятнике, они зерно клюют. А зерно в амбаре хранится* (Черн. Своб.).

АС –

АНГÍНКА, -и; ж. Комнатное растение [какое?], небольшие оранжевые плоды которого используют в лечебных целях. *Я цветы люблю. Вот у меня аспиринка. Ну, или ангинка. Кто-нибудь из детей заболевает, я запарю пол-ягодки, и все как рукой снимет* (Урал. Шим.). || Ср. **АСПИРÍНКА**

АС –

АНДАРА́К, -а; м. Стар. Женская одежда, род платья без рукавов, надеваемая поверх кофты, рубашки; сарафан. *Половина шерсть, половина такой нитки. Вот это андараки назывались. У андарака тоже нету пояса широка* (Могил. Арх.). *Андараки были на кокетке, а потом бористые, на пуговицах. Нет, сейчас такие не носят* (Могил. Арх.).

АС –

АНЕРГÍЯ, -и; ж. Нов. Аллергия. *Щас пишут много... вот анеруия. Анеруия эта от сладостей, заграничной вот этой вот уадости* (Кас. Арх.).

АС –

АНТÍХРИСТ, -а; м. Употр. как бранное слово. *А вот и кот мой, антихрист, прибежал* (Черн. Своб.).

АС –

АПРЭ́ЛЬ, -я; м. Апрель. *Январь, февраль, март, апрель, май, и в июле я уже в Архару прикатила.* (Ин-ка Арх.).

АС –

АРБА́, -ы; ж. и **ГАРБА́**, -ы; ж. Телега с высокими бортами. *На конях возили мы такие арбы, ну вот это такие телеги, на их такие, как лестницы, высокие такие, сделаны, как лестницы, палочки эти* (Урал. Шим.). *Пшеницу в снопы складывали, а потом в у́рбы* (Разл. Своб.)

АС –

АРКАМА́Н, -а; м. Неодобр. Наркоман. *Ну вот мы и работали все в колхозе, сеяли хлеб на фронт. Сеяли все: и гречиху, и лен, и коноплю сеяли даже. Коноплю сеяли, делали мешки с него, веревки, но никто же не был аркаман* (Урал. Шим.).

АС –

АРТИНА́Т, -а; м. Интернат. *Здесь школа была. Токо школа была до трёх классов, а тады у Иннокентевке артинат быў, ўот. У артинаты дятей бяруць, там питають. На питание даёшь картошку там, ўот, и муку. Что есть: мяса, сала, ўот, у артинат, там и варят им, и ёны у няделю токо приходять на выходной, а то там жили и училися* (Кр.Луч Арх.).

АС –

АРХА́РИНСКИЙ, -ая, -ое. Имеющий отношение к Архару; архаринский. *Вы архарински?* (Гриб. Арх.).

АС –

АСАРДЕ́СА, -ы; ж. Нов. Стюардесса. *Самолёт разбился, так скока людей погубло. Люди, как мухи, мрут. Дочь хотела асардесой работать, так я не пустила. Пуская там хоть миллионы плотют* (Черн.Своб.).

АС –

АСПИРИ́НКА, -и; ж. То же, что **АНГІ́НКА**. *Я цветы люблю. Вот у меня аспиринка. Ну, или ангинка. Кто-нибудь из детей заболевает, я запарю пол-ягодки, и все как рукой снимет* (Урал. Шим.).

АС –

АССЭ́НЦИЯ, -и; ж. Эссенция. *У нас зять перед этим был женат, они с женой работали на заводе, где асенцию выпускают (Черн.Своб.).*

АС –

АТЛАСОВЫЙ, -ая, -ое. Сделанный из атласа; атласный. *Плавали туды, в Китай, повезли подушек атласовых, красивых таких, одеяла атласовые таки, говорит, китайцы им дали там. (Касат. Арх.).*

АС +

АШАЛОН, -а; м. Эшелон. *Целый ашалон переселенцев взяли за государственньй счет, мы сюда приехали, нас в эту деревню Сағибово пять семей прислали (Сағ. Арх.). С запада везли ашалонами (Юхта Своб.).*

АС –

Б

БА́БА. ♦ **БА́БА СТА́РЕНЬКАЯ**. Прабабушка. *Родители были с Украины. Папу я звала тятей, маму – мамой, на брата двоюродного говорила брательник, на бабушку – баба, а свою прабабушку мы звали старенькой бабой (Черн.Своб.).*

АС –

БАБА́ХНУТЬСЯ, -усь, -ешься, сов. Экспр. Упасть, с силой ударившись. *Ауа, а я так потихоньку с одной ветки на друую ниже слажу, слажу, до половины ещё не слезла, ка-ак она в болото бабахнется эта (ветка) (Кас. Арх.).*

АС –

БАБА́ШКА, -и; ж. Маленькая булочка с повидлом. *По праздникам бабашки пекли. Вот так и жили (Черн. Своб.).*

АС –

БА́БКА¹, -и; ж. Камень, используемый как наковальня для отбоя косы. *Бабка. Уже две есть, я уже припас их. Вот так ставишь, пальцем снизу придерживаешь и пошел... (Урал. Шим.).*

АС –

БА́БКА², -и; ж. Блюдо из картофеля. *Из картошки ешио деруны и бабку делали. А шиоб бабку сделать, надо картошку натереть да крахмал смыть,*

потом ее ў чугуун ложшишь, жиром заправляешь, и она там тушится. Ёкусно, за уши не отташишишь (Черн. Своб.).

АС +

БА́БКА³, -и; ж. Повивальная бабка. Бабка у беременных роды принимает, бабничает. Потом родилка ходит за дитем (Черн. Своб.). Ну, бабок у нас уже запретили. Это уже в песьят шестом ҫоду я самого старшего сына родила, в песьят шестом ҫоду уже бабок не было. Скорей на машину или на коня и ў больницу восемь ки́блметроў (Черн. Своб.).

АС +

БА́БНИЧАТЬ, -ю, -ешь, несов. Принимать роды на дому. Бабка у беременных роды принимает, бабничает. Потом родилка ходит за дитем. Мои ўсе на дому родились. Рóдишь и пойдешь на работу, покуда чухается ребенок (Черн. Своб.).

АС +

БАГО́Р, -гра; м. Шест с деревянным или металлическим крюком для продвижения и вытаскивания бревен из воды. Багор... Бревна проталкивать по воде, чтоб плыли. Затор бывает, бревно на бревно заходит, раствор делать (Ин-ка Арх.). Светлеет лишь одна полоска Зеи, а уж идут с баграми сплавщики (Урал. Шим.).

АС –

БАДЕ́ЙКА, -и; ж. Уменьш. к **БАДЬЯ́**. Бадейки называли вот, особенно в колодце когда, бадейки, а вот эта, там, лоханка, тоже деревянная (Гриб. Арх.).

АС –

БАДЬЯ́, -и; ж. Широкое деревянное ведро. Да, а то были деревянные, с обручами такими железными. Это бадья (Ин-ка Шим.). Стали уже шахты, стали бадьей вытаскивать мерзлую породу. Механизировать все (Урал. Шим.).

АС –

БАЗ, -а; м. Загон для скота. – А где вы скот раньше держали? – В загоне, в базе (Чаг. Шим.).

АС –

БАКЛУ́ШИ. ◇ **БАКЛУ́ШИ ОБИЖА́ТЬ.** Бездельничать; бить баклуши. Неодобр. *Хто хотел работать, тот работал, трудился, а хто не хотел работать, тот так, шаляй-валяй, тот баклуши обижал* (Ин-ка Арх.). || Ср.

БАКЛУ́ШИ ОКОЛА́ЧИВАТЬ

АС –

БАКЛУ́ШИ. ◇ **БАКЛУ́ШИ ОКОЛА́ЧИВАТЬ.** То же, что **БАКЛУ́ШИ ОБИЖА́ТЬ.** Неодобр. *А молодежь здесь баклуши околачивает, ничем не занимается. Только рыбалкой, да пенсионерам продают рыбу, так и живут* (Кух. Луг. Шим.).

АС –

БАЛАГА́Н, -а; м. Навес из прутьев, покрытый сеном; шалаш. *На сенокос пешком ходили и ночевали там. Вот куст. Делали балаган* (Урал. Арх.).

АС +

БАЛАГА́НЧИК, -а; м. Уменьш.-ласк. к **БАЛАГА́Н.** *Балаганчики – это от дождя. Это как бы навес. Прутья, а потом сеном забросаем, да и все* (Урал. Арх.).

АС –

БАЛАГО́РИТЬ, -ю, -ишь, несов. Разговаривать на бытовые темы. *Ну вот и с ей сидим тоже балагорим, как жили да тужили* (Ин-ка Арх.).

АС –

БАЛА́НДА. ◇ **БАЛА́НДУ ТРАВИ́ТЬ.** Неодобр. Говорить о чем-нибудь незначительном, болтать. *Так чем баланду травить, болтать, лучше вышивать* (Черн. Амур.).

АС –

БАНДЕ́Р, -а; м. Неодобр. Переселенец из Западной Украины, противник советской власти. *Мы заходим уже в избу, сидят уже два этих бандеры, хохла, рубашки у их такие, пояса красные* (Урал. Шим.).

АС –

БА́НЯ-КА́МЕНКА, -и; ж. Баня с печью без выводной наружу трубы. *У одною дядьки ўсю баню-каменку разобрали, где парются. Ну, печка так вот сделана,*

а тут вот дрова ложили. А тут каменья. Затопишь – и дымит на ўсю баню. Дым сюда идет через камни. Трубы нету. На улицу дым не выходит. Это по-черному. А потом воду льют туды, на эти камни, когда моются и парются. Она коптит, чёрная. Она не бялилася, ничёуо (Черн.Своб.). || Ср. **БА́НЯ ПО-ЧЁРНОМУ**

АС –

БА́НЯ. ◊ **БА́НЯ ПО-ЧЁРНОМУ.** То же, что **БА́НЯ-КА́МЕНКА.** *Баня по-чёрному? Знаю, конечно, и мылась. Это небольшой домик, внутри печка, трубы нет, всё внутри, и все стены чёрные (Черн.Своб.). У нас была баня по-чёрному. У бане камень. Дым весь идет через камень. Он науревается и парится. Это по-старинному (Черн.Своб.).*

АС –

БАОБА́БОК, -а; м. Гриб подберезовик обыкновенный – *Leccinum scabum* (Fr.). *Урыбы у нас растут ўсякою рода: масляки, баобабки. Урыбы солють, сушуть (Черн. Своб.).* || Ср. **ОБА́БОК.**

АС –

БАРАНЁНОК, -нка; м.; мн. **БАРАНЬЯТА.** Молодой баран, ягненок. *Одиннадцать голов было баранов. Я продала барануху с бараненком начальнице (Урал. Шим.). ...Коров, чушек держали, баранов, и баранята были (Кух. Луг Шим.).*

АС +

БАРА́НИНА, -ы; ж. Шкура барана; овчина. *Шуба – это вот украинские кожухи были, эта была все чистая баранина, бараньей выделки все (Ин-ка Арх.).*

АС +

БАРАНУ́ХА, -и; ж. Самка барана; овца. *Вот сколько было, одиннадцать голов было баранов... А продала барануху с бараненком начальнице (Урал. Шим.).*

АС +

БАРАНУ́ШКА, -и; ж. Ласк. к **БАРАНУ́ХА.** *В ту осень зарезала восемь баранов и еще одна баранушка в зиму осталась со своими ребятишками (Урал.*

Шим.). *Баранушки эти лежат, а бараны, они же мужики, двигаются* (Урал. Шим.).

АС +

БАРА́ШЕК, -шка; м. Образн. Цветок (какой?). – *А на сопках какие цветы рвали? -Да всякие рвали, ну там барашки, колокольчики, ландыш цвел* (Чаг. Своб.).

АС +

БАРЕ́ТКИ, -ок; только мн. Мужские туфли без шнурков. – *А мужская одежда раньше как называлась? – Ну, были баретки, туфли такие* (Кух. Луг Шим.). *Баретки, обувь такая, как тапки* (Черн.Своб.).

АС –

БАРЛО́ВЫЙ, -ая, -ое. С густой короткой шерстью (О шкуре козы в позднее летнее и осеннее время). *Только отец выберет барловые, такие вот осенние уже* (Урал. Шим.). *Муж пошел, козла убил, с этого барлового выделал – все сделал. Лучшие шкура летом. Вот барловой и называют летом. Зимой она седая* (Кух. Луг Шим.).

АС +

БА́РЫШНЯ, -и; ж. Девочка. ...*Уод и два месяца было Володе, эта барышня нашлася* (Ин-ка Арх.). *Барышня, вишь так ребенка называли – барышня* (Ин-ка Арх.).

АС –

БАТРА́ЧИТЬ, -у, ишь, несов. 1. Работать на кого-то за мизерную плату. *Слушала радио, там ведущий говорит, что китайцы просочатся к нам и будут здесь, а наши пьяницы-русские будут на них батрачить* (Черн. Своб.). 2. Тяжело работать. *А у самих ў войну и хлеба-то не было, с огорода то(ль)ко и кормились. Ў дереўнях токо женищины, дети да старики оставались, вот они-то на полях да на огородах и батрачили. Тяжелая жисть была, щас жисть легче* (Черн. Своб.).

АС –

БАТЬКА, -и; м. Отец, глава семейства. *Мой батька любил, когда вечерки, плясали под гармошку (Урал. Шим.). Вечером: «Запрягай, батька, коня». И нас вязёт, до (А)мура довозе, мы пошли (Кр. Луч Арх.). Отец был безбачинка, его так попы-учителя называли, ведь он без отца был. Батька – по-украински отец (Черн. Своб.).* || Ср. **БАТЯ**

Укр. БАТЬКО, белор. БАЦЬКА – отец

АС –

БАТЬКОВНА, -ы; ж. Замена отчества. *Это Лев Васильевич, да его жена Галина, как её, батьковна (Ин-ка Арх.).*

АС –

БАТЯ, -и; м. То же, что **БАТЬКА**. *Нашему бате здесь понравилось, вот он и остался (Черн. Своб.).*

АС –

БАЮШКИ. ◊ **БАЮШКИ СПАТЬ**. Спать. *А солдаты с отцом, это, знакомые были. Баюшки спят, а мы, эта, ўсё принясём, попрятишем, ўот. Солдаты уехали, тады уже разбярем, кому что (Кр. Луч Арх.).*

АС –

БАЯН, -а; м. Двуручная пила. *Как начинался леспромхоз, как пилили вот этой пилой, называли баян, она ручная. Вы видали их, две у меня вот есть. Я пилю и щас вот этими пилами (Урал. Шим.).*

АС –

БЕГЛЫЙ. ◊ **БЕГЛАЯ СВАДЬБА**. Свадьба без родительского согласия. *У них была беглая свадьба без родительского благословения. Мама через тетку справила вещи папе. Папа священника долго искал, не соглашались. Знали отца мамино, он суровый был. А один согласился. Потом они отправились к маме домой. Упали в ноги и просили прощения. Так тогда принято было на беглой свадьбе. И тогда ее отец их по спинам плетью побил, простил их. И благословил иконой и хлебом-солью. Но приданого не дал (Черн. Своб.).*

АС + (бегло́вая сва́дьба)

БЕГОМ, нар. Выходить замуж без родительского согласия. *Некоторых невест бегом воровали. Приглашали прокатиться и увозили в церковь. Потом к родителям приходили прощаться. Мать сразу не прощает, опять ездят в ноги кланяются* (Черн. Своб.).

АС +

БЕГЛИЩЕ, -а; ср. Спец. Зигзагообразный ров, обеспечивающий наименьшие потери личного состава войска при передвижении под обстрелом противника. *На...э-э беглище копали... А вот так три метра, так три метра вот...* (Гриб. Арх.).

АС –

БЕЗБАТЧИНКА, -и; м. и ж. Ребенок, воспитывавшийся без отца; безотцовщина. *Отец учился хорошо, но был безбатчинка он. Еуо так называли попы-учителя. Ведь он без отца был. Батька – по-украински отец* (Черн. Своб.).

АС –

БЕЗОБРА́ЗИЯ, -и; ж. Неодобр. Безобразное зрелище для всеобщего видения. *Ў думе щас деруться, воду ў морду льют. А етот Ельцын, ўот, отъелся. Ўнуки ночью сидят, ўсяку срамоту смотрют. Хлопцы наши до трех часоў безобразию эту смотрют* (Черн. Своб.).

АС –

БЕЛО́. ◊ **БЕЛО́ БЫ́ЛО**. Много, в большом количестве (о предметах белого цвета).

– *А на охоту ходили? Что убивали?*

– *Что попадет. Куропаток бело было. Козлов били все, тода их много было* (Кух. Луг Шим.).

АС –

БЕЛУЖА́ТА, -ат, только мн. Рыба белуга семейства осетровых. *Сейчас у нас рыбы нет, её мало, калуга иногда проплывёт, белужата бывают, хариус, ленок, налим, сом* (Чаг. Шим.).

АС –

БЕЛЯ́НКА, -и; ж. Съедобный гриб белянка – *Nectarius pubercens*. *Белянки – беленькие такие, кто их знает, вкусные также. Лучшие груздя, ну, шибко-то больших нету. Ну, есть и хорошенькие. Беленькие такие (Чаг. Шим.). Белянки-белые такие, их только шляпы собирают, отмачуют их и потом солят. Грузди чуть повыше и чуть побольше, а они таки маленькие, шляпки у них вкусные (Урал. Шим.).*

АС –

БЕРДА́НА, -ы; ж. Однозарядное ружье, берданка. *Бердана – это такое пульное ружьё, значит, ну, заряжается, как тебе сказать, по пять, что ли, патронов (Урал. Шим.).*

АС +

БЕРЕСТО́, -а; ср. Кора берёзы, береста. *Даже бересто вон есть печку растапливать (Чаг. Шим.).*

АС +

БЕСЕ́ДКА, -и; ж. Насест. *Ну, это для курей делали же, вот они ночуют на беседке, вон прибита (Урал. Шим.).*

АС –

БЕСЦВЕ́ШАННЫЙ, -ая, -ое. Бесцветный. *Он (лак) какой-то ненормальный был, наверное, не бесцвешанный, вот и покраснело, ну вот (Ин-ка Арх.).*

АС –

БЫ́ТКА, -и; ж. Приспособление для сбивания масла; маслобойка. *Такая была битка, и вот взбивали этой. Для масла. Деревянная, во(т) такой вышины. Потом... С ручкой, круг туда, и взбивали. Кружок и все. Чтобы входил в эту. По форме все (Кас. Арх.).* || Ср. **МАСЛОБО́ЙКА**

АС –

БИТО́К, -тка; м. Специальное ведро для сбора ягоды. *У нас ведра есть специальные, битки называются. Вот здесь дырку прорезаешь, чтоб рукой браться. Ее (ягоду) бьют битком. Вот стоит ягода, раз десять шваркнешь, вот уже столько в ведре (Чаг. Шим.).*

АС + (другое значение)

БИТЬ, -ю, -ёшь, несов. 1. Снимать, собирать ягоду специальным приспособлением. *Это был склад госпромхоза, там принимали ягоду. Люди сдавали раньше ягоду. Ну, били тоже – денег не хватало* (Чаг. Шим.). 2. Испытывать дрожь, судороги, чувствовать озноб, лихорадку. *А родимец, он его бьет, не дай боу никому. Ну вот рабёночка, он лежит- лежит, потом его начинает трясти-трясти-трясти* (Черн.Своб.).

АС + (1 значение)

БИЧ, -а; м. Презр. Лицо без определенного места жительства и занятий; нищий, опустившийся человек. *Уже человек шесть умерло. Бичи больше. Есть нечего, а пьют все, погибают, вот и помирают* (Ин-ка Арх.).

АС + (другое значение)

БИЧЕВА́ТЬ, -ую, ешь, несов. Неодобр. Бездельничать, тунеядничать, вести аморальный образ жизни. *Раньше луч(ш)е было. Все работали. Я всю жизнь топором пропахал. А щас все пьют, бичуют. Щас все алюминь воруют* (Черн. Своб.).

АС –

БЛЕСКУ́ЧИЙ, -ая, -ое. Блестящий, с блеском. *Купляли ў мауазине... А сатин-то друуой, он блескучий. Детям даже длинные юбки шили* (Черн. Своб.).

АС +

БЛИЗНЯ́ТКИ, -ток, только мн. Дети, рожденные в одно время одной матерью. *Много убивают грозой. В одной семье семь человек сразу убило. О(т)ца убило, мать убило, трое пацанов убило, лошадь убило, собаку убило, самые малесенькие остались. Дак управляющий две девочки взял, близнятки* (Черн. Своб.).

АС –

БОГАТЭ́ЙШИЙ, -его; м. Богатый, зажиточный человек. *Не, свадеб раньше не было. Может, боуатейшие себе и делали, а у нас не было* (Черн. Своб.).

АС –

БОГА́ТО, нар. Много. *Ой, деточки, ну ладно. Пойду. А то уже ўремя боуато* (Черн. Своб.). *А нас, девок, было на нашем краю боуато* (Черн. Своб.).

Укр. багато, белор. багато - много.

АС +

БОГОРО́ДСКАЯ ТРАВА́. Лекарственное растение тимьян ползучий – *Thymus serpyllum* a. *Есть боуородская траўка, есть другие. Боуородску пить хорошо от нервоў и от всего хорошо, и ноуи у коуо болять, парять* (Черн. Своб.).

АС +

БОЖЕ́ШНЫЙ, -ая, -ое. Высок. Имеющий отношение к богу; божественный. *Разные праздники отмечали, и божешные отмечали: Троицу, Пасху* (Кух. Луг Шим.).

АС –

БОЛОТ́ИЙНЫЙ, -ая, -ое. Имеющий отношение к болоту; болотистый. *Местность здесь разная, то чаща глубокая, то болотийные озёра* (Черн. Своб.).

АС –

БОЛО́ТНИКИ, -ов; только мн. Высокие резиновые сапоги. *(В)от эта речушка Пёра называется, нигде не переедешь. А чичас болотники одеваешь, и можно не вылазить с косы на косу идти. Вот какая мелкая стала. А раньше она глубокая была* (Черн. Своб.).

АС +

БОЛТУ́Н, -а; м. Насиженное яйцо птицы без зародыша. *Четыре болтуна были, она выкинула, а десять штук у нее вышло* (Урал. Шим.). *А бывает, что в гнезде болтунов много* (Урал. Шим.).

АС –

БОЛТУ́ХА, -и; м. и ж. Шутл. Общительный, разговорчивый человек. *Болтуха какой! Щебечет и щебечет* (Чемб. Своб.).

АС –

БОЛТУ́ШКА, -и; ж. Неодобр. Легкомысленная девушка, пользующаяся успехом у молодых людей. *С разными ходили – это болтушка. Если уж стал с одним ходить, ты своего парня знаешь* (Могил. Арх.).

АС + (другое значение)

БОЛЬША́Я. ◇ **БОЛЬША́Я ВОДА́.** Разлив реки. *Паром какой разобьется, а какой плывёт, вода же большая. Река из берегов выходит* (Урал. Шим.).

АС –

БОЛЬШЕ́НЬКИЙ, -ая, -ое. Ласк. Взрослый, большой. *У него, говорю, уже большенькие Женя растёт с Володей* (Кр. Луг Арх.).

АС –

БОНДА́РКА, -и; ж. 1. Бочка. *Военные у нас бондарчуками были, строили бочки деревянные, бондарки* (Черн. Своб.). 2. Помещение, где делают бочки. *Мне предложили в бондарку идти, я и согласился. Бондарка – это где бочки делают. Пришел я в бондарку, посмотрел, там станок есть* (Черн. Своб.).

АС + (2 значение)

БОНДА́РЧУ́К, -а; м. Человек, изготавливающий бочки; бондарь. *Военные у нас бондарчуками были, строили бочки деревянные, бондарки* (Черн. Своб.).

АС +

БОРЕ́Ц, -а; м. Лекарственное растение (какое?). *Есть борец, это от усех болезней он. Безбаливающий. ...Это не заваривать, это настаивать. Вот на-а, откуси маленько, так он и всязывае. И выплюнешь потом* (Черн. Своб.)

АС –

БОРОДА́ТЫЙ, -ого; м. Шутл. О немолодом человеке. – *А теперь тебе весело тут: женихов сколько! – Да ты кого бородатого-то найди! – Да не бородатого, ничё не бородатого: умненького такого, молоденького, как я, беззубая!* (Урал. Шим.).

АС –

БОРОЗДНЫ́Й, -ая, -ое. Головной, тягловый конь. *А этой пристяжный, один идет – бороздный, а два – пристяжные. Вот так идут, тройка* (Могил. Арх.).

АС + (бороздельный)

БОРОНЕ́НИЕ, -я; ср. Разрыхление почвы бороной; боронование. *Соха еще бралась. Она более леука(я) такая. Даже людьми землю обрабатывали. Прямо их туда запрягали, вместо лошадей. Соху для распахивания использовали и при боронении, это размяучение земли* (Черн. Своб.).

АС –

БОРЧАТКА, -и; ж. Стар.1. Женская овчинная шуба с отрезной талией, присборенная сзади ...*Они их называли борчатка. Перед ровный, а зад собранный по талии. Талия отрезная и зад собранный, вот такое я еще видела* (Ин-ка Арх.). *Борчатки, ну раньше борчатки и носили* (Кас. Арх.). *Это борчатки, но у нас их было мало, потому что это украинцы большей частью носили. Большая была шуба* (Могил. Арх.). 2. Сборка на одежде. *А юбка была эта – с борчатками. А-а юбка, да и все* (Кас. Арх.).

АС + (1 значение)

БОСЯ́К. ◊ **БОСЯКА́ ХОДИ́ТЬ**. Ходить босиком, без обуви. *Туфель не было. Обуться не ў чегу было, босняка ходили. Зимой какую-нибудь куфайку драную носили* (Черн. Своб).

АС –

БОСЯКА́МИ, нар. Босиком; без обуви. *Молодежь же вся, гармоника с собой, и пойдём босьяками, ну босые совсем, без ничегу, пойдём потанцуем* (Ин-ка Арх.).

АС +

БОТ, -а; м. Выдолбленная из дерева, чаще из сосны, лодка. *Из дерева, из сосны долбят, днище подрабатывают, назывались бот, ботики. Ну, они вертлявые, опасные. От них отказались* (Урал. Шим.).

АС + (другое значение)

БО́ТИК, -а; м. Уменьш. к **БОТ**. *Из дерева, из сосны долбят, днище подрабатывают, назывались бот, ботики. Ну, они вертлявые, опасные. От них отказались* (Урал. Шим.).

АС –

БОЯ́РКА, -и; ж. Растение боярышник – *Crataegus oxyacantha* L. *Щас у меня в огороде боярка растет. Некоторые боярышник зовут, а я боярка* (Урал. Шим.).

АС +

БРА́ЖКА, -и; ж. Алкогольный напиток, приготовленный в домашних условиях; брага. *Пили бражку, водку. Раньше был мед, с меда варили* (Могил.).

Арх.) Ну а бражку чё там, заварят сахар. Правда, у меня мать... дак мама у меня закрашивала, вот. Сахар пережигала. Бражка хороша получалась, ну надо неделю, шоб она постояла. Дрожжи, дрожжи, сахар и все. Да, в теплую водичку, чтобы теплая была и чтобы в тепле стояла. Да, и еще для крепости ложили картошку сырую, не тертую, кусочками, вот, кусочками (Могил. Арх.).

АС –

БРАКОНЬЁР, -а; м. и **БРАНЬЁР**, -а; м. Браконьер. Это они уничтожали всю тайгу, браконьёры (Урал. Шим.). Раньше здесь мноуо рыбы было, а сейчас браньёры всё повыловили (Черн.Своб.).

АС –

БРАКОНЬЁРСТВО, -а; ср. Браконьерство. - Рыбной ловлей занимаетесь? – Да, браконьёрством, можно сказать (Урал. Шим.).

АС –

БРАНЬЁР-а; м. См. **БРАКОНЬЁР**.

АС –

БРАТА́Н, -а; м., **БРА́ТКА**, -и; м. и **БРАТУХА́Н**, -а; м. Брат. Свадьбу ууляли одну неделю. Выдумывали всяко. На лошади в хату едут, наряжаются ў солому, дурачатся. Сидит братан и продает невесту, а тут песни поют. Мелочи нанесуть, кидають на тарелку, чтоб брат соуласился (Черн.Своб.). Золовка моуо мужа братка называла. Я уже давно без мужа, ўдова. Мои пацаны уже давно от меня разбежались (Черн.Своб.). Я знаю, что на нарах спал в бараке: я, братуханы и сеструха (Гриб. Арх.).

АС +

БРАТЕ́ЛЬНИК, -а; м. Двоюродный брат. Родители были с Украины. Папу я звала тятей, маму -- мамой, на брата двоюродного говорила брательник, на бабушку -- баба, а свою прабабушку мы звали старенькой бабой (Черн.Своб.).

АС + (братальник)

БРА́ТКА, -и; м. См. **БРАТА́Н**, **БРАТУХА́Н**.

АС +

БРАТОВЬЯ́, -ёв; мн. Братья. *Братовья были на этом, на фронте. На фронте во время войны. Двоих убили, а третий пришел с раненным* (Могил. Арх.).

АС –

БРАТУХА́Н, -а; м. См. **БРАТА́Н**, **БРА́ТКА**.

АС –

БРАЧО́НКА, -и; ж. Снисх. к брага. *Выпиваю иногда. Поставлю брачонку, а потом самогон. Вот и пью, иногда и брачонку пью* (Урал. Шим.).

АС –

БРЕВЁШКО, -а; ср. Уменьш.-ласк. к бревно. *Ну как разобрали его (дом) по кусочкам, по бревешкам, приплавили его вот сюда* (Урал. Шим.).

АС –

БРÉДЕНЬ, -я; м. Рыболовная сеть, невод. *Бредень – это невод называется, ловят рыбу. Вот так берут и тянут туда, к берегу, заудят* (Урал. Шим.). *Вудочки разные были, трехперстка, на ней сразу три крючка было. Был бредень, он десять метров в ширину и два метра в глубину. Ловили кету, горбушу в Омуре (Черн. Своб.). Рыбачить берём бредень. Это сетка такая у пять-шесть метроу. Щука иногда попадёт* (Черн. Своб.).

АС –

БРЕХУ́НЯ, -и; ж. О собаке, которая много лает. *Слышите, собака брешет «гау-гау», брехунья какая...* (Черн. Своб.).

АС –

БРО́ДНИ, -ей, только мн. Сапоги, сшитые из кожи, длиной обычно до колен. *Потом, еще знаете что носили – бродни у нас назывались. Бродни -- это с кожи, с выделанной кожи, только вот так длинные голяшки; вот лето чирки шили, это я ходила, даже в школу ходила* (Гриб. Арх.).

АС +

БРУСНІ́ЧНИК, -а; м. Листья растения брусники, которые заваривают как чай. *Я хожу в лес и рву бруснишник. Земляника вот отцвете. Иван-чай, таки розовы цветы. Листья – это я сама сушу и в чай* (Черн. Своб.).

АС –

БРЫ́КАТЬСЯ, -аюсь, -аешься, несов. Образн. Сопротивляться, стоять на своем. *Настоял на своем. Я и так, и так брыкалась, брыкалась* (Урал. Шим.).

АС –

БУБНІ́ТЬ, -ню, -нишь, несов. О дереве, издающем при постукивании глухой звук. – *Как деревья на вырубку выбирали? – Пришли с топором, постукали ее (дерево), посмотрели, нет ли тли, не бубнит ли оно* (Урал. Шим.).

АС –

БУКА́ШКА, -и; ж. Мелкое насекомое, вредитель растений. *И по-над забором во всех росла черемушка и дикая яблочка. Дикая яблочка, счас ее заедает букарашка, потому что никто не обрабатывает* (Кас. Арх.).

АС –

БУЛА́ВКИ, -вок; только мн. Массовая игра, в ходе которой передают булавку из рук в руки. *Мы хоть жили в бедной хате, к нам ребята приходили, мы в булавки играли* (Разл. Своб.).

АС –

БУЛДЫ́ЖКА, -и; ж. Похлебка [какая?] *Мама сварит булдыжку* (Черн. Своб.).

АС –

БУ́ЛКА, -и; ж. Образн. Крупный корнеплод. *А раньше тут у меня была свёкла кормовая для коров. Там такие булки были. Ну, такие брюквы большие* (Урал. Шим.).

АС –

БУ́ЛЬБА, -ы; ж. Картофель. *Это белорусы называют картошку бульбой, а украинцы так и называют картошка* (Ин-ка. Арх.). *Кода картошка, кода бульба – какая разница* (Черн. Своб.).

Белор. БУЛЬБА – картофель

АС –

БУЛЬБЯ́НИКИ, -ов; только мн. Оладьи из картофеля. *Щас за коноплю гоняют да за мак, а раньше мама напяке бульбяников ў пёчи. Ну, с картошки ла́дки* (Черн. Своб.).

АС –

БУРА́К, -а; м. и **БУРЯ́К**, -а; м. Свёкла. *Прясть сядем, мама по бураку спяке́, свекла́ сладкая ў печи. Чууун такой берут, почистют (бурак), сахар, кружочками порежут (бурак). И потом ў русскую печку. Он такой ўкусный, сладкий, прелесть, коричневый такой, свекла́ (Черн.Своб.). Квас делали с хлеба или буряка. Буряк – это красная свёкла. Её режут и мнут, и кладут в кадушку. Потом получается квас (Черн.Своб.).*

Укр. БУРЯК, белор. БУРАК – свёкла

АС + (другое значение)

БУРАЧО́К, -чка; м., **БУРЯ́ЧНИК**, -а; м. и **БУРЯЧО́К**, -чка; м. Сорное травянистое растение с корнями красного цвета [какое?]. *А жрать коуда нечеуо было, так и лебяду мы детьми ели, бурачки ели. А это трава такая, у ей корешки красные (Чемб.Своб.). Из сорняков бурячник ещё есь, он из-за красного корня так называется (Черн.Своб.). Бурячок – трава сорная. Он длинный растёт (Черн.Своб.).*

АС –

БУРДАМА́ГА, -и; ж. Слабоалкогольная настойка на тыкве. *А водки не было. С тыквы чего нагонят – вот это бурдамажка. Бурдамага. Мало-мало замутит в голове, да и ладно (Урал. Шим.).*

АС + (другое значение)

БУРДАМА́ЖКА, -и; ж. Снисх. к **БУРДАМА́ГА**. *А водки не было. С тыквы чего нагонят – вот это бурдамажка. Бурдамага. Мало-мало замутит в голове, да и ладно (Урал. Шим.).*

АС –

БУ́РКИ, -ок; только мн. Зимняя тряпичная обувь. *Бурки... Там теплые, хороши, черные, на замочку. Щас их давно нету, нету в продаже, щас их нету, нету, и в городе нету таких (Ин-ка Арх.). Бурки – это материал с одной стороны, а потом вата и снова материал. А потом всё прошивается. Зимой в бурках хорошо ходить (Черн.Своб.).*

АС –

БУРЯ́К, -а; м. См. **БУРА́К**.

АС –

БУРЯ́ЧНИК, -а, м. См. **БУРАЧО́К**, **БУРЯЧО́К**.

АС –

БУРЯЧО́К, -чка, м. См **БУРАЧО́К**, **БУРЯ́ЧНИК**.

АС –

БУ́СЕЛ, -а; м. Аист. *Аиста буселом называли в детстве на Украине. Красавцев почти не осталось* (Чаг. Шим.).

Укр. и белор. БУСЕЛ – аист

АС –

БУТЫ́ЛЬНИК, –а; м. Детеныш домашнего животного, выкормленный из бутылки. *У меня бараны есть, один бутыльник, я его сама из бутылки выкормила* (Черн. Своб.).

АС –

БЫ́ЛО. ◊ **БЕЛО́ БЫ́ЛО**. См. **БЕЛО́**.

БЫТЬ. ◊ **БЫТЬ ГОЛЯ́КА**. См. **ГОЛЯ́К**.

БЮРИСТА́, -ы; ж. Береста. *А щас там у меня посуда... Квас держали. С бюристы оно сделано* (Гриб. Арх.).

АС –

В

ВАКУВА́ЦИЯ, -ии; ж. Эвакуация. *И вот нашу Березовку гнали в вакувацию* (Гриб. Арх.).

АС –

ВАКУЙ́РОВАТЬ, -рую, -руешь, несов. Эвакуировать. *Когда война началась, нас вакуировали в город Витебск* (Черн. Своб.).

АС –

ВАЛЁ́ЖИНА, -ы; ж. Сухое поваленное дерево. *Идет кабан. Три раза стрелил, ему хоть бы что. Зашел за валёжину, ложится меня караулить. Лежа-лежал, над им прут зашевелился – кабан подымается, вышел – и за мной. Я уже начал тикать* (Урал. Шим.).

АС + (другое значение)

ВАЛ, -а; м. Собранное в кучу сухое сено. *Сено высохнет, ручными ураблями суребаешь валки. Коуда косишь, получается валок. Коуда суребаешь ураблями, большой вал* (Черн. Своб.).

АС + (другое значение)

ВАЛЁК, -а; м. Деревянная палка, на которую накручивали белье при глажении; скалка. *А гладили, был валёк круглый. Вот так вот раз. И еще. Деревянно такое рубчиками, оно накатывалось на круглую эту, на валёк. И били* (Кас. Арх.).

АС + (другое значение)

ВА́ЛИК, -а; м. Плоский деревянный с одной стороны ребристый брусок с ручкой, используемый при стирке и глажении белья. *А такой делался, вот так, а тут ручечка, валик назывался, и этим вот валиком зимой даже выбиваешь (бельё). Летом на доске* (Кас. Арх.).

АС +

ВАЛЮ́К, -а; м. Ряд скошенного сена; прокос. *Сено высохнет, ручными ураблями суребаешь валки. Коуда косишь, получается валок. Коуда суребаешь ураблями - большой вал* (Черн. Своб.).

АС + (другое значение)

ВАЛУЙ́Н, -а; м. Съедобный гриб с желтовато-белой, липкой шляпкой; валуй. *Там валуйны, эт(о) они таки сопливы. Такой скользкий какой-то, ну их тоже на засолку* (Ин-ка. Арх.).

АС –

ВАЛЬЦО́ВКА, -и; ж. Мука, полученная в результате прокатывания зерна между двумя валами (вальцами); вальцованная мука. *Потом мука получалась, из муки пекли сами хлеб. Вальцовка, ну вальцовка, это вот уже проходит соответствующую обработку, и вот она проходит через эти вальцы и называется вальцовка* (Юхта Своб.). *Мука вальцовая, вальцовка, белая, первый сорт* (Дмитр. Своб.).

АС +

ВА́НЬКА МО́КРЫЙ. Комнатное растение бальзамин султанский – *Impatiens sultanii* Hoog. – *А дома у вас какие цветы? – Да много всяких. Ванька Мокрый у меня раз почти пропал, ну, я его обрезала, а сейчас опять вырос* (Урал. Шим.).

АС + (Ваня Мокрый)

ВАРЕРЬЯ́НКА, -и; ж. и **ВЕРЬЯ́НОВКА**, -и; ж. Экстракт растения валерианы, используемый как лекарство. *А это вот, это-о пить, траўка такая. От нервоў. Ко(з)да успокаиваться. Да-а (лучше) варерьянки, так спишь потом хорошо. Пустырник. Ай, она так хорош(о)... хорошо, ко(з)да её попьёшь, так споко-ойно! Спишь. Вот, спишь и спать охота* (Черн. Своб.). *Выпила таблетку эту сердешную, две выпила верьяновки* (Черн. Своб.).

АС –

ВАТРА́ВА, -ы; ж. Ядовитое вещество; отравка. *Крысы ватравы наелися, пить захотели и к кабанам в корыто. Кабаны подошли* (Черн. Своб.).

АС –

ВДОВУ́ХА, -и; ж. Вдова. *Думает, наша вдовуха воеет, а то не она оказалась* (Черн. Своб.).

АС +

ВДРІ́СЬ, нар. Экспр. Очень сильно, до крайней степени. *А сама вдрись пьяна* (Черн. Своб.).

АС –

В ДУПЛЕ́ТЕ, нар. Быть постоянно пьяным. *Она молодая, моложе меня. Есть сестра, но она в дуплете: пьяная, пьет она крепко чё-то вообще* (Кас. Арх.).

АС –

ВЕЛИСИПЕ́Д, -а; м. Велосипед. *А у девчонки у соседской был велисипед, я схватила его и к себе в коридор* (Черн. Своб.).

АС –

ВЕНЕ́Ц, -а; м. Первый ряд находящихся в связи бревен, кладущихся на фундамент при строительстве дома. *Дом я сам не строил, помогал только. Первый ряд из бревен вроде венец называется. Там обивязка делается, а потом мох кладется, как утеплитель, или паклю используем, покупаем ее. А*

сначала фундамент ставится на яме, балка кладется, бетонное перекрытие (Черн. Своб.).

АС +

ВЭ́НТЕЛЬ, -я, мн. вэ́нтели и вентеля́, вентелéй; м. и **ВЭ́НТЕР**, -а; м.

Рыболовная снасть в виде натянутой на обручи сети, суживающаяся к одному краю. Вентеля есть, ага, вентели. Это из той же сетки плетутся, тоже типа мордуши. Сложил, ага, приехал, растянул, а там кольца, она растянулась – уже пожалуйста, но называется вентель (Урал. Шим.). Вентер – это то же самое, что мордуша, только из нитков (Ин-ка Арх.).

АС +

ВЭ́НТЕР, -а; м. См. **ВЭ́НТЕЛЬ**.

АС +

ВЕРБОВА́ННЫЙ, -ого; м. Переселенец. *Переселенников вербованные называли, под один язык разговаривали (Черн., Своб.).*

АС –

ВЕРТА́ТЬСЯ, -аюсь, -аешься, несов. Возвращаться. *И те люди, которые вертались, копали землянки, жили и строились (Могил. Арх.).*

АС –

ВЕРТУ́ШКА, -и; ж. Приспособление для запираения двери, калитки. *Раньше без замков жили, на вертушку закрывались. Даже в сенках крюка не было (Черн. Своб.).*

АС +

ВЕРХА́МИ, нар. Верхом. *Уо́няли нас, как дурако́у этих, день работаем, а на но́ти подьезжают верхами, ўот, и эта, поуранити́ники, и кони подуо́няют (Кр. Луч Арх.).*

АС + (служить верхами)

ВЕРХОВО́ДКА, -и; ж. Вода, появляющаяся поверх льда на реке зимой. *Верховодка, потому шо идет зимой, уде трещину дась лёд. Вот она оттэда бьет (Черн. Своб.).*

АС –

ВЕРХОВО́Й, -ого; м. Тот, кто едет верхом; всадник. *Его забрали у сорока каком? У сорок треттем году на хронт, нотшу подоунали коня с верховом и ушоу, так ушоу* (Кр. Луч Арх.).

АС –

ВЕРХОГЛЯ́Д, -а; м. Речная рыба [какая?]. *Рыба разная была. Верхогляд. Тоже рыба. У ней глаза наверху, нос задрат. Плоская такая. Всякая размерами. Большой нет, килограмма по три, по четыре есть. Вкусная* (Урал. Шим.).

АС –

ВÉРША, -и; ж. Приспособление для ловли рыбы, сплетенное из лозы или проволоки. *Мордуши, кто их называет корчаги, кто их называет мордуши, кто называет верши* (Урал. Шим.). || Ср. **КОРЧА́ГА**, **МОРДУ́ША**.

АС + (другое значение)

ВЕРЬЯ́НОВКА, -и; ж. См. **ВАРЕРЬЯ́НКА**.

АС –

ВЕСТИ́, веду́, ведёшь, несов. Демонстрировать, показывать кинофильмы. *В клубе раньше динаму крутают и кина ведут. В городе, посмотрю, и сейчас кина ведут* (Урал. Шим.).

АС + (другое значение)

ВЕЧЕРÉТЬ, -ею, -еешь, несов. Образн. О приближающейся старости. *Как все же мало в жизни сделал, но вечереет, я умру* (Урал. Шим.).

АС –

ВЕЧЕРИ́НКА, -и; ж. и **ВЕЧЁ́РКА**, -и; ж. Вечерние гуляния молодежи с музыкой, танцами и песнями. *У нас дом большой, неперегороженный был. Два дня у нас собираются вечеринки, танцуют: на следующий уже у других, у кого побольше есть* (Урал. Шим.). *Танцевали ходили. Вечеринки были, тырло* (Могил. Арх.). *Молодой была, на вечёрки ходила. Зимой на хате собирались, летом на подворье* (Кух. Луг Шим.). *Вечёрки, да у нас не было клуба в деревне, у нас так, у кого попросятся* (Урал. Шим.). *Вечёрка была. Тогда ж клубов не было раньше. Ну, гулять ходили. Ну, балалайка, гармошка, а нас, малышей, не пускали. Лучины жгут, пляшут и поют* (Чаг. Шим.).

АС +

ВЕЧЁРКА, -и; ж. См. **ВЕЧЕРЬНКА**.

АС +

ВЁДРО, -а; ср. Ясная погода. *Если месяц вниз рожками – дождливый месяц, если выше – ведро, ясная* (Черн. Своб.).

АС –

В ЗАМО́К. См. **ЗАМО́К**.

АС +

ВЗА́МУЖ, нар. Замуж. *Китайцы жили же тут, женщины повыходили заму́ж за китайцев* (Кас. Арх.).

АС +

ВЗА́МУЖЕМ, нар. Замужем. *Теперь уже заму́жем, фамилия, конечно, Масич* (Ин-ка Арх.).

АС +

В ЗИ́МУ. См. **ЗИМА́**.

АС –

ВЗЪЯН, -а; м. Невысокая, пологая возвышенность. *Вот отсюда взьяны. Вот вы видите взьяны и будете идти по дороге, по той стороне. По той стороне этого леса не было* (Урал. Шим.).

АС –

ВЗЯ́ТЬСЯ, возьму́сь, возьме́шься, сов. Покрыться растительностью. *Вот тут, два километра выше поселка, листованкой все взялось, речка протекает* (Урал. Шим.).

АС +

ВЫ́ЛКА, -и; ж. Металлическое приспособление на длинной деревянной ручке для вынимания чугунов из печи; ухват. *Ну, ухват. Ухват, или как они еще у нас – вилки назывались* (Гриб. Арх.).

АС +

В ЛА́ПУ. См. **ЛА́ПА**

АС +

ВНУЧЁНКА, -и; ж. Обращение к лицу женского пола, гораздо младшему по возрасту, годящемуся во внучки. *С(ей)час у меня внуков трынацать. Правнуки есть. Сын один здесь живет, шоферйт. Внучёнка, а ты где живешь?* (Чемб. Своб.)

АС –

ВНУЧЕНЯТА, -ят; только мн. Внуки. *Идет на автобус, провожает внученят, внучку* (Ин-ка Арх.).

АС –

ВКÓВАННЫЙ, -ая, -ое, прич. страд. прош. Укрепленный железом, обкованный. *Крепкие сани, вкованные, видите, железом обкованные, крепкие, хорошие сани, прекрасные* (Урал. Шим.).

АС –

ВÓБЛАСТЬ, -и; ж. Область. *Это Днепронетровская вобласть* (Чемб. Своб.).

АС –

ВОВЯ́НКИ, -ок; только мн. Съедобные грибы [какие?]. *И урыбы всяки разные: и рыжики, и вовянки, это сухой груз(д)ь ес(т)ь. Вовянки такие маленькие, желтенькие урыбочки* (Черн. Своб.).

АС –

ВОДОМЁТ, -а; м. Вид моторной лодки. *А водомёт – это тоже типа же казánки, есть такие, моторы ставятся. Он воду всасывает и выбрасывает воду; отсюда, получается, отталкивает движение. Такие моторные лодки называются «водомёты»* (Урал. Шим.).

АС –

ВОДА́. ◊ БОЛЬША́Я ВОДА́. См. **БОЛЬША́Я.**

АС –

ВОДОНÓСКА, -и; ж. Телега для перевозки воды, запряженная лошастью. *Когда поменьше был – воду носил во время уборки, косарей поил, погонщиком был. Тогда же были лобогрейки, водоноски, так вот мы на водоносках. Один пацан верхом сидит, управляет, другой воду разливает* (Москвит. Своб.).

АС –

ВОЕНКОНА́Т, -а; м. Военный комиссариат; военкомат. *А вот война началась. Мы с подружкой прибежали на вокзал. Выходим – наши парни там. И мой жених был. А мне шестнадцать токо, а ему восемнадцать. Посидели, поговорили: «Это, ну вечером, в клуб сходим, да и все, если нас только в военконат не заберут». А как их угнали – и все (Урал. Шим.).*

АС –

ВОКНО́, -а; ср. Окно. *Мы с им мимо нашею старую дома шли, он остановился и говоря: «Мама, а почему в хате нашей ни вокон нету, ни дверей?» (Чемб. Своб.).*

АС –

ВОЛОКУ́ША, -и; ж. Приспособление для перевозки грузов волоком; бесколесная повозка. *Волокуши были. Просто вот такое крепкое дерево, вот такой толщины, такой длины, выпиливается, и тут вот прикручивается толстой проволокой два бревна, три бревна (Кас. Арх.).*

АС +

ВОЛОСОГРЫ́ЗКА, -и; ж. Жук с длинными усами и режущими челюстями [какой?]. *Что-то в этом году волосогрызок мноуо. Это жуки такие большие с длинными усиками. Мы их в детстве грызиками называли, а здесь их стриунами называют (Черн. Своб.). || Ср. ГРЫ́ЗИК.*

АС –

ВОРО́НЬЖЕНСКИЙ, -ая, -ое. Имеющий отношение к Воронежу; воронежский. *Мать в детстве в Вороньженской области жила, ее оттудова привезли, кода ей тока двенадцать было (Черн. Своб.).*

АС –

ВÓРОХ, -а; м. Большое количество чего-либо. *Колхоз уже тут стаў, ляжали таки ўот ворохи, это, просто и просо, и шианица, и етимень, и уретшка, и овёс, и ўсё ляжало, никто не троня ўот такой уорстки (Кр. Луч Арх.).*

АС –

ВОСПИТЫВАТЬ, -аю, -аешь, несов. Растить, кормить детей. *И липу ели, и лебяду ели, и ўсё. Я ўо(во)рю: дятлей воспитывала и лебядой, и уретикой, и усяк. Десять дятлей: девять сыноў и десятая дочь* (Кр. Луч Своб.).

АС –

ВОСЬМИКЛІНКА, -и; ж. Женская одежда с юбкой из восьми клиньев. *Белорусы и украины одинакие наряды носили. И тут тоже или шестиклинки или восьмиклинка. Восьмиклинка – восемь клинов* (Могил. Арх.).

АС –

ВОТКНУТЬ, -у, -ешь, сов. Поместить в землю, посадить. *Просто эти помидорки воткнешь, их бросишь семена в лунку, с середины августа все красные от низу и до верху* (Урал. Шим.).

АС –

ВОТПУСК, -а; м. Отпуск. *И вот обещали, что дадут вотпуск* (Чаг. Шим.).

АС –

В ОХРЯПКУ. См. **ОХРЯПКА**.

АС +

ВОЩЕВОДЧЕСКИЙ, -ая, -ое. Имеющий отношение к овощеводству; овощеводческий. *В вошеводческой бригаде работала, всю жизнь в труде* (Черн. Своб.).

АС –

ВПЕРЕД, нар. Раньше, сначала. *Жили в Кухтерине. Я там жила, и они жили. А потом в Ураловку. Они-то вперед уехали, давно уже здесь живут* (Урал. Шим.).

АС +

ВРАТЬ, -у; -ешь, несов. Образн. Играть не в тон, издавать фальшивые звуки. *Да врет она, балалайка. Расстроена* (Урал. Шим.).

АС –

ВРЕМЯНИК, -а; м. Наемный рабочий. *В колхозе тяперь времяники одни работают* (Черн. Своб.).

АС –

ВРЕМЯ́НКА, -и; ж. Временная дорога. *Были сделаны времянки, которые строили каторжники (Черн. Своб.). По времянке они дошли до Суражевки (Черн. Своб.).*

АС –

ВСКÓРОСТИ, нар. Скоро, через небольшой промежуток времени. *А потом этих вскорости отпустили (Черн. Своб.).*

АС –

ВСЯ́КИЙ. \diamond **БЕЗ ВСЯ́КИХ Я́КИХ**. Об обыкновенном человеке, не имеющем особых притязаний. *Жила-была пьянчужка. Работать не хотела, а он без всяких яких (Черн. Своб.).*

АС –

ВСЯ́КО, нар. По-всякому. *По-старинному-то всяко называли (Кас. Арх.). И хата, и изба. Всяко называется (Ин-ка Арх.). Неси обед солдатам, вот такой идешь, на уорбушу повесишь, тижало, конечно, всяко приходилось (Ин-ка Арх.).*

АС + (всяко-разно)

ВУ́ГОЛЬ, -я; м. Уголь. *Топку открыл, и кладешь туда дрова, вуголь (Черн. Своб.).*

АС –

ВУ́ДОЧКА, -и; ж. Удочка. *Вудочки разные были. Трехперстка, на ней сразу три крючка было. Был бредень, он десять метров в ширину и два метра в глубину. Ловили кету, горбушу в Омуре. Ночью рыбу ловили строгой. Возьмешь хвонарь и ходишь, ловишь (Черн. Своб.).*

АС –

ВУ́ЛИЦА, -ы; ж. Улица. *Я ня знаю, яка то вулица (Чемб. Своб.). Я испужалась, прямо ў сорочке ночной на вулицу выбягла, токо шалью накрылась (Чемб. Своб.).*

АС –

В УМА́ТЕ. См. УМА́Т.

АС –

ВУРА́ЩИВАТЬ, -аю, -ешь, несов. Выращивать. *Дайте кусок территории, я буду все вуращивать* (Черн. Своб.).

АС –

ВУ́ХО, -а; ср. Ухо. *Всю жисть с дедом прорабили. Купила себе золотые серёжки. Пошла доить, корова как дернула, дак чуть вухо не торвала. Корова зацепила хвостом. Дак корова беуть, а я с вухом беуу туда, и вухо прорвало* (Черн. Своб.).

АС –

ВЫ́БИТЬСЯ. ◊ **ВЫ́БИТЬСЯ СО СНА**. Устать от бессонницы. *Дома днем и ночью я одна. Ну, вот ложится темень, улаз коли. Лежу-лежу, пока уже выбьюся со сна, тогда и сразу засыпаю* (Черн. Своб.).

АС –

ВЫБРАЖА́ТЬ, -аю, -ешь, несов. Быть очень высокого мнения о себе, воображать. *А Левинский ниже Женьки. Женька повыше, он в толстину пошел. Женька щас уже похудел. Уже не выражает, как выражал, что-о ты!* (Черн. Своб.).

АС –

ВЫ́ВОДОК, -а; м. Собир. Потомство многодетной женщины. *У нас одна женщина утонула, детей оставила целый выводок* (Могил. Арх.).

АС –

ВЫГÁДЫВАТЬ, выга́дую, выга́дуешь, несов. Ловко выходить из затруднительного положения; хитрить. *Четвертый внук служит. Вот есть выгадуют: то заболел, то чё, а я г(ово)рю: «Деточки, служите на совесь, на совесь...»* (Чаг. Шим.).

АС –

ВЫ́ГОН, -а; м. Место, откуда пастух гонит скот на выпас. *Приведу свою корову на выгон, а пастух уже всех гонит на выпас отсель* (Чаг. Шим.).

АС –

ВЫ́ГРЕСТИ. ◊ **ВЫ́ГРЕСТИ ДЭ́ВКУ**. Сосватать. *Связывали в доме жениха ножки стола, чтобы свадьба лучше вязалась, брали кочергу, говорится*

«выгрести девку». Потом тихо ехали сватать, но не по дороге, а огородами (Черн. Своб.).

АС –

ВЫЖИГÁЛКА, -и; ж. Коллективная игра с мячом. *Вот так и в клубе, там и взрослые, и в третий лишний играли, в выжигалку играли, ручеек, всякое ходили играли и песни ходили пели (Урал. Шим.).*

АС –

ВЫЙТИ. ◊ **ВЫЙТИ С ИКРОМЁТА**. Закончить метать икру. *Шиповник зацвел – опять карась играет, с икромета вышел (Урал. Шим.).*

АС –

ВЫКА́ЗЫВАТЬ, -аю, -ешь, несов. Выдавать, обнаруживать кого-либо. *Тада к Новосёлову пошла, а он уговорит: «Тебя в газете надо написать. Только не выказывай меня, что я тебя научил» (Кас. Арх.).*

АС –

ВЫКАТИТЬСЯ, -усь, -ишься, сов. Быстро выйти, выбежать. *Он за мной, как катком выкатился, выкатился, да в ворота и пошел, и сам кричит. Как раз такой у нас проулок был, улица прямо в центр туда, так он пошел и пошел (Кас. Арх.).*

АС –

ВЫКЛОЖЕННЫЙ, -ая, -ое, прич. страд. прош. Выложенный из чего-либо. *Задорки – стены, выложенные из кирпича, из глины сбитые (Черн. Своб.).*

АС –

ВЫКОМА́РИВАТЬ, -ю, -ешь, несов. Вести себя высокомерно, заносчиво. *Я на лесозаготовках работала, на трелёвке. Там мужиков много было, они над девками выкомаривали по-всякому (Черн. Своб.).*

АС –

ВЫМОРА́ЖИВАТЬ, -жую, -жуешь, несов. Спец. Зимой удалять камни со дна судоходных рек для сохранения целостности кораблей в период навигации. *А зимой камни вымораживали. Ездили как-то это... искали эти камни. Нас шесть человек, большая лодка. Нас затянут вверх, а оттуда мы спускаемся, и*

такую маленькую лодку берем. И вот это... спустили трал. И вот как он токо зацепится за большой камень, так сразу лодка останавливается, а на берегу стоит парень и засекает это место. А потом, уже зимой, где этот камень, там будет трещина, лед это... треснет. И вот этот камень выморажуем. Делают такие мóшины, кругом, потом это... аманал туда маленько, так бурют, фитиль, и взрывают. Он разлетится на мелкие части, тогда уже пароходу не страшно (Чаг. Шим.).

АС –

ВЫПОЛЗТИ, -у, -ешь, сов. Образн. Выйти с трудом, с усилием. *Я токо выползла. Все (в)ремя лежала, надоело лежать одной (Чаг. Шим.).*

АС –

ВЫПРАВИТЬСЯ, -влюсь, -ишься, несов. Стать здоровым, выздороветь. *Ну, а так он уже выправился, в школу ходил (Черн. Своб.).*

АС –

ВЫРАБОТКА, -и; ж. Заполненная водой яма, возникшая в результате промышленных разработок. *Гальяшков ловили в шурпах, в выработках этих, в ямах (Урал. Шим.).*

АС –

ВЫРЕЗАТЬ, вырежу, вырежешь, сов. Массово истреблять. *Китайцы эти вот ночью приходили, вырезали семьи тут. Вот они защищали, эти казаки (Ин-ка Арх.).*

АС –

ВЫСАЖИВАТЬ, -аю, -аешь, несов. Выводить птенцов, сидя на яйцах; высиживать. *Курицы сами яйца не высаживают, цыплят. Это ну вообще под наседку подкатываешь и все. А утки сами сидели (Урал. Шим.).*

АС –

ВЫСЕВКИ, -ок, только мн. Отходы при просеивании муки. *Дрожжи делаются из высевков. Высевки – это отсеив от муки. Трут сперва высевки, а потом сушат (Черн. Своб.).*

АС –

ВЫ́СЕЛКА, -и; ж. Насильственное выселение. *Дай сказать. Мы как поселенцы. Нам выселку дали, это коллективизация была. В колхозы не пошли, отец не пошел. Аҫа, тяжело было, тяжело было* (Урал. Шим.).

АС +

ВЫ́СКРЕБЫШ, -а; м. Последний ребенок в семье. – *А как последнего ребенка в семье называли? – Подкидыш или выскребыш. Наш-то и не выжил. Трудно тогда жить было* (Черн. Своб.). || Ср. **ВЫ́ШКРЕБОК**.

АС –

ВЫ́ТЫКАТЬ, -аю, -ешь, сов. Соткать узор, рисунок на полотне. *Я всё время вот так вот бялила. А так... Уже вытыкаешь ўсё полотно...* (Кр. Луч Арх.).

АС –

ВЫ́ШКА, -и; ж. Чердак. *Чердак, вышка то есть. В детстве мы любили на вышке спать, или, как говорили, на потолке* (Кух. Луг Шим.). *Не на самой крыше хранили, а на вышке. На чердаке* (Чаг. Шим.). *Яҫод наносим на вышку и сушим. Измажем пол уладенько, они повянут, и ўсю зиму пироҫи* (Чемб.Своб.).

АС +

ВЫ́ШКРЕБОК, -а; м. То же, что **ВЫ́СКРЕБЫШ**. *Я в своей семье вышкребок была, от всех доставалось. Тату меня доней звал* (Черн. Своб.).

АС –

ВЫ́ШУКАТЬ, -аю, -ешь, сов. Найти, обнаружить в результате поисков. *Работать надо было ў колхозе, ўот, а я уже одна была, без хозяина, а дети были. Наварыш, тшайку нальешь, поставишь, а сама на день на покос идешь на колхозный. Ветиером приходишь, тут орэшиник круҫом быў, а ўот вышукаешь, где дети: там ляжить под кустом* (Кр. Луч Арх.).

Укр. ШУКАТИ – искать

АС –

ВЫ́ЮН, -а; м. Рыба с длинным змееобразным телом [какая?]. *Гольян, пескарь, ерши, вьюны... Они (вьюны) похожи на змей. Где принято их кушать, так и кушают, а где не принято, дак и не употребляли* (Юхта Своб.).

АС + (другое значение)

ВЬЮНО́К, -а; м. Уменьш. к **ВЬЮН**. *На речке рыбу ловили. Вьюнок ў песку живет, как черви, под вид рыбки* (Черн. Своб.).

АС –

ВЬЮ́ШКА, -и; ж. Задвижка в печной трубе. *А трубу задвигают, ну закрывают вьюшкой, задвижкой* (Урал. Шим.).

АС + (другое значение)

ВЯЗА́ТЬСЯ, -жусь, -ешься, несов. Ладиться, удаваться, осуществляться без труда. *Связывали в доме жениха ножки стола, чтобы свадьба лучше вязалась, брали кочергу, говорится «выгрести девку»* (Черн. Своб.).

АС –

Г

ГА́ВРИК, -а; м. Шутл. 1. Ребенок мужского пола, мальчик. *Правнуки как придут, два гаврика у меня, дак хоть самой убегай* (Кас. Арх.). 2. Ребенок любого пола, мальчик, девочка. *Двое гаврикоў осталось: пацан, четырнадцати лет, и девчонка, лет двенадцати* (Гриб. Арх.).

АС + (1 значение)

ГАДА́ТЬ. ◊ **ГАДА́ТЬ ПЛАНЕ́ТУ**. Делать астрологический прогноз, составлять гороскоп, гадать. *Вот так мы с тобою по судьбе вышли. А мне счѐ, я была маленькая, мама ходила гадать планету. Мне так гадалка сказала на мою планету, она говорит:*

«В тебя меньшая дочка, не меньшая, а средняя, она выйдет замуж, она будет жить средне, но она своею судьбою недовольна будет» (Черн. Своб.).

АС –

ГАЗОЧУ́РКА, -и; ж. Спец. Напиленные из молодой березы чурки шириной пять сантиметров, предназначенные для топки катеров, работающих на газе, и газогенераторной машины. *Катера деревянные маленькие были, газочуркой топились. Ну, из березы, пять сантиметров их колют, и вот этим вот и*

топили. Катера-то другие были, сейчас-то бензин, а то газ был (Урал. Шим.). Дрова это... грузили на пароходы, а на катера газочурку – вот такую вот чурочку пилили (Чаг. Шим.).

АС –

ГАЗОЧУРОЧКА, -и; ж. Уменьш. к **ГАЗОЧУРКА**. *А ведь я же и лес валила, и дрова пилила. Вот газочурочка, это на газогенераторные машины. Машины-то на чурочках ходили, это щас на бензине (Урал. Шим).*

АС —

ГАЛУШКИ, -шек; только мн. Кусочки пресного теста, сваренные в воде или бульоне. *Ну, суп с галушками делали. Тесто замешивали, а потом пускали. Просто берешь и ў суп кидаши (Черн. Своб.).*

АС + (Другое значение)

ГАЛЬЯН, -а; м. Хлебный злак гаолян, распространенный в Маньчжурии – *Sorghum Vulgare Pers.* *Чимьзу японцы готовили. Это разных сортов соя была. Блюда из сои. Гальян, крупа така была, как уречка. Они, эти блюда, несоленые были. Японцы ляуш ели. Возьмут их наловют и жарют (Черн. Своб.).*

АС +

ГАМУЛА, -ы; ж. Лепешка из обжаренной муки и вареного картофеля. *Мама ешио гамулы жарила, это лепешки такие. Шшоб их пожарить, надо сначала муку обжарить, а потом ее ў ступу сыпешь, но не ўсю, затем картошку отваренную, а потом остальную муку сверху. Потом ўсё это кулаком берешь из ступы, лепешку делаешь и жаришь. Ўкусно получается (Черн. Своб.).*

АС –

ГАНОК, ганка́; м. 1. Крыльцо, порог. *Сходи в дом, да об ганок не споткнись, уж больно высокий построили (Чаг. Шим.).* 2. Ступенька крыльца. *Чтобы дождь пошел, ганки поливаю (Черн. Своб.).*

Укр. ГАНОК и белор. ГАНКА – крыльцо

АС –

ГАРБА, -ы; ж. См. **АРБА́**.

АС –

ГАРБУ́З, - а́, мн. гарбузы́; м. 1. Тыква. *Дождя надо, дождя. А так ничё антиресноу: уарбузы содим, помидоры (Черн. Своб.). Выращивали все овощи, уарбузы... (Москв. Своб.).* 2. Арбуз. *Уарбузы соленые раньше у меня всегда были (Чемб. Своб.).*

Укр. и белор. ГАРБУЗ - тыква

АС –

ГА́РКНУТЬ, -у, -ешь, сов. Экспр. Громко крикнуть. *Как уаркнуть, и лампа уаснет. Это ж раньше, знаешь, у нас раньше свету не было, а лампы были. Хохлота соберется, раньше же ууляли тоже. Да, вот так пели, ох, и пели красиво. Ох, и пели, щас же так не поют. Щас это все вымерло. А лампа уасла (Ин-ка Арх.).*

Белор. ГАРКАЦЬ – рычать, гаркать

АС –

ГА́РНО, нар. Хорошо. *Клуб сломали здесь, растащили на дрова, и в Чембарах тож нет. А дед мой раньше пел в хоре, уарно пел. Там был аккордеон, духовой оркестр (Черн. Своб.).*

Укр. ГАРНО – хорошо

АС –

ГА́ЧКА, -и; ж. Сельскохозяйственное орудие для рыхления почвы. *А вот в стайке у нас стоят инструменты огородные: грабли, вилы, гачки, то есть тьяки (Кух. Луг Шим.).*

АС –

ГЫ́ВКАТЬ, -ю, -ешь, несов. Пицать (о домашней птице). *Крбсани, ну, или подрууому насест. Вот палочки такие, где курички сидят. Ну, что ты уивкаешь да уивкаешь? (обращается к курице) (Черн. Своб.).*

АС –

ГИЛЯ́К¹, -ов, ед. гиля́к, -а; м. Народность, живущая по нижнему течению Амура; нивхи. *А то уураны были и ууляки по Амуру. Ну, они-от тоже из Забайкалья. Вот они и вышли оттуда, это народность небольшая (Могил. Арх.).*

АС –

ГИЛЯКІ́², -ов, ед. гиля́к, -а; м. Жители села Гилёвка. *Ууляки – это с Уилёўки, это село было Уилёўка (Могил. Арх.).*

АС –

ГИНГРЭ́НА, -ы; ж. Гангрена. *Серезжа, сын мой, столько операций перенес: неправильно сложили руку, а еще уинурена кишечника, на мозгах нарыв был (Черн. Своб.).*

АС –

ГИРГОТА́ТЬ, гиргочу́, гирго́чешь, несов. Говорить на чужом языке, наречии. *Китайцы по-своему уируочать, оны не разуварывали, ур-ур-ур, ўот и понимай как хотишешь (Кр. Луч Арх.).*

АС –

ГЛАЗУ́НЬКА, -и; ж. Ласк. Раствор, которым покрывали керамические изделия для придания им блеска; глазурь. *На трубах в уончарке работала. В бочку раствор заливается, постоит часа полтора. Коуда взялись эти криночки, потом вытаскиваем. Бокальчики разные такие получались. На второй день чистили, улазунькой мазали, чтоб блестело. Одна специально сидела рисовала. Друуая заматывает. Придёт контейнер – поурузим (Черн. Своб.).*

АС –

ГЛАША́ТЬ, -у, -ет, несов. Доносить информацию, объявлять, оглашать. *А нам не все надо улашать, поураничные мы, да и космодром рядом (Черн. Своб.).*

АС –

ГЛЭ́ЧИК, глэчки; м. и **ГЛЭ́ЧКА**, -и; ж. Глиняный кувшин. *Были кувшины улиняные, это улечки у нас назывались (Саг. Арх.). А молоко во что наливали, чтобы оно стояло? – Вот у меня были кувшины улиняныи, ну выпросили в музей, я им отдала, ну такие выпросили кувшинчики, улечки называется (Саг. Арх.).*

Укр. ГЛЕЧИК – кувшин

АС –

ГЛЭ́ЧКА, -и; ж. См. **ГЛЭ́ЧИК**.

АС –

ГЛОБОЕ́Д, -а; м. и ж. Неодобр. Человек который много ест; обжора. *Алеша родился, сразу закричал: «Исть!» Она: «Ну, глобоед, с севера, наверно, с Якутии, наверно. Ну, глобоед!» Ну, а Витя-то родился и сразу уснул. А Лёшка вот хватал все* (Чаг. Шим.).

АС –

ГЛУБЯ́НИКА, -и; ж. Крупная земляника; клубника. *Здесь - земляника, а у нас на Алтае - глубяника. Смотрим - травочка, а на ней таки, как на землянике, ягоды висят. Токо она глубяником называется. Ей и рвать хорошо. Гудишь песни, прямо на коленочках, ведро поставишь, до обеда наберёшь* (Черн. Своб.).

АС –

ГНИЛУ́ШКА ¹, -и; ж. Старое, обветшалое жильё. *Дом строили вместе. Ставни делали, садился он и двуручником тащил доски. В гнилушке надоело жить, склепали бы дом, если б деньги были* (Черн. Своб.).

АС –

ГНИЛУ́ШКА ², -и; ж. Сгнившие ветки, палки, используемые как топливо или источник дыма. *А это дымарь. Им окуривают пчел, и они не кусаются. Кладем унилушки ў дымарь и поджигуем* (Черн. Своб.).

АС –

ГНИРОВА́ННЫЙ, -ая, -ое. Состоящий из гранул; гранулированный. *Комбикорм для кабана. Гнированные такие, белые, ровные, круглые. Двести, двести пятьдесят рублей куль* (Чаг. Шим.).

АС –

ГОВОРИ́ТЬ. \diamond **ГОВОРИ́ТЬ ПОД ОДИ́Н ЯЗЫ́К**. Говорить на одном языке. *Переселенников вербованные называли, под один язык разговаривали* (Черн. Своб.).

АС –

ГОЛЛА́НДКА, -и; ж. Печь, предназначенная для обогрева жилища. *В доме у нас две печки, одна из них не варит – это голландка* (Кух. Луг Шим.).

АС –

ГОЛОВЁКА, -и; ж. Голова. *А они (кобры) приплывают, но вот уходят, чё-то здесь не живут, в Касатке не живут. Они ж с Китая везде плавают, на реке плывут. Главно, плывет одна уоловёка тока* (Кас. Арх.).

АС –

ГОЛОДОВАТЬ, голодоваю, голодоваёшь, несов. Постоянно испытывать голод, голодать. *Дети один в городе, другой в Ромном живёт, концы с концами еле сводим, голодоваем* (Чемб.Своб.). *Кто работал, тот не голодовал* (Черн. Своб.). *Мы ў войну уолодовали, жизнь, ничё не видели* (Ин-ка Арх.).

АС +

ГОЛОДУ́ХА, -и; ж. Отсутствие или крайний недостаток продуктов питания; период голода. *Да, в школе я училась, пять классов кончила. Потому что голодуха, я больше не пошла, стала маме помогать* (Кр. Луч Арх.).

АС –

ГОНДОВЫЙ, -ая, -ое. Имеющий прочную, плотную древесину. *Лучше всего строить из гондового дерева, там оболочка, ну, с палец, а сердцевина большая* (Урал. Шим.).

АС + (кондовый)

ГОЛОМЫ́ЗЫЙ, -ая, -ое. О человеке без головного убора. *А летом голомызые ходили или платочек, когда есь* (Черн. Своб.).

АС –

ГОЛУБИ́СА, -ы; ж. и **ГОЛУБИ́ЦА**, -ы; ж. Растение голубика – *Vaccinium Uliginosum* L. *А голубиса там не росла* (Черн. Своб.). *У нас, в основном, голубица была, ну костяника маленько* (Гриб. Арх.). *Это раньше ходили мы, там голубица была, а сейчас же туда не пускают, там же заповедник, где журавли-то у нас* (Ин-ка Арх.). *Уолубика у нас тока, уолубица, черемуха* (Гриб. Арх.). *Голубица, клюква, брусника – коуда я молодая была, все-все мое было* (Кас. Арх.). *А ягода здесь какая, если только голубица. Это там разная есть: жимолость, костяника, а здесь – голубица* (Урал. Шим.). *И за грибами, и опёнки там, и каки-то сыроежки, и груззя всякие, и по голубицу ходили* (Урал.

Шим.). *Из голубицы варенье варили* (Урал. Шим.). *Ягода - брусника, земляника, голубица, красная смородина* (Чаг. Шим.).

АС –

ГОЛУБЬЦА, -ы; ж. См. **ГОЛУБЬСА**.

АС + (голубница)

ГОЛЯК. \diamond **БЫТЬ ГОЛЯКА**. Быть разутым, раздетым. *Обуваться нам не ў чё было, был я уоляка ўсеуда* (Черн. Своб.).

АС –

ГОЛЬЯН, -а; м. Пресноводная рыба, обитающая преимущественно в озерах [какая?]. *Озерного гольяна не видали никогда? Озёрный – красные перышки, ну, этот покрупней. Речной – ну, этот светлый* (Урал. Шим.).

АС –

ГОЛЬЯНИК, -а, м. Уменьш. к **ГОЛЬЯН**. *Ну гольяников ловили в шурпах, в выработках этих, в ямах* (Урал. Шим.).

АС –

ГОМОНИТЬ, -ю, -ишь, несов. Говорить. *Как я гомоню, так она и пишет, а учитель меня вызывает, я ведь неправильно гомоню* (Черн. Своб.).

Укр. ГОМІН, белор. ГОМАН – говор

АС –

ГОНОРИТЬСЯ, гонорюсь, гонорисься, несов. Быть о себе высокого мнения, гордиться. *Я ей говорю: «Девушка, не гонорись!»* (Черн. Своб.).

АС –

ГОНЧАРКА, -и; ж. Керамический завод. *У нас здесь гончарка есть, горшки, посуду всякую делают* (Черн. Своб.). *У нас тут гончарка есть, кувшиньы делают, их принимают, берут, возют* (Черн. Своб.). *Племянник в гончарке работал, бюсты делал* (Черн. Своб.). *Муж устроился на заводе кирпичном, в гончарке, а я в школе поваром работала восемь лет, пока на пенсию не пошла* (Черн. Своб.).

АС –

ГОРЬ, -а; м. и **ГОРБУ́ША**, -и; ж. Спина. *А мать пошла муки взять, ну она ходила пешком. Шла с мукой, пуд муки тащила на горбу, тут горб и тут горб. И вот как ехал мужчина сзади и наехал на нее (Ин-ка Арх.). Неси обед солдатам. Вот такой идешь, на горбушу повесишь, тижало, конечно, всяко приходилось (Ин-ка Арх.).*

АС+ (другое значение)

ГОРБУ́ША, -и; ж. См. **ГОРЬ**.

АС + (горбушка)

ГОРБЬ́ЛЬ, -я; м. Выпуклая с одной стороны доска. *Ходили, горбыль грузили. Это доски такие. Когда бревно пилишь, доски ровненькие, а эта крайняя, кривая, тока одна сторона ровна, а друга горбатая такая. Мы рубили их и печь топили (Урал. Шим.). Ну вот, горбыли. Вот отпилят на пилораме, ну они нам два восемьдесят поступали и шестиметровые (Урал. Шим.).*

АС + (горбуль)

ГОРЬ́ЛКА, -и; ж. Украинский алкогольный напиток с добавлением перца. *Горилку умею делать. Не умеет токо тот, кто не хочет. Это по-русски самогон, тока с перцем (Чемб. Своб.).*

АС –

ГОРЬ́ЩЕ, -а; ср. Чердак. *На горище зимой хранили веники (Чемб. Своб.).*

Белор. **ГАРА**, **ГАРЬШЧА** – чердак

АС –

ГОРКО́ТЬ, -и; ж. О чем-либо горьком на вкус. *В это лето сухо было, а ягода из-за этого – горкоть сплошная (Урал. Шим.).*

АС –

ГОРЛА́Ч, -а; м. Глиняный кувшин с высоким и широким горлом, предназначенный для хранения молока. *Горлач – это тоже кувшины, только у его повыше горло, побольше (Гриб. Арх.).*

АС + (горлыш)

ГОРЛОДЁР, -а; м. Острый соус, приготовленный из помидоров и хрена с добавлением специй. *В огороде все росло, и картошка крупная была, и помидоры рясные. Мы из помидоров горлодёр с хреном делали* (Черн. Своб.).

АС –

ГОРО́Д, -а; м. Огород. *Никуда не хожу, город дети посадили, я щё не была на нем* (Чаг. Шим.).

АС –

ГОРОДКЇ, -ов; только мн. Специальные чурки, которые подкладываются под основание дома для устранения его наклона. *Ну, а на землю нельзя, а подкладывают городки. Ну, пилят такие чурочки, одна на одну кладут, чтобы выровнять на земле этот дом* (Урал. Шим.). *Дом поднят на городках, если дом стоит на сопке* (Урал. Шим.).

АС + (другое значение)

ГОРОДЬБА́, -ы; ж. Охотничья ловушка на медведя в виде изгороди. *Ну, там делают, окружают все это – городьбу делают, чтобы его (медведя) поймать. Колья забьют туда, сделают задвижку. Тут он открыл, зашел, она закрывается опять – на пружинах. Есть приманка. Запах унюхает, пошел туда* (Урал. Шим.).

АС +

ГОРОШІ́НА, -ы; ж. Горо́шина. Сибирская язва – пузырь с гороші́ну. *Только бабки лечут* (Черн. Своб.).

АС –

ГОРЧА́К, -а; м. Съедобный гриб из семейства сыроежковых, род *Russula*. *Сухой груздь, эт горький, горчак. Я его никогда не брала. А этот мокрый груздь здесь хороший* (Ин-ка Арх.).

АС –

ГО́РШИЙ, -ая, -ое. Очень плохой, худший. *Шо он горше вас? Он еще лучше вас* (Черн. Своб.).

Укр. ГІРШИЙ, ГОРШИЙ – худший

АС –

ГОТОВА́ТЬ, готовáю, готовáешь, несов. Готовить пищу, стряпать. *Тады не было в старину, чтобы это стоки блюд готовали* (Чемб. Своб.).

Укр. ГОТУВАТИ, белор. ГАТАВАЦЬ – готовить

АС –

ГРА́БАРКА, -и;, ж. Приспособление для выкапывания картофеля. *Грабарка и тут называют, это картошку роют – картофелекопалка* (Урал. Шим.).

Белор. ГРАБАР – землекоп; ГРАБАРНЫЙ – землекопный

АС + (другое значение) и (грабалка)

ГРА́БАТЬ, гра́баю, гра́баешь, несов. Работать граблями. *Пете учительница грабли в руки вручила и сказала: «Грабай, Петя, грабай». А тут я с работы шла. А тут он завидя меня и кричит: «Мам, я сюда чё, с граблями пришел работать или учиться»? Чудной был, да и щас чудной* (Черн. Своб.).

АС –

ГРАНО́М, -а, м. Агроном. *Я работала здесь, и дояркой работала, и граномом работала* (Кр. Луч Арх.).

АС –

ГРЕ́БЕНЬ, грэ́бня; м. Спец. Рулевое устройство у самосплавающих плотов, изготовленных для транспортировки леса по реке. *А вот плоты делают, три сплотка. Ну это, бревна повяжут, проволокой скручивают, а потом гребень делают вот так, двухножка, нет, трехножка, да еще сюда ножка, скрепили, и это метров пять гребень такой; оттясывают конец где-то метра на два, на три, шоб плоский был, и сплавливали в низовье* (Гриб. Арх.).

АС –

ГРЕБЕ́Ц, -а; м. Погреб. *Сходи в гребец. Ну, гребец же – погреб* (Кух. Луг Шим.).

АС + (другое значение)

ГРЕБТ́Й, грэбу́, грэбёшь, несов. Собирать и переворачивать сено граблями или вилами. *Я пошла үребти в дожди, перевернула половину, втору половину, в двенадцать часов ночи пришла. А доченька меньшая меня ищет, плачет* (Черн. Своб.).

АС

ГРЕ́ЦКИЙ, -ая, -ое, **ГРЕЧА́НЫЙ**, -ая, ое и **ГРЕ́ЧЕННЫЙ**, -ая, -ое. Приготовленный из гречневой крупы; гречневый. *Молоком обварышь, молоко кипить, обварышь уречку ету, она пахне кашей урецкой, ўот, ляпёшек напячешь детям и сабе* (Кр. Луч Своб.). *Так бляны пякли уречаные, яиние, ўсякие учиняли на етих дрожжах* (Черн. Своб.). *Суп по крупе называют, вермишелевый суп, бывает уреченный суп* (Черн. Своб.).

Укр. ГРЕЧАНИЙ, белор. ГРЭЦКІ – гречневый.

АС –

ГРЕЧА́НЫЙ, -ая, ое. См. **ГРЕ́ЦКИЙ**, **ГРЕ́ЧЕННЫЙ**.

АС –

ГРЕ́ЧЕННЫЙ, -ая, -ое. См. **ГРЕ́ЦКИЙ**, **ГРЕЧА́НЫЙ**.

АС –

ГРЕЧУ́ХА, -и; ж. Растение гречиха, из семян которого делали крупу и муку – *Fagopyrum esculentum* Moench. *А то мы жали эту гречуху, жали, она ж черная, а уже темнеет* (Ин-ка Арх.). *Зерно здесь никакое не сажали, полей здесь нету, местность плоха. Иногда кто сам гречуху посадит* (Урал. Шим.).

АС +

ГРІ́ЖА, -ы; ж. Грыжа и операция по ее удалению. *Грише будут делать две операции: урижу и аппендицит* (Черн. Своб.).

ГРОХОТА́ТЬ, грохочу́ , грохóчешь, несов. Громко смеяться; хохотать. *Она сидит, на ухо материшную частушку поет, а они грохочут* (Чаг. Шим.).

АС –

ГРУЖЁ́НЫЙ, -ая, -ое. О пчеле, собравшей нектар. *Пчела на двадцать пять километров от улика улетает. Оттуда летит гружёна* (Черн. Своб.).

АС

ГРОМАДЬЁ́, -я; ср. Ледяная глыба, образовавшаяся при столкновении льдин на реке; торос. *И здесь лед замерз, им некуда вóды девать. Столкновение льдин друг с другом – громадые их получается – это торос, Зейский торос. Это не на озере, там стоячая вода* (Урал. Арх.).

АС –

ГРЬ́ЗИК, -а; м. То же, что **ВОЛОСОГРЬ́ЗКА**. *Что-то в этом году волосоурьзок мноуо. Это жуки такие большие с длинными усиками. Мы их в детстве урызиками называли, а здесь их стриуунами называют* (Черн. Своб.).

АС –

ГРЯ́ДКИ, -ок. Об увеличенном вымени стельной коровы. *То вымя, она висит мешком, а то уже так, грядки закладываются, ну, видно, что вымя как растянуто. То она мешком висит, а то она уже обширная делается такая, вот* (Ин-ка Арх.).

АС –

ГУДЭ́ТЬ, гужу́, гуди́шь, несов. Петть песни. *Здесь земляника, а у нас на Алтае глудьяника. Ее и рвать хорошо. Гудишь песни, прямо на карачках, ведро поставишь, до обеда наберешь* (Черн. Своб.).

АС –

ГУЖИ́ТЬ, гужу́, гужи́шь, несов. Употреблять спиртные напитки; пьянствовать. *А мой гужил в это время где-то, когда я работала* (Чаг. Шим.).

АС –

ГУ́КАТЬ, -аю, -ешь, несов. Кричать, звать. *Выйдем на дорогу, укаем, кому петух, кому кошка закричит. Это на день Ивана Купала мы так гадали* (Чемб. Своб.).

АС –

ГУ́ЛЬКА, -и; ж. Голубь. *В детстве часто с ребяташками гулек на крыше гоняли* (Урал. Шим.).

АС –

ГУЛЯ́НКА, -и; ж. и **ГУЛЯ́НЬЕ**, -я; ср. Празднование с застольем, песнями, танцами. *Конечно, веселились. Время другое было, да всякие (песни), какие понравятся на гулянках, такие и поют* (Кух. Луг Шим.). *И пошли с этим чикенчиком, каждая семья на пару, и сидят вот, песни поют. Так и пищу, кто что приготовит и несут с собой, чикенчик этот и закуску, и пошли на гулянку, это уже праздник – гулянка* (Ин-ка Арх.). *Свадьба у меня хорошая была. Мы заручены были. Сватают родные сестры, такое уулянье было, что печку*

разломил, коуда женихова и невестина родня колоду тянули. Колода и чурка с веревкой, туды-сюды ее тяуали, вот такие уулянки (Черн. Своб.).

АС –

ГУЛЯ́НЬЕ, -я; ср. См. **ГУЛЯ́НКА**.

АС –

ГУЛЯ́ТЬ, -яю, -ешь, несов. Находиться в брожении; бродить. *Скипятила воду, ўот, брала дроззей полмяшка, ўот, и на тишатыре ботишки ета рассыпала, и она ууляет тишетыре дня у мене, а тады ўсё, аппарат и, пожалуйста, уоно (Кр. Луч Арх.).*

АС +

ГУРА́Н¹, -а; м. Дикий козёл. *Вот эти люди, которые шли на охоту, оны надевали на себе шкуру с роуамы, ну чтоб баран подошел к им, уорные уураны звалися (Саг. Арх.).*

АС +

ГУРА́Н², -а; м. Казачье. Прозвище забайкальских казаков, переселенных в Амурскую область. *Это же самые казаки – гураны (Ин-ка Арх.). У нас тут раньше гураны были, нация такая. Амурские казаки были (Ин-ка Арх.). И вот и прозвали – амурские гураны, казаки. Это прозвище такое дали (Кас. Арх.). А то уураны были и ушляки по Амуру, они с Забайкалья (Могил. Арх.). || **гурáнка**, -и; ж. *Да, у ууранки жила и ў Журавлёвке у ууранов жила (Кас. Арх.).**

АС +

ГУ́РОК, -а; м. Огурец. *Детки у меня гурки очень любят, особенно солёные (Чемб. Своб.). Ой, деўчата, болить у меня ўсё. А рабить ў оуороде надо, уурки поливать (Черн.Своб.).*

Укр. ОГІРОК, белор. АГУРОК - огурец

АС –

ГУРТÓМ, нар. Вместе, сообща. *На мэсленку блины пекли. Вообще красиво было. А щас ничего такого нет. Сани были здоровые. На сопку их тянешь всем гуртом, а потом оттуда кто как может и катилися (Черн. Своб.).*

Укр. ГУРТОМ – сообща, совместно, вместе.

АС +

ГУ́СЕНЬ, -я; м. Личинка бабочки; гусеница. *На укропу сидел здоровый гусень. А сам наелся, а глаза больше моих выпучил и смотрит на меня* (Черн. Своб.).

АС –

ГУ́СКА, -и; ж. Самка гуся; гусыня. *Была гуска и гусак. У меня тридцать гусей только и было* (Ин-ка Арх.).

АС +

ГУ́СТЫЙ. ◊ **ГУ́СТЫЙ СВАТ**. Главный сват со стороны жениха. *Он приходил с густым сватом, сосед, вот и пришли. Переговорили – это засватали и пошли к им, а там свадьба* (Могил. Арх.)

АС –

ГУСЯ́ТНИК, -а; м. Лекарственное растение горец птичий – *Polygonum aviculare*. *Спорыш. Траву не знаете, что такое? Его еще гусятником называют. Называют еще горец птичий. Это трава, много в ней витаминов, для желудка хорошо* (Урал. Шим.). *У нас раньше с дедом хозяйство большое было, а сейчас только куры и гуси. Я их на улицу перед двором выпущу, они в земле копаются, гуси гусятник щиплют. Гусятник – это трава такая, ковром по земле стелется, у ей листики, как ёлочка, только кругленькая* (Черн.Своб.).

АС +

ЯЗЫК ФОЛЬКЛОРА

Н.Г.Архипова

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД АМУРСКИМИ ЗАГОВОРАМИ

В русской лингвофольклористике конец XX – начало XXI в.в. отмечены возобновлением интереса к заклинательно-магическому народному творчеству. В этот период активизируется работа по собиранию, публикации и систематизации восточнославянского заклинательного фольклора. Наиболее авторитетными изданиями заговорных текстов этого времени стали сборники «Русские заговоры и заклинания» [2] и белорусские «Замовы» [13]. Составители сборника «Русские заговоры и заклинания» толкуют понятие «заговор» широко, не выделяя подвиды заклинательного фольклора. В свою очередь, белорусские исследователи ориентированы на классический заговор как жанр повествовательный, поэтому в «Замовах» нет лапидарных по форме этикетных, хозяйственных и окказиональных заклинаний и приговоров [1, с.27].

Объектом нашего исследования являются заговоры, записанные в с. Касаткино Архаринского района Амурской области в 2003 году от Тугариной Людмилы Георгиевны. Людмила Георгиевна родилась в 1931 году. Её родители переселились в Приамурье из Брянской губернии в начале XX века. Все заговоры были записаны в двух тетрадях и на отдельных листах. Первая тетрадь, принадлежавшая бабушке Тугариной Л.Г., датируется концом XIX – началом XX в.в.; вторая тетрадь, принадлежавшая матери, – началом XX века. Записи на отдельных листах сделаны Тугариной Л.В. со слов матери. Представленные заговоры по тематике лечебные, детские, домоводческие, хозяйственные, житейские обереги, в которых обращаются к высшим силам за помощью в важные моменты человеческой жизни. Заговоры традиционны по своей форме, в них тесно переплетены языческие и христианские символы и мотивы, что отражает особенности народного крестьянского сознания.

Материалы анализируются и публикуются впервые. Классификация заговоров осуществлена по схеме, предложенной В.П.Аникиным в книге «Русские заговоры и заклинания» [2], что целесообразно с точки зрения научной систематизации.

Филологическая литература предлагает достаточно большое количество определений заговора. Во второй половине XIX в. Н.Крушевский дал следующее толкование понятию: «Заговор есть выражение словом пожелания, соединенное с известным обрядом и без него, пожелание, которое должно непременно исполниться» [17, с.23]. Н.Познанский в трактовке термина основывается на происхождении заговора. Заговор, по мнению исследователя, это словесная формула, первоначально служившая пояснением магического обряда [22, с.102]. Е.Н.Елеонская в своем определении термина ориентируется на прагматику и структуру заговора. Заговор у нее – это простое, но определенное выражение какого-нибудь желания, иногда усложненное сравнением [12, с.76]. Н.И.Толстой трактует заговор не просто как фольклорный текст, но как определенное действие определенного деятеля с определенным предметом. В своем определении исследователь актуализирует форму заговора и обращает внимание на носителя традиции [28, с.132]. В словаре Славянской мифологии дается подобное определение заговора: «Заговор – фольклорный текст магического характера и обряд его произнесения» [29, с.105]. В.Н.Топоров указывает, что заговоры – «это особые тексты формульного характера, которым приписывалась магическая сила, способная вызвать желаемое состояние» [31, с.450].

В нашем исследовании мы опираемся на широкое толкование заговора, предложенное авторами сборника «Русских заговоров и заклинаний». Под заговором понимается сокровенная словесная формула, заключающая в себе особый волевой акт [2, с.5].

В народной культуре существует большое количество синонимов к лексеме «заговор». Это и слово, и шептание, и оберег, и приговор, и наговор, и молитва. Каждая номинация подразумевает либо форму магии, либо ее

конкретную цель, либо ее сходство с другими формами обращений к небесным или земным стихиям. Довольно часто заговоры называют «словами», что говорит о вере в могущество слова. «Считалось, что произнесение его уже само по себе способно произвести нужное действие. В чистом виде «словесные» заговоры не существуют, большинство их сопровождается какими-либо магическими действиями, способствующими, по мнению говорящих, усилению действия заговорных формул» [11, с.155].

Заговоры как «сокровенная словесная формула с репутацией неотразимого воздействия на людей и окружающий мир» [2, с.5] до сих пор считаются неотъемлемой частью народного врачевания души и тела. Немало заговоров было записано во время фольклорно-диалектологических экспедиций в села Амурской области, что свидетельствует о довольно активном функционировании этого фольклорного жанра как магического исцеляющего средства. Часто заговоры считаются единственной чудодейственной силой, помогающей в немочи и напасти.

Выделяется множество разновидностей заговоров и множество их классификаций. «Заговоры можно классифицировать по этапам человеческой жизни, в согласии с порядком и ходом людских дел», тогда учитывается функциональность заговора [2, с.7]. Существует классификация заговоров по «способу организации словесной формулировки желания, при помощи которой и стремятся добиться результата» [11, с.156]. Подобная классификация была предложена А.М.Астаховой, исследовательницей заговорного искусства на Пинеге. Ею было выделено пять групп заговоров:

- 1) эпические заговоры;
- 2) заговоры-обращения к болезням;
- 3) заговоры, представляющие собой словесное описание обряда;
- 4) заговоры - «символические диалоги»;
- 5) заговоры - «абракадабры».

Наиболее популярной в научной литературе является тематическая классификация заговоров, напр., выделение следующих тематических групп:

детские, любовные, свадебные, промысловые, домоводческие, лечебные заговоры и др. [2, с.5-36].

Во вступительном описании предлагается рассмотреть проблему переплетения языческих и христианских традиций в заговорах, бытующих в Амурской области, для чего проанализировать систему персонажей, структурный и тематический уровни заговоров.

Как известно, фольклор – это продукт особого вида поэтического творчества, который имеет свои специфические структурные законы, обладает специфической для него поэтикой [24, с.20]. Сопоставляя фольклор с литературой и языком, В.Я.Пропп говорит о том, что «генетически фольклор должен быть сближен с языком, который также никем не выдуман и не имеет ни автора, ни авторов» [24, с.22]. Называя особенности фольклорного текста, В.П.Аникин говорит об изменяемости и постоянном движении фольклорных текстов. Изменение и движение состоит в переработке старого в новое, которое прослеживается до наших дней и является основным творческим процессом в фольклоре [3, с.23-30]. Помимо изменяемости фольклорный текст имеет следующие особенности: воспроизводимость; устойчивость формул, стиля; привычный тип композиции; особую структуру жанровой образности; масштабность широких, жизненных обобщений; саму содержательность – первоначально, в прямой связи с бытом и условиями социальной жизни. Указанные особенности фольклорного текста удержались в поэтическом обиходе на правах готовых клишированных форм, которые наполнялись новым смыслом в каждую значительную для истории эпоху [3, с.134].

Говоря об устойчивости, мы не имеем в виду устойчивость всего текста, так как живой фольклорный текст варьируется от исполнителя к исполнителю. Обычно фольклорный текст не воспроизводится в заученном наизусть виде, а заново создается исполнителем по определенным, существующим в его сознании моделям (сюжетным, композиционным, жанровым), тематическим (мотивы) и стилистическим («общие места», формулы и др.) элементам. Выбор структурных элементов ограничен определенными условиями, не произволен,

но достаточно гибок. Если говорить об устойчивости фольклорного текста в разных его жанрах, то большей стабильностью обладают малые фольклорные жанры, так как меньший объем текста легче воспроизводится, а также те фольклорные жанры, текст которых выполняет магическую функцию. С.Ю.Неклюдов объясняет устойчивость подобных текстов «особым отношением к магическому слову, сохраняющему свою эффективность именно в данной неизменной форме» [21, с.2], в качестве примера подобных текстов исследователь приводит тексты магической поэзии [21, с.2-4]. Как аналогичный пример можно привести и заговорные тексты, где магическое слово выполняет функцию императива и несет ярко выраженную прагматическую направленность – стремление добиться получения желаемого [4, с.85], поэтому устойчивость для заговорного текста является одним из жанрообразующих факторов.

Заговорные тексты, как и весь фольклор в целом, являются показателями взаимодействия языческой и христианской традиции в языке. Жанровая и функциональная специфика заговора стала причиной того, что именно в этом фольклорном жанре элементы христианской и языческой картины мира представлены наиболее ярко и полно. Необходимость обращения к какому-либо персонажу, к какой-либо силе или стихии, обусловленная спецификой жанра, привела к тому, что в заговорных текстах система персонажей и набор реалий язычества и христианства смешались и зачастую не существуют изолированно друг от друга.

Два таких разных в культурном, идейном, жанровом плане явления, как молитва и заговор, в народной среде, тяготеющей к синкретизму, были унифицированы по признаку единства основной цели – добиться осуществления желаемого. Пути достижения цели смешиваются. Одним из показателей жанрового смешения является система персонажей заговора.

Заговорные тексты, в силу своей жанровой и функциональной специфики, наиболее полно отразили систему персонажей и набор реалий как язычества, так и христианства.

Тексты заговоров включают в себя следующие группы персонажей:

1. Люди, наделенные тайным знанием (ведуны).

2. Языческие персонажи:

антропоморфные образы;

антропонимические образы;

образы мифических животных.

3. Христианские персонажи.

Первая группа персонажей представлена в небольшом количестве заговорных текстов в образах колдуна, колдунницы, еретика, еретицы, ведьмы, ведуньи.

Н.А.Криничная, анализируя тексты быличек, говорит об «отчуждении» данных персонажей за счет их пространственных, этнических и профессиональных характеристик. «Ведуны выпадают из того или иного социума, который при всем различии в своих масштабах неизменно осмысливается как целостная общность» [16, с.19].

В текстах заговоров данные персонажи «отчуждаются» и выпадают из социума лишь за счет своей непохожести на его основной состав. Непохожесть определяется не рядом каких-либо характеристик, а приписываемым данным персонажам сверхъестественным способностям.

В заговорных текстах указанные персонажи не несут на себе какой-либо функциональной нагрузки, они просто упоминаются в перечислительном ряду с теми языческими персонажами, которых нужно опасаться. Напр., в заговоре от порчи:

Чем родился, раб Божий (имя), тем пособился от всяких скорбей, от уроков, от призоров, от страхов, переполохов, от тяготы, от ломоты, от встречного, от черного покрова, от бабки, от золовки, от девки-простоволоски. Будьте мои слова лепки, крепки. Тем словам замок – море, ключ – зубы

Девка-простоволоска (антропоним болезни) в данном заговоре поставлена в один ряд с типичными наименованиями болезни (скорби, уроки,

призоры и пр.). В заговоре болезни также персонифицируются и несут зло. Упоминаются родовые персонажи (бабка, золовка), которые тоже выполняют вредоносную функцию. Подобное соседство подчеркивает выпадение людей, наделенных тайным знанием, из традиционного социума, актуализирует их сверхъестественные способности.

Языческие персонажи.

Среди антропоморфных языческих персонажей можно выделить ряд групп:

- образы природных стихий: *вода, земля, огонь*;
- образы небесных тел: *солнце, луна, месяц, звезды*;
- образы явлений небесной сферы: *заря, ветер, гром, молния, тучи*;
- персонифицированные образы болезней: *грыжа, лихорадка, родимка, ожог*;
- персонифицированные образы душевных состояний человека: *тоска, горе, кручина*.

Среди образов природных стихий наиболее популярны образы воды и земли. Вода выступает как носитель животворных сил, она «смывает» с человека болезни, порчу, тоску и т.д. Вода – неременный атрибут магического действия. Земля – главный языческий образ, символизирующий благополучие, плодородие. Чаще всего образ земли в текстах заговоров номинирован как «сыра земля», «мать земля», «мать сыра земля», либо синтетической формой – «сыроматерная земля».

Древнерусский человек признавал себя частью природы: дерево, вода, камень, огонь были для него не менее живыми существами, чем он сам. Поэтому неудивительно, что многие женские персонажи в заговорах соотнесены с образом матери: *заря-матушка, соль-матушка, матушка-река, мать вечерняя звезда, матушка крапивушка, мать сыра земля, луна-матушка, матушка-водица*. Определитель «мать» («матушка») обязателен лишь для образа земли, в остальных случаях его употребление факультативно.

Частота использования данного определителя, возможно, связана с русской народно-эпической формулой обращения к любой женщине, равной или старшей по возрасту, – «мать».

Кровнородственное соединение человека по женской линии требует подобного и по мужской, и такое соединение в текстах заговоров есть. С отцом соотнесены образы солнца – «солнце-батюшка» и неба – «небо-отец». Подобные родственные соединения по мужской линии встречаются крайне редко, что подтверждает факт господства культа матери на Руси.

Говорить о распространении патриархальных и матриархальных традиций в ситуации Древней Руси очень сложно. Б.А.Рыбаков, исследователь древнеславянского язычества, говорит о том, что, хотя в принятом в 980 г. пантеоне языческих богов было только одно женское божество, которое по степени значимости занимало последнее место в данном пантеоне – Мокошь, в народных верованиях женское божество, связанное с плодоносящей силой земли – «мать сыра земля» – сохранялось и в языческой, и в христианской форме как главный персонаж аграрного культа вплоть до XX в. На основе этого факта исследователь делает вывод о том, что главным народным божеством, в силу своей аграрной сущности, является архаическое женское божество. Бог неба, «небесный громовержец» Перун, остается светским богом, богом вождей [25, с.357-358].

Данные нашего исследования подтверждают этот вывод. В текстах заговоров, отражающих народный менталитет, среди языческих персонажей наибольшей популярностью и авторитетом пользуется образ «матери земли», к тому же женские персонажи в количественном отношении превосходят мужские и являются наиболее частотными.

Одним из самых частотных антропоморфных образов является и образ зари. В текстах заговоров ее называют *зарей*, *зарницей*, *заряницей*, *зоренькой*. Данные наименования обычно соотнесены либо с образом женщины, матери – «заря-матушка», либо с образом девушки – «заря-заряница, красна девица».

Номинацию зари обычно сопровождают следующие определения – *утренняя, вечерняя*; а также эпитеты – *красная, белая, ясная*.

Образ зари включен в родовые отношения – в заговорах появляются «четыре зарницы, четыре сестрицы».

Во многих заговорах образу зари даются личные имена, напр.: *заря Мария, заря Маремьяна, заря Амнитария; четыре зарницы, четыре сестрицы: первая Марья, вторая Марфа, третья Марина, четвертая Макрида; матушка утренняя заря Мария, вечерняя заря Маремьяна*.

Личные имена даются не только образу зари, но и некоторым другим антропоморфным персонажам, напр., ветру: *ветер Моисей, ветер Луна*; морю: *сине море Елена*. Наиболее ярким примером являются собственные имена, присвоенные персонифицированным образам лихорадок, такие как *Трясовица, Безумная, Скорбная, Пухлая, Ломея, Кашляя, Горлея, Вертея, Желтица* и многие другие.

Способ присвоения собственных имен лихорадкам в большинстве случаев понятен. Номинация ведется по ряду признаков болезни, ее действию и характеру протекания, по названию больного органа. Однако встречаются имена лихорадок с затемненной внутренней формой, напр.: *Кашея, Овена, Каса, Орыста*.

В народной культуре существует поверье, что собственное имя сокровенно, его нельзя произносить вслух, чтобы не накликать на себя беду. Это становится причиной наложения табу на ряд имен. Возможно, образование имен лихорадок с затемненной внутренней формой связано с табуированием настоящего названия болезни. Из описания различных видов лихорадок следует, что болезнь эта не имеет каких-либо четких, определенных признаков, а поэтому и трудноизлечима. Все это вызывает страх перед лихорадкой, именно поэтому ее имя в ряде заговорных текстов табуируется.

Продолжая разговор о собственных именах антропоморфных персонажей, нужно подчеркнуть, что в заговорных текстах встречаются не только наименования, образованные по формуле – «имя» (*заря Мария, ветер*

Моисей), но и по формулам – «имя + отчество» (ожог – *Ожог Ожоговец*, вихрь – *Вихор Вихреевич*) и «отчество» (ветер – *Ветерович*, вихрь – *Вихорович*).

Присвоение собственного имени антропоморфному персонажу еще более приближает его к образу человека, наделяет его какими-либо индивидуальными чертами, включает в семейные отношения. К тому же, наделение персонажа собственным именем выделяет его, подчеркивает его значимость.

Говоря в целом о способе и стилистике представления антропоморфных персонажей в заговоре, можно сделать следующие выводы:

1. Практически все персонажи включены в родовые отношения, поставлены в один ряд с человеком, отсюда наделение их собственными именами.

2. Большинство данных персонажей являются ключевыми образами русского фольклора, отсюда наличие традиционного аппарата устойчивых эпитетов, сопровождающих их: *сырая земля, ветры буйные, красная заря, синее море, красное солнце, ясный месяц, частые звезды*.

Антропонимические персонажи представлены в заговорных текстах следующими группами образов:

- эпические персонажи: *духи-хозяева, кикиморы, русалки*;
- сказочные персонажи: *Баба-Яга, Кащей*;
- черт.

С наибольшей частотой в текстах заговоров фигурируют инвокации к языческим персонажам. Практически все они включены в семейные, родовые отношения: *дядя леший, дедушка домовой, дедушка водяной, дядя дворовой* – в большинстве случаев это мифические духи-хозяева.

Духов-хозяев уважают, стараются им угодить, заискивают перед ними, поэтому чаще всего варианты их номинаций содержат деминутивные суффиксы. Деминутивы в тексте заговора несут не объективное значение (маленький по размерам), а субъективное (коннотативное ласкательное) значение, напр.: *банный – байнушко, водяной – водяной-дедушка*. Наибольшей популярностью среди духов-хозяев пользуется домовый. Он обеспечивает

нормальную жизнь семьи, оберегает ее от «чужого домового», приносящего беды. В текстах домовой имеет большое количество номинаций, и все они образованы с помощью деминутивных суффиксов: *домовой-дедушка, доможирушка, домовой-батюшка, хозеин-хозеюшко, дедушко-домовеюшко, атаманушко.*

Сказочные персонажи в текстах заговоров встречаются в единичных случаях и, зачастую, выступают в роли нечистой силы, от которой нужно избавиться. Но к ним могут и обращаться за помощью. Напр., в следующем заговоре подобным персонажем является Пан – образ Полесья и восточной Польши, родственник лешему и черту. Возможно, Пан в заговоре – это рефлекс античного божества стад, лесов, полей. Он наделен ярко выраженными хтоническими чертами: заросший волосами, бородатый. Хотя имя Пан происходит от индоевропейского корня *pus-*, *raus-*, «делать плодородным» [19, с.279], что соответствует исконным функциям Пана и сближает его с богом Дионисом, но в тексте заговора он вместо плодоносной выполняет охранительную функцию.

Я, раба Божия (имя), еду на вороном коне. Месяц за плечами, солнце меж очами, Бог мне помощник со всеми ангелами и архангелами. Я раба Божия (имя) еду на коне до пана. Пан стоит, кого встречает, тому глаза вынимает, врагам меня закрывает. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

С другой стороны, лексема «пан» может употребляться с почтительно-возвеличивающей коннотацией. Как отмечает В.Даль [9, с.16], пан в южнорусских и юго-западных говорах – барин, боярин. Хотя в некоторых русских губерниях панами неодобрительно называли поляков (ляхов) и литовцев (литву), переселенных в давние войны в виде ссылки. Еще одной версией можно считать употребление лексемы «пан» в значении «забытый потомок мордовских князей» [9, с.16], хотя, учитывая жанр текста – заговор, значение «сказочный лесной персонаж: леший, черт» кажется наиболее уместным.

Черт в текстах заговоров выступает как один из персонажей «нечистой силы», несущей зло. Черт чаще всего определяется как «страшный», «окаянный», «проклятый». В заговорах есть родовой коррелят, женский персонаж – чертовка (*чертица, чертуха*).

Номинация антропонимических персонажей, в большинстве случаев, не сопровождается какими-либо стилистически маркированными средствами. Иногда к номинациям могут присоединяться эпитеты: *злой водяной, страшный черт*. Большая часть наименований таких персонажей представлена либо в виде изолированного имени (*байнушко, домовой, черт*), либо в виде следующей модели: «указание на степень родства + имя» (*дядя дворовой, домовой-дедушка, семьдесят семь дочерей яги-бабы*).

Животные в текстах заговоров представлены следующими группами:

- звери: *заяц, медведь*;
- птицы: *ворон, орел, сокол, гагана*;
- пресмыкающиеся и земноводные: *змея, жаба, червь, гады-ползучие*;
- рыбы: *щука*.

Среди вышеперечисленных персонажей наиболее популярным является образ щуки. Щука в заговоре выполняет следующие функции:

- 1) она снимает порчу, уроки, прикосы;
- 2) загрызает, заговаривает, спивает и съедает грыжу;
- 3) выполняет охранительную функцию для заговорного слова.

Локусами пребывания щуки являются серый, янтарный, синий камень, который находится в синем море, в океан-море. Номинацию данного персонажа сопровождают следующие эпитеты: *белая, медная, золотая, зубастая*. Заговорные тексты актуализируют некоторые части тела щуки: глаза, нос, щеки, зубы. Большое количество определений в заговорах дается зубам щуки: *железные, костяные, медные*, – что объясняется тем способом, которым щука излечивает болезни: в большинстве случаев она их загрызает, съедает. Постоянный эпитет, сопровождающий лексику «щука» – *зубастая*.

В некоторых заговорных текстах образу щуки дано собственное имя – *щука Ковура, щука Пятница*.

Между символикой, сопровождающей образы Пятницы и Богородицы и образом щуки, можно провести ряд параллелей:

1. Щуке присваивается имя Пятницы, что подчеркивает ее включенность в число основных языческих персонажей. Возможно, щука – это одна из ипостасей Пятницы.

2. Щуку характеризуют цветочные текстовые эпитеты *золотая, медная, белая*, которые связаны с цветочной символикой иконописного изображения Богородицы. К тому же, в заговорных текстах образ Богородицы сопровождается цветочными эпитетами, наиболее частотным из которых является *золотой*.

3. Щука загрызает грыжу. Таким же способом в ряде заговорных текстов и Богородица лечит грыжу.

Образ щуки трудно интерпретировать однозначно в силу сложности его структуры, но авторитетность данного образа в заговорном тексте неоспорима.

Христианские персонажи.

Среди христианских персонажей можно выделить следующие группы:

1. Персонажи – представители небесной иерархии: *херувимы, ангелы, архангелы*.

2. Библейские персонажи:

– герои Ветхого Завета: *Адам, Ева, Авраам, Лазарь* и др.;

– герои Нового Завета: *Иисус, апостолы, Ирод, Богородица* и др.

В текстах заговоров номинация христианских персонажей, как правило, не сопровождается какой-либо коннотацией. Эти персонажи включаются в текст с традиционно-церковными, константными определениями и чаще всего стоят в перечислительном ряду, напр.:

Святые мученики, чудотворцы великие, Фрол и Лавр, Василий и Хорлампий, Николай Чудотворец и Георгий Победоносец, вашими всесильными мольбами к Господу Спасу Всемилоствивому исцелите и избавьте скот сей от

поветрия, от надежа, от тлетворного воздуха, от смертоносного недуга, от всякой немощи, хвори, скорби и болезней, от всякого зла. Спасите, сохраните и помилуйте, с Матерью Божею Пречистою Владычицею Богородицею Пристой Девой Мариею сотворите и явите милость. Вместе же прославьте святых чудотворцев Козьму и Доминиана, Кира, Иоана. Весь скот помилуйте и сохраните с Отцом, Сыном и Святым Духом и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Большое количество перечисляемых христианских образов в одном заговорном тексте стирает индивидуальные черты каждого из них, в итоге создается обобщенный образ высшей силы.

Среди обилия инвокаций к христианским персонажам наиболее частотными являются инвокации к главным персонажам христианской веры: к *Господу Богу, к Иисусу Христу и к Богородице.*

Бог в текстах заговоров, так же как в большинстве текстов других фольклорных жанров, выступает в роли высшей силы. Бог в заговорах – *великий и страшный; вышний Бог, Отец невидимый.* Сами эпитеты, характеризующие образ Бога, задают его высокий статус, подчеркивают всемогущество Всевышнего и бессилие человека перед ним.

Чаще всего христианские персонажи не выполняют каких-либо важных действий, они включены в текст заговора для придания большей авторитетности заговорному слову.

Особняком среди христианских персонажей стоит небольшая группа библейских персонажей, на которых переносятся морфологические, социальные и акциональные характеристики языческих богов. Тексты заговоров дают нам два ярких примера подобных синтезированных образов. Это Илья-Пророк и Богородица.

На Илью-Пророка перенесены характеристики бога-громовержца Перуна, в образе Богородицы синтезированы народные представления о матери-земле, Мокоши и Пятнице. Характерные признаки женского языческого божества

Пятницы были перенесены и на святую Параскеву, что отразилось даже на ее номинации в христианском каноне – святая Параскева Пятница.

Данные синтезированные образы, как и языческие персонажи, включены в родовые отношения, к ним чаще всего обращаются за помощью, в то время как остальная часть христианских персонажей стоит над родовой общиной и выступает в качестве высшей силы, недоступной для человека.

Рассмотрев способ включения инвокаций к христианским персонажам в текст заговора, символику, сопровождающую данных персонажей, мы обнаружили, что Богородица и еще ряд христианских образов – Св.Параскева, Св.Власий – выведены в заговорных текстах за рамки персонажей христианских и наделены чертами языческих богов. Так, Богородица вобрала в себя качества таких женских языческих божеств, как Мать-Земля, Мокошь, Пятница. В текстах заговоров культ Богородицы связывается с аграрным культом (женское родящее начало, плодородие), с различными видами женских работ (пряденье, тканье, шитье), с культом семьи (мать – дети), с женщиной вообще. Характерные черты Пятницы были перенесены на Св.Параскеву, в семантику образа которой влился компонент, обозначающий покровительство над всеми видами женских работ, а особенно над рукоделием. На Св.Власия были перенесены черты «скотьего» бога Велеса (Волоса), и он стал выполнять функции покровителя домашних животных.

Многие отечественные исследователи народно-христианских культов обращались к анализу женских образов славянской мифологии. А.Н.Афанасьев одним из первых попытался сопоставить образы «святых жен», почитаемых в народных верованиях, с персонажами низшей славянской мифологии: русалками, кикиморами и др. [5]. Он сформулировал выводы о взаимосвязи этих персонажей и об их общем – дохристианском – происхождении. В своих исследованиях А.Н.Веселовский проводил параллели между персонажами немецкой мифологии и славянскими женскими образами [6]. Он сопоставлял культ Параскевы Пятницы со святой Бертой и считал, что предшественницей этих, практически идентичных, персонажей была древняя богиня-Пряха.

Роль женских образов в культурной народной традиции наиболее полно раскрывается в календарной обрядности. В.К.Соколова прослеживает взаимосвязь народно-христианских и демонологических персонажей с древнейшими аграрно-магическими культами и делает выводы о языческом происхождении почитания популярных в народе женских образов, носящих имена христианских святых [27].

Интересны в этом отношении работы В.Я.Проппа. Исследовав исторические корни волшебной сказки, он предположил, что все женские мифологические персонажи, связанные с рукодельем, группируются вокруг образа сказочной Бабы-Яги, бывшей некогда грозной богиней смерти [24].

В.И.Иванов и В.Н.Топоров считают, что центральным звеном индоевропейской мифологии является грозовой миф, рассказывающий о поединке громовержца со змеевидным противником, в результате которого на землю проливается оплодотворяющий ее дождь. Третий персонаж этого мифа – древняя богиня, жена громовержца, похищенная его Противником. Очевидно, к ее образу восходят все женские мифологические персонажи [14, 15].

Н.И.Толстой на основе исследования многочисленных обрядов приходит к выводу о том, что практически все женские мифологические образы имеют связь с Матерью-Сырой Землей, олицетворяющей природу и земную стихию. Отсюда и происходят связанные с браком и плодородием функции женских персонажей – покровителей процессов прядения, плетения и ткачества [28]. Похожей точки зрения придерживается и Б.А.Рыбаков, считающий мать-землю главным народным божеством [25].

Опираясь на точку зрения Н.И.Толстого и Б.А.Рыбакова, мы считаем, что самым почитаемым женским языческим божеством является мать-сыра земля. Согласно древнерусским представлениям земля создана последней из стихий, и именно она занимает важнейшее место в древнерусской картине мира. Образ земли связан с широко распространенным на Руси аграрным культом, с ее плодоносящей силой. Очевидно, что первичность данного образа, по отношению к остальным языческим персонажам, а также его огромный

авторитет стали причиной соотнесения данного образа с образом матери. (Ср.: соотнесение образа земли с образом матери в древних мифологиях).

Еще одним известным божеством является Мокошь, которая была единственным известным женским персонажем в пантеоне князя Владимира. Согласно теории В.Н.Топорова, Мокошь является женой бога-громовержца Перуна, с ней соотносятся представления о браке, плодородии, прядении, водной стихии [30].

Славяне обожествляли дни недели: вторник, среда и суббота считались легкими, светлыми днями, а пятница и понедельник темными [8, с.69]. Среди персонифицированных дней недели наиболее почитаемой была Пятница, которая с усилением христианства в русской религиозной традиции вобрала в себя характерные признаки богини Мокоши и стала покровительницей тканья, прядения и женщин вообще. В рамках этого образа произошло «оязычивание» святой Параскевы, архаизация ее мифологического облика.

Введенное «сверху» православие долгое время было лишь официальной религией, при этом достаточно длительное время новообращенные христиане продолжали поклоняться языческим богам. На первом этапе образы языческих женских божеств соединились с православными святыми, став народно-христианскими.

Главный женский образ христианства – Богородица – вобрал в себя черты всех вышеназванных языческих божеств. Можно провести ряд параллелей между образами Богоматери, Мокоши, Параскевы Пятницы и матери-сырой земли. В основе их почитания находятся темы рождения и брака, плодородия. Культ земли и связанное с ним женское родящее начало после принятия христианства был перенесен на «святых жен» (Богородицу, Параскеву Пятницу) [7]. Также на «святых жен» перенесены функциональные черты Мокоши и Пятницы. Теперь Богородица и святая Параскева связываются с характерными для языческих божеств действиями – тканьем и прядением.

Божества ближе к человеку, чем демиург, поэтому люди чаще обращаются к святому покровителю, чем к верховному Богу [33, с.101]. Люди

всегда стремились приблизить к себе богов и святых, отсюда персонификация мифологических персонажей и явлений, а также «оязычивание» образов христианских святых. Наиболее почитаемым в народе христианским персонажем является Богородица, именно поэтому инвокации к ней в заговорных текстах встречаются очень часто. Календарная, свадебная, родильно-крестильная и, частично, погребальная обрядности тесно переплетаются с обычаями, касающимися женских святых, в целом, и Богородицы, в частности [7]. Данная обрядность, возможно, привела к тому, что образ Богородицы наиболее часто встречается в следующих тематических группах заговоров: любовных, семейных, лечебных, детских, домоводческих.

В текстах заговоров Богородицу называют *владычицей, царицей, пресвятой*. Наиболее часто встречаемая форма номинации – *матушка Пресвятая Богородица*. Образ Богородицы сопровождает золотой цвет (*золотой престол, золотая церковь, золотые ключи* и др.), что связано с иконописной традицией изображения Божьей Матери. Золотой цвет – символ величия, святости, божественной силы.

Локусами пребывания Богородицы чаще всего выступает престол, находящийся либо в церкви, либо в поле, а также камень Алатырь. Все перечисленные локусы находятся на «восточной стороне», которая является христианским символом (на Востоке загорелась звезда, возвестившая о рождении Иисуса Христа):

Стою я, раба Божья (имя), пойду перекрещась из двери в дверь, из ворот в ворот, в чистое поле, широкое раздолье. В широком раздолье есть море, в этом море лежит во сиянии камень. На этом камне во сиянии сидит Мать Пресвятая Богородица. Подойду к тебе близешенько, поклонюсь низешенько, и прошу я тебя, Мать Пресвятая Богородица. Сними, Божья Мать, с рабы Божьей (имя) все болезни, все страхи, переполохи, притчи, порчи, уроки, озеvy, испуги, сглазы. Все зависти людские, думы скорби, уймись, уложись. У рабы Божьей (имя) все болезни, и скотские и людские, все болезни, страхи, переполохи, притчи, порчи, уроки озеvy, испуги, сглазы, все зависти людские,

думы скорби, все болезни, какие есть на свете. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Инвокации к Богородице часто встречаются в лечебных заговорах. Здесь Богородица «обдувает», «опахивает», «обметаает», «отгребаает» притки, уроки и призоры; «снимает» родимцы; «заедает» и «загрызает» грыжу; «зашивает» раны, «отпирает» и «запирает» болезни.

Образ Богородицы в заговорах соотнесен с образом Матери Земли, причиной этого стало перенесение на Богородицу культа женского родящего начала. Подтверждение тому находим в заговорах, направленных на облегчение процесса родов, в которых за помощью практически всегда обращаются к Богородице, напр.:

Как Пресвятая Богородица Христа родила без мук, без болей, так бы и рабе Божьей (имя) родить без муки, без боли. Открывайтесь, ворота костяные. Отныне и навеки. Аминь.

Во многих заговорных текстах Богородица выступает, в первую очередь, как мать Иисуса Христа, которая заботится о здоровье сына и предчувствует его трагическую судьбу. Примером тому может служить включение в заговор мотива из апокрифической молитвы «Сон Богородицы».

На море океанском, на камне алатынском стоит церковь, во церкви – престол. За престолом стоит Мать Пресвята Богородица. Она спать не спит, сон страшный, ужасный видит: будто сын ее на кресте распят, во рученьки, во ноженьки гвозди вбиты, плечо копьем прорвано. Приходит Сын возлюбленный. Не плачь, Мать Мария. Твой сон страшный, ужасный спишу на чистый лист бумаги. Кто трижды прочтет, то будет спасен от злого, лихого человека, от огня-пламени, от воды-потопа, Мать Пресвята Богородица в головах будет сидеть, будет помочь просить. Аминь. Аминь. Аминь.

Богородица соотнесена и с образами Мокоши и Пятницы, что отразилось в действиях, осуществляемых Богородицей в заговорах. Она «моет, парит истинна Иисуса Христа» – данные мотивы связаны с образом «бани», которая в народных верованиях соотносится с представлениями о смерти и загробном

мире, о нечистой силе. Богородица зашивает раны, а мотив рукоделия, ткань, в том числе и шитья, как мы уже говорили, первоначально был связан с женскими языческими божествами.

Образ Богородицы в заговорах выведен из системы христианских персонажей и включен с систему персонажей языческих:

Заря-зарница, красная девица, заря утренняя, заря вечерняя, не я хожу, не я лечу. Ходит Матушка Божья Пресвятая Богородица со своими мощами, со своими молитвами из двери в дверь, из ворот в ворота, в чистое поле, к синему морю. В синем море есть синий камень, под этим камнем ходит рыба щука, младенцу (имя) она прогрызает грыжу. Рабе Божей (имя) грыжу поясничную, грыжу яичную, грыжу пуповую, грыжу лунную. Во имя Отца и Сына и Святого Духа, Аминь.

Вобрав в себя черты главных женских языческих божеств, Богородица становится самым популярным христианским персонажем. Представленный в заговорных текстах живой, изменяющийся образ Богородицы кардинально отличается от застывшего образа Бога – бестелесной, высшей силы. Неразделимое существование Богородицы и сына во многих заговорах вызвало и некоторые изменения в трактовке образа Иисуса Христа, инвокации к которому также очень часты.

Таким образом, жанровая и функциональная специфика заговорного текста стала причиной того, что именно в этом фольклорном жанре элементы христианской и языческой картины мира представлены наиболее ярко и полно. Необходимость обращения к какому-либо персонажу, к какой-либо силе или стихии, обусловленная особенностями жанра, привела к тому, что система персонажей и набор реалий язычества и христианства смешались и зачастую не существуют изолированно друг от друга.

Молитва – один из главных элементов христианского таинства. «В отличие от всех других учений, христианство зиждется не просто на системе взглядов или заветах своего Основателя, а на опыте постоянного живого общения с Ним Самим» [20, с.93]. Как обращения к Богу молитвы разделяются

на просительные, благодарственные и славословия. Просительные молитвы – молитвы в собственном смысле.

В православной традиции выделяются официальные молитвы и молитвы апокрифические, где последним дается следующее определение: «апокрифические молитвы составлены по образцу церковных, но с многочисленными вставками народных поверий, заговоров и заклинаний. Чаще всего встречаются молитвы-заговоры от лихорадки» [32, с.306]. Е.Е.Левкиевская в своей статье «Народные молитвы и апокрифические тексты как обереги» [18] говорит о том, что апокрифические молитвы более популярны в народной среде, чем канонические церковные тексты. За канонической молитвой в требнике закреплено определенное употребление. Самыми распространенными официальными молитвами являются: «Да воскреснет Бог...», «Живый в помощи...», «Богородице Дево, радуйся...» и «Отче наш». Апокрифические молитвы обычно не имеют какой-либо закреплённости и используются как универсальные апотропеи на все случаи жизни. К числу наиболее авторитетных апокрифических молитв относятся «Сон Богородицы», содержащий рассказ Богоматери о крестных мучениях Христа и «Сказание о двенадцати Пятницах» [18].

Тексты заговоров включают в свою структуру элементы как канонических, так и апокрифических молитв. Заговор и молитва различаются отношением к слову, к содержанию текста. Главное в молитве не слово, а содержание текста – прошение к божеству, которое может быть либо исполнено, либо нет. Заговор же имеет принудительную силу, которая принадлежит слову, сочетанию слов [4, с.85]. Добиться желаемого можно с помощью просьбы к высшим силам в просительных заговорах. Напр., *Матушка водица, господня помощница, смой с рабы Божьей (имя) горе, смой с рабы Божьей (имя) хвори, смой с рабы Божьей (имя) ворожье наговорье. Дай ей, матушка водица, доброго здоровья не на год грядущий, а на век векущий. Аминь. Аминь. Аминь.*

Месяц ты месяц, серебряные рожки, золотые твои ножки. Свети ты, месяц, сними мою зубную боль, унеси боль за облака. Моя скорбь не мала, не тяжка, а твоя сила могуча. Мне скорби не перенести. Вот зуб, вот два, вот три – все твои. Возьми мою скорбь. Месяц ты месяц, сокрой от меня мою скорбь.

В повелительных же заговорах результат достигается с помощью приказа. Напр., *Ветла, ветла, возьми мою глоть, а если не ты ее не возьмешь, мы тебя заглотим с корнями. Аминь. Аминь. Аминь.*

Во черной избе за дубовым столом стоит трясовица на полнице. Ты, трясовица, не вертись, а ты, притолока, не свихнись. Вертелось бы, свихнулось зелено вино в чаше, и вертело бы вино и свихнуло бы вино все продуманное, невидимое, да что не слыхано, да что не сказано в таком-то дому, на такову-то беду. А буде ты, трясовица, завертишься, а буде ты, притолока, свихнешься, ино буде вам от меня лютого неволя да злого томления. А на иного вам буде все по добру по здорову, как бывало доселево. Слово мое крепко.

Достаточно часто можно наблюдать соединение просительных и повелительных речевых стратегий в одном заговоре:

Заря-зарница, красна девица, полуночница. На поле заяц, в море камень, на дне Лимарь. Покрой ты, зарница, мои зубы скорбны своею фатою от проклятого Лимаря. За твоим покровом уцелеют мои зубы. Враг Лимарь, откачнись от меня. А если ты будешь грызть мои белые зубы, сокрою тебя в бездны преисподни. Слово мое крепко.

Для анализа включения в заговорный текст элементов молитв мы выбрали две группы заговоров – заговоры эпические и заговоры обращения к болезням. Причиной такого выбора стало наличие в этих заговорах большого количества языческих и христианских персонажей и инвокаций к ним, а также большое количество молитвенных формул, влитых в тексты заговоров.

Рассмотрим включение структурно-стилистических элементов молитвы в тексты эпических заговоров.

В эпических заговорах выражение какого-либо желания связано с предшествующей эпической частью, в которой изображаются чудесные лица, животные и птицы, символические действия которых должны способствовать желаемому результату. Выделяют следующие структурные группы эпических заговоров:

1) эпический зачин в заговоре предшествует описанию связанного с ним желания:

Стану я раб Божий (имя) благословясь, пойду перекрестясь из избы дверьми, из ворот воротами в чистое поле, в зеленую дубраву. В зеленой дубраве стоит белая береза во двенадцати корнях. Как на мне не удержится ни утренняя роса, ни вечерняя роса, так не держитесь ни уроки, ни призоры, ни скорби-болезни, ни страхи-переполохи, ни ветряные переломы. От родимца родилищного, от русых, от белокурых, от черных, от черемных, от двоезубых, от троезубых, от двоеженных, от троеженных будьте мои слова лепки и крепки, крепче и лепче клею осетрового. Аминь.

2) в эпическом зачине показано символическое уничтожение зла чудесными героями, отсутствует выражение самого желания:

Господи Боже, благослови. Матерь Пресвятая, помоги. Не сама самою, а утренней зарею. На Острове Буян стояла светлица. В той светлице сидели три девицы. Первая девица красна ткала, вторая шелком шила, третья скуку-золотуху выговаривала, на сине море выливала от дивного глазу, от всякого худого часу. Выговаривала, вымаливала с костей, мощей, от жил, от поджил. Помоги, Господи, помилуй.

3) в эпическом зачине не говорится ни о действии, ни о состоянии чудесных героев, эти герои упоминаются лишь в связи с просьбой к ним со стороны человека, произносящего заговоры:

Матушка водица, господня помощница, смой с рабы Божьей (имя) горе, смой с рабы Божьей (имя) хвори, смой с рабы Божьей (имя) ворожье наговорье. Дай ей, матушка водица, доброго здоровья не на год грядущий, а на век векущий. Аминь. Аминь. Аминь.

За каждым эпическим персонажем в заговоре закреплены определенные действия. Общий момент эпических заговоров – формулы перечисления видов порчи, указания тех мест, откуда и куда эта порча снимается. На форму третьего типа эпических заговоров, очевидно, оказали влияние молитвы, что и выразилось в просительном тоне обращения, не свойственном заговорам, являющимся магическими по своим функциям.

В представленных заговорах элементы молитвы выявляются на трех композиционных уровнях: зачине, императиве и закрепке.

В эпических заговорах можно выделить два традиционных вида зачина: первый – «стану я, благословясь, выйду, перекрестясь», второй – «на море, на океане, на острове Буяне». Большая часть заговоров эти виды зачина сохраняет, но некоторые заговоры претерпевают изменения под действием молитв. В таких заговорах традиционный зачин заменяется обращением к святым с просьбой, характерной для молитвенного зачина. Напр., «Пресвятая владычица Святая Богородица и Господь наш Иисус Христос...» или «Егорий храбрый Батюшка, помоги...». Иногда просьба в зачине адресована и языческим персонажам: «соседушко-доброхотушко, дворовой-батюшко, я тебе молюся...» или «заря-заряница, заря-красна девица, утренняя заря – Дарья, вечерняя заря – Марья, я к вам с просьбой...».

Несмотря на изменения в зачине, внесенные молитвой, большинство заговоров сохраняет свой традиционный зачин.

В основной части заговора императивная форма уступает место форме просьбы, характерной для молитвенного текста, напр.:

Мать воспетая, миру заступница, ты бедную грешницу, рабу Марью, браком одетую, ты пеленой прикрой, если настигнет ее испытание, скорби, утраты, и в жизни минуты страдания. Я те молю – помоги, помоги, помоги.

Господа Бога упрашаю, Мать Пречистую на помощь призываю, Пресвятую Троицу прошу. Святые цветочки, ясные денечки, святые недельки, полумесяцы, месяцы, святые годики, полугодики – всех я вас на помощь призываю. Господи, благослови! Вечерняя зарница – красная девица, я тебя

умоляю, я тебя умоляю. Господи, благослови! Утренняя зарница – красная девица. Господи, благослови! Обеденная зарница – красная девица. Господи, благослови! Полуночная зарница – красная девица. Я вас умоляю. Я вас умоляю. Коровушка-Буренушка (имя коровы), вторая мать у тебя Буренушка. Аминь, ее взять, чтобы не болела, чтобы не горела, чтобы не колола.

Замыкает заговор закрепка. В полном виде закрепка в заговорном тексте встречается редко, чаще всего используется лишь часть ее. Напр.: вариант полного вида закрепки:

От встречного, поперечного, от лихого человека помилуй, Господи, рабу свою (имя). От притки, от приткиной матери, от черного человека, от рыжего, от черемного, завидливого, урочливого, от синего глаза, от черного глаза.

Запираю приговор тридевяти тремя замками, тридевяти тремя ключами. Слово мое крепко. Аминь. Аминь. Аминь.

Приведем пример усеченной формы закрепки:

Будьте мои слова лепки и крепки, крепче и лепче клею осетрового. Аминь.

Будьте мои слова лепки, крепки. Тем словам замок – море, ключ – зубы.

Век от веку ныне до веку. Тем моим словам ключ и замок. Ключ в воду, а замок в гору.

Слово мое крепко.

Молитвенная традиция внесла изменения в финал заговора. Практически каждый заговорный текст стал заканчиваться традиционной молитвенной закрепкой – «аминь». Причем, слово «аминь» может произноситься единожды, а может и многократно (два, три, четыре раза). Наиболее популярные варианты – одиночное употребление слова «аминь», а также его трехкратное повторение, обусловленное магическим значением числа «три» в народной культуре.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Привяжись к лихому человеку, который на (имя) лихо думает. К тому привяжись, который добра не сделает. От меня во веки отвяжись. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Прошу тебя по жилам не ходить, костей не ломить, сердца не сушить, колючия, болючия уничтожить. Господи, помоги, спаси и помилуй. Аминь. Аминь. Аминь.

В качестве закрепок стали выступать следующие молитвенные формулы: «во имя Отца и Сына и Святого Духа» и «отныне и во веки веков». Чаще всего используется закрепка «отныне и во веки веков» в самых разнообразных вариантах, напр.: «отныне и до веку и во веки веков», «веки по веку, отныне до веки и во веки веков», «во веки веков», «от веку, по веку, до веки веков», «отныне и до века, до гробовой доски», «аминь по веку» и другие.

Вторая молитвенная формула – «во имя Отца и Сына и Святого Духа» может быть включена в христианский текст по-разному: она может находиться как в начале текста (жанр проповеди), так и в его конце (жанр молитвы). В заговорах данную формулу можно увидеть также и в зачине, и в закрепке, напр.:

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Хмель и вино, отступитесь от раба Божия (имя) в темные леса, где люди не ходят, кони не бродят и птицы не летают. Во имя Отца и Сына и Святого Духа (дважды). Хмель и вино, выходи на быструю воду, на которой воде люди не ездят, от раба Божия (имя). Хмель и вино, подите на буйные ветры, который ветер по дальности ходит. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Привяжитесь к лихому человеку, который на (имя) лихо думает. К тому привяжись, который добра не сделает. От меня во веки отвяжись. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

В эпических заговорах данная молитвенная формула чаще всего функционирует как закрепка.

Вышеперечисленные изменения заговоров, произошедшие под влиянием текстов молитв, охватывают небольшое количество текстов. Большая часть эпических заговоров осталась самобытным, оригинальным явлением.

Рассмотрим включение структурно-стилистических элементов молитвы в заговоры – обращения к болезни.

Заговор – обращение к болезни делится на две части: обращение за помощью к святым или стихиям – молитвенная часть; обращение к болезням, которые в большинстве случаев персонифицированы – собственно заговорная часть. Возможно, первая часть подобных заговоров поздняя, возникшая под влиянием молитв, являющаяся дополнением к основной (второй) части.

Первая часть такого заговора – традиционная молитва. Для второй части характерны следующие структурные формы:

- традиционный зачин, не изменившийся под влиянием молитвы, т.к. теперь зачином является первая часть (молитва);

- императивная форма обращения к болезни;

- закрепка, которая претерпела те же изменения, что и закрепка в эпических заговорах:

Солнце на заходе, месяц на закате, скорби, болезни на утрате. Безымянному пальцу имя нет, спорой болезни места нет. Приколю-колю безымянным пальцем, огражу тебя животворящим крестом. Вот тебе животворящий крест. Вот тебе животворящий крест. Вот тебе животворящий крест. Слава Отцу и Сыну и Пресвятому Духу и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Полное включение текста молитвы в заговор встречается крайне редко, чаще всего в первую часть внесены наиболее популярные молитвенные формулы: обращения к Иисусу Христу в различных вариантах и традиционная формула – «во имя Отца и Сына и Святого Духа».

Обращение к Иисусу Христу в заговорах-обращениях к болезни представлено в трех вариантах:

1. «Господи, Иисусе Христе, Господи, благослови...»;

2. «Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас..»;

3. «Господи, Благослови...».

Примеры подобных заговоров:

Господи, Иисусе Христе, Господи, благослови рабу Божью (имя). Как у этой мыши-твари зубы не болят никогда ни в какую пору, ни в какую зорю,

грызет она железо, дерево, камень, так чтоб у рабы Божьей (имя) не болели зубы ни в какую пору, ни в какую зорю не треснули. Аминь.

Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас! Белая грыжа, не грызи, черная грыжа, не грызи, не ломи, не мути, поди в чистом поле, поди в синем море от рабы Божьей (имя) и раба Божья (имя). Во имя Отца и Сына и Святого Духа. И ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Традиционная формула – «во имя Отца и Сына и Святого Духа» в заговорах-обращениях к болезни чаще всего выступает в роли зачина, напр.:

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Нет рожке имя, нет рожке званья. Тут рожке имя, тут рожке званье. На белом меду, на красном кумачу, на огненном кремню, на остром ножу, у Егорья на воды, у Миколы на травы – тут рожке имя, тут рожке званье.

Лечебные заговоры непосредственно связаны с человеком, поэтому заговорное слово, в лечебных заговорах направленное на сохранение жизни и здоровья человека, ценится намного больше, чем заговорное слово в других тематических группах заговоров. Именно ценность слова стала причиной стабильности, неизменяемости основной части лечебного заговора (изменяется только закрепка). Молитвенные формулы вынесены за пределы текста заговора и лишь сопровождают его.

В ряде случаев некоторые молитвы и молитвенные формулы переосмыслиются, и на основе них создаются новые заговоры, напр.:

- христианское «Спаси, Господи»:

Спаси, Господи, рабов Божьих от всякого зла, супостатов, от вражьего посещения, от напрасной смерти. Спаси, Господи, силою твоею честною животворящего твоего креста от всякого волка, от зверя, от огня, от пламени, от тучи, от грома, от воды заливающей, от буйного ветра, от нечистого духа, от врагов-супостатов. Аминь. Аминь. Аминь.

- христианское «Господи, благослови»:

Господи, благослови окна. Господи, благослови двери. Господи, благослови трубы. Господи, благослови пазы и щели.

- христианское «спаси и сохрани»:

Спаси вас, Господи, сохрани от всяких бед, от всяких напастей, от опасной болезни, от напрасной смерти. Аминь. Аминь. Аминь.

Подобные заговоры очень похожи на молитвы, но их отличает от молитв наличие перечислительных рядов, которые характерны для структуры заговора.

Показателен пример создания заговора на основе молитвы «Отче наш». Данная молитва – одна из главных молитв христианства, единственная молитва, оставленная Иисусом Христом, звучит так:

Отче наш, иже еси на небеси! Да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо твое есть Царство, и сила и слава во веки. [15, с.64].

Заговор, составленный на основе этой молитвы, выглядит следующим образом:

Отче наш, иже еси на небеси, да святится Имя Твое, да придет Царствие, да будет воля твоя яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный должны мы съестъ. И оставе нас от искушения, и избеаве от лукавого. Отче Боже мой, спаси от белого, от серого, от черного сглазу.

Первая часть молитвы в заговоре не изменена, из второй части вынесено в заговор два предложения, в которых просьба заменяется на характерный для заговора императив, в конец заговора вынесено предложение, называющее цель заговора – избавление от сглаза. Закрепки у заговора нет, он остается открытой структурой, в которую могут вноситься изменения.

Элементы языческой и христианской картин мира отражаются и на структурной форме заговора. Под влиянием христианской традиции в заговорные тексты включаются многие молитвенные формулы, такие как: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа...», «Спаси и сохрани...», «Господи, помилуй...» и другие. Заговорные тексты с готовностью вобрали в себя характерные черты структуры молитвенных текстов и их самые популярные

фрагменты для придания большей авторитетности заговорному слову. Официальная христианская церковь не признает заговоры, запрещает их употребление, считает их произнесение грехом. Стилизация же заговора под молитву снимает запрет на произнесение заговора.

Выявленная в процессе исследования идейно-образная, жанрово-стилевая и структурная близость канонической молитвы, апокрифической молитвы и заговора позволяет поставить вопрос о первичности одного из жанров. На наш взгляд, заговорные тексты являются первичными в силу хронологических границ своего появления, а также потому, что имеются в наличии такие заговорные тексты, в которых не встречаются инвокации к христианским персонажам и молитвенные формулы.

Таким образом, проанализированные амурские заговоры находятся в общей парадигме с общенародными заговорами, отражающими синтез языческой и христианской традиций в языке фольклора.

Подводя итог, можно сказать о том, что языческая и христианская картины мира, несмотря на значительные различия, все же подверглись интеграции. Причем интеграция эта произошла в сфере народной культуры, народного менталитета, в то время как официальная, светская культура не приняла смешение столь разнородных элементов.

Современное научное сознание отвергает языческую картину мира, языческое мировоззрение, считает язычество показателем низшего уровня развития культуры, в то время как народная культура сохраняет элементы языческой веры, включает их в наиболее авторитетную для большей части социума религию (в нашем случае в православие).

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапкина Т.А. Полесские заговоры: проблемы научного знания // Живая старина. 2000. №1. С. 27-29.
2. Аникин В.П. Магия и поэзия // Русские заговоры и заклинания. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 5-36.
3. Аникин В.П. Фольклористика как филологическая дисциплина // Методологические проблемы филологических наук. Литературоведение и фольклористика. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 107-135.

4. Архипова Н.Г. Концепт «болезнь» в наивной языковой картине мира носителя диалекта // Вестник АмГУ. 2002. №16. С. 83-88.
5. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 2 Т. М.: Издание К. Солдатенкова, 1865. Т. 1-2.
6. Веселовский А. Н. Опыты по истории развития христиан. Разыскания в области русского духовного стиха // Записки Императорской Академии наук. СПб.: 1883. Т. XLV
7. Голубкова О.В. Женские мифические образы в верованиях восточных славян Сибири // Языковая личность: проблемы когнитивности и коммуникации: Сб. науч. тр. Волгоград: «Колледж», 2001. С. 27-31.
8. Даль В.И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб.: «Литера», 1994. 480с.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 Т. Т. 3. М.: «Русский язык», 1990. 634с.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 Т. Т. 4. М.: «Русский язык», 1991. 683с.
11. Дмитриева С.И. Слово и обряд в мезенских заговорах // Обряды и обрядовый фольклор. М.: «Наука», 1982. С. 154-160.
12. Елеонская Е.Н. К изучению заговора и колдовства в России // Елеонская Е.Н. Сказка, заговор и колдовство в России. Сб. трудов. М., 1994. С. 3-45.
13. Замовы /сост. Г.А. Барташевич, Минск, 1992. 432 с.
14. Иванов В.И. Исследования в области славянских древностей / Иванов В.И., Топоров В.Н. М.: «Наука», 1974. 367с.
15. Иванов В.И. Славянские языковые моделирующие семиотические системы / Иванов В.И., Топоров В.Н. М.: «Наука», 1965. 485с.
16. Криничная Н.А. «В глуши далекой живут седые колдуны...» // Живая старина. 2001. №3. С. 19-21.
17. Крушевский Н. Заговоры как вид русской народной поэзии. Варшава, 1876. Переизд. М.: «Авантекст», 1997. 234 с.
18. Левкиевская Е.Е. Народные молитвы и апокрифические тексты как обереги // Живая старина. 2002. №4. С. 23-25.
19. Лосев А.Ф. Пан // Мифы народов мира: Энциклопедический словарь. В 2Т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Большая Российская энциклопедия, «Олимп», 2000. Т. 2. С. 279–280.
20. Мень А.В. Православное богослужение. Тайнство. Слово и образ. М.: «Слово», 1991. 191с.
21. Неклюдов С.Ю. Авантекст в фольклорной традиции // Живая старина. 2001. №4. С. 2-4.
22. Познанский Н. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. М., 1995. 342 с.
23. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 364с.
24. Пропп В.Я. Специфика фольклора // Пропп В.Я. Фольклор и действительность. – М.: «Наука», 1976. С. 16-33.
25. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М.: «Наука», 1981. 607с.
26. Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 Т. / Под ред. Н.И. Толстого. М.: «Международные отношения», 1995. Т. 1-5
27. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М.: «Наука», 1970. 547с.
28. Толстой Н.И. Из наблюдений над полесскими заговорами // Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: «Наука», 1995. 530с.
29. Топорков Л.А. Заговор // Славянская мифология. М., 1995. С. 165.
30. Топоров В.Н. Модель мира // Мифы народов мира: Энциклопедический словарь. В 2Т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Большая Российская энциклопедия, «Олимп», 1998. Т. 1.

31. Топоров В.Н. Заговоры и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедический словарь. В 2Т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Большая Российская энциклопедия, «Олимп», 2000. Т. 1.

32. Христианство. Энциклопедический словарь. В 3 Т. / Под ред. С.С.Аверинцева. М.: Большая российская энциклопедия, 1995. Т. 1-3.

33. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: «Академический проект», 2000. 224с.

ТЕКСТЫ И КОММЕНТАРИИ

ЛЕЧЕБНЫЕ ЗАГОВОРЫ

От сглаза

1. Царю небесный, Утешителю Душе истины, иже везде сый и вся исполняй сокровище благих и жизни. Подателю, прииде и вселися в ны и очисти ны от всякия скверны и спаси, Блаже, душа наша.

Кидать в огонь чеснок и приговаривать: Пусть уберезет от сглаза и прочай болезни, мучения и преступления, несправедливости и беззакония.

2. От встречного, поперечного, от лихого человека помилуй, Господи, рабу свою (*имя*). От притки, от приткиной матери, от черного человека, от рыжего, от черемного, завидливого, урочливого, от синего глаза, от черного глаза. Как Заря Амнитария исходила и потухала, так бы из рабы Божией (*имя*) всякие недуги напущёны исходили и потухали. Как из булату, из синего укладу каменею огонь выбивает, так бы из рабы Божией (*имя*) все недуги и порчи выбивало и выбивало. Притка ты, притка, приткина мать, бóлести, уроки, призор, очес, подите от рабы Божией (*имя*) во темные леса, на сухи дерева, где народ не ходит, где скот не бродит, где птица не летает, где зверье не рыщет. Соломонида, бабушка Христонравушка, Христа мыла, правила, нам окатышки оставила. Запираю приговор тридевяти тремя замками, тридевяти тремя ключами. Слово мое крепко. Аминь. Аминь. Аминь.

3. Господи Боже, благослови, Мать Пресвятая, помоги, не сама собою – утренней зарею. На острове Буяне стояла светлица. В той светлице сидели три

девицы: первая девица красна ткала, вторая шелком шила, а третья скуку-золотуху выговаривала, на сине море вышивала от дивного глазу, от всякого чужого часу выговаривала, вымаливала с костей, мощей, от жил, от поджил. Господи, помоги. Господи, помилуй. Аминь. Аминь. Аминь.

4. Матушка водица, Господня помощница, смой с рабы Божьей (*имя*) горе, смой с рабы Божьей (*имя*) хвори, смой с рабы Божьей (*имя*) ворожье наговорье. Дай ей, матушка водица, доброго здоровья не на год грядущий, а на век векущий. Аминь. Аминь. Аминь.

В стакан налить воды и бросить соли. Болящего напоить, умыть, остатки соленой воды вылить в пятку двери и закрыть дверь.

5. Отче наш, иже еси на небеси, да святится Имя Твое, да придет Царствие, да будет воля Твоя яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный должны мы съесть. И оставе нас от искушения, и избеаве от лукавого. Отче Боже мой, спаси от белого, от серого, от черного сглазу.

От порчи

6. *Налить в стакан воды и наговаривать три раза:*

Стану я, раб Божий (*имя*), благословясь, пойду, перекрестясь, из избы дверьми, из ворот воротами в чистое поле, в зеленую дубраву. В зеленой дубраве стоит белая береза во двенадцати корнях. Как на мне не удержится ни утренняя роса, ни вечерняя роса, так не держитесь ни уроки, ни призоры, ни скорби-болезни, ни страхи-переполохи, ни ветряные переломы. От родимца родилищного, от русых, от белокурых, от черных, от черемных, от двоезубых, от троезубых, от двоеженных, от троєженных. Будьте мои слова лепки и крепки, крепче и лепче клею осетрового. Аминь.

Выпить глоток воды или дать выпить тому, с кого снимаете порчу, помочить лоб и волосы, три раза побрызгать на грудь и спину. Молча подождать, пока высохнет вода.

7. Налить в прозрачный стакан немного воды, вбить в него яйцо так, чтобы не разлить желток. Поводить этим стаканом над головой человека одну-две минуты. Если от белка через воду вверх потянутся белые нити как бы вареного яйца, значит, этого человека сглазили или навели порчу. Снять порчу следующим образом. В течение восьми дней ставить на ночь у изголовья прозрачный стакан с водой и яйцом, а утром выливать. Стакан не мыть и не пользоваться им. Через восемь дней порчу как рукой снимет.

8. Читать три раза над непитой водой:

Чем родился, раб Божий (имя), тем пособился от всяких скорбей, от уроков, от призоров, от страхов-переполохов, от тяготы, от ломоты, от встречного, от черного покрова, от бабки, от золовки, от девки-простоволоски. Будьте мои слова лепки, крепки. Тем словам замок – море, ключ – зубы.

Дать попить наговоренной воды.

9. Замкну я на тридевять замков, выну из тридевяти замков тридевять ключей, кину те ключи в чисто океан – море, и выйдет из того моря щука златоперая, чешуя медная, и проглотит тридевять моих ключей, и сойдет в глубину морскую, и никому той щуки не поймать, тридевять ключей не сыскать, замков не отпирать и меня, раба Божия, не испортить. Встану я, раб Божий, благословясь, пойду, перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами, выйду в чистое поле, стану на восток лицом, на запад хребтом. Гой еси ты, заря утренняя, ты, заря вечерняя. Аминь.

От испуга

10. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Катать яйцо по голове, груди, рукам, ногам. После вылить из яйца белок в пустой стакан. Стакан с белком поставить на голову больного и заливать водой. Если испуг, то белок поднимется.

От ангины

11. *Читать по три раза утром, вечером и утром следующего дня. После каждого прочтения больной должен сглотнуть слюну. Если лечат ребенка, то надо за него сглотнуть.*

Ветла, ветла, возьми свою глоть; а если ты ее не возьмешь, мы тебя заглотим с корнями. Аминь. Аминь. Аминь.

От глазных болезней

12. *Сначала читать молитву «Отче наш», потом – заговор.*

Очужко кохано*. У рабы Божьей (имя) глаза коханы, глаза коханы, глаза коханы, чисты, непорочны, новорожденные, крещеные, молитвенные. Выплыви, заноза, и не коли у (имя) глаза. Выплыви, тускы, и не боли у (имя) глаза. У (имя) глаз чистый и непорочный, новорожденный, крещеный и молитвенный. Святая Варвара Великомученица, Святая Евдокия, Святая Екатерина, Святая Тихвинская Божья Мать, оглянись на рабу Божью (имя), новорожденную, крещеную и молитвенную. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Аминь.

Три раза читать, плюнуть через левое плечо.

* В заговоре отразились диалектные особенности.

От зубной боли

13. *Читать, когда взойдет месяц.*

Месяц ты месяц, серебряные рожки, золотые твои ножки. Свети ты, месяц,ними мою зубную боль, унеси боль под облака. Моя скорбь не мала, не тяжка, а твоя сила могуча. Мне скорби не перенести. Вот зуб, вот два, вот три – все твои. Возьми мою скорбь, месяц ты месяц, сокрой от меня мою скорбь.

14. Заря-зарница, красна девица, полуночица. На поле заяц, в море камень, на дне Лимарь. Покрой ты, зарница, мои зубы скорбны своею фатою от проклятого Лимаря. За твоим покровом уцелеют мои зубы. Враг Лимарь,

откачнись от меня. А если ты будешь грызть мои белые зубы, сокрою тебя в бездны преисподни. Слово мое крепко.

15. *Наговорить на воду и вылить ее на перекресток дорог.*

Четыре сестрицы, Захарий да Макарий, сестры Дарья да Мария да сестра Ульяна сами говорили, чтобы у раба Божия (*имя*) щеки не пухли, зубы не болели. Век от веку ныне до веку. Тем моим словам ключ и замок. Ключ в воду, а замок в гору.

Для снятия зубной боли привязать к локтю листовую махорку. Если болит с правой стороны, то к левому локтю, и наоборот.

Или: к запястью с внутренней стороны привязать чеснок. Если болит с левой стороны, то чеснок – к правой руке, и наоборот.

16. Господи, Иисусе Христе, Господи, благослови рабу Божью (*имя*). Как у этой мышши-твари зубы не болят никогда ни в какую пору, ни в какую зорю – грызет она железо, дерево, камень, так чтоб у рабы Божьей (*имя*) не болели зубы ни в какую пору, ни в какую зорю не треснули. Аминь.

От зубной и головной боли

17. *Читать на закат или на месяц – идти на улицу, произнося слова.*

– Месяц Булат, у тебя есть брат Игнат? Не болят у Игната зубы?

– Нет, не болят.

– Не болит буйная головушка?

– Нет, не болит.

– Так пусть и у меня, раба Божьего (*имя*), не болят белые зубки, не болит буйная головушка.

Слова произносить три раза, после каждого чтения поплевать три раза через левое плечо.

От боли в спине, в суставах

18. Святая вода, сырая земля, прости и отпусти рабе Божьей (*имя*) притки и хитки. Выйди, притка, выйди, хитка, из костей, из мощей, из станových жил у рабы Божией (*имя*). Во веки веков. Аминь. Аминь. Аминь.

Заговор читать на воду, которую затем пить и натирать ею больное место.

От кровотечения

19. *Читать три раза и крестить больное место.*

На море-океане лежит камень, на том камне сидит девица, шить мастерица. Она держит иглу булатную, вдевает нитку шелковую, зашивает раны кровавые раба Божьего (*имя*). Тут тебе не бывать, по кости не ходить, костей не ломить, головы не кружить и раба Божьего (*имя*) не уморить.

20. На синем море, на белом камушке сидела красная девица. Сидела, вышивала ниткой медной из сустава, чтоб руда перестала.

Читать три раза или больше и обводить больное место безымянным пальцем (для людей и скота).

От грудницы

21. *Читать молитву «Отче наш», наговаривать на несоленое сливочное масло, очерчивая безымянным пальцем и намазывая этим маслом больную грудь.*

Солнце на заходе, месяц на закате, скорби-болезни на утрате. Безымянному пальцу имени нет, спорой болезни места нет. Приколю-колю безымянным пальцем, огражу тебя животворящим крестом. Вот тебе животворящий крест. Вот тебе животворящий крест. Вот тебе животворящий крест. Слава Отцу и Сыну и Пресвятому Духу и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

От грудницы и от рожи людей и скота

22. Властия-Медосия*, начинаю я чертить в рабы Божей (*имя*). Ангелы, возьмите эту боль, унесите за горы, за доли, за лес густой. Ангелы, возьмите эту боль (*имя*), унесите ее с собой, чтобы ее в веке веков не было.

Читать и чертить три раза или больше. Чертить безымянным пальцем, плюнуть на пол. При роже наговорить на мел, на красную тряпку и привязывать в больному месту. А корову называть Коровушка-Буренушка.

*Искажение текста: нужно «Власий-Медосий».

От ушиба

23. *Взять нож, поскрести ножом больное место три раза, приговаривая:*

Дикое, лужное, а мне совсем не нужное, закутись, завертись, в темный вихрь превратись. Облетай зверей, обминай зверей. В темный вихрь превратись и в омурах утопись. Аминь.

От расширения вен

24. Шел Отец Авраам с самолюбезным сыном своим Исааком. Нес жилу недужную Христу на исцеление. Встретились им двенадцать комух – антихристовых дочерей. Спросил их Отец Авраам: Вы ли испортили жилы рабы Божьей (*имя*)? Комухи Отцу Аврааму поклонились, перед святостью повинились, перед крестом затрепетали, с рабы Божьей (*имя*) кровяные узлы забрали.

Кто в пятницу это прочтет, у того с жил вся болезнь уйдет. На десятой неделе в пятницу после Пасхи после заката солнца читать три раза заговор, водя мизинцем правой руки вокруг расширенных вен, шишек.

От рожи

25. Господи Боже, благослови. Матерь Пресвятая, помоги. Не сама собою – утренней зарею. Выговариваю тебе (*имя*) розовицу, белую беловицу, красную

красовицу, синюю синевицу. Гори ж ты, рожа. Перестань ты, рожа. Прошу тебя по костям не ходить, сердца не сушить, колючие, болючие уничтожить. Пришла незванная, иди непровоженная. Господи Иисусе Христе, помоги. Аминь. Аминь. Аминь.

26. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Нет роже имя, нет роже званья. Тут роже имя, тут роже званье. На белом мелу, на красном кумачу, на огненном кремню, на остром ножу, у Егорья на воды, у Миколы на травы – тут роже имя, тут роже званье.

От грыжи

27. Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. Белая грыжа, не грызи, черная грыжа, не грызи, не ломи, не мути, поди в чистом поле, поди в синем море от рабы Божьей (*имя*) и раба Божья (*имя*). Во имя Отца и Сына и Святого Духа. И ныне и присно и во веки веков. Аминь.

От чирья

28. *Найти сучок, взять ключ с дырочкой и обвести вокруг чирья, а потом вокруг сучка три раза.*

29. Щука в море играет, щепя по щепе из раба Божья (*имя*) выгоняет, чтобы не кололо, не ломало, не нарывало, раба Божья (*имя*) заживляет.

От волоса

30. Господи, благослови. Волос, поди, малый, поди. Не бойся ни писку, ни визгу, ни собачьего лая. Как собака плодится-щенится, и ты, Волос, так же плодись-щенись, назад не воротись. Аминь.

От геморроя

31. Бог родился в рождественскую ночь в полночь. Бог умер. Бог воскрес. Бог повелел, чтобы кровь остановилась, чтобы язва закрылась, чтобы боль

прошла и чтобы она не обратилась ни в гной, ни в запах, ни в гниющее тело, как ни обратились пять язв Господа Иисуса Христа. Христос родился, умер и воскрес.

Эти слова повторять три раза и каждый раз дуть на рану крестообразно, произнося имя больного и прибавляя: Бог тебя исцелит. Да будет так. Назначается чтение молитвы девять дней натоцак в честь пяти язв Господа нашего Иисуса Христа.

От пьянства

32. Наговаривать на воду.

Ты, небо, слышишь, ты видишь, что я хочу делать над телом раба Божьего (*имя*). Звезды вы ясные, сойдите в чашу брачную. А в моей чаше вода из горного студенца. Месяц ты красный, зайди в мою клеть, а в моей клетке ни дна ни покрышки. Солнышко ты привольное, взойди на мой двор, а на моем дворе ни людей, ни зверей. Звезды, уймите раба Божия (*имя*) от вина. Месяц, отвори раба Божия (*имя*) от вина. Солнышко, усмири раба Божия (*имя*). Слово мое крепко.

33. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Хмель и вино, отступитесь от раба Божия (*имя*) в темные леса, где люди не ходят, кони не бродят и птицы не летают. Во имя Отца и Сына и Святого Духа (дважды). Хмель и вино, выходи на быструю воду, на которой воде люди не ездят, от раба Божия (*имя*). Хмель и вино, подите на буйные ветры, который ветер по дальности ходит. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Привяжись к лихому человеку, который на (*имя*) лихо думает. К тому привяжись, который добра не сделает. От меня во веки отвяжись. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Для отвращения к вину

34. Несколько угрей положить в горшок с вином, держать, пока они не заснут. После этого наступит отвращение к вину, отрезвление.

От змеиного укуса

35. *Достаточно увидеть змею и сказать:*

Ози, озось, озна.

36. Стою я, раба Божья (*имя*), благословясь, пойду, перекрещась, из двери в дверь, из ворот в ворота. И пойду я, раба Божья (*имя*), под луну и под ясное солнце, и пойду я, раба Божья (*имя*), на море на океан. На море на океане на острове Буяне стоит дерево. На этом дереве лежит золотое гнездо. В этом гнезде лежат три змеи: Первая змея – Мария, Вторая – Лупея, Третья – Василиса. Подхожу я к вам поближе, и поклонюсь я вам пониже, и попрошу я вас. Возьмите свои жалы и яды. Если не возьмете, вас не примет Мать Сырая Земля, шелковая трава.

Читать три раза или больше, обводить безымянным пальцем и плевать на пол. Лечить скот и людей.

От укуса собаки

37. Божья роса, залепи собаке глаза.

От всех болезней

38. Соль солена. Зола горька. Уголь черен. Нашепчите, наговорите мою воду для того, чтобы сошла болезнь с меня. Ты, соль, услади. Ты, зола, огорчи. Ты, уголь, очерни. Моя соль крепка. Моя зола горька. Мой уголь черен. Кто выпьет мою воду, отпадут все недуги. Кто съест мою соль, от того откачнутся все болести. Кто полижет мою золу, от того отбегут лихие болести. Кто сотрет зубами уголь, от того отлетят узороки со всеми призораками.

Воду с таким наговором надо пить по зорям.

39. Во черной избе за дубовым столом стоит трясовица на полнице. Ты, трясовица, не вертись, а ты, притолока, не свихнись. Вертелось бы, свихнулось зелено вино в чаше, и вертело бы вино, и свихнуло бы вино все продуманное, невидимое, да что не слыхано, да что не сказано в таком-то дому, на такову-то беду. А буде ты, трясовица, завертишься, а буде ты, притолока, свихнешься, ино буде вам от меня лютого неволя да злого томления. А на иного вам буде все по добру по здорову, как бывало доселево.

40. *Ты лечишь – говори свое имя.*

Стою я, раба Божья (*имя*), благословясь, пойду, перекрещась, из двери в дверь, из ворот в ворота в чистое поле, широкое раздолье. В широком раздолье есть море, в этом море лежит во сиянии камень. На этом камне во сиянии сидит Мать Пресвятая Богородица. Подойду к тебе близешенько, поклонюсь низешенько, и прошу я тебя, Мать Пресвятая Богородица. Сними, Божья Мать, с рабы Божьей (*имя*) все болезни, все страхи, переполохи, притчи, порчи, уроки озевы, испуги, глаза. Все зависти людские, думы, скорби, уймись, уложись. У рабы Божьей (*имя*) все болезни, и скотские и людские, все болезни, страхи, переполохи, притчи, порчи, уроки, озевы, испуги, сглазы, все зависти людские, думы, скорби, все болезни, какие есть на свете. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Наговаривать на свежей воде, если есть, – свяченой на Крещение браге, добавить соли. Людей, ребенка умыть этой водой, напоить и остальную вылить в печь. Наговаривать на эту воду три раза.

41. Через Христа, со Христом и во Христе. Тебе, Всемогущий Отче, совместно со Святым Духом всякая честь и слава. Спасительными указаниями и Божественными установками направляемые осмеиваемся говорить: Иисус Всемогущий, всемогущество Отца и совершенство Святого Духа, да исцелена будет рана эта от всякого зла. Аминь.

Господи Иисусе Христе, я верю, что ночью, на вечерне, после того, как ты омыл ноги своих учеников, ты своими святейшими руками взял хлеб и благословил, и преломил его, и дал своим Апостолам, говоря: «преломите и ядите, ибо это есть тело мое». Равно ты взял кубок в наичистейшие руки свои и, отдавав, передал им, говоря: «примите и пейте, ибо здесь кровь моя, Нового Завета, изливаемая за многие восстановления грехов. И всякий раз, как это будете творить, творите в мое воспоминание».

Молю тебя, Господи Иисусе Христе, дабы через эти святейшие слова, через заслуги твоих учеников и во имя твоего святейшего подвига исцелена была эта рана, это зло. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

ДЕТСКИЕ ЗАГОВОРЫ

На облегчение родов

42. Как Пресвятая Богородица Христа родила без мук, без болей, так бы и рабе Божьей (*имя*) родить без муки, без боли. Открывайтесь, ворота костяные. Отныне и навеки. Аминь.

От порчи и уроков младенцев

43. *Если кто заметит матери, что младенец ее красив или здоров, словом похвалит, то мать, чтобы не взяли младенца уроки или сглаз, облизывает ему три раза лицо и каждый раз сплевывает на землю. То же делают с ребенком и в бане.*

От испуга

44. Господи Боже, благослови. Матерь Пресвятая, помоги. Не сама собою – утренней зарею. Выйди, выйди, испуг, из буйной головы, из русых волос, из острого зуба, из красной крови, из жил. Прошу тебя по жилам не ходить, костей не ломить, сердца не сушить, колючия, болючия уничтожить. Господи, помоги, спаси и помилуй. Аминь. Аминь. Аминь.

От бессонницы

45. *Читать три раза.*

Встану я, раб Божий, благословясь, пойду, перекрестясь, из избы в избу, из дверей в двери, из ворот в ворота, под восток, под восточную сторону. Под восточной стороной ходит матушка утренняя заря Мария, вечерняя заря Маремьяна, мать-сыра земля Пелагея и сине море Елена. Я к ним приду поближе, поклонюсь им пониже. Встань ты, матушка заря утренняя Мария и вечерняя Маремьяна, приди к нему, к рабу Божию ко младенцу (*имя*), возьми ты у него полуночника и щекотуна из белого тела, из горячей крови, из ретивого сердца, изо всей плоти, из ясных очей, из черных бровей, изо всякого человеческого составу, из каждой жилочки, из семидесяти суставчиков. Понеси их за горы высоки, за леса дремучи, за моря широки, за реки глубоки, за грязи топучи к щуке-белуге в зубы, понеси ее в сине море. Щука в море, язык во рте, замок в небе, а ключ в море. Замок замкнулся и ключ – в воду.

От крика

46. Матушка заря вечерняя, Ирина полуночная, Катерина утренняя, Марина полуденная, Мария-матушка. Зори занимаются, а у рабы Божьей (*имя*) крик унимается. А ты, петушок, возьми крик, а дай рабе Божьей (*имя*) покой.

Читать три раза и на пол плюнуть через левое плечо. Хочешь – неси ребенка под курей, а хочешь – дома ребенка носи.

От грыжи

47. Господи Боже, благослови. Матерь Пресвятая, помоги. Не сама собою – утренней зарею. Выговариваю тебя, грыжа, в синее море высылаю. Там тебе жить, там тебе гулять, у младенца (*имя*) век не бывать.

Надо найти сучок, обвести грыжу три раза и сказать: Как этому сучку на дереве не бывать, так и грыже не бывать у младенца.

48. Заря-зарница, красная девица, заря утренняя, заря вечерняя, не я хожу, не я лечу. Ходит Матушка Божья Пресвятая Богородица со своими мощами, со своими молитвами из двери в дверь, из ворот в ворота, в чистое поле, к синему морю. В синем море есть синий камень, под этим камнем ходит рыба щука, младенцу (*имя*) она прогрызает грыжу. Рабе Божей (*имя*) грыжу поясничную, грыжу яичную, грыжу пуповую, грыжу лунновую. Во имя Отца и Сына и Святого Духа, Аминь.

Читать три раза. Обводить безымянным пальцем три раза вокруг пупа, в пахах и пояснице.

От золотухи

49. *Читать на молодой месяц.*

Как батюшка млад месяц на месте не стоит, так и раба Божья (*имя*) выходила бы из золотухи, выступала бы на позолотушье из тридевяти мозгов, из буйной головы, из черных бровей, из ясных очей, из косиц, из ресниц, из ягодиц, из мягких губ, из белых зубов, чтобы не было ломотицы, мокротицы век на веки и от ныне до веку. Аминь.

ДОМОВОДЧЕСКИЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАГОВОРЫ И МОЛИТВЫ

На благополучие дома

50. Читать на воду три раза, но перед этим три раза прочитать «Отче наш».

Мир, спасение дому сему и живущим в нем. Посели, Господи, в доме сем дух благочестия, дух кротости и смирения, изгони из него всякую силу дьявольскую и всякого врага видимого и невидимого.

Пречистый животворящий крест Господний, силою на тебе распятого Господа нашего Иисуса Христа укрепи меня на вся враги видимые и невидимые, плотского и душевного соблюдения и искушения. Аминь.

Наговоренной водой побрызгать все углы, а оставшуюся воду вылить под порог.

На здоровье скотины

51. Святые мученики, чудотворцы великие, Фрол и Лавр, Василий и Харлампий, Николай Чудотворец и Георгий Победоносец, вашими всеильными мольбами к Господу Спасу Всемилоствивому исцелите и избавьте скот сей от поветрия, от падежа, от тлетворного воздуха, от смертоносного недуга, от всякой немощи, хвори, скорби и болезней, от всякого зла. Спасите, сохраните и помилуйте, с Матерью Божою Пречистою Владычицею Богородицею Пристойной Девой Мариєю сотворите и явите милость. Вместе же прославьте святых чудотворцев Козьму и Доминиана, Кира, Иоана. Весь скот помилуйте и сохраните с Отцом, Сыном и Святым Духом и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

52. Памятью Господа, Царя Давида, Матери Елены да церковина жития. Как белая березонька стоит, во веки веков не тронется, не ворохнетя, так бы и теленок жил веки-навекы, не дрогнул, не ворохнулся. Крестос с нами установися вчера и днесь и ныне. Ты еси, Бог Велик. Пошли, Господи, Победителя Архангела Михаила победить демонические силы, защитить щитом своим от тлетворного воздуха и наносной болезни, и от падежа скотского, и благослови скот сей, избави его от всякого зла и обстояния видимых и невидимых врагов и губителей смерти, и поветрия, и падежа, и всех дьявольских злодеяний, и умножи именем твоим святым пользование сими целениями, здравицу даруй во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Аминь. Аминь.

53. Лечить коров, говорить – Коровушка-Буренушка.

Господа Бога упрашаю, Мать Пречистую на помощь призываю, Пресвятую Троицу прошу. Святые цветочки, ясные денечки, святые недельки,

полумесяцы, месяцы, святые годики, полугодики – всех я вас на помощь призываю. Господи, благослови. Вечерняя зарница – красная девица, я тебя умоляю, я тебя упрошаю. Господи, благослови. Утренняя зарница – красная девица. Господи, благослови. Обеденная зарница – красная девица. Господи, благослови. Полуночная зарница – красная девица. Я вас умоляю. Я вас упрошаю. Коровушка-Буренушка (*имя коровы*), вторая мать у тебя Буренушка. Аминь, ее взять, чтобы не болела, чтобы не горела, чтобы не колола.

Отче наш, иже еси на небеси, да святится Имя Твое, да придет Царствие, да будет воля твоя яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный должны мы съесть. И оставе нас от искушения, и избевае от лукавого. Отче Боже мой, спаси от белого, от серого, от черного сглазу.

Заговор читать три раза в день. Перед каждым чтением три раза произносить «Отче наш». Наговаривать на воду и соль. Корову поить наговоренной водой и брызгать с головы до хвоста. Плевать через левое плечо.

54. Вытирать хвостом вымя между ног.

Коровушка, хвост у тебя как дубровушка. Мету, сметаю, все боли снимаю. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Читать три раза.

От червей

55. Се умолвите, червь, в человеци, или в кони, или в ниве. Как зайде солнце и июнь на камень или на руци.

И глаголи сие над маслом или над солью да промовляя:

Седло гремит, узды бренчат в порожные меха. Ехати по хмель, по легкий товар червям. Полетите вы, черви, за море. Там у червей свадьба: овча яловица печена. А здесь червям огонь, сера горяча и смола кипуча. Побегите, черви, отсель за море.

56. *Аще червь ниву бьет, глаголи:*

Не бейте, черви, не ещьте, черви, сии гобины озимы. Серая червь, и белая, и малая, и костяники, подите вы, черви, на запад солнца, на зеленую дуброву, на осиновый лист. Аще вы не пойдете, сего не порядите, черви, сия озими, спущу на вас птица – крыла железныя и ноги булатныя. И погнут вас, братья – червь серую и белую, и малую, и костяники. Подроду вашего не будет, и вы подите, черви, сего не дожидайтесь. Сей озимый здоров, а сия озимый корень тверже ваших камней и кремней и прочая смолы и серы.

От муравьёв

57. *Нужно положить в угол говяжью кость. Муравьи заберутся в неё. На другой день кость кладут в кипяток: обваренные муравьи всплывают. Прodelывать так, пока не выведутся все муравьи.*

ЖИТЕЙСКИЕ ОБЕРЕГИ

На дорогу

58. Заговариваю я раба Божьего (*имя*), своего полубовного молодца (*имя*) о сбережениях в дороге крепко-накрепко на век и на всю жизнь. Никто из лугу всю траву не выщипет и не выест, из моря всю воду не выпьет и не взаикает, и так бы мое слово не превозмог, мой заговор не расторг, кто из злых людей его обзорочит, и опризорит, и испортит, у них бы тогда изо лба глаза выворотило в затылок, а моему полубовному молодцу (*имя*) путь и дороженька, доброе здоровье на разлуке моей.

59. Господи, сохрани. Шёл Иисус Христос впереди, Мать Божья посреди, а я, грешница (*имя*), позади. Сохрани, Господи, от гадов летучих, от змеев ползучих, от нахальной смерти, от всех болезней. Господи, помилуй. Господи, помилуй. Господи, помилуй.

Если для себя читаешь, молись, крестись. Если для других читаешь, то его крести хоть сзади, хоть спереди. Эта молитва читается, когда идешь в поход, в поле и на ночь.

На исполнение просьбы

60. *Перед тем, как войти в дом, нужно взяться за скобу двери и сказать три раза: Как молвит эта скоба, так молвил бы дед против меня. А войдя в дом, посмотреть на того человека, который должен удовлетворить просьбу и тихо произнести: Я волк, ты овца. Проглочу я тебя. Бойся меня.*

На подход к судьям

61. Господу Богу помолюся. Святым Апостолам поклонюся. Петра и Куку попрошу спасти душу мою. Стой, Пан, как баран, твои панинята, как баранята. А я буду стоять, как вол, кто меня будет судить, чтоб замолк. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Мыло, которым мыли покойного, положить подсудимому секретно.

От лихого человека

62. Иду я по чистому полю, навстречу бегут семь духов с полудухами, и все черные, все злые, все нелюдимые. Идите вы, духи с полудухами, к лихим людям, держите их на привязи, чтоб я от них был цел и невредим по пути-дороге, во дому и в лесу, в чужих и в родных, во земле и на воде, во обиде и на пиру, в свадьбе и на беде. Мой заговор долог, мои слова крепки. Кто мое слово испровержит, оно будет во всем на иного понехуду. Как во преди сказано.

63. На море океанском, на камне алатынском стоит церковь, во церкви – престол. За престолом стоит Мать Пресвята Богородица. Она спать не спит, сон страшный, ужасный видит: будто сын ее на кресте распят, во рученьки, во ноженьки гвозди вбиты, плечо копьем прорвано. Приходит Сын возлюбленный. Не плачь, Мать Мария. Твой сон страшный, ужасный спишу на чистый лист

бумаги*. Кто трижды прочтет, то будет спасен от злого, лихого человека, от огня-пламени, от воды-потопа, Мать Пресвята Богородица в головах будет сидеть, будет помочь просить. Аминь. Аминь. Аминь.

*Фрагмент заговора представляет собой переложение апокрифической молитвы «Сон Богородицы».

64. Спаси, Господи, рабов Божьих от всякого зла, супостатов, от вражьего посещения, от напрасной смерти. Спаси, Господи, силою твоею честною, животворящего твоего креста от всякого волка, от зверя, от огня, от пламени, от тучи, от грома, от воды заливающей, от буйного ветра, от нечистого духа, от врагов-супостатов. Аминь. Аминь, Аминь.

65. Спаси вас, Господи, сохрани от всяких бед, от всяких напастей, от опасной болезни, от напрасной смерти. Аминь. Аминь. Аминь.

От врагов

66. *Читать три раза.*

Я, раба Божия (*имя*), еду на вороном коне. Месяц за плечами, солнце меж очами, Бог мне помощник со всеми ангелами и архангелами. Я, раба Божия (*имя*), еду на коне до пана. Пан стоит. Кого встречает, тому глаза вынимает, врагам меня закрывает. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

От оборотня

67. На море, на океане, на острове на Буяне, на полой поляне светит месяц на осинов пень, во зелен лес, во широк дол. Около пня ходит волк мохнатый, на зубах весь скот рогатый, а в лес волк не заходит, а в дол волк не забродит. Месяц, месяц, золотые рожки, расплавь пули, притупи ножи, измочаль дубинки, напусти страх на зверя, человека и гада, чтобы они серого волка не брали и теплой бы с него шкуры не драли. Слово мое крепко, крепче сна, и щит богатырский.

От нечистой силы

68. Спасова рука, Богородицин замок, ангел мой – хранитель мой, сохрани мою душу, скрепи сердце мое. Враг-сатана, пойдя прочь от меня. Есть у меня три листа, где написано все: Марк да Никита Великомученик за грехи душу мучат, за Бога молят.

От бесов

69. Господи, благослови окна. Господи, благослови двери. Господи, благослови трубы. Господи, благослови пазы и щели.

На крепкий сон

70. Ложусь я спать на божью кровать, ангелы по бокам, Мать Пречистая в головах. Ангелы-Хранители, храните душу и тело с вечера до полуночи. Мать Пречистая – до свету. А Иисус Христос – до конца века.

Господи, помилуй. Господи, помилуй. Господи, помилуй.

На душевное спокойствие

71. Господи, дай мне душевное спокойствие встретить все, что даст мне сей день. Господи, дай мне вполне предаться воле Твоей. Господи, на всякий час этого дня во всем наставь и поддержи меня. Господи, открой мне волю Твою для меня и окружающих. Какие бы я ни получил известия в течение дня, дай их мне принять при спокойствии душевном и с твердыми убеждениями, что на все святая воля Твоя. Господи Великий и Милосердный, во всех моих делах и словах руководи моими мыслями и чувствами, во всех непредсказуемых обстоятельствах дай мне забыть, что все ниспослано Тобой. Господи, дай мне разума с каждым из ближних моих, никого не огорчая и никого не смущая. Господи, дай мне силы перенести утомление сего дня и все события в течение его, руководи моей волею и научи

*Заговор создан по мотивам апокрифической Молитвы Преподобных Отцов Старцев Оптинских.

72. Мать воспетая, миру заступница, ты бедную грешницу, рабу Марью, браком одетую, ты пеленой прикрой, если настигнет ее испытание, скорби, утраты, и в жизни минуты страдания. Я те молю помощи, помощи, помощи.

ПРАВИЛА ПРОИЗНЕСЕНИЯ ЗАГОВОРОВ

Заговоры, которые произносятся днем

73. *Эти заговоры должны быть направлены в сторону солнца, а вечерние – на запад, к заходящему солнцу. Их необходимо произносить громко, если находишься один, или тихо, но обязательно с проникновенным чувством, внятно, не суеясь, не комкая слов и не запинаясь. Перед любым заговором необходимо произнести следующую молитву: Николай Угодник, Божий помощник, ты и в доме, ты и в поле, и в дороге, на небе и на земле, заступися и сохрани.*

Н.Г.Архипова, А.Н.Павлова

СОВРЕМЕННЫЙ ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР: ОСОБЕННОСТИ БЫТОВАНИЯ

Детский фольклор – особый вид народной культуры, выполняющий важнейшую роль в становлении и развитии личности, освоении духовных ценностей предшествующих поколений, что обеспечивает преемственность и сохранность духовного облика народа. Детский фольклор предлагает ребенку выработанные временем словесно-поэтические средства, необходимые для выражения в художественной форме особого, детского видения мира, порожденного возрастными психическими особенностями. Эти особенности и обусловленные ими формы взаимодействия с окружающим миром, со сверстниками и взрослыми людьми чрезвычайно сильно меняются по мере развития ребенка в период от рождения до отрочества. Поэтому так богата,

своеобразна область народного творчества, связанного с миром детства [3, с.5 – 53].

Жизнь каждого ребенка необычайно интенсивна. Своими интересами и потребностями она связана с такой же многогранной жизнью сверстников и взрослых. По особому назначению в жизни детей, вышедших из младенческого возраста, определяют жанровые циклы внутри собственно детского фольклора: детский народный календарь, детский игровой фольклор, детская сатира, бытовые и правовые приговоры, «страшное и таинственное»; детский юмористический фольклор, детские загадки. Каждый из этих циклов и входящих в него жанров своеобразно выстраивает общение детей между собой, общение разных детских поколений друг с другом, обеспечивает преемственность культурных жизненных стереотипов.

Несмотря на значительные социальные, культурно-исторические перемены в истории народа и жизни современного общества, реальному и художественному миру детства свойственны некоторые общие закономерности, качества, специфические именно для детской культуры как явления, отличного от культуры взрослых и в то же время связанного с ней прочными узами. Это обеспечивает преемственность в культуре народа, с одной стороны; с другой стороны, привносит в нее новые краски. Таким образом, детский фольклор – это живое, динамичное явление.

Дошкольникам и школьникам необходимы особые, принятые в детском коллективе формы взаимоотношений в игре, в самоутверждении среди товарищей, старших детей и взрослых, в регулировании эмоций, желаний, порывов. Все эти эмоциональные, этические, эстетические, социальные потребности, как много веков назад, в наше время порождают вечно живые формы детской культуры – современный детский фольклор. Он может существенно отличаться от форм традиционного детского устно-поэтического творчества, но его главные, основные законы все же стабильны, универсальны, неизбежны, как стабилен и неизбежен для каждого человека путь от детства к взрослости. Детская культура помогает пройти этот путь, обозначить его

основные этапы во внутреннем мире личности, дать внешние способы закрепления опыта детской жизнедеятельности, построить мост между человеком и обществом, между народом, родным языком, традиционными формами быта, ценностями народной культуры.

В работе представлены тексты как традиционного, так и, главным образом, современного детского фольклора (постфольклора). Начиная с 60-70-х гг. XX века постфольклорные тексты более активно, чем тексты традиционного фольклора, функционируют в речевой практике детей. Исходя из малой разработанности термина «детский постфольклор» в научной литературе, мы предлагаем свое толкование, основанное на наблюдениях над практическим материалом.

Детский постфольклор – это устойчивые тексты, созданные детьми на традиционной народной, литературной или безэквивалентной основе.

Таким образом, мы исключаем из детского постфольклора все произведения, являющиеся творчеством взрослых, предназначенным для детей, и рассматриваем лишь жанры и тексты, созданные детьми и передаваемые от одного ребяческого поколения к другому

Время появления современного детского фольклора – это, главным образом, вторая половина XX – начало XXI века, хотя сами тексты хронологически неоднородны. Некоторые из них передаются из поколения в поколение еще с начала 20 века, претерпевая структурные и семантические трансформации («Вышел зайчик погулять...», «Вышел ежик из тумана...», «На золотом крыльце сидели»). Многие считалки представлены многочисленными вариантами. В частности, в них могут осовремениваться персонажи. Например, ежик из считалки «Вышел ежик...» трансформируется в немца, а затем в юную «звезду» эстрады Децла. Другие тексты появились относительно недавно («В гараже стоят машины»).

Важно отметить, что к детскому постфольклору мы относим любые измененные детьми и устойчиво функционирующие произведения

традиционного фольклора или трансформированные авторско-литературные тексты.

Представленный корпус текстов собран в феврале – марте 2004 года у учащихся 1 – 10 классов СПОШ с. Верхняя Полтавка Константиновского района, СПОШ №11 г. Благовещенска; в июле 2004 года в селах Желтоярово и Заган Свободненского района, Красноярово и Белоярово Мазановского района Амурской области. Единичны факты записи детского фольклора от людей старшего возраста. Материал собран путем опроса в условиях фольклорно-диалектологической экспедиции сотрудников лаборатории региональной лингвистики и студентов филологического факультета (записи производились на аудионоситель и впоследствии расшифровывались).

В собранном материале можно выделить следующие жанры детского фольклора: считалки (наиболее многочисленный жанр), стихи (в том числе переделанные литературные произведения и сокровенные стихи), частушки, заклички, мирилки, игры, песни, дразнилки, «приколы», подковырки, присказки, «вызывания».

Полевые записи гораздо обширнее тех, которые включены в альманахах. Из этических соображений сюда не вошли стихи, некоторые частушки и песни, содержащие инвективную (бранную) лексику. С полным корпусом текстов можно ознакомиться в лаборатории региональной лингвистики кафедры русской филологии Амурского государственного университета. Грубая и сниженная лексика подается по начальным и конечным буквам (в отдельных случаях буквосочетаниям) слов. Вариантные лексемы, словосочетания и предложения представлены в скобках со знаком * (звездочка) непосредственно в тексте.

СЧИТАЛКИ

Важнейшее место в русской народной культуре занимал и занимает детский игровой фольклор: игровые прелюдии (считалки, жеребьевки) и игры разного типа (в том числе словесные, спортивные, с припевами и приговорами).

Игровая деятельность имеет несколько уровней организации. Приговоры-зазывалки собирают детей к участию в игре, приглашают поиграть. Считалки и жеребьевки распределяют игровые роли среди игроков. Это игровые прелюдии [2, с.68]. Далее идет сама игра со строго определенными правилами.

Как показывают работы Г.С.Виноградова [2, с.25]. и В.П.Аникина [1, с.23], происхождение считалки связано с видом древней иносказательной речи – с тайным счетом. В древности существовал запрет на прямой пересчет дичи, добытой на охоте, на прямое количественное определение приплода домашних животных и птиц. Но так как знать это было необходимо, наши предки изобрели форму косвенного пересчета, в котором счетные единицы заменялись эквивалентами. Это были измененные порой до неузнаваемости количественные и порядковые числительные. Некоторые из них отражены в современных считалках: ази – раз, двази – два, тризи – три, изи – четыре, пятам – пять, латам – шесть, шума – семь, рума – восемь, дуба – девять, крест – десять (крестовидная зарубка, обозначающая десяток). Или: первый – первенчики, первенцы; второй – другенчики, другичики и т. д.

Одной из важных художественных особенностей считалки является заумь, бессмыслица. Заумь представляет собой слова, считавшиеся магическими на ранних этапах существования общества. Также она могла возникнуть в результате восприятия на слух иноязычного текста – учебного или обрядового, ритмизованного для более хорошего запоминания.

Неузнанные «взрослые» слова тоже могут превратиться в заумь.

Еще одна группа зауми – так называемые парные слова (аты-баты, чики-брики и так далее), которые превращают прозаический текст в стихотворное произведение, создавая впечатление стройной рифмы.

Г.С.Виноградов делит считалочный материал на три группы:

- 1) считалки – числовки, содержащие счетные слова или их заумные эквиваленты;
- 2) заумные считалки, которые целиком или частично состоят из заумных слов;

3) считалки-заменки, в которых нет ни заумных, ни счетных слов. Эти считалки часто завершаются выходом. Выход – это конструктивный заключительный элемент общей композиции, специфический для жанра считалки. Функция его – определенно и точно указать на выбранного участника игры [2, с.34].

Собирая тексты детского постфольклора, мы встретили считалки всех вышеперечисленных типов. Так, например, считалки-числовки:

Раз, два, три, четыре, пять –
Вышел зайчик погулять,
А охотник – пострелять.
Пиф – паф, не попал –
Серый зайчик ускакал.

Раз, два, три, четыре –
Меня (* кошку) грамоте учили:
И читать, и писать,
И по клеточкам считать.

Следующая группа – заумные считалки:

Эни – бени, рики – факи,
Турба – урба, синтибряки,
Деуц, деуц, бац!

Атка-батка кочкатаме,
Абль-фабль дрюмене,
Пике – дрике – драматике, фляу!

И, наконец, считалки-заменки:

Завтра с неба прилетит
Синий – синий – синий кит.
Если веришь – стой и жди,
А не веришь – выходи.

Вышел ежик (немец) из тумана,
Вынул ножик из кармана,
Буду резать, буду бить,
Все равно тебе водить (* голить).

Темы, образы, сюжеты приходят и из профессиональной литературы. Например, всем известная считалка «Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик

погулять...» принадлежит педагогу, преподавателю – словеснику, поэту XIX в. Ф.Б.Миллеру [цит. по 2, с.46]. Первоначальные шесть строк, служившие подписью к картинке, очень полюбились детям, и ныне эта считалка имеет множество вариантов, содержащих невероятные приключения зайчика.

Например:

Раз, два, три, четыре, пять – вышел зайчик погулять,
Вдруг охотник выбегает, прямо в зайчика стреляет.
Пиф-паф, ой – ой – ой, умирает зайчик мой.
Повезли его в больницу – он украл там рукавицу,
Повезли его в буфет – он украл сто грамм конфет,
Повезли его в гараж – он украл там карандаш,
Повезли его домой – оказался он живой.

Для считалок характерны также подчеркнутый четкий ритм, звонкая рифма, предметность изображения, насыщенность глаголами, несущими динамизм в сфере событий, разнообразие эмоциональных оттенков в мотивах, образах, ситуациях.

Развиваясь, варьируясь, меняя форму и содержание, игра жива и до сих пор. Сейчас репертуар детского игрового фольклора значительно изменился. Практически исчезла такая форма игровых прелюдий, как жеребьевые стговорки. Но по-прежнему сохранили свое значение в игровом обиходе детей дошкольного и младшего школьного возраста считалки, хотя активный репертуар, которым владеет каждый ребенок-исполнитель, обычно невелик: 10 – 20 текстов. К началу XIX в. можно констатировать обеднение считалочного репертуара в целом. Вероятно, это происходит вследствие изменения характера игр и способов выбора ведущих.

Почти полностью отмирает и такой жанр традиционного игрового детского фольклора, как жеребьевки. При необходимости без обид поделиться на две команды дети предпочитают использовать родственный ему жанр считалки, иногда до бесконечности повторяя один и тот же текст или исполняя новые. Самая популярная считалка последнего десятилетия представляет собой измененный вариант старого текста «На золотом крыльце сидели...». В

современном варианте этого произведения появляются персонажи мультфильмов Диснея. Проникновение новых образов в традиционные жанры и тексты характерно и для других разновидностей детского фольклора, активно впитывающего в себя всё новое, соответствующее интересам современного ребёнка. Так, в период появления первых телесериалов в самых разных жанрах детского фольклора появляются «рабыня Изаура», «просто Мария», героини «Санта-Барбары». Но с увеличением количества телесериалов, утрачивается их влияние на массовое сознание, и образы постепенно исчезают из детского фольклора. В этом ещё одна особенность устного детского репертуара последнего времени.

Все персонажи считалок – люди либо антропоморфные существа. Животные, ирреальные персонажи ведут себя как люди – танцуют, купаются, месят муку и т.п. Они обладают не только физическими, но и моральными, этическими, психическими, речевыми и др. признаками.

Тематика считалок разнообразна. Это может быть описание обычного времяпрепровождения – персонажи сидят, ходят, прыгают, играют и совершают другие обыденные действия. Однако в одной считалке может поместиться и целый рассказ о жизненной драме («Темной ночью комарики кусаются...») или повествование о далеком будущем («Дюба»).

Среди собранного материала встречаются считалки, которые могут употребляться для жеребьевки и в то же время являются играми с хлопками. Каждой строке таких считалок соответствуют определенные виды хлопков – прямой, перекрестный и др.

Бом – бом – бом,
Открывается альбом.
В воскресенье, в воскресенье,
Двадцать пятого числа,
Немцы прыгали с балкона,
Со второго этажа.
Первый прыгнул неудачно,
Второй голову сломал,
Третий прыгнул на девчонку
И ее поцеловал,

А девчонка не стерпела,
Кочергой его огрела,
Убежала и желанье загадала.

Также они могут сопровождаться различными жестами, соответствующими словам (напр., со словом «ни фи́га» показывается кукиш / см. считалку № 55/).

1. На золотом крыльце сидели
Царь, царевич, король, королевич,
Сапожник, портной.
Кто ты будешь такой? Говори поскорей,
Не задерживай добрых и честных людей.
(Раз, два, три – говори!)
2. На золотом крыльце сидели
Царь, царевич, король, королевич,
Сапожник, портной, милиционер, городской.
Кто ты будешь такой? Говори поскорей,
Не задерживай добрых и честных людей.
3. На золотом крыльце сидели
Мишки Гамми, Том и Джерри,
Скрудж Макдак и три утёнка
(*Дядя Скрудж и три утенка),
Выходи, ты будешь Понка.
4. На золотом крыльце сидели
Мишки Гамми, Том и Джерри,
Скрудж Макдак и три утёнка,
Выходи, ты будешь Понка.
Понка учится (*начала) считать –
Раз, два, три, четыре, пять.
(*Понка встала и пошла,
Получилась е – рун – да!)
5. На золотом крыльце сидели,
«Санта-Барбару» смотрели,
Если Джина не придет,
То Сиси ее убьет.
6. Чики – брики, пальчик выкинь.

7. Вадя – не вадя – вадя...

Все ставят кулаки с поднятым большим пальцем, считают снизу. Чья рука окажется сверху – тот и водит.

8. Шла кукушка мимо леса,
А за нею два балбеса.
Куки – маки, куки – маки,
Убирай один кулак.
(*Куки – маки, куки – мак,
Выходи, один кулак.
*Кук – мак, кук – мак,
Убирай один кулак.
*Куку – ма, куку – ма,
Убирай один кулак.
*Чикума, чикума,
Убирай один кулак).

9. Шла кукушка мимо клети,
А за нею злые дети.
Куку – ма, куку – ма,
Убирай один кулак.

10. Шла кукушка мимо сада,
Поклевала всю рассаду.
Куку – ма, куку – ма,
Убирай один кулак.

11. Шла кукушка мимо дуба,
А за нею два бутуза,
Куку-ма, куку-ма,
Убирай один кулак

12. Шла кукушка мимо леса
За каким-то интересом,
Инте, инте, интерес,
Выходи на букву С.

13. Белка прыгала, скакала,
И на ветку не попала,
А попала в кошкин дом,
Выходи из круга вон!

14. Белка прыгала, скакала,
И на ветку не попала,

А попала кошке в рот,
Выходи скорей, урод.

15. Начинается считалка:

На дубу – скворец и галка,
Улетел домой скворец,
И считалочке конец.

16. Вышел ежик (*немец) из тумана,
Вынул ножик из кармана,
Буду резать, буду бить,
Все равно тебе водить (*голить).

17. Вышел Дэцл из тумана,
Вынул пейджер из кармана,
Пейджер пикнул и заглох,
Выходи из круга, лох!
(*Пейджер пикнул, Дэцл сдох;
Потому что Дэцл – лох).

18. Вышел Дэцл из тумана,
Вынул пейджер из кармана,
Дэцл пикнул, съел всех блох,
Вот поэтому и сдох.
(*Потому-то он и сдох).

19. Пчелы в поле полетели,
Зажужжали, загудели,
Если пчелы на цветы,
Мы играем – водишь ты!

20. Петушок – петушок, покажи свой гребешок.
Гребешок горит огнем, сколько перышек на нем,
Раз, два, три, четыре, пять – невозможно сосчитать!

21. Сидели два медведя на тоненьком суку,
Один читал газету, другой месил муку.
Раз ку-ку, два ку-ку – оба шлепнулись в муку.
(*Хвост в муке, нос в муке, ухо – в кислом молоке).

22. Шел крокодил, трубку курил,
Трубка упала и написала:
«Шишел-мышел, п...ул, вышел».
(*«Чики-брики, пальчик выкинь»).

23. Мышка – мышка, длинный хвостик,
Ты не прячься глубоко.
Приглашает кошка в гости
Пить парное молоко.
Мышка в норке пропищала:
«Пусть поищет чудака!
Я достала крошку сала –
Обойдусь без молока».
Что ты прячешься, трусишка,
Вылезай из норки вон,
Поиграем в кошки – мышки:
Мышка – ты, а кошка – он!
24. Эники – беники ели вареники,
Эники – беники, крѣз (*клѣц; *хлѣс),
Вышел матрос.
(*Вышел пузатый матрос).
25. Эники – беники ели вареники
Эник упал, беник пропал.
26. Аты - баты, шли солдаты,
Аты – баты, на базар,
Аты – баты, что купили?
Аты – баты, самовар.
Аты – баты, сколько стоит?
Аты – баты, три рубля,
Аты – баты, кто выходит?
Аты – баты, ты и я.
(*Аты – баты, сколько стоит?
Аты – баты, ни гроша).
(*Аты – баты, кто выходит?
Аты – баты, это я).
27. Зайчишка – трусишка
По полю бежит,
В огород забежал,
Капусту нашел,
Морковку нашел,
Сидит, грызет,
Хозяин идет.
28. Шла коза по мостику и виляла хвостиком.
Зацепилась за перила, прямо в речку угодила...
Кто не верит? Это он! Выходи из круга вон!
(*Кто не верит – пусть проверит!)
29. Раз, два, три, четыре –
Посчитаем дыры в сыре,

Если в сыре много дыр,
Значит, будет вкусным сыр,
Если в сыре одна дыра,
Значит, вкусным был вчера.

30. За стеклянными дверями
Стоит мишка с пирогами.
- Здравствуй, Мишечка-дружок,
Сколько стоит пирожок?
(* Пирожок-то стоит три,
А водить-то будешь ты.
(*Пирожок-то стоит пять,
А водить тебе опять).
31. На лужок пришли бельчата,
Медвежата, барсучата.
На зеленый на лужок
Приходи и ты, дружок!
35. Раз, два, три, четыре, пять –
Вышел зайчик погулять,
А охотник – пострелять.
Пиф – паф, не попал –
Серый зайчик ускакал.
36. Раз, два, три, четыре, пять –
Вышел зайчик погулять,
Вдруг охотник выбегает,
Прямо в зайчика стреляет.
Пиф-паф (*пих-пах), ой – ой – ой,
Умирает зайчик мой.
37. Раз, два, три, четыре, пять –
Вышел зайчик погулять.
Вдруг охотник выбегает,
Прямо в зайчика стреляет.
Пих – пах, ой – ой – ой,
Покатился зайчик мой.
Увезли его в больницу,
Он украл там рукавицу,
Повезли его домой,
Оказался он живой.
38. Раз, два, три, четыре, пять –
Вышел зайчик погулять,

Вдруг охотник выбегает,
Прямо в зайчика стреляет.
Пиф-паф, ой – ой – ой,
Умирает зайчик мой.
Повезли его в больницу,
Он украл там рукавицу,
Повезли его в буфет,
Он украл сто грамм конфет,
Повезли его в гараж,
Он украл там карандаш,
Повезли его домой,
Оказался он живой.

39. Раз, два, три, четыре, пять –
Вышел зайчик погулять,
Вдруг охотник выбегает,
Прямо в зайчика стреляет.
Пиф-паф, ой – ой – ой,
Умирает зайчик мой.
Повезли его в больницу,
Он украл там рукавицу,
Повезли его в буфет,
Он украл там сто конфет
(*Повезли его в буфет,
Он украл сто грамм (*кулек) конфет),
Повезли его домой,
Прямо в печку головой,
А из печки – в горшок,
Получился пирожок.

40. Раз, два, три, четыре, пять –
Вышел зайчик погулять,
Вдруг лисица выбегает,
Заяц целится, стреляет –
Пиф-паф, ой – ой – ой,
Не придет лиса домой.

41. Ехал мужик по дороге,
Сломал колесо на дороге,
Сколько гвоздей?
Говори поскорей,
Не задумывайся.

42. Ну-ка, прыгалки, быстрее,
Выбегаем веселее.

Ты прыжки свои считай,
Зацепился – вылетай!

43. В лес дремучий я пойду,
Зайца серого найду,
Принесу его домой,
Будет этот зайка мой.
44. Среди белых голубей
Скачет шустрый воробей.
Воробышек – пташка,
Серая рубашка.
Откликайся, воробей,
Вылетай-ка, не робей.
45. Завтра с неба прилетит
Синий – синий – синий кит.
Если веришь – стой и жди,
А не веришь – выходи.
46. Тили-бом, тили-бом,
Бил сосну зайчишка лбом.
Жалко мне зайчишку,
Носит зайка шишку.
Поскорее сбегай в лес,
Сделай зайнице компресс.
47. Инте, инте, интерес –
Выходи на букву «С».
48. Ехала машина темным лесом
За каким-то интересом,
Инте, инте, интерес,
Выходи, один балбес.
(*Выходи на букву «С»).
49. Шла машина темным лесом
За каким-то интересом.
Инте, инте, интерес,
Выходи на букву «С».
Буква «С» не подошла,
Выходи на букву «А».
50. Ехала машина темным лесом
За каким-то интересом,

Инте, инте, интерес –
Выходи на букву «С».
Буква «С» нам не нужна,
А нужна нам буква «А».
А на буковке звезда –
Там проходят поезда.
Если поезд не пройдет,
Пассажир с ума сойдет.
Вот и поезд не прошел,
Пассажир с ума сошел.

51. Ехала машина темным лесом
За каким-то интересом.
Буду резать, буду бить –
Все равно тебе водить.

52. Со второго этажа полетели три ножа:
Красный, синий, голубой –
Выбирай себе любой.

53. Раз, два, три, четыре
Умножаем на четыре,
Делим, делим на четыре,
Получается четыре.

54. Темной ночью комарики кусаются,
Царь с царицей на лавочке прощаются.
Царь поехал за границу, а царица – в Ленинград,
Царь купил себе пшеницу, а царица – виноград.
Винограду было много, а пшеницы ни фига.
Царь обиделся немного, а царица: ха – ха – ха –
Хохотала до утра и повесила царя.
Царь висел, висел, висел и в помойку улетел,
А в помойке жил Борис – председатель дохлых крыс,
А жена его – Лариса – замечательная крыса,
(*А жена его Бандюра – замечательная дура),
А сынишка их Иван – замечательный болван.

Это считалка и игра.

55. (*Двадцать пятое апреля – день рожденья короля).
Немцы прыгали с балкона, со второго этажа.
Первый прыгнул неудачно, второй голову сломал,
Третий прыгнул на девчонку и ее поцеловал,
А девчонка убежала и желанье загадала.
(*А четвертый под конец показал свой огурец)

56. Немцы прыгали с балкона, со второго этажа.
Первый прыгнул неудачно, второй голову сломал,
Третий прыгнул на девчонку и ее поцеловал.
А девчонка не стерпела, кочергой его огрела,
Немец тоже не стерпел, кочергой ее огрел,
А девчонка убежала и (*два) желанья загадала.
57. Бом – бом – бом, открывается альбом.
В воскресенье, в воскресенье, двадцать пятого числа,
Немцы прыгали с балкона, со второго этажа.
Первый прыгнул неудачно, второй голову сломал,
Третий прыгнул на девчонку и ее поцеловал,
А девчонка не стерпела, кочергой его огрела,
Убежала и желанье загадала.
- Это считалка и игра.*
58. Зуби – зуби – а!
Минки – хот – ка!
Замби – пи – хот – ка!
Ты меня не бойся, я тебя зарежу,
А через годок будет маленький сынок.
Немцы прыгали с балкона, со второго этажа.
Первый прыгнул неудачно, второй голову сломал,
Третий прыгнул на девчонку и ее поцеловал.
58. С неба звездочка упала прямо Дэцелу на нос,
Вся братва тогда узнала, что у Дэцела понос.
59. Раз, два, три, четыре – меня (*кошку) грамоте учили:
Не читать, не писать, только по полу скакать.
(*Не читать, не писать, только в куколки играть).
60. Раз, два, три, четыре – меня (*кошку) грамоте учили:
И читать, и писать, и по клеточкам считать.
(*И читать, и писать, даже в куколки играть).
61. Раз, два, три, четыре, пять – кошку научил играть.
И писать, и считать, даже в куколки играть.
62. Дюба, дюба, дюба, дюба,
Дюба – бешеный народ,
Дюба плачет и смеется,
Дюба песенки поет,
Дюба – дед – раз, два, три,

Дюба – баба – раз, два, три.
Чего ей надо? Раз, два, три.
Мармелада, шоколада –
Вот чего старухе надо.
Мы играли в домино,
Получилась цифра ноль....

63. Дюба – дюба – дюба – дюба.
Дюба – дони – дони – а.
А шарли буба, а шарли буба,
А шарли буба. А – а – а.
А дони ме, а шарли бе, а ми, замри.
Ты моя Маруся, ты меня не бойся,
Я тебя не трону, ты не беспокойся.
Через годик, через два будешь ты моя жена,
А еще через годок будет маленький сынок,
А еще через ночку будет маленькая дочка.
Милая Маруся, ты меня не бойся -
Я тебя зарежу, ты не беспокойся,
А на следующую ночь я зарежу твою дочь.

Это считалка и игра.

64. Зубы, зубы, зубы, зубы.
Зубы лечат у врача.
А я боюсь. А ты не бойся.
А я умру. Не беспокойся.
В траве сидела саранча
И пела песню: ча – ча – ча.

Это считалка и игра.

65. Зубы, зубы, зубы, зубы,
Зубы лечат у врача.
А я боюсь – раз, два, три.
А ты не бойся – раз, два, три.
А я умру – раз, два, три.
Не беспокойся:
Через годик, через два
Будешь ты моя жена,
А еще через годок
Будет маленький сынок,
А еще через пять лет
Будешь ты мой сосед,
А еще через 100 лет

Будет маленький скелет!

При последних словах все игроки должны скрестить руки на груди, кто последний скрестит, тот и водит.

66. Черные стрелки обходят циферблат,
Быстрые колесики, как стрелочки, стучат,
В каждой минуте по шестьдесят секунд,
Катятся колесики и песенку поют:
Алё – Алё – Алёнушка, Ива – Ива – Иванушка,
Ири – Ири – Иринушка, Мари – Мари – Маринушка,
Москва, Москва, Москва – река.
Привет – привет, пока – пока.

Это считалка и игра.

67. Ножки-ножки, бежали по дорожке,
Лугом, лесочком, прыгали по кочкам.
Прибежали на лужок, потеряли сапожок.

68. Если чиж летит к стрижу – ты выходишь, я вожу.
Если стриж летит к чижу – водишь ты, я выхожу.

69. Ворона кашу варила: этому дала,
Этому дала, а этому не дала.

70. Жили-были я ли, ты ли,
Между нами вышел спор.
Кто затеял, позабыли,
И не дружим до сих пор.
Вдруг игра на этот раз
Помирить сумеет нас.

71. Ёжик-ёжик – чудачок,
Сшил колючий пиджачок.
Стал в кружок и ну считать,
Нам водилку выбирать.

72. Черти в озере купались
И на крышу не попались,
А попались в кошкин дом,
Выходи из круга вон.

73. Черти в озере купались,

Черти ж...ми толкались,
Черт чертенка подтолкнул
И чертенок утонул.
(*Черт на дне лежит, не дышит,
Только ж...ю колышет).

74. До, ре, ми, фа, соль, ля, си.
Едет кошка на такси.
А котятки прицепились
И бесплатно прокатились.
(*Покататься захотела
Вот она и села.)
75. Я пойду куплю дуду, я на улицу пойду.
Громче, дудочка, дуди, мы играем, ты води.
76. Катилось яблочко по огороду
И упало прямо в воду. Бульк!
77. Катилось яблочко по огороду и упало прямо в воду.
Буль, вода, буль, вода – вышла красная звезда.
А за красною звездой вышел месяц золотой,
А за месяцем – луна, вышла красная звезда.
Буль, вода, буль, вода, водишь – ты, играю – я.
78. Катилось яблочко по огороду и упало прямо в воду.
Буль, вода, буль, вода – вышла красная звезда.
А за красною звездой вышел месяц молодой,
А за месяцем – луна, черт повесил колдуна.
79. Ехал Грека через реку,
Видит Грека: в речке – рак.
Сунул Грека руку в реку –
Рак за руку Греку – цап!
80. В грязи у Олега увязла телега,
Сидеть бы Олегу до самого снега.
Ты выйдешь из круга и выручишь друга,
Доставишь к ночлегу телегу Олега.
81. Раз, два, три, четыре, пять – кошка учится считать:
Понемножку, помаленьку прибавляет к кошке мышь,
Получается ответ: кошка есть, а мышки – нет.
82. Раз, два, три, четыре, пять – вместе будем мы считать.

Потихоньку, понемножку прибавляем к мышке кошку.
Получается ответ: кошка есть, а мышки – нет.

83. Бегал заяц по болоту
(*Зайчик бегал по болоту),
Он искал себе работу,
Он работы не нашел,
Он заплакал и ушел.

84. Камень, ножницы, бумага –
Цу, е, фа.

Это считалка и игра.

85. Камено, маргано – цу, е, фа.

Это считалка и игра.

86. Раз, два, три – огонь зажжен.
Кочерёжка, выйди вон!

87. Раз, два, три, четыре, пять,
Шесть, семь, восемь, девять, десять –
Царь хотел меня повесить,
А царица не дала и повесила царя.
Царь висел, висел, висел, и в подполье улетел,
А в подполье жил понос, у него зеленый нос.

88. В гараже стоят машины –
«Волга», «Чайка» и «Ниссан»,
Выбирай машину сам!

89. В гараже стоят машины –
«Волги», «Чайки», «Москвичи».
От какой берешь ключи?

90. стакан воды и выйди ты.

91. Чтобы дом построить новый,
Запасаем тес дубовый,
Кирпичи, железо, краску,
Гвозди, паклю и замазку,
А потом, а потом начинаем строить дом.

100. – Заяц белый, куда бегал?

- В лес густой.
- Что там делал?
- Лыко драл.
- Куда клал?
- Под колоду.
- Кто украл?
- Родион.
- Выйди вон!

101. Эни – бени, рики – факи,
Урба – турба, сики – бряки,
Ау – деу – краснодеу, бац!

102. Эни – бени, рики – факи,
Турба – урба, синтибряки,
Деуц, деуц, бац!

103. Атка-батка кочкатаме,
Абль-фабль дрюмене,
Пике – дрике – драматике, фляу!

104. Обезьяна Чи-чи-чи
Продавала (*воровала) кирпичи,
Не успела продавать,
Провалилась (*улетела) под кровать.

105. Обезьяна Чи-чи-чи
Продавала кирпичи,
Не успела продавать,
Провалилась
(* улетела) под кровать.
Под кроватью дырка,
Выросла бутылка,
А в бутылке – Новый год,
Он танцует и поет
(*Там танцует бегемот;
Выходи скорей, дегрод).

106. Обезьяна Чи-чи-чи
Продавала кирпичи,
За веревку дернула
И нечаянно п...нула.
(*А рабочие пришли:
«Фу, воняют кирпичи!»)

107. Дин-дон, дин-дон, загорелся мышкин дом,
Мышка выбежала, глаза выпучила,
Бежит кошка с ведром поливать мышкин дом,
Мышь схватила и в ведро посадила.

108. – Заяц-заяц, чем ты занят?
– Кочерыжку разгрызаю.
– А чему ты рад?
– Что зубы не болят.

109. Сидел козел на стуле,
Считал свои козюли:
Раз, два, три –
Козюлей будешь ты.

110. Старик сидел на лавочке,
Считал свои булабочки.
Раз, два, три –
Ты, булавка, выходи!

111. Черепаха хвост поджала
И за зайцем побежала,
Оказалась впереди.
Кто не верит – выходи.

112. Заяц-заяц, сколько время?
Я спешу на день рожденья.
У меня часы стоят –
Ничего не говорят.

113. Плыл по морю чемодан,
В чемодане был диван,
В чемодане спрятан слон.
Кто не верит – выйди вон.

114. Катилась мандаринка
По имени Иринка.
Уроки не учила и двойку получила,
А когда пошла гулять
Получила цифру «пять»,
А когда пошла в больницу,
Получила единицу.

115. Катилась апельсинка
По городу Берлинка,

Уроки не учила и двойку получила.
А когда пошла гулять.
Получила цифру пять,
А когда пошла в больницу,
Получила единицу,
Единица не моя,
Е – ди – ни – ца ко – ро – ля.

116. Жила на свете крыса
По имени Анфиса.
Прислали ей в корзинке
Прекрасные ботинки,
И туфли, и сандали –
Ей очень много дали.

117. Пих – пах, ой – ой – ой,
Пролетает годик мой.
Через годик, через два
Будешь ты моя жена.

118. Бабка Ежка – костяная ножка
С печки упала, ножку сломала,
А потом и говорит:
У меня нога болит.

119. Дед ядра метал, бабке по носу попал,
Бабка ябеда была, часового позвала.
Часовой сказал: «Итак, убирай один кулак».

ЧАСТУШКИ

Частушка – традиционный жанр фольклора, бытующий и в современном детском сообществе. Дети знают и активно употребляют частушки взрослых (в том числе содержащие инвективную лексику).

Существуют и собственно детские частушки – возрастная разновидность взрослого лирического жанра. Она характеризуется специфической тематикой: школьная, местная (с употреблением топонимов). В них с юмором показаны взаимоотношения взрослых и детей, мальчиков и девочек. Отметим, что многие традиционные любовные частушки перешли в детскую среду («Не смотрите на меня...»). Детские частушки преимущественно юмористические – в них много

иронии, самоиронии, юмора, радости. Назидательность и прямая морализация практически отсутствуют.

ШКОЛЬНЫЕ ЧАСТУШКИ

1. В кухне веник я нашла
И квартиру подмела.
И осталось от него
Три соломинки всего.

2. Оля мучила расческу,
В классе делала прическу.
Мучила да мучила,
А получилось чучело.

3. Раз спросила Леню Катя:
– Чем ты, Леня, занят в классе?
Он задумался слегка
И ответил: – Жду звонка.

4. Мы решили пошутить
И уроки не учить.
После этой шуточки
В дневниках лишь уточки.

5. Хоть оценки и не очень,
Но Антон наш знаменит,
Потому что, между прочим,
Громче всех у нас кричит.

6. Рисовал картину Вася.
Он художник – спору нет.
Но зачем он нас раскрасил
В красный, желтый, синий цвет?

7. Мама нас спросила строго:
Кто сломал магнитофон?
Я недолго отпирался
И признался: «Это он».

8. Как-то в прошлом году
Чистил я сковороду,
А потом четыре дня
Мама чистила меня.

9. Танька выглядит, как дура,
Но не по привычке.
Просто папа затянул
Туго ей косички.

10. Игорек нашел работу –
Хлопать языком по ж...ам,
Коль бумаги не найдешь,
То его в сортир зовешь.

11. Наша Лена от тоски
Проглотила три доски,
А через три недели
С п...ы ящики летели.

12. В магазине номер пять
Было представление:
Танцевала колбаса,
Прыгало печение.

13. На столе стоит стакан,
А в стакане – таракан,
Мама думала – малина,
Откусила половину,
Папа думал – огурец,
Откусил другой конец.

ЧАСТУШКИ ВЗРОСЛЫХ, ИСПОЛНЯЕМЫЕ ДЕТЬМИ

14. Эх, Семеновна,
В реке купалася,
Большая рыба к ней
В трусы попалася.

15. Подарила я платочек
И сказала: береги,
А он, чертова зараза,
Вытирает сапоги.

16. На столе стоит стакан,
А в стакане – лилия.
Что ты смотришь на меня,
Рожа крокодила?

17. На столе стоит стакан,
А в стакане – таракан,
Я его за усики,
А он меня за трусики.

18. Баба деда провожала
И по деду плакала,
А у деда из штанов
Самогонка капала.

19. Кипятила молоко,
Отошла недалеко,
Подошла к нему опять –
Молока уж не видать.

20. Барсук, барсук
Повесил я...а на сук.
Девки думали – малина,
Откусили половину.

21. Мы ходили на охоту
И поймали воробья.
Три недели мясо ели
И продали до фига.

22. Вася Резников приехал,
Все начальство удивил:
Съел тушенки тухлой банку
И кругами наследил.

23. Не смотрите на меня,
Глазки поломаете,
Я не с вашего села,
Вы меня не знаете.

24. Я плясала в три ноги,
Потеряла сапоги,
Оглянулася назад –
Сапоги мои стоят.

25. Полюбила богача,
Думала – богатый.
Прихожу к нему домой,
А он там нищеватый.

26. Ой, девки, беда,
В нашем переулке
Жена мужа продала
За четыре булки.

27. Я мальчишка боевой,
Боевым остануся.
Ох, и трудно тому будет,
Кому я достануся.

28. Полюбила летчика,
Думала – летает,
Прихожу в аэропорт,
А он там подметаает.

29. Полюбила тракториста,
Думала, он пашет,
Прихожу к нему на поле,
А он трусами машет.

30. – Эх, теща моя,
Дай мне похмелиться,
Что-то дочка твоя
Совсем не шевелится.
– Эх, зять дорогой,
Что-то мне не верится.
Под хорошим мужиком
И бревно шевелится.

31. Девки в озере купались,
Чупа-чупс они нашли,
Целый день его сосали,
Даже в школу не пошли.

32. Ехали китайцы,
Потеряли я...а,
Девки думали: малина,
Откусили половину.

КРИЧАЛКИ

Кричалка – это городской жанр, распространенный в детских оздоровительных лагерях. В сельской местности этот жанр немногочислен. Здесь только недавно стали появляться пришкольные летние лагеря, причем

вожатыми там работают учителя. Цель кричалки – организовать детский коллектив для совместной деятельности. Кричалки обычно исполняются при движении строем в столовую, на спортивные мероприятия, они особенно популярны в командах болельщиков при различных состязаниях.

1. Едем на танке,
Видим корову
В шапке-ушанке,
С рогом здоровым.
– Здравствуй, корова,
Как поживаешь?
– Ду ю спик инглиш?
– Че обзываешь?
Лысый ежик на угле
С красным шариком в руке.
Мы, вообще, отряд шестой,
Всем от нас привет большой.

2. Пятый «Б» – чемпион,
Но сегодня в ж..пе он.

3. Пятый «Б» чемпион –
Головою об бетон.

4. Пятый «Б» с мячом,
Как корова с кирпичом.

5. Пятый «Б» чемпион
По нырянию в бетон.

6. Пятый «А» чемпион,
Побеждает только он

ЗАКЛИЧКИ

Заклички – короткие рифмованные приговорки, связанные с народным календарем. Они давали детям поэтическую форму общения с миром природы – с птицами, солнцем, дождем. По происхождению заклички связаны с магией слова, которое должно было воздействовать на силы природы.

Со временем древние представления утратили практическую ценность. В детском обиходе заклички сохранились в трансформированном виде, они

хорошо отвечают мировосприятию детей, которым свойственно одухотворять природу. Напр., в одной из закличек встречается обращение к объектам неживой природы – самолету.

Сейчас количество закличек, употребляемых детьми, невелико. Из обращений к природным явлениям зафиксировано только обращение к дождю.

1. Самолет, самолет, забери меня в полет,
А в полете пусто, выросла капуста,
А в капусте огурец, а кто слушал – молодец,
Тут и сказочке конец.

2. Самолет, самолет, забери меня в полет,
А в полете пусто, выросла капуста,
А в капусте червячок, он попался на крючок.
(*А в капусте червячок, вышел Ваня-дурачок).

3. Дождик, лей, лей, лей,
Чтобы было веселей.
(*Дождик, дождик, пуще,
Травка будет гуще).

ИГРЫ

Игра является традиционной формой детского времяпрепровождения. В этом разделе представлены словесные игры и рисованные загадки, ставшие популярными в детской среде с середины XX в.. Магические игры-вызывания («Панночка», «Домовой», «Черт» и др.) занимают особое место в современном детском фольклоре. Впервые «вызывания» стали объектом исследования в работах А.Л.Топоркова.[5, с.3-42] Этот жанр включают в себя разные формы устного народного творчества: игры, заговора, песни и др. Цель магически-игровых вызываний персонажей детского мифотворчества (Пиковой Дамы, гномиков, Чертика-матершинника) – испытать коллективное чувство страха и победить его. Большинство вызываемых персонажей – герои книг, мультфильмов, фильмов, которые восходят к народной демонологии или порождены фантазией детей. В вызываниях выразилась тяга детей к сказке, к чуду, дающая богатые возможности для реализации детской фантазии.

Цель ритуала «вызывания» – в самом факте появления сверхъестественного существа или обнаружения последствий его прихода. Участников привлекает проникновение чудесного в обыденную жизнь, преодолевается страх перед возможной опасностью.

Ритуально-игровое начало в вызываниях почти вытеснило словесную сторону. Данный жанр является синтетическим: в нем связаны предметная атрибутика (зеркало, конфеты, карта, карандаши и др.), действия, условия исполнения (в темноте) и короткая, стандартная словесная формула.

Практически исчезли из детского игрового репертуара игры с припевами, берущими начало из фольклора взрослых. В современном фольклоре перевес приходится на игры, в которых слово выполняет функцию знака, команды, при полной утрате художественной функции. Это игры преимущественно спортивного типа. Но до сих пор популярны игры с развернутым игровым диалогом – «Садовник», «Краски». Служебную роль, далекую от художественной функции, играет слово в таких словесных играх, как «Испорченный телефон» и «Города», «Имена». Но для современных детей игра столь же важна, как и для их сверстников в прошлом.

Тексты игр представляют собой дословную запись детской речи.

ИГРЫ – МОЛЧАНКИ

*Игра молчанка обычно начинается словами «рыба (*рыбка)-карась, игра началась», а заканчивается – «рыба (*рыбка)-акула, игра утонула».*

1. Ехали татары, кошку потеряли,
Кошка сдохла, хвост облез,
Кто промолвит (*слово), тот (*ее) и съест.

2. Ехали татары, кошку потеряли,
Кошка сдохла, хвост облез,
Кто промолвит, тот и съест,
А кто засмеется, тот кошачьей крови напьётся.

3. Кто родился в ж...е негра, отзовись!

Возможный ответ:

А что, родственников ищешь?

4. Солнце вышло из-за тучки,
Все глисты собрались в кучки.
Самый главный глист сказал:
– Кто родился в ж...е негра, отзовись!

Слова «Кто...» не обязательны, можно просто замолчать. Первого, кто скажет что-нибудь, того называют «глист».

5. Кто сосал у бегемота
Все четыре пулемета? Отзовись!

«ЧУР, НЕ Я»

*Эта игра заключается в выкрике после слов ведущего фразы «чур, не я».
Кто крикнул последним – тот проиграл.*

6. Кто из нас черный попугай? Чур, не я!

7. На горе стоит автобус, а в автобусе – змея. Чур, не я!

8. Кто родился с усами? Чур, не я!

ИГРА С ХЛОПКАМИ

9. Хлопают поочередно на каждое слово; если игроку, которому досталось последнее слово, удалось хлопнуть по руке второго игрока, он выиграл.

Летела ворона в голубых панталонах,

Читала газету под номером ...

(любое число): раз, два, три,...

«ДУБ, ОРЕХ ИЛИ МОЧАЛО?»

10. Игра начинается неожиданно. В любой момент кто-нибудь хватается за шею сзади и давит, говоря: «Дуб, орех или мочало?». Тот, кого давят, говорит любое из этих слов.

Дуб – выбиваем правый зуб.
Орех – на кого спираешь грех?
Мочало – начинай сначала.

«КАМЕНЬ, НОЖНИЦЫ, БУМАГА»

11. Играют вдвоем, втроем. Игроки становятся в круг, ведущий говорит: «Камень, ножницы, бумага, цу, е, фа (раз, два, три)». По окончании его слов игроки вытягивают вперед руку: кулак – камень, раскрытая ладонь – бумага, указательный и средний пальцы – ножницы. Победитель определяется так: бумага заворачивает камень, камень тупит ножницы, ножницы режут бумагу. Иногда добавляют колодец – пальцы, соединенные в кольцо. Играют несколько раз. Так может определяться водилка.

ИГРЫ – ВЫЗЫВАНИЯ

«ПАННОЧКА»

12. Тот, кто должен стать панночкой, ложится на спину, закрывает глаза и скрещивает на груди руки, как покойник. Один из игроков говорит заклинание, остальные повторяют последнее слово. Во время произнесения нельзя смеяться и улыбаться. Если панночка улыбается, то она – не панночка.

Наша панночка померла, померла, померла;
Унесем ее душу за черные горы, горы, горы;
Сбросим ее с черной горы, горы, горы;
Закопаем под черным дубом, дубом, дубом.
Панночка, ты видишь красное пятно?

Игрок кивает, если он – панночка, и начинает догонять других игроков. Панночка душит того, кого догонит, а чтобы снять с нее «чары», нужно дать три пощечины.

Есть и другой вариант заклинания:

Наша панночка померла, померла, померла
Похороним ее свято, свято, свято,

Унесем ее душу за черные горы, горы, горы,
Реки, реки, реки, моря, моря, моря,
Поставим ей красный (* черный) крест, крест, крест.
Панночка, если ты здесь, покажи зубы, если тебя нет – улыбнись.

13. Кладется любой человек на лавочку или даже на землю. И, крутя виски, как массаж делают, играющие говорят:

Наша панночка померла – мерла – мерла – мерла,
Отдадим ее богам – ам – ам,
Пусть ее хоронят черти – черти – черти,
На съедение волкам – ам – ам.

Так говорят три раза. Потом три раза говорят:

«Панночка, если ты с нами, подними руки!»

И она встает. А если она не панночка, то ничего не будет, не проснется.

– *А что с ней происходит?*

Говорят, что она попадает в другой мир и ищет книги: первая книга – «Темные записи Панночки», вторая – «Книга жизни» и третья – «Серебряная книга».

– *Она эти книги с собой приносит?*

Она, она найдет книгу и будет читать. Она найдет книгу, прочтет, и потом уже, когда очнется, расскажет. Рассказывает, в основном, кому нельзя заколдовываться, кому можно, кто вообще не заколдовывается. Можно еще узнать, сколько лет кому, кто во сколько умрет. Сказки, короче!

Чтобы человек очнулся... или панночка напугает, он сам очнется, или по голове стукнуть.

14. Померла наша панночка, панночка, панночка,
Вознесем ее на черную гору, гору, гору,
Пусть высится она в небесах, небесах, небесах,
Закроет она глаза, глаза, глаза

И уйдет ее душа, душа, душа.

Померла.

Так повторяешь три раза. Человек при этом лежит, руки у него на груди. Он закрывает глаза и потом, когда уже приходит в эти чувства, встает и начинает душить или что-нибудь такое.

– Как его вывести из этого состояния?

Нужно ударить по сердцу или просто завалить и держать за плечи.

– А это развлечение или что?

Для нас это развлечение, а для других – не знаю.

– А о том, что панночка там видит, что потом рассказывает? Ничего.

Она просто душит. У нее намерение убить людей.

«ПУШКИН»

15. Положить платочек, три шишки, перо, на зеркале нарисовать домик, полянку. Это все положить на платочек; еще надо положить три белых камня и накрыться чем-нибудь темным и говорить: «Пушкин, Пушкин, приди, напиши письмо». Повторить три раза. И на зеркале становится видно его голову. Нужно, чтобы темно – темно было.

«МАТЕРШИННИК»

16. Берется конфета и на листочке пишется, сколько ты знаешь матершинных слов. Кладется все под подушку и говорится три раза: «Матершинник, приди». И заказываешь время, и он будет тебя материть. Он назовет тебя по имени и будет материть. И заказывается время. Напр., всю ночь, и он всю ночь тебя будет материть и напишет краской тебе все слова.

– Где?

На потолке, на стенах, на полу. Но посмотреть нигде нельзя. Еще никто не вызывал.

«ГНОМ-МАТЕРШИННИК»

17. Нужно взять длинную нитку, завязать двенадцать узелков и привязать туго к чему-нибудь и вызывать: «Гном – матершинник, приходи», три раза, и называть, сколько человек, и столько говорить матершинных слов. Только в темноте.

18. Нужно брать длинную нитку, или двенадцать кусков маленьких хлеба, или двенадцать конфет вешать и говорить: «Гном-матершинник, приходи». Повторяешь три раза. Говорить, сколько человек, столько матерных слов. Напр., «Гном-матершинник, приходи, приходи, приходи. Нас здесь шесть человек», ну или сколько там. Если там что-нибудь или пошатается, или оборвется, то он как будто пришел. Но никто не слышал, чтобы он матерился.

19. Берешь нитку, через некоторые промежутки цепляешь пластилин. Штук шесть. И говоришь три раза: «Черт-матершинник, приходи». И он будет идти, спотыкаться и материться. В темноте это надо делать. А чтоб ушел, говоришь: «Черт-матершинник, уйди», три раза. Он не будет материться, значит, ушел.

«ВАНЬКА-МАТЕРШИННИК»

20. Ставится два стула, примерно на расстоянии полутора метров. Привязывается ниточка, обычная, швейная. Привязывается к спинкам. И на этой ниточке много-много узелков. На одну сторону кладешь конфетку. Любую. И говоришь три раза: «Ванька-матершинник, выходи».

Вот он и выходит. И идет к конфетке. Это в темноте надо делать. И такая маленькая светящаяся точка, приблизительно пять сантиметров в диаметре. Вызывают после двенадцати. Выходит и как спотыкнется об узелок, так мат. Как споткнется об узелок, так мат согнет. Пока к конфете не придет. Чтобы он ушел, нужно свет включить, и он уйдет. Если будешь хохотать, он щипаться может, кусаться.

«ЖЕВАТЕЛЬНЫЙ КОРОЛЬ»

21. Нужно взять покрывало, чтоб было темно, взять стекло, на него поставить ковш воды и положить жвачку. Говорить: «Жевательный король, приди». Положить одну жвачку, он выйдет и будет много жвачек. Мы уже так делали и получалось.

«ПИКОВАЯ ДАМА»

22. Взять зеркало, начертить лесенки (ступеньки) и говорить: «Пиковая Дама, приди» три раза. Если ступеньки будут стираться, ну как, пятна оставаться, она идет. Ну, если она будет это... Ты не хочешь, то нужно лесенки стереть впереди там. Она вернется. Это самое страшное гадание. Она может задушить.

23. Еще надо стакан крови ставить. Рядом с зеркалом. Зеркало не кладут, а ставят вот так, к стене, лесенки рисуют, и стакан крови ставится. А слова те же: «Пиковая Дама, приди». И повторяешь три раза.

«ДОМОВОЙ»

24. На пол кладется три ложки, заворачиваются в бумагу. В любой чистый листочек. Две кладутся вертикально, а одна – горизонтально. Две так, а одна – поперек. Большие, столовые ложки. Говорят три раза: «Домовой, домовой, выходи!». И они трястись будут. Или там он бегать начнет по хате, топтать, валить вещи.

25. Это надо вдвоем делать. Берется по три карандаша, и соединяют концы вместе, образуя квадрат, и говорят: «Домовой, приди» три раза. И если он приходит, карандаши поднимаются вверх. Задаешь ему вопросы. Если он не отвечает, то они вниз опускаются. А если не знает, то в стороны. Убираешь карандаши, и он уходит. Это вызывают в любом месте.

26. Нужно взять листок и прочертить два круга, один внутри, поменьше. В большом кругу надо написать цифры до тридцати двух, а в маленьком – буквы.

– *Почему до тридцати двух?*

Считается, что больше тридцати двух ему не бывает. Такая вот версия. Затем взять иголку, нитку, намотать на палец и в центр круга маленького поставить. И спрашиваешь: «Домовой, как тебя зовут?»

Но сначала спрашиваешь: «Домовой, ты здесь?» И он показывает на Д и А – получается «Да». Потом: сколько тебе лет и так далее. Он на все отвечает. Мы пробовали, и у нас получается, это правда.

Вызывать необязательно ночью, можно вечером.

27. Домового можно вызвать так. В темном месте, например, мы вызывали в душе – в душе сильно темно - ставишь зеркало, зажигаешь свечу, ставишь стул и, например, надо, чтобы за дверью стояли два человека.

И садишься за этот стул, закрываешься на крючок и начинаешь говорить: «Домовой, приди. Посмотри на меня, приди ко мне». И садишься, и когда ты смотришь в зеркало и говоришь эти слова, у тебя на лице что-нибудь появляется страшное. Иногда даже бывает другое отражение. Тогда надо сразу открыть дверь и выбежать. А если не удалось открыть дверь, то так и останешься. Если зеркало разобьется, то человек может заболеть или плохое что-нибудь случится.

28. Можно еще так. Можно взять листик и спросить: «Домовой, сколько мне лет осталось жить?» – и так ручку слабо-слабо держать. И он напишет. Напишет шестьдесят, значит, шестьдесят лет осталось. Так моя бабушка пробовала гадать.

«ЧЕРТИК»

29. Кладешь альбомный листок бумаги. В темноте закрываешь все стеклянное. Иголку на красной нитке ставишь в центр листика. А на листике

рисуешь такой спектр... Чертишь круг, а в нем – еще кружок. И в том кружке, что получился, – ободок. По нему ставишь буквы все, а в маленьком – цифры от нуля до девяти.

И вот можно с ним разговаривать. Вот красная нитка, и вот так кладешь ее, чтоб иголочка чуть-чуть отогнулась. И в одном углу на листке пишешь «Да», а в другом – «Нет». И говоришь: «Чертик, ты с нами?» Иголка начнет крутиться и покажет на «Да», если он пришел.

Вызывать можно в любой день, в темноте и закрывая все стеклянное: зеркала, посуду, – а лучше в отдельной комнатке было бы. Можно говорить: «Сколько мне лет?» – и иголка будет показывать. Если ночью делаешь, то ставишь свечку. А днем не получается.

«ДУХ»

30. Накалить иголку на свечке. Нарисовать чертенка, ему в сердечко или в пупок воткнуть эту иголку и держать за ниточку и спросить: «Дух Александра Сергеевича Пушкина, вы пришли?», или кого-нибудь другого дух, или черта.

И иголка крутится, и он отвечает: да или нет. Нужно написать еще на листе «да», «нет», алфавит и цифры.

Нужно поздороваться, а когда хочешь, чтобы он ушел, говоришь «спасибо» и прощаешься.

«СЛАДКОЕЖКА»

31. Берется любая конфета, только в обертке. Идешь в темное место какое-нибудь. Темное-темное. И это... Три раза повторяешь: «Сладкоежка, приходи!» – и уходишь на час или на два. И потом заходишь в это помещение. И там или нет конфеты, или она лежит на полу. Это значит, он приходил.

«СУЖЕНЫЙ»

32. Ставишь зеркало и рядом с ним свечку и говоришь: «Суженый-ряженный, приходи!». Повторяешь несколько раз, и при том, как горит свечка, ты

увидишь или глаза, или лицо и догадываешься, кто твой суженый-ряженный. Это нужно делать в любой день после двенадцати ночи.

ГАДАНИЕ НА КОЛИЧЕСТВО И ПОЛ ДЕТЕЙ

33. Берется иголка и нитка. Правая ладонь – большой палец отставляется, остальные смыкаются. Чтобы нитка не крутилась, она три раза опускается между большим и всеми остальными пальцами. Потом на ладонь. Если иголка начнет двигаться в одной плоскости из стороны в сторону, то это – мальчик. А если будет крутиться, то это – девочка. А сколько детей, она определит, когда делаешь, делаешь. Как закончатся дети, так она станет, не будет двигаться над ладонью.

«КУКОЛКА, БАЛЕТНИЦА, ВЫБРАЖУЛЯ....»

34. Играют по пуговицам на одежде. Их считают и на каждую пуговицу говорят: «Куколка, балетница, воображала (*выбразуля), сплетница». На каком слове закончатся пуговицы, то и есть ты.

«БАБКА ЁЖКА»

35. Выбирается ведущий. Все убегают от него и кричат:

Бабка Ежка, костяная ножка,

По полю скакала, дедушек искала,

Ножку потеряла – нас она искала.

Тот, кого догнали, становится Бабкой Ежкой.

36. Встаешь на одну ногу в круг. Вот тебе говорят стишок:

Бабка Ежка, костяная ножка,

С печки упала, ногу сломала,

Побежала в огород, испугала весь народ,

Побежала в стайку, испугала зайку,

А потом и говорит: «У меня нога болит».

И это... прыгаешь на одной ноге, догоняешь всех. Кого последнего догнала, тот и Бабка Ежка становится. Если нога устала, можно менять.

ИГРЫ НА РЕКЕ

37. Когда ныряют, говорят:

Баба сеяла горох и сказала деду «Ох!»

ПЕСНИ

В основном жанр лирической песни представлен известными авторскими текстами, переделанными детьми. «Модернизации» подверглись детские песни («Солнечный круг», «В траве сидел кузнечик», «В лесу родилась елочка», «Улыбка» и т.д.), песни из советских кинофильмов («Где-то на белом свете...»), современные эстрадные («Зайка моя»). Есть и собственно детские произведения – «Чикибубиша», «На Ивановском кладбище тихо...», «Пастух пришел на водопой». По утверждению информантов некоторые песни имеют установленное авторство, напр., «Маленькая Мэри».

1. Пусть всегда будет водка,
Колбаса и селедка,
Огурцы, помидоры,
Вот такие мы обжоры.
2. Солнечный круг, немцы вокруг,
Это рисунок фашиста.
Нарисовал он на листке
И подписал в уголке:
«Пусть всегда будет водка,
Колбаса и селедка,
Огурцы, помидоры,
Ветчина и капуста –
Это очень, очень вкусно».
3. Воинский круг, немцы вокруг,
Гитлер пошел на разведку,
В ямку упал, ножку сломал
И на прощанье сказал:
«Пусть всегда будет водка,
Колбаса и селедка,

Сигареты в кармане
И жена в чемодане».

4. Где-то на белом свете, там, где всегда жара,
Спят на уроках дети и учителя,
Только не спится Оле, пишет записки Коле:
«Я тебя люблю».
Оля была спортсменкой, лазила по горам,
Коля был спортсменом, лазил по пятам.
Оля летит в канаву, Коля летит за ней,
Оля лежит в больнице, Коля лежит на ней.
Оля кричит: «Рожаю!», Коля кричит: «Кого?!»,
Оля кричит: «Барана!», Коля кричит: «Ого!».
5. Юля бежала по травке,
Артем бежал за ней.
Юля снимала плавки,
Артем лежал на ней.
Юля кричит: «Ой, больно!»
Артем кричит: «Терпи!»
Юля кричит: «Рожаю!»
Артем кричит: «Кого?!»
Юля кричит: «Жирафа!»
Артем кричит : «Ого!!!»
6. В лесу родилась елочка,
А кто ее родил?
Мария Лопес – дурочка
И Виктор – крокодил.
7. В лесу родилась елочка,
Зигзаг ее спасал,
А дядя Скрудж под елочкой
Всё денежки считал,
А Билли, Вилли, Дилли
Наркотики делили,
А Магия Гипноз
Пер...ла всем под нос.
8. От бутылки станет всем светлей,
От бутылки в небе радуга проснется,
Поделись бутылкою своей
И она к тебе не раз еще вернется.
И тогда наверняка

Мы напьемся коньяка
И кузнечик побежит сдавать бутылки.
Он споткнется, упадет,
Все бутылки разобьет
И получит по зеленому затылку.

9. От улыбки п...нул бегемот,
Обезьяна подавилася бананом,
Темный лес стоит, как идиот,
И считает свои бабки из кармана.
И тогда наверняка
Мы напьемся коньяка,
И кузнечик побежит сдавать бутылки.
С голубого ручейка начинается река,
Ну а дружба начинается с бутылки.
10. От улыбки п...нул бегемот,
Обезьяна подавилася бананом.
И тогда наверняка
Вдруг напьются облака
И кузнечик побежит сдавать бутылки.
Вдруг споткнется, упадет,
Левый бок себе побьет
И получит по зеленому затылку.
11. Раз, два, три, четыре – Кузи стали дружно в ряд,
Раз, два, три, четыре – Кузи пить и жрать хотят.
Раз, два, три, четыре – их Валера поведет,
Раз, два, три, четыре – замечательный народ.
По полю, по полю, где ягоды как мед.
По лесу, по лесу, где белый гриб растет.
По лугу, по лугу, где травка зелена,
И где вода из ручейка прохладна и вкусна,
И где вода из ручейка прохладна и вкусна.
12. На Ивановском кладбище тихо,
Где покойнички в беленьких тапочках
На прогулку сегодня пойдут.
- Ты приходи, мой милый,
Ты, приходи, мой друг,
Ты приходи в могилу,
Погнием вдвоем.
Ты приходи, ты приходи,
Ты приходи, соловушка.

На заборе, свесив ноги, труп сидит
И стеклянными глазами вдаль глядит,
А прохожий засмотрелся и упал,
Ну а труп не растерялся и сказал:

Ты приходи, мой милый,
Ты, приходи, мой друг,
Ты приходи в могилу,
Погнием вдвоем.
Ты приходи, ты приходи,
Ты приходи, соловушка.

Разобрать бы нам дом по досочкам,
Прогуляться бы нам вдвоем.
Ты приходи, мой милый,
Ты, приходи, мой друг,
Ты приходи в могилу,
Погнием вдвоем.
Ты приходи, ты приходи,
Ты приходи, соловушка.

15. Скелет на заборе сидел,
Скелет на прохожих глазел.
Один прохожий поскользнулся и упал,
А труп ему сказал:
«Приходи, мой милый,
Приходи в мой дом,
Приходи в могилу,
Будем гнить вдвоем.
Дам тебе я сладкую косточку
И черепок – чмок-чмок».

16. Спи, моя радость, усни,
Завтра проснешься в крови,
Зубы найдешь на полу,
Ноги лежат на потолку.

17. Мама сшила мне штаны
Из березовой коры,
Чтобы попка не потела,
Не кусали комары.
Вот порвались штаны
Из березовой коры,
Сразу попка запотела,

Закусили комары.

18. Новый дом по чертежу

Мы построили ежу.
Дом с высокою трубой,
С острой крышей голубой.
Получился славный дом,
Есть и дверь, и окна в нем,
Круглый стол стоит в углу,
Мягкий коврик на полу.
Еж улегся на ковре,
Встал с ангиной на заре,
Не сгибается спина –
Ночью дует из окна.
Дом с высокою трубой
Еж обходит стороной,
Еж здоровье бережет,
В старом валенке живет.

19. Маленькая Мэри

Вдали виднелся белый дом,
Белый, белый дом.
Вокруг него цвела аллея,
И у открытого окна
Шалула – лула
Сидела маленькая Мэри.
У Мэри длинная коса,
Шалула – лула.
У Мэри длинные ресницы,
У Мэри карие глаза,
Она прекрасная девица.

В один прекрасный вечерок,
Шалула – лула,
Она Артура полюбила.
Он в знак согласия в любви,
Шалула – лула,
Букет сирени подарил ей.

Не жди, не жди, он не придет,
Шалула – лула,
Он полюбил уже другую,
Он под венец ее ведет,
Шалула – лула,
Говорит, что любит, и целует.

Наутро весь народ узнал,
Шалула – лула,
Что крошка Мэри отравилась,
Об этом и Артур узнал,
Шалула – лула,
В Артуре совесть пробудилась.

Он к ней бежал без задних ног,
Шалула – лула,
Упал у гроба на колени,
Он целовал холодный лоб,
Шалула – лула,
И говорил: «Проснись, крошка Мэри».

Вдали виднелся черный дом,
Черный, черный дом,
Вокруг него цвела крапива,
И у закрытого окна,
Шалула – лула,
Виднелись две могилы.

20. По ки- по ки-кирпичикам мы школу разберем,
(*По ка- по ка- по камушкам мы школу разберем)
Учителя повесим (*повешаем), а завуча побьем (*прибьем).
Директора на ниточке мы спустим в унитаз,
И пусть его спасает отличный водолаз.
(*Обрежем эту ниточку и будет суперкласс!)
(*А нашу англичанку опустим в унитаз
И пусть ее спасает английский водолаз)

21. Чунга-чанга, в школе три гвоздя,
Чунга-чанга, вытащить нельзя,
Чунга-чанга, в школе динамит,
Чунга-чанга, он уже дымит,
Чунга-чанга, пять минут прошло,
Чунга-чанга, школу разнесло.
(Чаще вместо слова «школа» употребляется слово «ж...а»)

22. На уроке я сижу и на доску не гляжу.
Все сижу и сижу, завтра двойку получу.
А учитель у доски что-то тихо говорит,
Только я все сижу и на доску не гляжу.

23. Пастух пришел на водопой –

Попить воды, помыть трусы. Вот это да!

Корова п...нула слегка –
Убила тридцать три быка и пастуха. Вот это да!

Пастух летел как самолет
И сбил немецкий вертолет. Вот это да!

По полю бегают микроб,
За ним гоняется циклоп.
Вот это да! Какой нахал!

24. Коровы шли на водопой –
Попить воды, поср...ть в кусты.
Корова п...нула слегка –
Убила тридцать три быка.
Вот это да! Вот это да!

По стенке бегают циклоп,
За ним гоняется микроб:
- Отдай трусы, не твой размер!
- Да забери ты их себе!

25. Школа моя, я твой мальчик,
Ручка моя, я твой пальчик.

В школе мой класс,

Я тоже в школе,
Учат здесь нас, и я доволен.
Я ночами классно сплю,
Потому что школу я люблю.

ДРАЗНИЛКИ И ОТГОВОРКИ

Дразнилки – короткие рифмованные песенки и стишки в форме развернутого прозвища человека, сатирически высмеивающие его недостатки, мнимые и реальные, или просто отличительные свойства [2, с. 65]. Обыкновение давать прозвища перешло к детям от взрослых, но детям не свойственна злопамятность, и поэтому после череды обзываний следуют мирилки, отговорки. Повод для обидных слов забывается, но образ и рифма

сохраняются в памяти и потом воспроизводятся по отношению к другим людям.

Некоторые дразнилки обличают реальные недостатки детей: ябедничество, нечестность, нечистоплотность, болтливость и др.

Ябеда – корябеда, соленый огурец,
По полу валяется, никто его не ест.
Муха подлетела, понюхала и съела.

Существуют дразнилки, с которыми нападают на ребенка «не за дело», а за физические недостатки, пол, национальность, высмеивают имя и фамилию.

Дразнилки исполняются в форме словесного «состязания» либо постоянного повторения одного и того же текста с целью обидеть кого-то одного.

Самая простая модель дразнилки: имя + слово-рифма (Наташка – букашка, Ирка – дырка). Важные художественные особенности дразнилки – рифма, ямбические и хореические размеры, характерным поэтическим приемом является каламбурное осмысление имен (Петька – петух), эпитеты-прозвища, гиперболы, повторения. «Оборонительным» средством является отговорка (термин М.В.Осориной), которая «не только уничтожает зловерное действие обидных слов на человека, но и обращает их против самого обидчика» [4, с.46]. Отговорки – небольшие по объему обычно стихотворные тексты, функция которых безболезненно избежать щекотливой ситуации, возникшей в игре. Также отговорки используются как средство защиты от дразнилок, издевок, «приколов».

ДРАЗНИЛКИ

1. У Бутуза два арбуза, у Бутузихи – один.
Бутуз ходит по базару, а Бутузиха – за ним.
2. Андрей-воробей, не гоняй голубей,
Не клюй песок, не тупи носок,
Пригодится носок клевать колосок.
3. Андрей – воробей, не гоняй голубей,
Голуби боятся, на крышу не садятся.

4. Жадина-говядина.
5. Жадина-говядина, соленый огурец,
По полу валяется, никто тебя не ест.
6. Трус – белорус, на коне катался,
Руки-ноги оторвал, без трусов остался.
7. Чушка-подбирушка (*повторюшка),
На носу игрушка, а на пузе барабан,
Нарисованный (*нарисован там) кабан,
А кабан шевелится,
Скоро Оля (*любое имя*) женится.
8. Рыжий-рыжий, конопатый,
Убил дедушку лопатой,
А я дедушку не бил,
А я дедушку любил.
9. Гром гремит, земля трясется, это (*имя*) в туалет несется.
10. Среди роз один навоз.
О мальчике, который находится один среди девочек.
11. Среди баб один прораб
О мальчике, который находится один среди девочек.
12. Среди девчонок один поросенок.
О мальчике, который находится один среди девочек.
13. Ванька-Ванька – простота,
Купил лошадь без хвоста,
Сел задом наперед
И поехал в огород.
14. Ябеда – корябеда, соленый огурец,
По полу валяется, никто его не ест.
Муха подлетела, понюхала и съела.
Таракан пришел, раздавил и ушел.
15. Егор – помидор .

16. Ирка – дырка .
17. Иришка – пышка.
18. Ленка – пенка.
19. Машка – чебурашка.
20. Маша – каша.
21. Аленка – пеленка.
22. Лёля – бемоля.
23. Юлька – козюлька.
24. Юлька – свистулька.
25. Улька – пулька.
26. Алешка – поварешка.
27. Антошка – картошка.
28. Ежик – в ж...пу ножик.
29. Светка – конфетка.
30. Наташка – пташка, зеленая какашка.
31. Наташка – бражка.
32. Дениска – ириска.
33. Вовка – морковка, рыжая головка.
34. Наташка – алкашка.
35. Наташка – букашка.
36. Ленка – пенка, колбаса,
На веревочке оса.
А оса кусается,
Ленка улыбается.

ОТГОВОРКИ

1. Аптека (* школа) закрыта,
Ключ у меня,
Кто обзывается –
Сам на себя.
2. Я в Амурской области не играю в подлости.
3. От калитки до ворот все идет наоборот.
4. Говоришь на меня – переводишь на себя.
5. А я лесенку поставлю и все буквы переставлю.
6. Рыба-акула – игра утонула.
7. Рыба-кит – игра прилетит.
8. Что врать – языком болтать.
9. Первое слово дороже второго.
10. Первое слово съела корова.

Ответ: Коровы слова не едят.

11. – Я все маме расскажу.
– А я пальчик покажу.
– А пальчик не поможет –
Спать тебя уложит.
– А я спать не хочу,
На ракете улечу.
– А в ракете крокодил –
Он тебя за бока схватил.
– А я выпрыгну на родную улицу.
12. Что врать, как ср...ть.

МИРИЛКИ

Мирилки – это короткие стихотворения примиряющего содержания, сопровождающиеся особым ритуалом. Их произносят, сцепившись мизинцами

и покачивая руками. Мирилки представляют собой магический акт детского правосудия. С их помощью дети младшего школьного возраста решают исход кратковременных обид и ссор, т.е. мирилка – это средство разрешения конфликтной ситуации.

Хотя мирилки весьма распространенный жанр, но сами тексты не отличаются разнообразием. Здесь представлена только одна мирилка, записанная в нескольких вариантах.

1. Мирись, мирись, мирись
И больше не дерись,
А если будешь драться.
Я буду кусаться,
А кусаться ни при чем,
Буду драться кирпичом,
А кирпич ломается,
Дружба начинается.
(*Приходи ко мне домой,
Будем драться колбасой.)

2. Приходи ко мне домой,
Будем драться колбасой.
Колбаса сломается –
Дружба начинается.

ПРИКОЛЫ

Этот жанр обозначен в работе М.Ю.Новицкой и И.Н.Райковой как «поддевка» [3, с.24]. Он развивает сообразительность, быстроту реакции, умение внимательно слушать собеседника, чувство юмора.

Как правило, ребенок попадает в «ловушку» только один раз и потом сам пытается «подцепить» тех товарищей, которые еще не знают о новой шутке. Однако приколы через некоторое время после первого исполнения забываются детьми, и их можно снова употреблять [3, с.25]..

Виды «приколов»: поддевки-заманки («Дуня»), поддевки естественного диалога («Вон слон»), поддевки-шутки (тексты № 9 – 14), поддевки-загадки («А, Б, Л купили дом...»).

Тексты «приколов» представляют собой дословную запись детской речи.

1. Оглянись! Оглянулся – пуп надулся!
2. Вон птичка... Хвать тебя за яичко!
3. Вон слон... Спасибо за поклон.
4. А, Я, Б сидели на трубе,
А упала, Б пропала,
Кто остался убирать?
5. - А, Я, Б сидели на трубе,
А наср...ла, Б насс...ла,
Кто остался убирать?
– Я.
– Конечно, ты.
6. А, Б, Л купили дом, очень долго жили в нем.
А – болеет, Б – в больнице,
Л – уехал за границу.
Кто остался в доме жить? (А)
7. Ставят человека лицом к стене, руками он должен упираться в стену на одном уровне. Задаешь простые вопросы: есть ли у него мама, папа, сестра, брат, кошка и т. д. Если ответ «да», то руку нужно передвинуть немного вверх. Потом, когда руки поднимутся на достаточную высоту, спрашиваешь: – Ты сумасшедший? – Нет. – А чего тогда на стену лезешь?
8. На каждый положительный ответ на вопрос нужно загибать палец, по очереди все, кроме большого. Вопросы примерно такие: ты любишь мороженое, пирожные, торты, апельсины и т. д. Последний вопрос: – Ты г...о любишь? – Нет. – А что тогда показываешь?

9. Рука сомкнута в кулак. Спрашиваешь: твоя мама, папа, брат, сестра нищие? Если ответ на вопрос – «нет», то палец разгибается. Когда остается последний палец, спрашиваешь: – Ты нищий? – Нет. – А чего руку протягиваешь?

10. Представь, что тебе снится сон. Перед тобой две машины: «Мерседес» и «Запорожец». Что ты сделаешь? *(ответ любой)* Едешь ты на своем ..., перед тобой две горы – золота и серебра. Что ты сделаешь? *(ответ любой)* Едешь ты дальше на своем ..., со своим золотишком (*серебришком), и видишь две горы г...а: светлого и темного. Объехать их нельзя. Что ты сделаешь? *(ответ)* Нужно проснуться, ведь тебе снится сон.

11. Бежит сиротка лесом-полем, полем-лесом (так говоришь как можно дольше). Упала она в яму и выбраться не может. Идет мужик полем-лесом, лесом-полем (говоришь сколько угодно раз). Подходит к яме и говорит: – Если вытащу тебя, мать убью, а не вытащу – отца убью.

Что ей делать? *(ответ)* Она же сиротка, пусть вытаскивает.

12. Пошел мужик зимой на охоту. Идет полем-лесом, лесом-полем (сколько хочешь). Перед ним – широкая река, но на берегу растет дерево. Что ему делать? *(ответ)* Зима, можно по льду пройти.

13. Знаешь, как расшифровывается ДУНЯ?

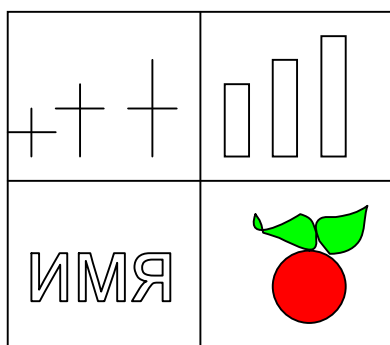
– Как?

– Д – дураков, У – у нас, Н – нет.

– А Я?

– Только ты!

14. «120 % тупости»

1.

1. Какой крест самый большой? 120 % тупости. Ответ: тот, который делит квадрат.
2. В каком из этих гробов похоронен раненый Василий Иванович? 120 % тупости. Ответ: раненых не хоронят.
3. Напиши имя. 120 % тупости. Ответ: имя.
4. Что ты сделаешь с этим яблоком? 120 % тупости. Ответ: нарисованное не едят.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин В.П. Художественное слово// Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 2. Детство. Отрочество/ Сост., подг. Текстов, вступ. Ст. и коммент. В.П.Аникина. М.: Худож. лит., 1994.
2. Виноградов Г.С. Русский детский фольклор. Книга первая: Игровые прелюдии. М.: «Academia», 1986. С. 65-156.
3. Новицкая М.Ю. Детский фольклор и мир детства / М.Ю.Новицкая, И.Н.Райкова // Детский фольклор. – М.: Русская книга, 2002. – С. 5 – 53.
4. Трыкова О.Ю. О Современном состоянии детского фольклора <http://gramota.ru>. 12. 10. 2004 г.
5. Топорков Л.А. Пиковая дама в детском фольклоре начала 1980-х годов // Школьный быт и фольклор. Таллинн, 1992: С. 3-42.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

г. Благовещенск

Волегов Александр, 1996
Архипова Мария, 1993
Сурина Клавдия, 1986
Зайцева Дина, 1982
Мальшок Елена, 1997

С. Верхняя Полтавка Константиновского района

Чупраков Влад, 1997
Сидякина Анастасия, 1995
Козловский Максим, 1995
Костин Артем, 1994
Егорова Наталья, 1994
Валуцкий Владимир, 1994
Кожеченков Константин, 1994
Тишков Андрей, 1994
Фофонова Татьяна, 1994
Сидякина Елена, 1994
Шинкарев Андрей, 1994
Ястребов Алексей, 1994
Милкина Арина, 1994
Магерова Оксана, 1993
Обызов Константин, 1993
Богодухова Любовь, 1993
Батоженко Яна, 1993
Кикоть Захар, 1993
Вегеря Марина, 1993
Бакаева Мария, 1993
Васильев Кирилл, 1993
Шинкарев Денис, 1992
Егорова Ирина, 1992
Юшков Евгений, 1992
Херувимов Вова, 1992
Собчук Елена, 1992
Репринцев Юрий, 1992
Веселовский Артем, 1992
Ничипуренко Кристина, 1992
Тихонова Кристина, 1992
Васюков Максим, 1992
Мельник Артем, 1992
Саркисян Кристина, 1992
Никольчук Иванна, 1992
Мержеевская Ольга, 1992
Чаплыгин Антон, 1992
Адылшина Полина, 1992
Тарасов Владимир, 1991
Купровская Маргарита, 1990
Кудряшов Александр, 1989
Ершов Анатолий, 1989
Павлова Людмила, 1988
Васюхно Дарья, 1988
Мартиросян Анна, 1988
Миралиев Эльнур, 1988
Цуканов Евгений, 1987
Черный Семен, 1987
Павлова Анастасия, 1985

П. Новокиевский Увал

Егоров Артем, 1989
Егоров Дмитрий, 1987

П. Прогресс

Алферова Ирина, 1985
Русанова Ольга, 1985

С. Белоярово Мазановского района

Курбак Анна, 1995
Жукова Виктория, 1994
Каминский Александр, 1994
Бодлер Виктория, 1994
Абхатхузина Елена, 1994
Зеленский Павел, 1993
Михайличенко Анастасия, 1993
Бондарь Виктория, 1993
Акунина Татьяна, 1993
Курбатова Виктория, 1993
Соломонова Диана, 1992
Капустина Екатерина, 1991
Сапрынский Сергей, 1991
Белинская Людмила, 1990

С. Краснояррово Мазановского района

Крысюк Максим, 1997
Фалько Елена, 1997
Ткач Виктория, 1995
Ильина Надежда, 1993
Ткач Жанна, 1993
Ефимова Дарья, 1992
Шалимова Олеся, 1992
Шеремет Наталья, 1992
Сальникова Светлана, 1990
Ахметов Дмитрий, 1988

Г. Свободный

Шакун Татьяна, 1984

С. Желтоярово Свободненского района

Алексеев Григорий, 1997
Евдаков Денис, 1996
Балабанюк Алина, 1996
Тетилина Дарья, 1995
Колышкина Ирина, 1994
Николаева Татьяна, 1994
Новокрещенов Игорь, 1994
Елагин Егор, 1994
Арестова Валентина, 1993
Дымчина Ирина, 1993
Николаева Ирина, 1993
Трушкина Любовь, 1993
Михетова Мария, 1992
Тетилина Юлия, 1992

С. Заган Свободненского района

Бондарик Надежда, 1995
Харкавина Анна, 1991
Бондарик Егор, 1989
Бузиков Алексей, 1987

Г. Райчихинск

Сиротина Евгения, 1984
Волгузова Татьяна, 1984

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ СТРАНИЦА

Ежегодно, возвращаясь из экспедиций, мы помещаем небольшой отчёт о них в прессе. Делаем это не столько для того, чтобы рассказать о себе, но и для того, чтобы обратить внимание читателей на свою малую родину, на её историческое прошлое и на печали и радости сегодняшнего дня. С каждой экспедицией мы «взрослели» и как исследователи, и как граждане. Подобранные для альманаха статьи – своеобразная духовная летопись наших экспедиций.

2001

«Кормися сам!»

Вот уже второй год преподаватели и студенты филологического факультета Амурского государственного университета отправляются летом на фольклорно-диалектологическую практику в амурские села. Базой практики в этом году была Черновка Свободненского района и близлежащие к ней села: Чембары, Разливное, Юхта. Цель практики – собрать фольклорный и диалектный материал, а заодно найти ответ на вопросы: жив ли он, народный говор? Хранятся ли в памяти селян произведения устного народного творчества?

Не без волнения уходили мы в «поле», нарочито уверенно объясняя студентам (а точнее – очаровательным студенткам-второкурсницам), с чего-де разговор с сельскими старожилками начать да как его продолжить, о чем расспросить-разузнать, прекрасно понимая, что не так-то просто прийти в дом к незнакомому человеку, оторвать от дел немудреных, но составляющих порядок неторопливого повседневного бытия, заставить рассказать о себе, вспомнить жизнь былую да песню удалую, сопровождающую эту самую жизнь.

Поэтому, приехав в полдень, отложили важные встречи со стариками и старушками на вечер, приняв сначала «боевое крещение» в чистой и студеной речке Пёре, несущей свои воды меж Черновкой и Чембарами. И – с богом! Вооружившись карандашами и блокнотами да парой диктофонов, ринулись

наши девчонки отчаянно в первый бой за метким и бойким народным словечком.

...Подступая осторожно, чтобы не нарушить чуть начавшуюся плестись паутинку беседы, наткнулись мы на удивительно искренние и пронзительные людские рассказы о жизни, судьбе, правде. И сквозь эти рассказы просвечивала своя, народная философия и мудрость. Ее можно почувствовать и увидеть, приглядевшись повнимательнее к нашим старикам, вслушавшись в то, о чем они говорят. О земле: *«Природа — наш бог, земля-матушка — наша богиня, на нее надо молиться, иначе будете все батраками»*. Об уходе на войну: *«Прощайте, леса, больше мне вас не видать, прощайте, поля, больше мне вас не пахать...»* О своей жизни: *«Какое детство было, такая и старость досталась. Я искала беду, вот и нашла»*. О своем месте в жизни: *«Если виноватая — покорюсь, а если нет — ни за что...»*. Речь наших информантов нетороплива, по-своему правильна, имеет особенный интонационный рисунок, не засорена жаргонизмами и иностранными излишествами: все в меру, все по существу. Видимо, образ жизни, образ мысли, груз прожитых лет расставляет все по своим местам и выявляет в человеке его суть, его основу.

Не хочется идеализировать современное сельское бытие. Печально осознавать, что там, где в народном сознании бог — земля, землю практически не возделывают, разве что на своих участках. Среди сопки в сочной июльской зелени, среди земляничных полей, сред рек и ключей с поэтичными названиями **должен быть рай!** А, мужики? Не ройте металл по этим самым сопкам, чтобы продать. Сделайте что-нибудь! Телефон поставьте деду Хлыстову на хутор, всего два километра проволоки нужно. Он больше протянул в войну до самого Кенигсберга.

Каждый из наших информантов достоин отдельного рассказа: и Михаил Власович Хлыстов, и Надежда Васильевна Малынкина, и Мария Алексеевна Соловьева, и Полина Романовна Крахмалева, и Алексей Макарович Горев, и многие-многие другие. Радостно, что они по достоинству были оценены нашими студентками, которые сумели погрузиться в их жизнь, стали на какое-

то время необходимыми и уехать с обещаниями и обязательствами. Но кроме того, собрать достаточно большой материал: 23 полуторачасовых аудиокассет и 19 пухлых тетрадей записей.

А что касается песен, то их пели. И в Черновке, и в Разливном, что за 6 км. от Черновки и куда пошли разузнать, отчего оно Разливным называется, а потом еще пошли – за обещанными песнями на три голоса. Счастливицы слушали живую, несчастливцы – в записи. Но поверьте – потрясающе поют!

Возвращались мы с маленькой победой, потому что сделать что-то важное и непростое – значит преодолеть себя, а любое преодоление в жизни поднимает человека на одно измерение выше на шкале самооценки. Это одно. Но главное – мы возвращались, исполненные чувством огромной благодарности тем людям, которые приняли нас, были с ними открытыми и искренними, поведав свою жизнь, боль, надежду и преподав урок великодушия и веры в то, что не все у нас плохо.

P.S. А напоследок – байка от тети Нади Малынкиной. Про кота. Со смыслом: старый кот носил мышей молодому. А потом и говорит: «Сынок, у тебя усы такие, как у меня. Кормися сам!»

Е.А.Оглезнева

«Амурская правда», 09.08.2001г.

2002

«Пшеничка чистенькая, коровушка-кормилица...»

Красивое и необычное название села Кухтерин Луг было, пожалуй, самым веским аргументом у филологов АмГУ при выборе конечной точки своего экспедиционного маршрута этим летом. Оно звало и манило, требовало своей разгадки и подразумевало нечто особенное в этом селе и его обитателях, для которых и необычное название обычно.

А что же тогда необычно?

Самым большим удивлением было то, что в село никаких официально зарегистрированных видов транспорта не ходит, не плавает и не летает. Летом

туда можно добраться лишь из Ураловки, переплыв красавицу-Зею на лодке и пройдя 3 километра по молодому сосняку или лугам, богатым живой сочной травой и цветами. Эти луга без всяких слов и объясняют вторую часть названия села. А первую часть местные жители объясняют так: «Да был тут какой-то Кухтерин...» Самым серьезным объяснением является бережно хранимая одним из старожилов спичечная этикетка начала прошлого века с изображением некоего купца Кухтерина, по версии старожила и являющегося основателем села.

Невозможность быстрого достижения конечной точки маршрута подарила нам встречу с двумя другими по-своему удивительными селами Шимановского района: Ураловкой и Чагояном. В Ураловку плыли, отчалив от беломраморного берега Зеи в Чагояне, целых шесть часов вверх по течению реки на барже, где смешалось все: люди, машины, приспособленный к мирной жизни бронетранспортер, баржевой пес Жора, а заправлял этим Ноевым ковчегом заместитель капитана, которого все принимали за самого капитана по причине важного и неприступного вида. Наш кораблик с достоинством и невозмутимостью нес себя по фарватеру – не впервой! Мы же испытывали сильнейшее потрясение от тех красот, которые оставались справа и слева по борту и думали о том, что так просто *не бывает!* Содержательная наполненность нашего путешествия была обусловлена встречей на барже со знатоками здешних мест – главой администрации с.Ураловка и с.Кухтерин Лугом Сергеем Петровичем Алипченко, организатором школьного музея и увлеченным краеведом Любовью Адамовной Головчанской и «молодым старожилом» Алексеем Симоненко, с которыми мы правили и дополняли не совсем точные московские карты тех мест, что проплывали, слушали их рассказы о том, что в этих местах было и созерцали то, что есть. А вот что будет? По нашему мнению, туристический бизнес в этих местах вполне мог бы состояться.

В три часа пополудни наш катер был в Ураловке, куда много-много лет назад причалило судно под названием «Урал» и довольно долго там простояло.

Оно-то и дало название вновь образованному селу. Отметим, что это очень нетипичный способ именованя населенного пункта.

Уже вечером начали работать, потому что до отплытия баржи обратно в Чагоян оставалось лишь три дня. Связь с большой землей всего раз в неделю: по понедельникам – туда, а по четвергам – обратно. Но ураловцы отмечают этот факт как положительный в силу его постоянства. И вообще говорят, что жизнь улучшилась: электричество в домах не по два часа в день, как год назад, и по Зее суда плавают, а это значит – жизнь! Все относительно. Лучше, чем год назад, но очевидно, что хуже, чем пятнадцать-двадцать лет назад, когда в Ураловке и Кухтерином Лугу располагалось крупное лесное хозяйство, а в Кухтерин Луг даже самолет из Благовещенска летал. И не раз в неделю! Грустных отступлений может быть много, поскольку не находят объяснения многие увиденные нами явления, как-то: построенный и брошенный комбинат по переработке известняка в Чагояне, бесперспективность деревень, расположенных в благодатных по природным условиям местах, отсутствие хорошей связи с внешним миром в век Интернет. Но оставим пока всё не угасающие в нас гражданские чувства.

Основной целью нашей научной экспедиции было изучение материальной и духовной культуры сел, говоров, фольклора и микротопонимики. Мы искали бытийных старух и колоритных стариков, много повидавших на своем веку; нам было интересно, как рассказывают они о том, что было с ними и что происходит сейчас с нами и были заранее настроены увидеть в их незамысловатых, на первый взгляд, рассказах мудрость и тайну народного бытия. В чём его смысл и радость? Каков он, русский народ, живущий в глубинке? «Всё забыто, далёко и горько», – отвечают на просьбу рассказать о прошлом, но затем из наших вопросов и ответов стариков ткется полотно прожитой жизни, показывающее, что русский народ крепок духом и верен привычному деревенскому укладу жизни, как Людмила Самойловна Шаринкина (Кухтерин Луг), мудр и терпелив, как Анна Кондратьевна Сергиенко (Кухтерин Луг), до глубоких седин сохраняет оптимизм и чувство

юмора, как Мария Парфеновна Абраменко (Чагоян), знает, как воспользоваться дарами реки и леса, как Константин Александрович Симоненко и Сергей Климович Сластин (Ураловка), чувствует красоту родного края, любит свою малую родину и выражает это в произведениях устного народного творчества, как народная сочинительница лирических песен Нина Федоровна Грачева (Ураловка)... Вот лишь некоторые фрагменты высказываний, показывающие особую тональность в их отношении к миру: «Чистая чтоб была *пшеничка, чистенькая...* – Почему пшеницу ласково называете? – Не знаю. Наверное, потому, что кормит. Сами мололи ведь эту *пшеничку*. Камень положим на камень, мололи, чтоб *меньшенько* было»; «*Подружка* к ней приехала, *частенько* выбегает. А тут *быки бодучие*. Переживаю»; «*Коровушку* надо доить. Коров зовут Красуля, Зоя, у меня две коровы были Зои, а *теленочек маленький* – Зайчик, а тот большой – Буян. Заболел, придет, *картошечки* ему намою, а так не пьет ничего»; «Тот нехороший мужик, что *нажить нажил, а взять не взял. Напакостил*». Эти высказывания записаны от Анны Кондратьевны Сергиенко. Приходим к ней знакомиться, а она лежит. Помирать, говорит, собралась. Зачем же помирать? Вот и пригодилась!

Не подкачало и молодое поколение: нашими проводниками и помощниками были ученики Ураловской школы Илья Алипченко и Саша Сивоконь, которые помогли нам представить микротопонимическое пространство сел Ураловка и Кухтерин Луг и объяснить значение многих микротопонимов.

Данные, полученные во время экспедиции, являются ценным в научном отношении материалом, поскольку позволяют судить о современном состоянии русских говоров и пополняют имеющиеся базы данных по лексическому составу амурских говоров. В активном употреблении у жителей названных сёл находятся тематические группы лексики, отражающие такие сферы деятельности, как охота, рыболовство, лесозаготовка. Собрана не только диалектная лексика, но и достаточно обширный материал по микротопонимике, а также записаны цельные тексты, которые являются примерами реализации в

народной речи различных речевых жанров, представляющих интерес для научного изучения как в культурологическом, так и в собственно лингвистическом отношении. Косвенно получены новые сведения о коренной народности, населявшей исследуемые территории до их освоения русскими – о племенах манегров; изменилось представление о хронологических рамках их проживания там. Получена информация о межэтническом взаимодействии русских и китайцев в начале прошлого века на территории Шимановского района, а именно, в Чагояне, название которого имеет, по одной из версий, китайское происхождение: «белые горы». Недалеко от Чагояна, на берегу Зеи, до сих пор сохранились построенные китайцами в начале прошлого века печи, в которых обжигали известняк.

Конец экспедиции красен планами на будущее. Они есть и есть огромное желание их воплощать, поскольку лишь теоретическое изучение языка, культуры, истории края часто страдает своей умозрительностью. Живая диалектная, но уже уходящая речь должна быть записана и сохранена как факт народной культуры и как отражение одного из этапов развития языка.

Е.А.Оглезнева

«Амурская правда», 01.08.2002г.

2003

По новым местам

«Кто не изучил говоров родного языка, тот знает его наполовину». Эти слова принадлежат французскому писателю и ученому Шарлю Нодье.

В языке народа – его душа, его исторический опыт, его память. Записать рассказы старожиллов амурских сел, создать своего рода «народные мемуары» и вместе с тем изучить язык, которым они изложены, – вот основная цель фольклорно-диалектологических экспедиций, с 2000 года организуемых кафедрой русской филологии Амурского государственного университета.

Маршрут экспедиции 2003 года был таким: из Благовещенска через Архару в села Иннокентьевка, Красный Луч, Грибовка, Могилевка, Касаткино, Сагибово Архаринского района.

Села Иннокентьевка, Касаткино, Сагибово – бывшие казачьи станицы и поселки, расположенные по Амуру. Они были образованы в 1857 и 1858 годах первопоселенцами амурского края – забайкальскими казаками, которые в 19 веке в целях охраны государственной границы с Китаем обосновались на левобережье Амура. Выбор этих сел для диалектологических наблюдений обусловлен желанием отыскать потомков забайкальских казаков и записать их речь. Кроме того, наш интерес к этим селам был вызван путевыми заметками известного путешественника А.А.Кауфмана, который в 1901 году плывал по Амуру и оставил свои впечатления о станице Иннокентьевской, селах Грибовке, Могилевка и некот.др. в книге «По новым местам», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1905году.

Прошло 100 лет после кауфманского путешествия. Что изменилось? Было интересно сравнить впечатления, полученные от тех же мест спустя век.

«Начиная от Благовещенска, вы вступаете уже в область типичной амурской природы, – читаем мы у Кауфмана. – Здесь начинается главный колониционный район Амурской области – Зейско-Буреинская равнина, или, как ее иначе называют, Амурская прерия. Это – обширное степное пространство, протянувшееся вдоль Амура от впадения Зеи до казачьего поселка Пашковского, где Амур входит в горную область Малого Хингана. То почти плоская, с едва заметными «паднями» и «падушками», то с яснее выраженным волнообразным рельефом, она представляет собою как бы степной остров среди необозримого моря лесистых гор, заполняющих все остальное Приамурье». И через сто лет амурский пейзаж неизменно красив и притягивает взор сочностью и буйством июльского разнотравья, завораживает необъятностью простора, бескрайностью степной равнины и очевидностью того, что земля круглая.

Первый пункт нашего маршрута – село Иннокентьевка. Названо так в честь святителя Иннокентия Вениаминова, архиепископа Камчатской епархии, который, по словам старожилов, освящал церковь Воскресения Христова, построенную в селе в 1862 году.

«Пароход пристает к берегу у станицы Иннокентьевской, – пишет Кауфман. – Я отправляюсь искать расположенную на противоположном конце станицы телеграфную контору, причем по дороге любуюсь главной достопримечательностью станицы – церковью, которая сплошь обшита цинкованным волнистым железом».

...От красавицы церкви в Иннокентьевке ныне ничего не осталось. Ее не стало в 20-е годы прошлого века, когда во всей России рушили оплоты русской духовности – православные храмы. Сохранилось письмо одного из участников и организаторов этой дьяволиады, написанное пионерам с.Иннокентьевка в 1980 году. Страшный документ времени.

«...Церковь, о которой вы меня спрашиваете, мы ее закрыли. На комсомольском собрании решили провести воскресник, снять колокола и кресты, в церкви открыть клуб. На следующее воскресенье комсомольцы пришли в сторожку церкви. При проверке по списку выяснилось, что некоторые комсомольцы не пришли на воскресник под страхом наказания родителей. (...) Колокола снимать добровольцы нашлись (накануне изъявил желание один комсомолец), а чтобы снять кресты добровольцев не оказалось. Пришлось на купола лезть мне. Когда мы с Николаем залезли на крышу, вокруг церковной ограды собралась огромная толпа станичников. Были старики и старухи, а также несоюзная молодежь. Верующие старики проклинали нас с Николаем: « Антихристы проклятые, богохульники, чтоб вы упали с купола и разбились, чтоб вас бог наказал!» Мы с Николаем залезли на купол, привязывали за крест веревку, а концы ее брали комсомольцы, стоящие на земле. По моей команде они дергали за веревку, а мы с Колькой расшатывали кресты. Они летели на землю. Самый большой крест упал на крышу, пробил железо, и мы с трудом его вытащили и бросили на землю».

«Раньше лучше было... Церковь хороша была... А сейчас разрушена... Забыла усё, деуки...» – сетует на память одна из старожительниц села Анна Тимофеевна Корнева.

Край заселялся интенсивно. О первопоселенцах – забайкальских казаках – в памяти старожиллов с.Иннокентьевка остались лишь воспоминания о некоторых особенностях казачьего быта. В настоящее время в Иннокентьевке и других селах, расположенных по Амуру, проживают главным образом потомки переселенцев из Украины, Белоруссии и западных областей России. Они хранят в памяти рассказы своих родителей «о жизни раньше», о переселении, а в домах – старинную домашнюю утварь, предметы рукоделия, инструменты: прялки, утюги, рубели, ухваты, чапелы.

«Вот многочисленные селения полтавских хохлов, – пишет Кауфман. – И здесь, как и везде в Сибири, полтавцы в одежде, в устройстве жилищ и во всем домашнем быту крепче, чем кто-либо, держатся принесенных с родины привычек и традиций. Селения полтавцев вы узнаете издали по их типичным мазанкам. Сохраняется традиционный малорусский тип и внутреннее убранство хат, хотя сплошь и рядом, особенно теперь, после «китайских событий», вы видите малорусский вышитый рушник в непосредственном соседстве с дешево доставшимся китайским шелковым покрывалом».

Мазанок, конечно, мы в начале 20 века не увидели: не выдержали они суровых дальневосточных зим, и дома селян срублены добротнo, по севернорусскому типу, а вот убранство домов, или хат, как чаще их в селах называют, больше малорусское. И рушники, вышитые руками бабушек и матерей, берегут в сундуках – скрынях .

На Дальнем Востоке происходило не только активное взаимодействие разных славянских переселенческих групп, но и на протяжении длительного времени был постоянный контакт с китайским населением.

От старожиллов приамурских сел еще можно услышать рассказы-воспоминания о китайцах, которые до середины 30-х годов прошлого века

поддерживали деловые отношения с русскими и без которых трудно представить то далекое время на российском Дальнем Востоке.

Читаем у Кауфмана: «Бесконечные разговоры о китайцах; говорят о них все без исключения, чуть что не восторженно. Один расхваливает честность китайского рабочего, его верность данному слову, его методичность и аккуратность. Другой рассказывает чудеса о земледельческом и огородном хозяйстве китайцев. Третий распространяется насчет коммерческих способностей китайцев: «Появится китаец в деревне – товару у него на пять рублей, а через два-три года, глядишь, еврей бежит из этой деревни – ему не выдержать конкуренции с китайцем». И среди восторгов явственно проглядывает страх перед «мирным нашествием желтой расы», от которого местные люди не рассчитывают отбиться так легко, как в девятисотом году отбились от вооруженного нападения».

Русские, как и китайцы, бывали у соседей по другую сторону Амура. Вот фрагменты рассказа Любови Григорьевны Поздняковой, жительницы села Красный Луч: *«Оттуда нясли спирт, одеялы, шали (...) Хванза – это их дом. Заходишь – ну так двери, нары, китаечка сыдить. У китаечки ноги вот такая маленькия. Тут китайчаты ляжать двое, третья – маленькая, она (китайка – Е.О.) держить. Китаец сам старый. Вот. Коса вот такая, до задницы, да! Толстая, сивая, заплетена. Он готовить, а она сидить с дитями. Плита, бак стоит, вода кипить в этом баке, и он варя, а что уж варя, я не знаю. У их первая закуска – лягуши. Вот. Не эти, что жаба вот большая, что ква-ква, а лягуша – что прыгает, длинны эти ноги. Вот у них первая закуска. Мы не ели. Ночявали с сястрой, но мы не ели. Мы не спали – мы боялися. Черт знает! А три разы ходили, моя сястра познакомилась, и китаец хотел ее взять. Мы его не боялися. Иваном его звать. У его мать русская, отец китаец был. Он лучше говорил (по-русски – Е.О.), чем все эти».*

Мы нарочито передаем некоторые языковые особенности удивительно сохранившейся диалектной речи. В этой речи отражается и особое – доброе, открытое, ласковое – отношение к миру. Вот обращение Любови Григорьевны

к незнакомому (!) взрослому (!) человеку, направившемуся к колодцу: *«Эй, миленький! Там воды нету. Нету, моя крошка!»*

В речи человека сильнее всего сохраняются и его корни. Слушая старожилов, мы наблюдаем у них ярко выраженные диалектные черты южнорусского, малорусского и белорусского характера, выдающие их происхождение. Происходящая сейчас утрата диалектных черт – это, по словам ведущего современного диалектолога Л.Л.Касаткина, «утрата части богатств русского языка. Записи диалектной речи уже сейчас представляют собой бесценные памятники русской народной культуры. Со временем же их значение неизмеримо возрастет».

Следующие пункты нашего маршрута – Грибовка и Могилевка, расположенные по реке Архаре. Эти села были основаны в 1898 и 1899 годах переселенцами из Могилевской губернии.

Грибовка названа так по имени землестроителя Грибского. Согласно кауфманской версии, название дано по фамилии губернатора К.Н.Грибского.

До новоселов – хохлов и могилей (так называли переселенцев из Могилевской губернии) в этих местах по заимкам жили староверы. Читаем у Кауфмана: *«...судьба натолкнула нас на представителей любопытнейшего типа староверов-заимщиков, этих лучших пионеров сибирской и амурской тайги»*. Могилевцы покупали дома в кредит у староверов, которые уходили все дальше в амурскую тайгу. *«Чудной народ, – передает Кауфман слова одного из могилевцев-новоселов, – отроду нас в глаза не видали, а экие деньги верят; да и бумаги никакой не берут – так, на слово. Спрашиваю их: а ежели помрем, что будет? Ничего, говорит, бог отдаст. Милосердные они: Могилевку и Грибовку почитай скрозь кормили; придут к ним новоселы, они накормят, да всего с собой дают: бери, говорят, сколько хочешь, – да ещё радуются: видно, говорят, голодны, что такую ношу несут...»*. Почему же уходили староверы с насиженных мест? Амурский старовер, по Кауфману, *«уходит от надвигающегося на него «мира», от общения с иноверцами, – он ищет уединения и возможности жить спокойно по старине»*.

Судьба натолкнула и нас на староверов в с.Грибовка. Они живут там до сих пор, не уйдя от мира, но и не уйдя от бога. Общение со староверами с.Грибовка оставило впечатление чистоты и света, идущего изнутри, твердости в вере, ее жизнеутверждающей силы.

Живут они строго, аскетично, неустанно трудясь в делах и молитвах. Убранство их домов, одежда скромны. Их кормят огород, пчелы, корова, лес. В строгости, но справедливости воспитывают детей. Приветливы с окружающими, но вместе с тем несколько отстранены от них.

Возможно, строгое, аскетичное бытие староверов – это крайний способ противостоять соблазнам цивилизации. Но именно крайности позволяют определить ту золотую середину, которую никак не может найти современное общество, руша до основания одно, не начав строить другое.

В Грибовке сохранился самый первый построенный здесь дом. Он принадлежит староверам. Дому более ста лет. Он обветшал, в нем не живут. Но его не ломают: хранят. Может быть, это символично: храни святыни, не теряй памяти, будь с богом.

Села Касаткино и Сагибово раскинулись на берегу Амура на расстоянии 28 км друг от друга. Касаткино образовано в 1857 году и первоначально называлось Халтан. В 1858 году село переименовали в честь доктора И.А.Касаткина, участвовавшего в экспедиции Н.Н.Муравьева-Амурского. Сагибово образовано в 1858 году. В настоящее время среди старожилов этих сел есть потомки гуранов – забайкальских казаков, поселившихся на амурских берегах более полутора века назад. Гуранами называли в Приамурье потомков русских поселенцев из Забайкалья, которые были смешанных кровей: родились в браках русских с представителями местных племен, например, с тунгусами. Прозвище «гураны» они получили за то, что носили шапки, сшитые из шкуры дикого козла – гурана.

В селе Касаткино стоит один из старейших казачьих домов, рубленный «в ласточкин хвост», с резными ставнями, четырехскатной крышей. Это дом Мазуниной Ксении Прокопьевны. В семьях потомков забайкальских казаков

бережно хранятся старые, пожелтевшие от времени фотографии дедов, жива память о них.

В целом современное сельское бытие не производит отрадного впечатления. На протяжении всего нашего путешествия по амурскому краю мы отмечали богатство, великолепие природы и – по контрасту – НЕбогатство русских сел, из которых вышла большая часть жителей некогда крестьянской России. Сложна история края, специфику которой во многом обусловил территориальный фактор. Но человеческая жизнь – единственная, «времена не выбирающая», и хотелось бы лучшей доли, большего достатка и благополучия тем людям, которые были для нас в селе не только носителями говора, а прежде всего личностями, прожившими непростую жизнь, достойную знания о ней.

На извечные русские вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?» ответа нет. Помните, у Гоголя: «Русь, куда же несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа». «И летит мимо все...», «И мчится вся...», но не «вдохновенная богом». Может быть, ответ в этом.

Е.А.Оглезнева

«Амурский университет», 26.09.2003г.

«ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В РУССКИХ ГОВОРАХ ПРИАМУРЬЯ»

ПРОГРАММА ШКОЛЬНОГО НАУЧНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТАТИВА

Предлагаемая программа научного факультатива по проблемам региональной лингвистики, рассчитана на 64 часа (9-10 классы). Ее особенностью является комплексный подход к изучаемым вопросам с привлечением сведений из истории России, мировой художественной культуры, литературы. Программа осуществляется в сотрудничестве с кафедрой русской филологии АмГУ. Результаты работы представлены на городских и областных школьных научных конференциях «Старт в науку» и «Отечество мое» (2001 - 2003 г.г.).

Программа

1. Диалектная дифференциация языка. – 4 часа.

Северно-русские и южно-русские говоры: различия на лексическом, фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Среднерусские говоры: особенности и функционирование. Проблема формирования литературного языка на основе говоров переходного типа.

2. О терминологии курса. – 2 час.

Соотношение понятий «язык», «диалект», «говор». Возможность понимания диалекта как социального жаргона. Противопоставление «литературная норма и диалектная норма».

3. Жизнь и быт коренного населения Приамурья. – 4 часа.

Общие сведения о коренном населении Амурских земель: эвенках (манеграх, эвенах и др.), удэге, ульчах, нивхах, нанайцах. Особенности их языка и фольклора. – 2 часа.

«Амурские сказки» как уникальный источник изучения культуры малых народов. – 2 часа.

4. Заселение Приамурья. – 4 часа.

Причины и пути заселения Приамурья. Три волны заселения Амурских земель, их влияние на формирование языкового статуса территорий. – 1 час.

Первые казачьи поселения, уклад жизни, особенности быта, язык и его формы. – 1 час.

Первые крестьянские поселения на Амуре и Зее. Поселения вдоль железных дорог. Бытовой уклад крестьянской жизни конца 19 - начала 20 в.в. Проблема языкового смешения. – 2 часа.

5. Амурские говоры как говоры переходного типа. – 4 часа.

Проблема формирования говоров переходного типа. Источники говоров. Функционирование на одном временном срезе говоров различных территорий Центральной России, Забайкалья, Украины и Белоруссии. – 2 часа.

Вопрос о говоре-основе. Старообрядство как одна из возможных форм «консервации» языка-основы. -2 часа.

6. Языковые особенности Амурских говоров. – 2 часа.

Особенности Амурских говоров на лексическом, фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

7. Исследование говоров Приамурья. – 6 часов.

Первые исследователи говоров Приамурья. Вклад Г.С.Новикова-Даурского в изучение Амурских говоров: его диалектная картотека и фольклорный архив. – 2 часа.

«Словарь русских говоров Приамурья» как источник изучения особенностей диалектной системы. Структура и особенности словаря дифференциального типа, его возможности в учебной практике. – 2 часа

Научные фольклорно-диалектологические экспедиции преподавателей и студентов кафедры русской филологии АмГУ. Фольклорно-диалектологический альманах «Слово». – 2 часа.

8. Тематическое описание лексики русских говоров Приамурья. – 14 часов.

«Мир человека в русских говорах Приамурья» – лексика тематической группы «Человек». – 2 часа.

Лексика тематической группы «Одежда и обувь». – 2 часа.

Лексика тематической группы «Дом» – «наименование строений и построек». – 2 часа.

Лексика тематической группы «Пища и ее приготовление». – 2 часа.

Лексика тематической группы «Промыслы и ремесла»: охотничьи, рыболовные, пчеловодческие промыслы. Наименование инструментов, орудий труда, продуктов труда. – 2 часа.

Лексика тематической группы «Растения». Наименования лекарственных растений. Значение лекарственных растений в жизни человека. – 2 часа.

Лексика тематической группы «Лес и лесозаготовки». Наименования рельефа местности. – 2 часа.

9. Особенности топонимической системы Приамурья. – 4 часа.

Смещение эвенкийских и славянских наименований рельефа, водоемов, сопок, ключей и т.д. Причины такого смещения.

10. Свадебный обряд на Амуре периода второй волны заселения. – 4 часа.

Славянские традиции свадебной обрядовости в Приамурье, украинский и белорусский элементы в русской свадебной традиции. Особенности свадьбы с иноверцами. Предсвадебный, свадебный и послесвадебные циклы: фольклор, обрядовое действие. Разрушение обряда традиционной крестьянской свадьбы под влиянием времени.

11. Календарная обрядовость. – 4 часа.

Жанры, типология, образы традиционной обрядовой поэзии. Календарные игры, забавы. Разрушение календарной традиции под влиянием времени.

12. Детские игры, забавы, фольклор. – 4 часа.

Современный детский фольклор: понятие, жанровые особенности, типология. Источники детского постфольклора. Смещение традиций и новаторства в современной детском фольклоре.

13. Диалектно-просторечная система амурского города. -2 часа.

Особенности речи жителей современного города. Речевая стратификация языка. Типология речевых ситуаций и социальные роли участников общения. Стратегии речевого поведения. Характеристика речи жителей города на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях. Влияние просторечия на речь образованного городского населения.

14. Приамурье в литературе, живописи, музыке. – 4 часа.

Писатели, художники, композиторы Приамурья: историко-художественное портретирование. (Выступления учащихся по персоналиям).

ЛИТЕРАТУРА

Аргудяева Ю.В., Тюнис Т.А. Отражение этнокультурных процессов в одежде и пище старообрядцев Дальнего Востока // Этнокультурные процессы и общественное сознание у народов Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 1998.

Архипова Н.Г. Принципы жизненного устройства крестьянина-переселенца (на материале амурских говоров) // Приамурье от первопроходцев до наших дней: Материалы региональной научно-практической конференции. Благовещенск, 2003. С. 91-95.

Архипова Н.Г. Явление синонимии в говорах переходного типа // Проблемы современной русской диалектологии. Тезисы докладов международной конференции 23-25 марта 2004 г. М., 2004. С. 23-25.

Галимова Д.Н. Метафорическая картина мира русских говоров Приамурья // Вестник АмГУ. Благовещенск: АмГУ. Вып. 26. С. 87-91.

Галимова Д.Н. Рассказы о китайцах, записанные от старожилов Амурских сел // Приамурье от первопроходцев до наших дней: Материалы региональной научно-практической конференции. Благовещенск, 2003. С. 23-25.

Калнынь Л.Э. Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // Вопросы языкознания. – 1997. - № 3

Кауфман А.А. По новым местам: Очерки и путевые заметки. 1901-1903. Санкт-Петербург, 1905.

Кирпикова Л.В. Первые исследователи говоров Приамурья // Записки Амурского областного краеведческого музея и общества краеведов. Вып. 7. Благовещенск, 1992.

Кирпикова Л.В., Шенкевец Н.П. Лингвистическое краеведение в школе (Методические рекомендации). – Благовещенск, 1988.

Оглезнева Е.А. В мире человеческих антиномий (на материале диалектных высказываний с ключевыми словами «раньше» и «сейчас»)// Миромоделирование в языке и тексте: Сборник научных трудов. Под ред. З.И.Резановой. Томск: Изд-во ТГУ, 2003. С. 161-169.

Оглезнева Е.А. Современные русские говоры Приамурья как результат междиалектного взаимодействия // Приамурье от первопроходцев до наших дней: Материалы региональной научно-практической конференции. Благовещенск, 2003. С. 107-110.

Оглезнева Е.А., Капустина Л.В. Небесная сфера в русских народных говорах и фольклоре (на материале метафорических и производных наименований) // Вестник АмГУ. Благовещенск: АмГУ. Вып. 26. С. 92-95.

Словарь русских говоров Приамурья. М.: Наука, 1983.

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 1. Благовещенск: АмГУ, 2003.

Г.К.Алексеева

«МИР ЧЕЛОВЕКА В РУССКИХ ГОВОРАХ ПРИАМУРЬЯ»

ФАКУЛЬТАТИВНОЕ ЗАНЯТИЕ

ПО ЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ КРАЕВЕДЕНИЮ В 10 КЛАССЕ

Цели занятия:

1. Напомнить историю заселения Приамурья, обозначить исторические основы амурских говоров.
2. Показать, как в диалектной лексике отражаются особенности быта, материальной и духовной культуры народа.
3. Вырабатывать навыки отбора и анализа диалектного материала, умение работать с региональными словарями.
4. Воспитывать любовь к родному краю, к родному слову.

Оборудование: Газета-схема «Мир человека в его языке», выставка «Собиратели народного слова», выставка книг и словарей об истории и языке амурских говоров.

Формы работы: аналитическая беседа, сообщения учащихся, инсценировка, групповой анализ материала.

Ход занятия

Ученик: С детства вслушиваюсь я в слово,
Я как птицу его ловлю.
Что ни слово – мне было ново.
Слово ем я и слово пью.
Слышал: тутошний,
Слышал: тамошний,
Слышал емкое: напрямки.
В речке камешки звали камушки,
Звали ямы с водой буки.
Слово звякало недоуздом,
Чернотропом в полях пылило,
На российском, амурском, русском
Раздорожье меня вспоило и вскормило...

(Николай Браун)

Учитель: Русский писатель Леонид Леонов говорил:

«Умейте благоговейно слушать народную речь. Это такая же радость, как сидеть у родника и следить за игрой живых подземных струек».

Давайте послушаем один разговор (*разговор бабушки и внука – инсценирование*)

Бабушка:

«Здравствуй, милоч! Давно не навещал бабку. Заходи, сбрасывай лапотинку-то, шитонки надевай. А я чай молодушку пореву, она быстро сливанчик в байдаре замутит. А я тебя шанежками да тарочками попотчую, чай голодненький. Хо-хо-хо! Ноги-то меня по матушке-земле 99-ый год носят, вот раньше-то как резва была. А сейчас – ни голосу, ни выносу. Уроженка я албазинская, и мать моя тутока родилась, а бабка со вторым поселением пришла. А сам-то как поживаешь? Азы учишь? Учитель, небось, частенько тебя розгами потчеват?»

Внук:

«Да что ты, бабуля? Я по твоему базару что-то не качу. Как учусь что ли? Я-то клево учусь, мне особенно история по кайфу. Вот ты сечешь, например, что Хаммурапи был нехилый мэн. Он в натуре катил бочку на окружающих кентов. Сперва он наехал на Ларсу, но конкретно обломился. Воевать с Ларсой было не фигушки воробьям показывать, тем более, что ихний Рим-Син был круто навороченным шкафом и без труда приклеил Хаммурапи бороду. Но того на халяву не возьмешь, не прокатило взять на понт. Ларса стала ему глубоко фиолетова, и он перевел стрелки на Мари. Ему прокатило накидать лапши на уши Зимриилу, который тоже нехилый мужик, но маза не пришла, и он прощелкал клювом. Закорефанившись, они наехали на Эшнуну, Урук и Иссин, которые долго пружинили хвост, но пролетели как стая рашипелей».

Бабушка:

Ой, милоч, ты по каковски гутаришь-то. Чой-то я тебя не поняла?

Учитель: • ? Назовите причины того, почему бабушка и внук не совсем поняли друг друга?

Приблизительный ответ: • ! В речи бабушки и внука доминирующее место занимают разные формы общенационального языка: жаргонная и диалектная, отмечаются просторечия.

Учитель: Сегодня мы поговорим об одной из этих форм – диалектной.

Цели занятия:

1. Определить особенности лексической системы говоров Приамурья.
2. Начать работу над описанием языковой картины мира носителя диалекта. (На предыдущем факультативном занятии учащиеся знакомились с понятием «языковая картина мира»).

Лингвистическая справка (*готовит учащийся*):

По данным «Всемирной энциклопедии Кирилла и Мефодия», «Говор – разновидность общенационального языка, используемая жителями одного или нескольких, обычно сельских, населенных пунктов, обладающая некоторыми специфическими чертами на разных уровнях языковой структуры. Говор –

особый источник познания, так как диалектное слово способно отобразить языковую картину мира его носителя, определить особенности менталитета, культуры, самоопределения русского человека. Диалект – понятие более широкое, чем говор».

Учитель: • ? В чем уникальность Амурских говоров?

Приблизительный ответ: • ! Их уникальность в том, что они возникли как результат междиалектного взаимодействия говоров разных территорий.

• Для того, чтобы полно ответить на этот вопрос, давайте вспомним историю заселения Амурского края.

Сообщение учащегося.

«Таежными тропами, реками двинулся на Амур летом 1643 года «письменный голова» Василий Поярков, чтобы увидеть «сторонние реки падучие, которые в Зию-реку пали, которые люди по тем сторонним рекам живут, сидячие ли или кочевые, и хлеб у них и иная какая угода есть ли». Из ста тридцати двух участников похода, длившегося три года, только тридцать вернулись домой. Поистине дорогой ценой было оплачено открытие острога. Однако и значение этого похода трудно переоценить. Поярков описал хозяйство, быт, нравы местных жителей и, что очень важно, убедиться: они не подчинены ни одному из соседних государств. На всем своем пути по Амуру не встретились поярковцам ни чужеземные войска, ни чужеземные власти.

Первые походы на Амур стали предвестниками крупнейшего географического открытия 19 века, сделанного морским офицером Г.И.Невельским. Для России был открыт путь в Тихий океан. 14 мая 1854 года начался новый этап освоения и заселения Приамурского края.

На немудреных плотах, маломощных парходиках добирались переселенцы в Амурский край. Много опасностей подстерегало их на пути – непогода, наводнения. Стоило хоть немного задержаться – и пришлось бы оставаться на зимовку в глухих местах без средств к существованию: в то время на огромных расстояниях в сотни километров не встречалось жилище человека. А шли на Дальний Восток семьями, с малыми детьми на руках. Грузили на

плоты домашний скарб, скот, птицу. Начинали на новом месте с землянок и шалашей, потом стали строить дома. На видном, «красном», месте ставили церковь.

Итак, заселялось Приамурье неравномерно с 17 века, а затем, начиная с 50-х годов 19 века. Первые поселенцы – забайкальские казаки и забайкальские старообрядцы. Затем, в 70-80 годы 19 столетия началось массовое переселение крестьян из центральных губерний России, из Украины, из Белоруссии».

Учитель: Вы слышали рассказ о героическом освоении Приамурья русскими людьми. Естественно, что встает вопрос: как говорили русские охочие люди в 17, а затем в 19 веке? С какими материнскими говорами была связана их речь? И сохранились ли эти особенности? А возможно, на Амуре они приобрели новые, своеобразные черты?

Сообщение учащегося.

«Наиболее однородны говоры бывших казачьих станиц по реке Амуру (Албазино, Джалинда, Черняево, Буссе, Бибиково, Константиновка, Иннокентьевка и др.), а также говоры отдельных сел западной части Амурской области: Зейского, Сковородинского, Шимановского районов. В них можно услышать неполное оканье и аканье, утрату йота в положении между гласными в спрягаемых глаголах и прилагательных (бегат, рассказыват), утрату (упрощение) сочетаний – «ст» на конце слов типа хвост, мост, шесть (хвос, мос, шес).

Южнорусскую диалектную основу имеют говоры призейских сел Натальино, Москвитино, Заган, Ново-Андреевка и села Свободненского района (Загорная Селитьба, Гуран), где первыми жителями были старообрядцы. Они сохраняют аканье, яканье, «т» мягкий в 3 лице глаголов настоящего и будущего простого времени. Например, типичная фраза того времени: «Батька с маткой выходят, маладыи имя кланяюца». Звук «в» в этих говорах не оглушается, а переходит в «у» неслоговое (усё, свякроука).

Говоры центральных районов Амурской области наследуют, в основном, связи с южнорусскими материнскими говорами, их особенности конкретны для каждого села. Немало здесь украинских сел и белорусских сел.

Объединяет говоры различных территорий Амурской области общность лексического состава, так как на лексическом уровне сложилось определенное единство. Новые условия жизни и труда, не известные ранее промыслы, дикая природа ожидали переселенцев на окутанных легендами амурских просторах. Вот почему сибирскую лексику северного происхождения активно усваивают и переселенцы с юга страны.

Вывод учителя: Таким образом, говоры Приамурья являются говорами переходного типа вторичного образования, сложившимися на диалектных основах Сибири, Забайкалья, центральной России, Украины и Белоруссии. Многие имеют южнорусскую основу, но можно выделить и северорусские черты, особенно на лексическом уровне.

Учитель: Мы уже знаем, что заселялась территория трудно. И самое главное, к чему стремились люди – построить дом. Нарисуйте в своих тетрадях дом. У всех у вас он получился одинаковый: одноэтажный, в одно окно, с покатой крышей, трубой. А если попросить нарисовать дом детей племен индейцев Америки – у них получится шалаш, у эвенкийских детей – юрта. Почему вы нарисовали одинаковые дома?

Действительно, дом отражает представление человека о себе и своем месте в мире. Дом – это «я» человека, его защита, опора, место, где спокойно и уютно. «Дом – моя крепость», – так говорит народ. А в ваших рисунках дом – это деревенская изба, мы все вышли из нее, мы все дети «серых изб и ветровых песен».

• Замечали ли вы, как построены крыши у наших деревянных домов? Они имеют или два ската – двускатные (крыши центральной России, Украины, Белоруссии), или четыре – четырехскатные (так строили в Сибири). *(Слова сопровождаются фотографиями старых домов сел Амурской области).* А бревна в домах клали «в лапу», «в замок», «в нахлест», «в ласточкин хвост», «в

чистый угол». Разные способы строительства, так как строили переселенцы из разных губерний, называя все своими словами.

Целый мир отразился в языке. А в центре языковой картины мира приамурца находится мир его хозяев – женщины-матери и мужчины-кормильца.

Итак, мир женщины – матери, хозяйки, жены и мир мужчины – кормильца, хозяина.

Сообщения учащихся строятся по плану:

1. Наименования женщины (мужчины).
2. Наименования основных функций, выполняемых женщиной (мужчиной).
3. Наименования предметов, связанных с этими функциями.
4. Наименования одежды, обуви, головных уборов.
5. Наименования материалов, из которых изготавливается одежда, обувь, головные уборы.
6. Для женщины – наименования ее детей.
7. Табуированная лексика (для женщины).

Вывод: Женщина и мужчина – два мира, два полюса, держащих равновесие жизни, у каждого из которых свои языковые границы, рамки, в которых они функционируют. (Работа с газетой-схемой).

Учитель: Действительно, лексика Амурских говоров своеобразна. Тематически ее можно разбить на несколько групп:

1. Человек и его функции.
2. Одежда, обувь.
3. Промыслы.
4. Земледелие.
5. Средства передвижения.
6. Растительный мир.
7. Животный мир.

8. Водоемы.
9. Праздники.
10. Астрономические явления.
11. Болезни, недуги и другие внутренние состояния человека.
12. Атмосферные явления и др..

(Далее идет работа над тематическими группами лексики амурских говоров, составленными на основе Словаря русских говоров Приамурья. Объединившись по несколько человек, учащиеся анализируют тематические группы с целью назвать наиболее часто употребительную, знакомую им лексику).

Вывод: В своей речи современный житель Приамурья, особенно городской житель, мало использует лексику народных говоров. Изменилось время, изменился статус диалекта, и поэтому наша с вами задача – сберечь то языковое богатство, которое досталось нам от предков.

Учитель: •? А как можно сохранить народный говор для потомков?

1. Встречаться с пожилыми людьми, записывать их речь и анализировать ее.
2. Работать со словарями и фольклорными источниками, дополнять их, перерабатывать.
3. Проводить фольклорно-диалектологические экспедиции и конференции по их результатам.
4. А самое главное – пропагандировать эту деятельность, прививая любовь к родному краю, к родному слову. *(Идет рассказ о сотрудничестве с кафедрой русской филологии АмГУ и кафедрой русского языка и методики его преподавания БГПУ).*

Итог занятия:

Учитель: •? С чем вы познакомились на уроке?

1. Познакомились с историей заселения Приамурского края.
2. Выявили некоторые лексические особенности амурских говоров.

3. Определили некоторые особенности языковой картины мира женщины и мужчины.

4. Работали с тематическими группами актуальной лексики.

Вывод по занятию: Проблема национального самосознания в последнее время встает очень остро. Осознание себя как представителя своей нации, как русского начинается с любви к тому месту, на котором живешь, к природе, которая окружает тебя с детства, с уважения к культуре и традициям своего народа, с интереса к родному языку. Невозможно знать и любить нашу необъятную родину, не зная и не любя истории, культуры, быта, традиций, языка своей малой родины. Изучение и сохранение народной памяти – актуальная задача географов, социологов, историков, но, в первую очередь, – лингвистов, так как язык – один из источников познания окружающего мира.

ЛИТЕРАТУРА

Словарь русских говоров Приамурья / Под ред. Ф.П.Ивановой, Л.В.Кирпиковой. – М., 1983.

Слово. Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Выпуск № 1. Фольклор / Сост. Е.А.Оглезнева, Н.Г. Архипова. – Благовещенск: АмГУ, 2003.

Кирпикова Л.В., Шенкевец Н.П. Лингвистическое краеведение в школе (Методические рекомендации). – Благовещенск, 1988.

Оглезнева Е.А. Языковые аспекты народной культуры // Слово. Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Выпуск № 1. Фольклор / Сост. Е.А.Оглезнева, Н.Г.Архипова. – Благовещенск: АмГУ, 2003.- С. 3-6.

Архипова Н.Г. Фольклор в условиях говоров переходного типа. // Слово. Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Выпуск № 1. Фольклор / Сост. Е.А.Оглезнева, Н.Г.Архипова. – Благовещенск: АмГУ, 2003. – С. 7 – 10.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА О СЕЛАХ¹

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ СВОБОДНЕНСКИЙ РАЙОН

Село Черновка

Село основано в 1911 г. Первоначально — разъезд Черновский. Название дано в честь инженера Чернова, руководившего строительством железной дороги на этом участке Транссиба.

По данным «Топонимического словаря Амурской области» (автор Е.В.Сутурин), село названо по имени первых поселенцев – Черновых.

Село располагается в 30 км от г.Свободный на правом берегу реки Большая Пёра.. В селе имеется действующий керамический завод, железнодорожная станция.

Первыми жителями села были переселенцы из Украины и Белоруссии (семьи Кабановых, Пчельниковых, Андрияшко).

В Черновке родилась Герой Советского Союза Н.М.Распопова.

Село Чембары

Первые поселенцы появились в 1904-05 гг., но само село было основано в 1909 г.

Первое название села — Степановка — по имени одного из первых переселенцев Степана Алексеенко. Название «Чембары» село получило позднее – в честь геолога Чембарова, который занимался поисками железной руды и железного колчедана на месте расположения села. Чембаров был влиятельным человеком в г.Алексеевске (ныне г.Свободный) и настоял на переименовании

¹ Использованы данные «Топонимического словаря Амурской области» Е.В.Сутурина (Благовещенск, 2000), книги «Амурская область. Опыт энциклопедического словаря» Н.К.Шульмана (Благовещенск, 1989), репринтного издания 1994 г. «Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей» А.Кириллова (Благовещенск, 1894), книги «Наш район. Страницы истории» В.Давыдова (Свободный, 1991), а также материалы научных экспедиций в села.

села в свою честь. Это вызвало недовольство у жителей села, тем не менее, название Чембары было утверждено официально.

По данным «Топонимического словаря Амурской области» (автор Е.В.Сутурин), село основано в 1910 г. Название происходит от эвенкийского «чэмбэрэ» — «прилипшая глина» (почвы в окрестностях села являются глинистыми).

Село располагается в 32 км от г.Свободный, на левом берегу реки Большая Пёра.

Первыми жителями села были переселенцы из Украины и Белоруссии.

Поселок Юхта

Поселок основан в 1926 г. Располагается в 17 км от г.Свободный.

Название эвенкийского происхождения — от слова «юктэ» со значением «ручей, источник».

Село Разливное (Разливная)

Село основано в 1911 г. Располагается в 36 км от г.Свободный рядом с домом отдыха «Бузули».

По данным «Топонимического словаря Амурской области» (автор Е.В.Сутурин), название отражает положение села в месте, где разливается река во время наводнения.

Первыми жителями села были переселенцы из Украины и Белоруссии.

Село Москвитино

Село основано в 1864 г. Расположено в 40 км. от райцентра по обоим берегам р.Голубой. Село названо именем землепроходца И.Ю.Москвитина.

Село Дмитриевка

Село основано в 1907 г. До 1911 г. – д.Захватная. Село расположено на берегу р.Большая Пёра в 13 км. от Свободного.

ШИМАНОВСКИЙ РАЙОН

Село Ураловка

Село образовано в 1912 г. Располагается в 90 км от г.Шимановска на левом берегу реки Зеи. В советское время в селе находился лесопункт Зейского леспромхоза.

Первыми поселенцами были семьи Пискуновых, Власовых, Соколовых, Иванниковых, Бушмакиных, Дмитрюк, Сидорюк. Родина первопоселенцев — Белоруссия, Украина, центральная Россия. Название согласно одной из версий дано по имени речного судна «Урал», которое простояло около села две недели из-за убытия воды в реке.

Село Чагоян

Село основано в 1910 г. на месте стойбища манегров (тунгусо-язычного племени). Раннее название — Михайловское; современное — Чагоян — дано селу в 1912 г. (монгольское «цаган» — «белый»; в том месте, где расположено село, берега Зеи сложены белым известняком). По другим версиям, название села происходит от китайских слов «чага» (известь) и «ян» (есть) или от имени китайского купца-промышленника Ча Го Яна. Расположено в 45 км от г.Шимановска на берегу реки Зеи, где находится каменный карьер по разработке известняка. Первые поселенцы — семьи Кухлиных, Нетунаевых, Мищенко.

Село Кухтерин Луг

Село основано в 1909 г. Расположено на правом берегу реки Зея в 86 км от г.Шимановска. В советское время в селе располагался лесозаготовительный участок Зейского леспромхоза, завод по изготовлению шпал. Неофициальные

названия: Кухтерино, Кухтерин. По данным «Топонимического словаря Амурской области» (автор Е.В.Сутурин), название дано в честь главы города Благовещенска того времени, когда было образовано село. По данным старожилов села, оно так названо в честь купца Кухтерина. Родина первопоселенцев — Белоруссия, Украина, Центральная Россия.

АРХАРИНСКИЙ РАЙОН

Село Иннокентьевка

Основано в 1857 г. Расположено на левом берегу реки Амур в 35 км от п.Архара. Первоначально названо станицей Нижнебуреинской. Название «Иннокентьевская» станица получила в честь Иннокентия Вениаминова – архиепископа Камчатской епархии, который, спускаясь по Амуру летом 1862 г., освятил построенную здесь церковь. Первые поселенцы (семьи Масич, Муромцевых, Чеушевых) – забайкальские казаки, прибывшие на Амур с целью освоения дальневосточных земель. Вторая волна переселенцев – жители западных областей России, белорусы, украинцы. В настоящее время в селе проживает около 500 человек.

Село Красный Луч

Основано в 1926 г. переселенцами из Брянской области. Расположено в долине реки Амур в 47 км к юго-западу от п.Архара. В настоящее время в селе проживает около 200 человек.

Село Грибовка

Основано в 1898 г. переселенцами из Могилёвской губернии и названо в честь землеустроителя Грибского. Расположено в 26 км к северо-востоку от п.Архара на правом берегу реки Архары. В настоящее время в селе проживает

около 360 человек. Сохранилась здесь и небольшая община староверов, прадеды которых в числе первых осваивали эту территорию в конце 19 в.

Село Могилёвка

Основано в 1899 г. Расположено в долине реки Архары в 31 км к северо-востоку от п.Архара. Большинство первопоселенцев, приехавших по решению правительства в конце 19 в. на плодородные земли Дальнего Востока, были родом из Могилёвской губернии. Первыми в Могилёвку переселились семьи Куриловских, Кирсановых, Мурашкиных, Исайкиных, Хортовых. Позже сюда приезжали из Воронежской, Калужской областей, из соседних распавшихся деревень – Дыдóв и Гилёвки.

Село Касаткино

Образовано в 1852 г. как село Халтан (Халтанская станица) казаками-переселенцами. В 1857 г. переименовано по фамилии доктора И.А.Касаткина, участника экспедиции, организованной Н.А.Муравьёвым-Амурским в 1854 году. По рассказам старожилов, тонувший в Амуре доктор был спасён казаками. В благодарность он воздвиг на берегу реки часовню, названную Касаткинской. Такое же название получила и станица.

В числе первых поселенцев – семьи Вырупаевых, Рукавишниковых.

Село Касаткино расположено на левом берегу Амура в 70 км от п.Архара. В настоящее время здесь проживает 558 человек около 19 национальностей: русские, белорусы, украинцы, мордовцы, татары и другие. Среди старожилов села есть потомки гуранов, первопоселенцев из Забайкалья

Село Сагибово

Основано в 1859 г. Расположено в 95 км к юго-востоку от п.Архара на левом берегу Амура. Среди старожилов села есть потомки гуранов, первопоселенцев из Забайкалья.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИНФОРМАНТАХ

Абраменко Мария Парфёновна, 1910 (?) г.р. Родилась в Амурской области. Родители переселились в с.Невер Сковородинского района в 1906 (?) г. из Украины. С 1951 г. проживает в с.Чагоян Шимановского района.

Алексеева Раиса Сергеевна, 1968 г.р. Родилась в п.Прогресс Архаринского района. Проживает в с.Касаткино Архаринского района.

Алимова Анна Ивановна, 1928 г.р. Родилась в Украине. Сразу после рождения приехала с родителями в с.Иннокентьевка Архаринского района.

Алипченко Илья, 1990 г.р. Родился и проживает в с.Ураловка Шимановского района.

Баркова Анна Павловна, 1921 г.р. Родилась в Украине, с 1928 года живёт на Дальнем Востоке. С 1961 года проживает в селе Черновка Свободненского района.

Батчина Анна Михайловна, 1922 г.р. С 1947 г. проживает в с.Чембары Свободненского района. Родители переселились из Брянской области.

Березин Владимир Васильевич, 1930 г.р. Проживает в с.Черновка Свободненского района.

Березина Анна Владимировна, 1935 г.р. С 1966 г. проживает в с.Черновка Свободненского района.

Берестова Надежда Григорьевна, 1926 г.р. Родилась и проживает в с.Иннокентьевка Архаринского района. Родители переехали в село из Брянской области в 1925 г.

Бибушка Евдокия Николаевна, 1927 г.р. Родилась в с.Селиста Брянской области. С 1963 г. проживает в с.Чембары Свободненского района.

Болмат Раиса Куприяновна, 1915 г.р. Родилась и проживает в с.Черновка Свободненского района. Родители родились в Амурской области, дед приехал из Полтавы.

Болотина Татьяна Ильинична, 1922 г.р. Родилась и проживает в с.Ураловка Шимановского района. Родители переехали из Благовещенска.

Бондарь Евдокия Фоминична, 1926 г.р. Родилась в с.Граматыхино Мазановского района. С 1948 г. проживает в с.Ураловка Шимановского района.

Брацило Илья Иванович, 1922 г.р. Родился в с.Земковка Тамбовского района. Проживает в с.Чагоян Шимановского района. Отец приехал в Амурскую область из Полтавы.

Брылёва Анна Акимовна, 1913 г.р. Родилась в с.Воробьёвское Воронежской области. Проживает в с.Москвитино Свободненского района.

Бузикова Акулина Потаповна, 1919 г.р. Родилась и проживает в с.Заган Свободненского района. Родители приехали в Амурскую область из Забайкалья.

Булавина Мария Григорьевна, 1934 г.р. Родилась и проживает в с.Касаткино Архаринского района. Её предки – забайкальские казаки – являются основателями села.

Бурдилёв Виктор Петрович, 1935 г.р. В 1993 г. приехал из Магадана, проживает в с.Черновка Свободненского района.

Бурдинская Надежда Тимофеевна, 1953 г.р. Родилась в Хабаровском крае. С 1989 г. проживает в с.Чембары Свободненского района. Мать родилась в Украине.

Бушмакина Ольга Кондратьевна, 1926 г.р. Родилась в с.Кухтерин Луг Шимановского района. С 1953 г. проживает в с.Ураловка Шимановского района. Мать украинка, отец русский.

Василец Наталья Ивановна, 1937 г.р. Проживает в с.Черновка Свободненского района.

Васильев Николай Евлампиевич, 1937 г.р. Родился в с.Ушаково Шимановского района. Проживает в с.Ураловка Шимановского района. Отец родом из Забайкалья.

Вешенская Евдокия Максимовна, 1931 г.р. Родилась в Могилевской области. Проживает в с.Чембары Свободненского района.

Винс Галина Ильинична, 1935 г.р. Родилась в с.Сагибово. Проживает в с.Касаткино Архаринского района. Отец – коренной житель села, родом из забайкальских казаков. Мать приехала из Читы в 1927 г.

Волков Сергей Семенович, 1925 г.р. Родился в с.Чембары Свободненского района. С 1970 г. проживает в с.Черновка Свободненского района. Отец родился в Благовещенске, мать — в Могилевской области.

Волобуева Любовь Даниловна, 1927 г.р. Родилась и проживает в с.Черновка Свободненского района. Мать родом из Забайкалья, отец — из Украины.

Волошина Надежда Савельевна, 1931 г.р. Родилась и проживает в с.Иннокентьевка Архаринского района. Родители переселились из Украины в 1927 г.

Воянская Мария Федоровна, 1930 г.р. Родилась в г.Сызрань Самарской области. В 1950 г. переехала в с.Кухтерин Луг Шимановского района, с 1996 г. проживает в с.Ураловка Шимановского района.

Высоцкая Надежда Ильинична, 1933 г.р. Родилась в д.Малиновка Шимановского района. Проживает в с.Кухтерин Луг Шимановского района.

Вячеславова Полина Степановна, 1928 г.р. Родилась и проживает в с.Иннокентьевка Архаринского района. Родители переселились на Дальний Восток из Черниговской области в 1910 г.

Галайденко Н.А. Проживает в с.Разливное Свободненского района.

Галицкая Мария Степановна, 1934 г.р. Родилась в Брянской области. С 1955 г. проживает в с.Черновка Свободненского района.

Глазкова Вера Николаевна, 1927 г.р. С 1954 г. проживает в с.Черновка Свободненского района. Отец приехал в Амурскую область из Курска, мать — из Харькова.

Голышева Зинаида Яковлевна, 1932 г.р. Проживает в с.Чагоян Шимановского района.

Горев Алексей Макарович, 1918 (?) г.р. Родился в Новгородской области. С 1936 г проживает на Дальнем Востоке, с 1940 г. — в поселке Юхта Свободненского района.

Горлов Иван Петрович, 1921 г.р. Родился в Воробьевском районе Воронежской области. С 1939 г. проживает в с.Москвитино Свободненского района.

Грачева Нина Федоровна, 1937 г.р. Проживает в с.Ураловка Шимановского района.

Григорьева Екатерина Нестеровна, 1925 г.р. Проживает в поселке Юхта Свободненского района. Родители приехали в Амурскую область в 1910 г. из Забайкалья.

Гринь Пётр Егорович, 1928 г.р. Родился в Украине. С 1939 г проживает в с.Иннокентьевка Архаринского района.

Дашукова Алла Петровна, 1940 г.р. Проживает в с.Черновка Свободненского района.

Дамутина Алла Петровна. Проживает в с.Черновка Свободненского района.

Демидов Николай Павлович, 1937 г.р. Родился в с.Среднеорск Свободненского района. Проживает в с.Чембары Свободненского района.

Демидова Алла Кузьминична, 1949 г.р. Проживает в с.Чембары Свободненского района.

Демидова Надежда Ивановна, 1929 г.р. Проживает в с.Чембары Свободненского района.

Деникина Федосья Прокофьевна, 1930 г.р. Родилась в Новосибирской области. Проживает в с.Ураловка Свободненского района. Родители приехали в Амурскую область из Украины.

Дзюба Надежда Яковлевна, 1933 г.р. Проживает в с.Черновка Свободненского района.

Дзюба Полина Савельевна, 1926 г.р. Родилась в Свердловской области. С 1934 г. проживает в с.Чембары Свободненского района.

Дмитриченко Александра Ивановна, 1934 г.р. Родилась в Брянской области. С 1951 г. проживает в с.Чембары Свободненского района.

Добычин Валентин Иванович, 1937 г.р. Родился в Казахстане. С 1994 г. проживает в с.Черновка Свободненского района.

Дроздова Александра Ефимовна, 1931 г.р. Родилась в Брянской области. С 1971 г. проживает в с.Черновка Свободненского района.

Дружинин Виктор Анисимович, 1933 г.р. Родился и проживает в с.Ураловка Шимановского района.

Дружинина Татьяна Геннадьевна. Проживает в с.Ураловка Шимановского района.

Дудина Ольга Ивановна, 1925 г.р. Проживает в с.Касаткино Архаринского района Архаринского района

Дулеба Михаил Архипович, 1931 г.р. Родился в Брянской области. С 1951 г. проживает в с.Разливное Свободненского района.

Ельчанинова Галина Петровна, 1932 г.р. Родилась в с.Овсянка Зейского района Амурской области. Проживает в с.Ураловка Шимановского района. Мать родилась в Молдавии, отец — в Сибири.

Ермакова Екатерина Ивановна, 1928 г.р. Родилась в с.Прядчино Благовещенского района. С 1978 г. проживает в с.Черновка Свободненского района.

Ерофеева Фекла Гурьяновна, 1925 г.р. Родилась и проживает в с.Заган Свободненского района. Родители приехали в Амурскую область из Забайкалья (с.Кунгалеи).

Желнировский Анатолий Валентинович 1939 г.р. Родился в с.Усть-Тыгда Шимановского района. Проживает в с.Ураловка Шимановского района.

Жигелев Василий Андреевич, 1933 г.р. Родился в Томской области. С 1956 г. проживает в с.Ураловка Шимановского района.

Жукова Вера Константиновна, 1919 г.р. Родилась и проживает в с.Иннокентьевка Архаринского района. Родители переселились из Украины в 1910 г.

Загрудная Мария Григорьевна, 1932 г.р. Родилась в Украине. С 1936 г. проживает в с.Борзя Читинской области, с 1940 г. — в с.Иннокентьевка Архаринского района.

Замараева Екатерина, 1922 (?) г.р. Проживает в с.Черновка Свободненского района.

Золотницкий Андрей Антонович, 1917 г.р. Родился на хуторе Раково-Таврический Кагольницкого района Ростовской области. С 1950 г. проживает в с.Чембары Свободненского района.

Иванченко Анна Харитоновна. Проживает в с.Черновка Свободненского района.

Ильчанинов Тимофей Алексеевич, 1935 г.р. Родился в с.Большая Сазанка Серышевского района. Проживает в с.Кухтерин Луг Шимановского района.

Ильчанинова Любовь Дмитриевна, 1930 г.р. Проживает в с. Кухтерин Луг Шимановского района.

Инцелевич Нина Кирилловна, 1923 г.р. Родилась в Брянской области. С 1951 г. проживает в с.Дмитриевка Свободненского района.

Кальченко Раиса Сергеевна, 1930 г.р. Родилась в Воронежской области, с 1961 г. проживает в с.Могилёвка Архаринского района.

Карманов Алексей Павлович, 1936 г.р. Проживает в с.Кухтерин Луг Шимановского района.

Карманова Анна Васильевна. Проживает в с.Черновка Свободненского района.

Карпухина Наталья Фёдоровна, 1934 г.р. Родилась и проживает в с.Чагоян Шимановского района. Отец родился в с.Большая Сазанка Свободненского района.

Кафанова Анастасия Елисеевна, 1919 г. Родилась в Белоруссии. С 1947 г. проживает в с.Черновка Свободненского района.

Кизилова Анна Васильевна, 1917 г.р. Родилась на Алтае. С 1961 г. проживает в с.Черновка Свободненского района.

Кирпиченко Пётр Никитович, 1934 г.р. Родился и проживает в с.Грибовка Архаринского района. Родители переселились на Дальний Восток из Могилёвской губернии (Белоруссия) в 1894 г.

Кирющенко Раиса Терентьевна, 1928 г.р. Родилась в с.Верино Лазовского района Хабаровского края. С 1961 г. проживает в с.Касаткино Архаринского района Архаринского района. Отец – коренной житель села, мать приехала из Белгорода.

Клименкова Клавдия Ивановна. Проживает в с.Чагоян Шимановского района. Родители приехали в Амурскую область из Белоруссии.

Ковалевская Мария. Проживает в с.Ураловка Шимановского района.

Ковалевский Борис Григорьевич, 1932 (?) г.р. Проживает в с.Ураловка Шимановского района.

Коваль Дмитрий Васильевич, 1931 г.р. Родился в с.Долгое озеро (Амурская область). С 1958 г. проживает в с.Иннокентьевка Архаринского района. Родители переселились на Дальний Восток в 1928 г. из с.Крупейки Лосевского района Гомелевской области (Белоруссия).

Кожемякина М.П., 1928 г.р. Проживает в с.Чагоян Шимановского района.

Козлова Галина Федоровна, 1921 г.р. Родилась в Украине. С 1939 г. проживает в с.Чембары Свободненского района.

Козловская Екатерина Антоновна, 1923 г.р. Проживает в с.Чагоян Шимановского района.

Козубенко Галина Михайловна, 1921 г.р. Родилась в г.Зея Зейского района. С 1946 г. проживает в с.Дмитриевка Свободненского района. Родители приехали в Амурскую область из Украины.

Колесников Иван Степанович, 1925 г.р. Родился и проживает в с.Черновка Свободненского района. Родители приехали в Амурскую область из Белоруссии в 1911 г.

Колесникова Валентина Андреевна, 1936 г.р. Проживает в с.Черновка Свободненского района.

Колесникова Вера Ивановна, 1921 г.р. Проживает в с.Черновка Свободненского района.

Коновцова Зинаида Григорьевна, 1935 г.р. Родилась в с.Утоки Калужской области. В 1947 г. переселилась на Дальний Восток. С 1974 г. проживает в с.Могилёвка Архаринского района.

Корнева Полина Тимофеевна, 1922 г.р. Родилась в г.Брянске. Проживает в с.Иннокентьевка Архаринского района.

Косаченко Любовь Егоровна, 1931 г.р. С 1953 г. проживает в с.Черновка Свободненского района.

Косицын Василий Владимирович, 1923 г.р. Родился в Ивановском районе. С 1947 г. проживает в с.Ураловка Шимановского района.

Косицына Антонина Сергеевна, 1925 г.р. Родилась в Тамбовском районе. Проживает в с.Ураловка Шимановского района.

Костюченко Мария Павловна, 1936 г.р. Родилась в Читинской области. Родители приехали из Брянской области. С 1942 г. проживает в с.Красный Луч Архаринского района.

Кошпур Евдокия Андреевна, 1922 г.р. С 1956 г. проживает в с.Кухтерин Луг Шимановского района.

Кравец Евдокия Трофимовна, 1928 г.р. Родилась в Полтаве. Проживает в с.Чагоян Шимановского района. Родители украинцы.

Красовская Антонина Владимировна. Проживает в с.Черновка Свободненского района.

Крахмалева Полина Романовна, 1926 г.р. Родилась и проживает в с.Чембары Свободненского района. Родители приехали из Киевской области.

Крылосов Геннадий Владимирович, 1942 г.р. Проживает в с.Ураловка Шимановского района.

Кукубака Любовь Архиповна, 1939 г.р. С 1953 г. проживает в с.Чембары Свободненского района.

Кулак Тихон Сергеевич, 1933 г.р. Родился в Черниговской области. С 1972 г. проживает в с.Дмитриевка Свободненского района.

Кулдошин Николай Сергеевич, 1931 г.р. Родился в д.Бузули Свободненского района. С 1991 г. проживает в с.Черновка Свободненского района. Родители приехали из Воронежской области.

Лаптих Вера Арсентьевна, 1930 г.р. Родилась и проживает в с.Черновка Свободненского района.

Лебедева Валентина Павловна, 1943 г.р. Приехала из Горьковской области. Проживает в с.Разливное Свободненского района.

Левченко Виктор Яковлевич, 1936 г.р. Родился в с.Дмитриевка Свободненского района. Проживает в с.Черновка Свободненского района. Родители приехали в Амурскую область из Украины.

Левченко Надежда Варфоломеевна, 1928 г.р. Проживает в с.Черновка Свободненского района.

Ледовская Мария Ивановна, 1918 г.р. Родилась в с.Мазаново Мазановского района. Проживает в с.Чагоян Шимановского района.

Лепёхина Тамара Тимофеевна, 1925 г.р. Родилась в с.Галки Палёнского района Кировской области. С 1956 г. проживает в с. Касаткино Архаринского района.

Лесник Валентина Артемьевна, 1930 г.р. Родилась в с.Заган Свободненского района. С 1964 г. проживает в с.Черновка Свободненского района.

Леун Татьяна Васильевна, 1927 г.р. Родилась и проживает в с.Черновка Свободненского района.

Лобанова Ева Андреевна, 1922 (?) г.р. Родилась в Украине. С 1933 (?) г. проживает в с.Черновка Свободненского района.

Луценко Л.В. Проживает в с.Разливное Свободненского района.

Мавросова Анна Павловна, 1922 г.р. В 1966 г. приехала в с.Черновку из п.Невер Сквородинского района.

Макеенко Ефросинья Филипповна, 1928 г.р. Родилась в Брянской области. С 1975 проживает в с.Сагибово Архаринского района.

Малынкина Надежда Васильевна, 1928 г.р. Родилась в Свободненском районе. Проживает в с.Черновка Свободненского района. Родители приехали в Амурскую область из Украины.

Метелева Л.Ф., 1928 г.р. Проживает в с.Ураловка Шимановского района.

Могила Иван Васильевич, 1935 г.р. Родился в Украине. С 1941 г. проживает в с.Могилёвка Архаринского района.

Морозова Любовь Романовна, 1916 г.р. Родилась в с.Чембары Свободненского района. Проживает в с.Черновка Свободненского района. Родители украинцы.

Мошегирова Мария Терентьевна, 1920 г.р. Родилась в Украине. В 1985 г. переехала в с.Марково Благовещенского района, с 1990 г. проживает в с.Черновка Свободненского района.

Мурашкина Нина Григорьевна, 1928 г.р. Родилась и проживает в с.Могилёвка Архаринского района. Отец приехал на Дальний Восток из Украины (Херсонская область), мать – из Белоруссии.

Мягчилова Маргарита Ефимовна, 1926 г.р. Родилась в г.Тамбове. С 40-х гг. проживает в с.Черновка Свободненского района.

Надежда Леонтьевна (?), 1924 г.р. Проживает в с.Ураловка Шимановского района. Родители приехали в Амурскую область из Украины.

Наконечникова Елена Анисимовна, 1934 г.р. С 1951 г. проживает в с.Чагоян Шимановского района. Отец родом из Белоруссии. Мать родилась в Амурской области, её родители переселились на Дальний Восток в 1906 (?) г.

Непомничева Валентина Андреевна, 1937 г.р. Проживает в с.Ураловка Шимановского района.

Никитина Надежда Николаевна. Родилась в с.Верхние Бузули Свободненского района. С 1955 г. проживает в с.Черновка Свободненского района. Родители приехали из Воронежа.

Никитиченко Валентина Андреевна, 1942 г.р. Родилась в Ромненском районе Амурской области. С 1970 г. проживает в с.Черновка. Родители приехали в Амурскую область с Алтая.

Ниццаков Иван Селиверстович, 1921 г.р. Родился в Брянской области. С 1971 г. проживает в с.Черновка Свободненского района.

Новикова Валентина Емельяновна, 1931 г.р. Родилась в Челябинской области. В 1940 г. переехала в г.Свободный. Проживает в с.Черновка Свободненского района.

Ноншакова Раиса Сидоровна, 1924 г.р. Родилась в Серышевском районе. Проживает в с.Черновка Свободненского района. Мать — из Воронежской области.

Орлова Л.А., 1925 г.р. Проживает в с.Кухтерин Луг Шимановского района.

Осиновская Фаина Михайловна, 1936 г.р. Проживает в с.Черновка Свободненского района.

Осиновский Борис Лаврентьевич, 1934 г.р. Проживает в с.Черновка Свободненского района.

Остроухова Л.А. Проживает в с.Разливное Свободненского района.

Павленко Т.П., 1927 г.р. Проживает в с.Ураловка Шимановского района.

Падерин Василий Андреевич, 1935 г.р. Проживает в с.Ураловка Шимановского района.

Панасенко Екатерина Ивановна, 1928 г.р. Родилась в Брянске. С 1965 г. проживает в с.Черновка Свободненского района.

Петренко Ольга Борисовна, 1922 г.р. Родилась и проживает в с.Разливное Свободненского района. Мать — из с.Ивановка Ивановского района, отец — из Сибири.

Пинтусова Мария Алексеевна, 1926 г.р. Родилась в с.Святое Рогачевского района (Белоруссия). С 1929 г. проживает в с.Черновка Свободненского района.

Пичуева Наталья Ильинична, 1940 г.р. Родилась в с.Белоногово Серышевского района. С 1954 г. проживает в с.Черновка Свободненского района.

Плакса Мария Кузьминична, 1920 г.р. Родилась в Воронежской области. С 1964 г. проживает в с.Черновка Свободненского района. Родители украинцы.

Плотникова Антонина Петровна, 1920 г.р. На Дальний Восток приехала после Великой Отечественной войны. Проживает в с.Черновка Свободненского района.

Погорелова Антонина Ивановна, 1926 г.р. Родилась и проживает в с.Черновка Свободненского района. Родители приехали в Амурскую область из Забайкалья.

Позднякова Любовь Григорьевна, 1921 г.р. Родилась в Брянской области. С 1926 г. Проживает в с.Красный Луч Архаринского района.

Полевой Михаил Борисович, 1936 г.р. Родился в Калужской области. С 1948 г. проживает в с.Иннокентьевка Архаринского района.

Понизова Раиса Николаевна, 1940 г.р. С 1958 г. проживает в с. Могилёвка Архаринского района.

Попова Елена Леонтьевна, 1924 г.р. Родилась в г.Свободном. Проживает в с.Ураловка Шимановского района.

Приходько Татьяна Алексеевна, 1951 г.р. Родилась в Воронежской области. С 1980 г. проживает в с.Черновка Свободненского района.

Прокошина Екатерина Игнатьевна, 1929 г.р. Родилась и проживает в с.Иннокентьевка Архаринского района. Мать приехала из Мордовы в 1920 г, отец родился в с.Иннокентьевка.

Протосевич Евдокия Маркеловна, 1928 г.р. Родилась в с.Заган Свободненского района. С 1964 г проживает в с. Черновка Свободненского района.

Рассолова Евгения Дмитриевна, 1923 г.р. Родилась в Псковской области. С 1951 г. проживает в с.Кухтерин Луг Шимановского района.

Редькин Василий Григорьевич, 1924 г.р. Родился в Белоруссии, вскоре вместе с родителями переехал в с.Михайловка Благовещенского района. С 1959 г. проживает в с.Чембары Свободненского района.

Репешко Лидия Николаевна, 1918 г.р. Родилась в с.Украинка Серышевского района. Проживает в с.Черновка Свободненского района. Мать родом из Киева, отец — из Молдавии.

Романова Зинаида Константиновна, 1931 г.р. Родилась в Тульской области. С 1949 г. проживает в с.Дмитриевка Свободненского района.

Русецкая Нина Валентиновна, 1935 г.р. Родилась в Орловской области. С 1962 г. проживает в с.Иннокентьевка Архаринского района.

Рыжичкова Мария Фёдоровна, 1923 г.р. Родилась в с.Берёзовка Воронежской области. На Дальний Восток приехала после Великой Отечественной войны. Проживает в с.Красный Луг Архаринского района.

Саяпина Нина Михайловна, 1939 г.р. Проживает в с.Кухтерин Луг Шимановского района.

Селенчук Анна Иннокентьевна, 1935 г.р. Родилась и проживает в с.Черновка Свободненского района.

Семченко Валентина Петровна, 1934 г.р. Родилась в г.Ташкенте. С 1952 г. проживает в с.Черновка Свободненского района.

Сергиенко Анна Кондратьевна, 1920 (?) г.р. Родилась и проживает в с.Кухтерин Луг Шимановского района. Родители приехали из Украины в 1909 (?) г.

Симоненко Константин Александрович, 1929 г.р. Родился в с.Аяк Шимановского района. С 1950 г. проживает в с.Ураловка Шимановского района.

Синельникова Анна Михайловна, 1921 г.р. Родилась в г.Благовещенске. Проживает в с. Чагоян Шимановского района.

Скрипченко Иван Николаевич, 1911 г.р. Родился в с.Петровка Воронежской области. Проживает в с.Черновка Свободненского района.

Скрынник Татьяна Анисимовна, 1939 г.р. В 1960 г. переехала в с.Черновку Свободненского района, раньше жила в с.Чембары Свободненского района.

Сластин Сергей Климович, 1928 (?) г.р. С 1933 г. проживает в с.Ураловка Шимановского района.

Сластина Евдокия Филипповна, 1926 г.р. Родилась и проживает в с.Заган Свободненского района. Отец приехал в Амурскую область из Забайкалья, мать родилась в с.Голубое Свободненского района.

Смирнова Мария Осиповна, 1929 г.р. Родилась и проживает в с.Грибовка Архаринского района. Отец приехал на Дальний Восток из Украины в 1898 г., мать – из Могилёвской губернии в 1897 г.

Смолкина Елена Кузьминична, 1941 г.р. Родилась в Курской области. Проживает в с.Черновка Свободненского района.

Смык Галина Артемовна, 1927 г.р. Родилась в Брянской области. С 1951 г. проживает в с.Разливное Свободненского района.

Сóколова Валентина Ивановна, 1926 г.р. Родилась в г.Шимановске. С 1998 г. проживает в с.Черновка Свободненского района.

Соловьёва Мария Алексеевна, 1927 г.р. Родилась в Мазановском районе. С 1939 г. проживает в с.Черновка Свободненского района. Родители приехали из Белоруссии.

Стрункина Екатерина Семёновна. Проживает в с.Черновка Свободненского района.

Тарамурина Валентина Гавриловна, 1921 г.р. Родилась в Полтаве. С 1941 г. живет в с.Черновка Свободненского района.

Терещенко Анна Тимофеевна, 1929 г.р. Родилась и проживает в с.Касаткино Архаринского района. Родители переселились на Дальний Восток в 1926 г. из с.Тарасовка Большеписарьевского района Сумской области (Украина).

Тихомирова Вера Степановна, 1929 г.р. Родилась и проживает в с.Касаткино Архаринского района. Родители приехали на Дальний Восток в 1928 г. из Татарии.

Тихонова Клавдия Ивановна. Родилась в с.Улемкан Зейского района. С 1988 г. проживает в с.Черновка Свободненского района. Родители приехали в Амурскую область из Украины.

Тригубова Нина Никитична, 1936 г.р. Родилась и проживает в с.Могилёвка Архаринского района. Её прадед приехал в село в 1877 г. в числе первопоселенцев.

Трикашева Родилась в с.Михайловка Благовещенского района. С 1960 г. проживает в с.Чагоян Шимановского района.

Тугарина Людмила, 1931 г.р. Мать из г.Ульяновска, отец из г.Омска. Родилась в г.Хабаровске. В 1937 г. семью сослали в Мазановский район. С 1955 г. проживает в с.Касаткино Архаринского района.

Тюмин Аркадий Иванович, 1918 г.р. Родился в Пермской области. С 1954 г. проживает в с.Черновка Свободненского района.

Тюмина Надежда Петровна, 1921 г.р. Родилась в Белоруссии. Проживает в с.Черновка Свободненского района.

Уколова Людмила Леонтьевна, 1933 г.р. Проживает в с.Разливное Свободненского района.

Хабарова Екатерина Федоровна, 1944 г.р. С 1959 г. проживает в с.Черновка Свободненского района.

Хлыстов Михаил Власович, 1923 г.р. Родился в с.Казанка Серышевского района. Проживает в с.Черновка Свободненского района. Родители приехали в Амурскую область из Белоруссии в 1909 г.

Цыкунова Евгения Васильевна, 1912 г.р. С 1948 г. проживает в с.Ураловка Шимановского района.

Чередник Иван Степанович, 193(?) г.р. Родился в с.Дебальцево Днепропетровской области. В 1980 г. переселился в Амурскую область, с 1995 г. проживает в с.Чембары Свободненского района.

Черемных Екатерина Павловна, 1929 г.р. Родилась и проживает в с.Иннокентьевка Архаринского района. Родители переселились на Дальний Восток из Украины в 1910 г.

Черепанов Валентин Григорьевич, 1926 г.р. Родился в Мазановском районе. С 1948 г. проживает в с.Ураловка Шимановского района.

Черепанова Валентина Фёдоровна, 1937 г.р. Проживает в с.Ураловка Шимановского района.

Чернова Галина Евграфьевна, 1933 г.р. Родилась в Курганской области. С 1965 проживает в с.Иннокентьевка Архаринского района.

Черногор Антонина Андреевна, 1938 г.р. Родилась в Амурской области. С 1960 г. проживает в с.Черновка Свободненского района.

Чертов Алексей Иванович, 192(?) г.р. Проживает в с.Касаткино Архаринского района.

Чертова Зинаида Ивановна, 192(?) г.р. Проживает в с.Касаткино Архаринского района.

Чертыцкая Надежда Ивановна, 1930 г.р. С 1958 г. проживает в с.Черновка Свободненского района.

Чеушева Мария Степановна, 1929 г.р. Родилась в Калужской области. С 1950 г. проживает в с.Грибовка Архаринского района.

Чиглинцева Мария Григорьевна, 1932 г.р. Родилась в с.Янта (Приморье). Проживает в с.Грибовка Архаринского района.

Чубенко Мария Андреевна, 1924 г.р. Родилась в г.Воронеже. С 1964 г. проживает в с.Черновка Свободненского района.

Шаринкина Людмила Самойловна, 1915 г.р. Родилась в Новосибирской области. С 1941 г. проживала в п.Октябрьском Зейского района, с 1950 г. живёт в с.Кухтерин Луг Шимановского района.

Шевченко Надежда Иосифовна, 1926 г.р. Родилась в г.Могилёве. С 1942 по 1952 гг. жила с родителями в с.Журавлёвка Архаринского района, потом уехала в г.Ворошиловград (Украина). Вернулась на Дальний Восток в 70-е гг. Проживает в с.Касаткино Архаринского района.

Шепотайлов Василий Федосеевич, 1912 (?) г.р. Родился в Приморском крае, с 1946 г. проживает в с.Чембары Свободненского района.

Ширина Юлия Петровна, 1929 г.р. Родилась в Горьковской области. С 1964 г. проживает в с.Чембары Свободненского района.

Шишкина Евдокия Кузьминична, 1914 г.р. Родилась в г.Воронеже. С 1939 г. проживает в с.Москвитино Свободненского района.

Шмендель Марфа Яковлевна, 1917 г.р. Родилась в Брянской области. С 1965 г. проживает в с.Красный Луч Архаринского района.

Шубина Мария Григорьевна, 1931 г.р. Родилась в с.Усть-Пёра Свободненского района. Проживает в с.Черновка Свободненского района.

Якушина Елена Ивановна, 1922 г.р. Родилась и проживает в с.Чагоян Шимановского района. Родители приехали на Дальний Восток в 1910 г. Мать родом из Украины, отец – из Сибири.

СОБИРАТЕЛИ-УЧАСТНИКИ ЭКСПЕДИЦИИ

2000

Руководитель:

Оглезнева Елена Александровна

Преподаватели и студенты:

Акуленко Ольга

Дементьева Олеся

Дьяченко Наталья

Иванова Наталья Владимировна

Капустина Лариса

Моргунова Людмила

Попович Раиса

Старновская Татьяна

Тахаева Зинаида Ивановна

Туякова Анастасия

Ющенко Делина

2001

Руководитель:

Оглезнева Елена Александровна

Преподаватели и студенты:

Архипова Нина Геннадьевна

Белуха Наталья

Гирько Ирина

Грибкова Елена Викторовна

Зайцева Диана

Зенкова Оксана

Иванова Оксана Сергеевна

Кузнецова Ирина

Мальцева Елена

Мельникова Оксана

Назаренко Ольга

Назарова Татьяна

Нифонтова Евгения

Оглых Ирина

Федотова Марина

Хакимова Лариса

Хорош Наталья

2002

Руководитель:

Оглезнева Елена Александровна

Преподаватели и студенты:

Аркатова Татьяна

Архипова Нина Геннадьевна

Галимова Дарья Николаевна

Зверева Оксана

Игнатенко Светлана

Ляшенко Мария

Пасёмина Екатерина

Поздняк Елена

Полищук Татьяна

Полякова Яна
Радкевич Наталья
Степанова Ирина
Суховой Екатерина
Фомичева Татьяна

2003

Руководитель:

Оглезнева Елена Александровна

Преподаватели и студенты:

Архипова Нина Геннадьевна

Базарова Светлана

Волгузова Татьяна

Волошина Екатерина

Галимова Дарья Николаевна

Земерс Нелли

Калачева Александра

Лоцилина Юлия

Павлова Анастасия

Семенов Максим

Сиротина Евгения

Шакун Татьяна

Шейна Надежда

АВТОРЫ

АЛЕКСЕЕВА ГАЛИНА КУЗЬМИНИЧНА, учитель русского языка и литературы СПОШ №2 г.Благовещенска. Имеет высшую квалификационную категорию, звания «Отличник народного просвещения», «Заслуженный учитель школы Российской Федерации».

Галина Кузьминична воспитывает художественный вкус, любовь к родному слову не только на уроках, но и через внеурочную работу, осваивая на практике новые учебные программы и комплексы развивающего обучения. Она руководит научной работой школьников, является автором более десяти научно-методических публикаций по проблемам преподавания русского языка и литературы. Ведёт большую просветительскую работу среди населения.

E-mail: charli71@mail.ru

АРХИПОВА НИНА ГЕННАДЬЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии АмГУ, старший научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики

В 1993 г. окончила филологический факультет Благовещенского государственного педагогического института. В 2000 году защитила кандидатскую диссертацию в Московском государственном университете на тему «Сочетаемость слова в лексикографическом описании». Сфера научных интересов – региональная лексикология и лексикография, лексическая семантика, лингвофольклористика, этнолингвистика. Основной принцип научной деятельности состоит в убеждении, что «моральные качества ученого гораздо ценнее, чем его любые научные достижения». Экспедиция – это возможность прикоснуться к народной культуре, почувствовать силу живого русского слова и, конечно, возможность повысить собственную лингвистическую компетентность. В грандиозных планах – открытие регионального института русского языка.

E-mail: charli71@mail.ru

ГАЛИМОВА ДАРЬЯ НИКОЛАЕВНА, ассистент кафедры русской филологии

В 2001г. окончила Благовещенский государственный педуниверситет. С этого же года работает на кафедре русской филологии. Дарья Николаевна – хранительница экспедиционных материалов, благодаря ее усилиям все обработанные материалы можно считать достоверными.

В 2004 г. Дарья Николаевна поступила в аспирантуру Томского госуниверситета. Область ее научных интересов – русская метафора. Предполагается исследовать метафорическую картину мира русских говоров Приамурья.

E-mail: darja_galimova@mail.ru

ИВАНОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА, аспирант Томского госуниверситета (г.Томск)

В 1997 г. окончила Благовещенский государственный педагогический университет и работала ассистентом кафедры русской филологии АмГУ.

С 1998 г. Н.В.Иванова занималась изучением гидронимики Амурской области, главным образом, русской и эвенкийской по происхождению; названный фрагмент топонимической системы Приамурья исследовался ей в сравнительном аспекте и в аспекте освоения эвенкийских по происхождению гидронимов системой русского языка.

В настоящее время Н.В.Иванова пишет диссертационную работу, в которой исследует концептосферу народных говоров.

E-mail: nativanova@mail.ru

ЛАГУТА НИНА ВЛАДИМИРОВНА, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской филологии АмГУ.

В 1997 г. окончила Благовещенский государственный педагогический университет. В 2000 г. поступила в аспирантуру Томского госуниверситета, по окончании которой успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему

«Бытийные предложения в русских говорах Приамурья: структура, семантика функционирование». Основным источником исследования явились записи диалектной речи, сделанные от руки и на магнитной ленте, которые хранятся в лаборатории региональной лингвистики (по итогам экспедиций 2000 и 2001гг.)

E-mail: nlaguta@mail.ru

ОГЛЕЗНЕВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА, кандидат филологических наук, завкафедрой русской филологии АмГУ, руководитель лаборатории региональной лингвистики

Окончила Томский государственный университет и аспирантуру при нем. В 1996г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Номинативное поле производного имени существительного конкретной семантики в русских говорах Приамурья». Автор 42 научных и учебно- методических публикаций, 22 из которых посвящены изучению диалектного словообразования и отражению народной картины мира в производной лексике говоров. Основной исследовательский принцип – поверять теорию практикой. Экспедиция – это «погружение в стихию народной жизни, необходимое, как глоток свежего воздуха, питающий в жизненном и научном плане».

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

ПАВЛОВА АНАСТАСИЯ НИКОЛАЕВНА, студентка 4 курса филологического факультета Амурского госуниверситета. Настя отлично учится, активно занимается научно-исследовательской работой. Участвовала в фольклорно-диалектологических экспедициях 2003 и 2004гг.. тема её будущей дипломной работы связана с изучением языка фольклора.

СОСИНА НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА, ассистент и старший лаборант кафедры русской филологии.

В 1997г. окончила Благовещенский государственный педуниверситет. С этого же года работает на кафедре русской филологии. Осуществляет создание

электронной версии материалов экспедиции, без её участия была бы невозможна подготовка собранных материалов к изданию.

СТАРЫГИНА ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА, старший преподаватель кафедры русской филологии АмГУ, аспирант Томского госуниверситета.

Окончила Благовещенский государственный пединститут в 1988 г.

В 2004 г. представила к защите в Учёный совет ТГУ кандидатскую диссертацию, в которой исследуется «История Сибири» Г.Ф.Миллера как лингвистический источник.

E-mail: starygina36@mail.ru

ТУЯКОВА АНАСТАСИЯ ВЛАДИМИРОВНА, ассистент кафедры русской филологии.

В 2003 году окончила с отличием Амурский государственный университет. Тема её дипломного сочинения была связана с изучением русских заговоров. В настоящее время работает над составлением словарной картотеки русских говоров Амурской области.

E-mail: TuyaKovaAB@mail.ru

От авторов

СОДЕРЖАНИЕ

Научные публикации и библиография

<i>Архипова Н.Г., Оглезнева Е.А., Старыгина Г.М.</i> Современные амурские говоры и фольклор: из опыта полевых наблюдений	4
<i>Оглезнева Е.А.</i> Человек в диалектной картине мира (на материале производных имен существительных русских говоров Приамурья)	15
<i>Архипова Н.Г.</i> Концепт «Болезнь» в наивной языковой картине мира носителя диалекта	27
<i>Оглезнева Е.А.</i> Диалектные высказывания с ключевыми словами «раньше» и «сейчас»: лингвокультурологический анализ	36
<i>Лагута Н.В.</i> Лексическое выражение предиката в бытийных предложениях (на материале русских говоров Приамурья)	47
<i>Иванова Н.В.</i> Гидронимы русского и эвенкийского происхождения в топонимике Амурской области	55
<i>Галимова Д.Н.</i> Рассказы о китайцах, записанные от старожилов Амурских сел	60
<i>Галимова Д.Н.</i> Метафорическая картина мира русских говоров Приамурья	64
<i>Библиография 1994-2004</i>	79

Речевые портреты

<i>Архипова Н.Г.</i> Речевой портрет амурского старожила	84
Тексты и комментарии	
<i>Любовь Григорьевна Позднякова</i>	
«Мы Брянщина...»	89
«Ты дóлжна напярсть и принесть утром матери етаю катушку ниток»	91
«Такие свадьбы, дак ой-ёй-ёи были!»	91
«Сеяли, пахали, и работали, и жили...»	94
«Я не гуранка, я по-ихнему ня знаю»	97
«Усё к нулю идёт и идёт, хуже, и хуже, и хуже, и хуже, уот»	99
«Оны чёрные. Оны по-своему гиргочать»	99
«А чо пьяные, а с чаго пьяные – ня знаю»	102
<i>Комментарий</i>	103
<i>Анна Кондратьевна Сергиенко</i>	
«Всё надо было терпеть...»	114
<i>Комментарий</i>	120
<i>Мария Алексеевна Соловьёва</i>	
«Маруська, ты смотри не обижай Данька. А ты, Данько, не обижай Маруську»	126
«Он так у меня какой красивый! Он летал стрелком-радистом на самолёте...»	130
«Вот такие имена: Лямка, Климка...»	132
«Раньше от болезней сами лечили...»	134

<i>Комментарий</i>	136
Речевые жанры	
<i>Оглезнева Е.А.</i> Тематическое своеобразие жанра «Воспоминание» в русских говорах Приамурья	142
Рассказы-воспоминания	
«Дальний Восток заселен хохлами и белорусами...»	158
«Они тоже здесь родились, они ниоткуда, они коренные все тут были...»	163
«И вышло племя такое – гураны...»	164
«Хлеб-то, знаешь, оно-то божественное...»	165
«Хлеб пекли знаешь як? Як у песне пейтсся...»	168
«Хто чуть заговорыл – мама ложкой по голове – раз!»	170
«А косачи это чё-орные. Краси-ивы...»	171
«Мы самы ткали, самы пряли...»	172
«А кабана я, да, пошёл уже сам добивать...»	173
«Раньше ловили, а чичас чего-то и-и... и рыбы не стало...»	176
«Подгорну» как начну наяривать, токо пых идёт!»	177
«Мама говорила мне много, какие у них в деревне свадьбы были...»	178
«Щас песен не поём, раньше пели...»	179
«У меня мама жила, она всё травами пользовалася...»	183
«Ты можешь сама-а своими словами вылечить человека...»	186
«Это дедушка меня учил вот «месяц молодой...».	188
«...Я уж говорю, своей речи не изменю»	190
«Чагоян – это назвали китайцы...»	191
«Нас пять в семье...»	192
«Вот у церкву щас ходят...»	194
«И прышли, это-о, беляки...»	195
«Твою сямью всю живьём немцы забрали, увязли...»	197
«И ничего не поделаешь...»	200
«Раз Нестор не идёт в колхоз, значит, он знает...»	206
Словарь	
Словарь русских говоров Амурской области. Состав и структура	218
Фрагмент Словаря русских говоров Амурской области	228
А	228
Б	231
В	247
Г	261
Язык фольклора	
<i>Архипова Н.Г.</i> Из наблюдений над амурскими заговорами	275
Тексты и комментарии	
<i>Архипова Н.Г., Павлова А.Н.</i> Современный детский фольклор: особенности бытования	326

Публицистическая страница

«Кормися сам!»	382
«Пшеничка чистенькая, коровушка-кормилица...»	384
По новым местам	386

Школа

<i>Алексеева Г.К.</i> Языковая картина мира в русских говорах Приамурья. Программа школьного научного лингвистического факультатива	396
<i>Алексеева Г.К.</i> Мир человека в русских говорах Приамурья. Факультативное занятие по лингвистическому краеведению в 10 классе.	400
Историческая справка о сёлах	409
Краткие сведения об информантах	415
Собиратели диалектного и фольклорного материала	427
Авторы	429